

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

На правах рукописи

Хахалкина Елена Владимировна

ПОЛИТИКА БРИТАНСКИХ КОНСЕРВАТОРОВ
В ОТНОШЕНИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ
И ДЕКОЛОНИЗАЦИИ (1945–1964 гг.)

07.00.03 – Всеобщая история (новое и новейшее время)

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант
доктор исторических наук, доцент
Румянцев Владимир Петрович

Томск – 2016

Оглавление

Введение.....	4
1 Консервативная партия в 1945-1951 гг.: в поиске новых идеологических ориентиров.....	60
1.1 Концептуальные основы британского консерватизма.....	60
1.2 Адаптация внутривнутриполитических программных установок Консервативной партии к послевоенным реалиям.....	72
1.3 «Концепция трех окружностей» и пересмотр внешнеполитических установок консерваторов после Второй мировой войны.....	88
1.3.1 Англо-американские «особые отношения»: замыслы консерваторов и их реализация лейбористами.....	89
1.3.2 Изменения в идеологии тори в колониальной сфере как реакция на деколонизацию и политику кабинета К. Эттли.....	111
1.3.3 Британо-европейские отношения: инициативы У. Черчилля и их воплощение.....	142
2 Позиция правительств У. Черчилля и А. Идена в отношении проектов европейской интеграции и безопасности в контексте процессов деколонизации (1951-1957 гг.).....	164
2.1 Инициативы британских правительств в области интеграции и их взаимосвязь с проблемами европейской безопасности.....	164
2.2 Надежды на ослабление международной напряженности: Женевская конференция и визит Н.А. Булганина и Н.С. Хрущева в Великобританию в 1956 г.	204
2.3 Суэцкий кризис 1956 г. и его влияние на внешнюю политику Великобритании.....	223
2.4 Иммиграционные вызовы колониальной политики.....	255
3 Поиск новых идей внешнеполитической стратегии и первый кабинет Г. Макмиллана (1957-1959 гг.).....	279

3.1 Доктрина взаимозависимости и «великий проект» как новые внешнеполитические ориентиры Великобритании.....	279
3.2 Обострение германского вопроса и визит Г. Макмиллана в СССР в 1959 г.	296
3.3 Колониальная политика Соединенного Королевства и центробежные тенденции в Африке	321
4 Второй кабинет Г. Макмиллана и правительство А. Дуглас-Хьюма: балансирование между европейской и колониальной политикой (1959-1964 гг.).....	342
4.1 От оформления Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ) к переговорам об условиях членства Великобритании в Общем рынке.....	342
4.2 Переговоры Великобритании и стран ЕЭС – от противоречий к поискам компромиссов.....	367
4.3 «Год Африки» и проблемы трансформации Британской империи в Содружество.....	391
4.4 Роль миграционного фактора на переговорах Великобритании со странами ЕЭС и Акт о мигрантах Содружества 1962 г.....	421
Заключение.....	439
Список использованных источников и литературы.....	447

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность и значимость темы исследования. Современное развитие Великобритании и Европейского союза при внимательном рассмотрении удивительным образом перекликается с вызовами, с которыми европейские страны столкнулись после Второй мировой войны в 1950-е гг. Среди них: поиск оптимальной модели интеграции и противостояние британского подхода – в форме межправительственного сотрудничества и зоны свободной торговли и французского – в форме наднациональных институтов и Общего рынка, возникновение иммиграционного вопроса, обострение в условиях холодной войны проблем безопасности в европейском регионе, Ближнем и Среднем Востоке и других частях мира.

В настоящее время аналогичные процессы характеризуют состояние Евросоюза, вызвав к жизни такие проблемы как иммиграционный кризис, последствия выхода Великобритании из ЕС (так называемый Брекзит), трудности достижения соглашения по Трансатлантического Торговому и Инвестиционному Партнерству (ТТИП), замысел которого и его обсуждение перекликаются с идеями из «великих проектов» Лондона и Вашингтона рубежа 1950-х – начала 1960-х гг., и новые вызовы в сфере безопасности.

До сих пор вопросы, связанные с распадом Британской империи и участием (и неучастием) в интеграционных процессах, определившие вектор послевоенного развития Великобритании, привлекают пристальное внимание исследователей. Такое положение дел обусловлено не только проблемами миграционного характера, поразившими страны Евросоюза и имеющими прямые отсылки к периоду деколонизации, но также вновь возникшими дебатами о пределах интеграции и перспективах Европейского союза. Для Великобритании эти вопросы сопряжены с Брекзитом и задачами выхода из состава ЕС с наименьшими потерями.

Великобритания оказалась поистине в уникальном положении после Второй мировой войны. С одной стороны, в период войны она не подверглась германской оккупации и, играя важнейшую роль в «Большой тройке», являлась полноправной страной-победительницей. С другой стороны, Британия объективно несла ответственность за проведение «политики умиротворения», переосмысление которой требовало времени. Формально оставаясь центром крупнейшей империи, страна в годы войны столкнулась с всплеском национально-освободительных движений, и распад колониальной империи стал лишь вопросом времени.

После 1945 г. Соединенное Королевство поначалу пыталось продолжить внешнеполитический курс, ориентированный на глобальную роль в международных делах. Осуществление такой политики натолкнулось на препятствия серьезного финансового характера: две мировые войны, колониальные и внутренние проблемы опустошили британскую казну. В этой связи сужение внешнеполитических обязательств страны со второй половины 1940-х гг. сопровождалось переоценкой наиболее важных сфер внешней и колониальной политики.

В этих условиях – на первоначальном этапе в большей степени интуитивно, чем сознательно, – британское руководство начинает поиск нового формата своей роли в мире. Этот поиск, сопровождавшийся не только дипломатическими победами, но и очевидными просчетами, привел страну в конце 1950-х гг. к активизации своего участия в сфере европейской интеграции и некоторому снижению – во всяком случае, на уровне риторики, – значимости англо-американских отношений, которые в Лондоне после Суэцкого кризиса все меньше и меньше трактовали как «особые».

После Второй мировой войны в стремлении играть глобальную роль Великобритания сфокусировала внимание на участии в решении германского вопроса, поисках новой конфигурации системы безопасности и европейской интеграции. Эти вопросы заслонили на некоторое время проблемы, вышедшие на первый план в конце 1950-х гг., среди них – вызовы колониального и

иммиграционного характера, со временем вошедшие в повестку дня как наиболее острые проблемы внутри- и внешнеполитической жизни современной Британии.

В рассматриваемый в диссертации период обе ведущие партии – Консервативная и Лейбористская – придерживались укрепившегося в 1950-е гг. политического консенсуса, что не исключало эволюции их внешнеполитической идеологии и идентичности. Прежде всего, речь идет о консерваторах. Именно на период правления тори – с 1951 по 1964 гг. – пришлась наиболее активная фаза деколонизации, произошло переосмысление европейской интеграции и были предприняты шаги к тому, чтобы сделать отношения с США более сбалансированными и равноценными, преодолев сложившуюся зависимость от Вашингтона. Во внутренней политике лидеры партии старались придерживаться уже взятой линии на государственное регулирование, поддержание полной занятости и смешанной экономики.

Степень изученности проблемы. В отечественной историографии сюжеты, связанные с участием Британии в европейской интеграции, деколонизацией и иммиграционными проблемами, представляются мало разработанными в комплексе. Такая ситуация объясняется тем, что взаимосвязь колониальной политики и европейской интеграции особо заметна стала лишь после Суэцкого кризиса 1956 г. и требовала политического и научного осмысления. Отношение Великобритании – с самого начала непростое – к наднациональной интеграции и участие в военно-политической интеграции в Европе и мире до сих пор остается предметом пристального интереса исследователей. К сожалению, большой массив отечественной и зарубежной литературы был написан в отсутствие многих документов, остававшихся засекреченными долгое время. Некоторые из архивных материалов остаются недоступными исследователям до сих пор.

Внимание советской историографии долгое время было приковано, прежде всего, к проблемам англо-американских отношений, их «особому» характеру и сотрудничеству двух стран в рамках НАТО и других военно-политических блоках. Другие аспекты внешнеполитического курса Британии, включая политику

в области европейской интеграции, проблемы имперской и постимперской политики Великобритании попадали в поле зрения исследователей в основном в контексте холодной войны.

Отечественную историографию по этим вопросам следует разделить на два больших – советский и российский – этапы. Советская школа англоведения ковалась силами таких известных специалистов как В.Г. Трухановский, Н.А. Ерофеев, Л.Н. Сванадзе, А.Н. Красильников, А.А. Лебедев, Р.С. Овинников, Е.С. Хесин и другие.

В работах В.Г. Трухановского, долгие годы проработавшего сначала на дипломатической работе, а затем в МГИМО и Институте истории РАН, получили освещение проблемы, связанные с выстраиванием внутренней и внешней политики Туманного Альбиона в XX в¹. Если отбросить присущее работам советского периода весьма критическое отношение к действиям британской дипломатии, работы В.Г. Трухановского остаются ценными с точки зрения глубины анализа и богатого фактического материала. Перу историка принадлежат также биографии адмирала Нельсона, Б. Дизраэли, У. Черчилля и А. Идена, написанные со знанием многих нюансов политической системы Великобритании и проливающие свет на роль и значимость того или иного политика в истории страны².

Научный и общественный интерес по-прежнему представляет фигура британского дипломата и советского агента Д. Маклэйна. Маклэйн входил в известную «Кембриджскую пятерку» - сеть завербованных в 1930-е гг. советских агентов из числа высокопоставленных британских сотрудников Ми5, Ми6 и Форин оффис. В начале 1950-х гг., когда агентурная сеть была раскрыта, Маклэйн бежал в СССР, обосновался в Москве и начал сотрудничество с журналом «Международная жизнь» (писал под псевдонимом С. Мадзоевский), в

¹ Трухановский В. Г. Внешняя политика Англии после второй мировой войны (краткий очерк). М., 1957. 268 с.; Ерофеев Н. А. Английское ядерное оружие: Историко-политический аспект. М., 1985. 230 с.

² Трухановский В. Г. Уинстон Черчилль. 4-е изд., доп. М., 1989. 452 с.; Он же. Антони Иден. М., 1983. 412 с.

последующем работал в Институте мировой экономики и международных отношений РАН.

В 1972 г. была опубликована работа Д. Маклэйна «Внешняя политика Англии после Суэца»¹, с точки зрения информативности и анализа до сих пор не утратившая своей актуальности. В этой монографии автор, имевший доступ к разного рода правительственным документам, представил качественное исследование британской внешней политики после Суэцкого кризиса 1956 г., когда Лондон начал существенно сокращать свое присутствие в ряде подконтрольных ему территорий.

В целом в 1950-1970-е гг. интеграционные процессы в западноевропейском регионе характеризовались исторической наукой вслед за ее оценками руководством страны преимущественно как очередной кризис капитализма. Стремление ведущих европейских государств к объединению трактовалось как попытка преодолеть наметившийся экономический кризис и сплотить усилия перед мощью двух сверхдержав. В свою очередь, решение Великобритании вступить в Европейские сообщества однозначно рассматривалось как признак неуклонного ослабления финансовых и международных позиций страны, вынуждавших «причалить» к континенту².

В работах 1980-х гг. на основе уже накопленных знаний о британской внешней политике после войны и активном привлечении материалов прессы, выступавшей в качестве базового источника для советских историков, сделаны более развернутые, чем ранее, выводы о природе и направленности подходов Великобритании к европейской интеграции³. Однако и в научных исследованиях

¹ Маклэй Д. Внешняя политика Англии после Суэца. Пер. с англ. М. М. Кобрин. М., 1972. 460 с.

² Жигалов И. И. Современная история Великобритании (1945-1975). М., 1978. 191 с.; Его же. Прогрессивные силы Великобритании в борьбе за разоружение и мир (1956-1964). М., 1965. 286 с.; Красильников А. Н. Внешняя политика Англии и лейбористская партия (1951-1964). М., 1968. 435 с.; Овинников Р. С. Хозяева английской политики. Финансовая олигархия и внешняя политика Англии после Суэца. 1957-1966. М., 1966. 432 с.; Сванадзе Л. Н. Великобритания: консерваторы и проблемы послевоенного развития. 1945-1955. М., 1984. 349 с.; Хесин Е. С. Англия в экономике современного капитализма (процесс приспособления к новым условиям мирового развития). М., 1979. 366 с.

³ Зуев В. Н. Англия и Общий рынок. М., 1988; Колосов Г. В. Военно-политический курс Англии в Европе. М., 1984. 240 с.; Лебедев А. А. Очерки британской внешней политики (1960-1980-е годы). М., 1988. 303 с.; Стрельцова М. В. Великобритания и Западная Европа: политические аспекты. М., 1988. 188 с.

этого периода, как представляется, несколько преувеличена роль американского фактора в принятии внешнеполитических решений британским руководством и недостаточное внимание уделено другим мотивам и соображениям при формировании международно-политического курса страны. Такой пристальный интерес к англо-американским отношениям в некотором смысле заслонял от внимания отечественных специалистов другие направления внешней политики Соединенного Королевства. Такой «перекос» в освещении роли Лондона в европейских интеграционных процессах во многом объяснялся как несколько гипертрофированным – в силу политических обстоятельств – интересом ученых к действиям двух сверхдержав, так и отсутствием в тот период доступа к широкому кругу правительственных документов.

Отход от оценок, в которых присутствовали идеологические установки, намечился в 1990-е гг., когда по самому широкому спектру проблем зарубежной истории началось уточнение прежних точек зрения. В российский период историографии вопросы, связанные с эволюцией британской позиции в области интеграционного строительства на европейском континенте с опорой на новые документальные материалы, стали активно разрабатываться лишь в относительно недавнее время. Среди таких работ следует отметить изданную в 2009 г. монографию М.А. Липкина, в которой на основе широкого круга архивных материалов дан обстоятельный анализ эволюции британских подходов к европейской интеграции в период правления консерваторов и лейбористов в 1957-1974 гг.¹ В 2011 г. вышла монография этого автора, в которой рассматривается политика СССР в отношении западноевропейской интеграции в первые два послевоенных десятилетия². В монографии О.Г. Лекаренко, вышедшей в 2012 г., показана эволюция позиции США по вопросам европейской интеграции в 1955-1963 гг., при этом значительное место в работе уделено сложным дискуссиям

¹ Липкин М. А. Британия в поисках Европы: долгий путь в ЕЭС, 1957-1974 гг. СПб., 2009. 240 с.

² Он же. Советский Союз и европейская интеграция: середина 1940-х - середина 1960-х годов. М., 2011. 304 с.

между Лондоном и Вашингтоном в связи с попытками Британии создать альтернативный Общему рынку торгово-экономический блок¹.

Широкое отражение в советской историографии нашли процессы распада Британской империи, и оценка им давалась историками с резко антиколониальных позиций. Советские исследователи видели прямую взаимосвязь между созданием общего рынка и неокOLONИализмом, рассматривая попытки Великобритании и континентальных держав по проведению политики развития и включению колоний в ЕЭС на правах ассоциированных членов как стремление удержать их под своим контролем².

Такие трактовки распада Британской империи оказали заметное воздействие на изучение Суэцкого кризиса 1956 г., события которого оценивались как свидетельство неокOLONИальной сущности политики европейских держав. При этом советская историография за длительный послевоенный период накопила солидный опыт в изучении не только Суэцкого кризиса, но и других вопросов ближневосточной политике западных держав и СССР³.

Пристальное внимание советских исследователей привлекали и англо-советские отношения, которым посвящены монографии А.Н. Красильникова, В.Г. Трухановского в соавторстве с Н.К. Капитоновой, В.А. Рыжикова⁴. В этих работах авторы проследили динамику двусторонних политических отношений (после Второй мировой войны вновь приобретших сложный характер), а также торгово-экономических и культурных связей. Показано, что у обеих сторон имелись все

¹ Лекаренко О. Г. США и процесс объединения стран Западной Европы в 1955-1963 гг. Томск, 2012. 408 с.

² Вахрушев В. В. Колониальная политика империализма в послевоенный период. М., 1963. 183 с.; Его же. Национально-освободительное движение против неокOLONИализма. М., 1986. 264 с.; Его же. НеокOLONИализм и международные организации. М., 1968. 223 с.; Ерофеев Н. А. Закат Британской империи. М., 1967. 279 с.; Распад Британской империи. М., 1964. 647 с.; Судейкин А. Г. Колониальная политика лейбористской партии Англии между двумя мировыми войнами. М., 1976. 268 с.; Парфенов И. Д. Английские лейбористы и неокOLONИализм. Саратов, 1969. 79 с.; Фокеев Г. В. Они не хотят уходить. Английский колониализм в Африке после второй мировой войны. М., 1965. 291 с.

³ Беляев И. П. Египет: время президента Насера. М., 1981. 368 с.; Медведко Л. И. К востоку и западу от Суэца: Закат колониализма и маневры неокOLONИализма на Арабском Востоке. М., 1980. 368 с.; Примаков Е. М., Арутюнов Р. А. Поучительный урок. М., 1957. 56 с.; Примаков Е. М. Восток после краха колониальной системы. М., 1982. 208 с.; Он же. Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами. М., 2016. 530 с.; Туганова О. Э. Международные отношения на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1967. 295 с.

⁴ Красильников А. Н. СССР и Англия. Советско-английские отношения в 1917-1967 гг. М., 1967. 47 с.; Трухановский В. Г., Капитонова Н. К. Советско-английские отношения, 1945-1978. М., 1979. 304 с.; Рыжиков В. А. Советско-английские отношения. Основные этапы истории. М., 1987. 276 с.

шансы для значительного улучшения сотрудничества – в 1956 г., когда состоялся визит советских лидеров Н.А. Булганина и Н.С. Хрущева в Соединенное Королевство, и в 1959 г., когда в Советский Союз приезжал премьер-министр Г. Макмиллан.

Отдельную группу публикаций составляют работы, посвященные британскому консерватизму и эволюции теоретико-политических основ Консервативной партии после Второй мировой войны. Среди наиболее заметных следует назвать монографии К.С. Гаджиева, А.А. Галкина, В.А. Горбика, Л.Н. Сванадзе и других¹. В российский период изучение разных граней британского консерватизма и его эволюции продолжили Ал.А. Громыко, С.П. Перегудов, О.Б. Подвинцев, Ю.П. Рахшмир и другие².

В отдельную группу публикаций следует выделить биографии, которые в ряде случаев позволяют через жизнеописание политических деятелей уточнить мотивы их решений и дают возможность прояснить те моменты, которые сам автор мемуаров пытался скрыть, не упомянув о каких-то своих решениях вовсе или упомянув вскользь.

Биография У. Черчилля, написанная В.Г. Трухановским, выдержала не одно издание³. Несмотря на то, что общая тональность этого исследования выдержана в строго идеологическом ключе, и главный герой показан как «заклятый друг» СССР, автор рисует образ выдающегося государственного деятеля, прошедшего долгий путь к руководству страной. Черчилль возглавил кабинет в нелегкий для Великобритании час, когда от политика требовались политическая воля и

¹ Галкин А. А., Рахшмир П. Ю. Консерватизм в прошлом и настоящем. М., 1987. 204 с.; Горбик В. А. Консервативная и либеральная партии в политической системе послевоенной Англии. Киев, 1977. 224 с.; Сванадзе Л. Н. Великобритания: консерваторы и проблемы послевоенного развития. 1945-1955. М., 1984. 349 с.; Степанова Н. М. Консервативная партия и рабочий класс в послевоенной Англии. Политическое влияние на массового избирателя. М., 1972. 176 с.

² Громыко Ал. А. Политическая модернизация Великобритании: от Вестминстерской модели к плюральной модели демократии. ДИЕ РАН № 158. М., 2005. 160 с.; Он же. Модернизация партийной системы Великобритании. М., 2007. 330 с.; Современный консерватизм. / К. С. Гаджиев, С. П. Перегудов, В. А. Скороходов и др. Отв. ред. С. П. Перегудов, В. А. Скороходов. М., 1992. 262 с.; Подвинцев О. Б. Шагающие не в ногу. Из истории политической борьбы в стане британских консерваторов во второй-третьей четверти XX столетия. Пермь, 1999. 142 с.; Рахшмир П. Ю. Панорама политической науки. Пермская школа. Консерватизм и либерализм: метаморфозы консенсуса. // Полис. Политические исследования. 2005. №5. С. 60-79.

³ Трухановский В. Г. Уинстон Черчилль: Политическая биография. М., 1977. 458 с.; Он же. Уинстон Черчилль. М., 1982. 462 с.; 1989. 452 с.

обладание стратегическим мышлением. Любопытно при этом, что В.Г. Трухановский интерпретировал стремление Черчилля после смерти И.В. Сталина в 1953 г. наладить диалог с новым советским руководством как «плохое знание советской действительности», которая состояла в том, что «коренной поворот» во внешней политике Москвы был невозможен¹.

Менее критичные оценки У. Черчилля представил А.И. Уткин², представивший образ «великого политика», которого после Второй мировой войны постигла драма осознания слабеющей роли Британии в мире. Положив немало сил на создание и укрепление англо-американского союза, Черчилль стремился сделать этот союз отношениями двух равных стран, однако не мог не видеть, что в реальности Британия впадала во все большую зависимость от заокеанского союзника. «Трагедия Черчилля, - пишет А.И. Уткин, - заключалась в том, что подвластные ему материальные ресурсы не соответствовали уже прежней мировой роли страны»³.

В биографии, написанной В.Г. Трухановским и посвященной А. Идену⁴, создан образ политика и обычного человека, которому были свойственны слабости и просчеты. Несмотря на то, что книга выдержана в соответствующей времени тональности и автор, как представляется, излишне «строг» к своему герою, биография читается на одном дыхании. Яркие зарисовки о личности Идена и его отношениях с Черчиллем и другими британскими политиками значительно дополняют и «оживляют» текст.

«Сквозные» вопросы британской и европейской истории, связанные с историей холодной войны, решением германского вопроса и проблемами безопасности в затрагиваемый в монографии период, исследованы в работах Н.И.

¹ Он же. Уинстон Черчилль. М., 1989. С. 420.

² Уткин А. И. Черчилль: победитель двух войн. Смоленск, 1999. 652 с.

³ Он же. С. 634.

⁴ Трухановский В. Г. Антони Иден: страницы английской дипломатии, 30-50-е гг. М., 1974. 420 с.; Он же. Антони Иден. М., 1983. 412 с.

Егоровой, А.М. Филитова и других¹. При этом недостаточно освещенными с использованием новых документов в отечественной историографии остаются некоторые вопросы англо-советских отношений, например, визит Г. Макмиллана в Москву в 1959 г., «год Африки» и другие. Этот пробел заполнен в данной диссертации.

В 2015 г. вышло солидное издание – антология, посвященная У. Черчиллю и вошедшая в рамках четырехтомника (наряду с томами о И.В. Сталине, Ш. де Голле и Ф. Рузвельте), подготовленного к 70-летию Великой Победы. Целью антологии составители – С.Н. Полторака и А.В. Зотова – заявили «изучение личности Черчилля с учетом ментальности советского человека (россиянина)». С этой целью в книге объемом более 800 страниц представлены подборки публикаций о Черчилле. Среди них выдержки из работ историков В.Г. Трухановского, О.А. Ржешевского, А.И. Уткина и других и воспоминаний и оценок дипломатов, переводчиков и политиков².

Начало 2016 г. было отмечено выходом в свет солидного учебного пособия по британской истории³. Его авторы – преподаватели ведущих российских ВУЗов Н.К. Капитонова (МГИМО (Университет) МИД России) и Е.В. Романова (МГУ им. М.В. Ломоносова) – впервые в отечественной историографии проследили эволюцию внешней политики Великобритании с раннего Нового времени до 2014 г.

При характеристике периода после Второй мировой войны авторы исходят из того, что вектор британского внешнеполитического курса во многом определила личность У. Черчилля⁴. Большое внимание уделено анализу знаменитых речей У. Черчилля в Фултоне и Цюрихе 1946 г., задавших тон

¹ Егорова Н. И., Чубарьян А. О. Холодная война и политика разрядки: дискуссионные проблемы. М., 2003. 486 с.; Она же. История холодной войны. 1945-1991. Владимир, 2011. 224 с.; Филитов А. М. «Холодная война»: Историографические дискуссии на Западе. М., 1991; Он же. Московский визит Аденауэра 1955 г. // Россия и современный мир. 2006. №2 (51). С. 177-187; Он же. Каким путем пойдет Германия? Советские планы по германскому вопросу в 1953 г. // Россия XXI век. 2008. №2. С. 158-177.

² У. Черчилль: pro et contra, антология. / Сост., вступ. Статья, коммент. С. Н. Полторака, А. В. Зотовой. СПб., 2015. 822 с.

³ Капитонова Н. К., Романова Е. В. История внешней политики Великобритании. М., 2016. 840 с.

⁴ Там же. С. 449.

зарождающейся холодной войне и интеграционному движению в Европе. Анализируя период 1950-х гг. авторы рубежным моментом называют Суэцкий кризис 1956 г., приведший к поиску новых ориентиров во внешнеполитической стратегии страны и заметным инициативам в сфере европейской интеграции.

Действительно, переориентация внешнеполитического курса Великобритании на рубеже 1950-1960-х гг. в сторону европейской интеграции была связана с рубежным моментом в послевоенной британской истории – Суэцким кризисом 1956 г. Российские историки продолжают изучение этих событий¹. Среди современных публикаций следует отметить монографии томских исследователей М.Я. Пелипаса и В.П. Румянцева, которые обстоятельно, с привлечением западных архивных материалов, исследовали динамику внешнеполитических действий США и Великобритании в регионе Ближнего и Среднего Востока во второй половине 1940-х – начале 1960-х гг.²

В 2016 г. была издана монография В.П. Румянцева, в которой представлен анализ провозглашенной в 1957 г. Доктрины взаимозависимости на примере Ближневосточного региона. По мнению автора, Г. Макмиллану так и не удалось выстроить отношения равных партнеров между Лондоном и Вашингтоном, хотя определенные успехи были достигнуты в вопросе восстановления англо-американского доверия после Суэцкого кризиса 1956 г.³

В российской историографии переход от сложившихся в советский период негативных трактовок британского послевоенного колониализма к более взвешенному и объективному подходу обозначила вышедшая в 1995 г. монография Г.С. Остапенко «Британские консерваторы и деколонизация»⁴. Взамен термина «распад» автор предложила использовать термин

¹ Наринский М. М. Советский Союз и Суэцкий кризис 1956 г. Новые данные. // Новая и новейшая история. 2004. №2. С. 54-66; Фурсенко А.А. Россия и международные кризисы середины XX в. М., 2006. 547 с.

² Пелипас М. Я. Скованные одной цепью: США и Великобритания на Ближнем и Среднем Востоке в 1945-1956 гг. Томск, 2003. 364 с.; Румянцев В.П. Ближневосточная политика США и Великобритании в 1956-1960 гг. Томск, 2010. 356 с.

³ Румянцев В. П. «Новый фронт» администрации Дж.Ф. Кеннеди на Ближнем и Среднем Востоке (1961-1963 гг.). Томск, 2015. 404 с.

⁴ Остапенко Г. С. Британские консерваторы и деколонизация. М., 1995. 174 с.

«деколонизация», подразумевающий в широком смысле **трансформацию** [выделено *Е.Х.*] империи в Содружество и сохранение в модернизированном виде торгово-экономических, культурных и политических связей бывшей метрополией и получившими независимость странами¹.

Настоящий рывок в связи с появлением новых документов и падением «железного занавеса» совершила российская африканистика. В 1990-2000-е гг. под руководством А.Б. Давидсона и его Центра африканских исследований ИВИ РАН появились новые работы, посвященные политике Великобритании, СССР и других стран в Африке и написанные как с опорой на солидный опыт, накопленный советскими учеными, так и новые источники².

Среди других современных работ по африканистике и Британской империи следует отметить монографию саратовского ученого Никитина М.Д., в которой он исследовал феномен британского колониализма в Африке южнее Сахары сквозь призму столкновения европейской и локальной цивилизаций³.

Активно проблемы деколонизации в Африке и другие аспекты внешнеполитического курса Великобритании в период деятельности лейбористских правительств в 1945-1951 гг. с опорой на новые британские документы разрабатывает Д.И. Портнягин⁴.

Заслуживающий внимания взгляд на проблемы британской деколонизации предложила Л.В. Дериглазова. В опубликованной в 2009 г. монографии автор

¹ Сам термин «деколонизация, как считается, впервые предложил немецкий ученый Дж. М. Бонн, используя его в разделе «Империализм» в Энциклопедии социальных наук. Позднее, уже в 1950-1960-е гг. этот термин стал активнее использоваться и подразумевал «процесс отвоения народами Третьего мира независимости у колониальных властей в 1950-1960-е гг. См.: Остапенко Г. С. Британские консерваторы и деколонизация. М., 1995. С. 3.

² Давидсон А. Б., Филатова И. И. Россия и Южная Африка: три века связей. М., 2010. 330 с.; Их же. Россия и Южная Африка. Наведение мостов. М., 2012. 490 с.; Мазов С.В. Политика СССР в Западной Африке, 1956-1964 гг.: неизвестные страницы истории холодной войны. М., 2008. 335 с.; *Rax Africana*: континент и диаспора в поисках себя: сборник научных статей / Гос. ун-т - Высш. шк. экономики; отв. ред. А. Б. Давидсон. М., 2009. 437 с. Становление отечественной африканистики, 1920-е – начало 1960-х гг. Отв. ред. А.Б. Давидсон. М., 2003. 391 с.

³ Никитин М. Д. Черная Африка и британские колонизаторы: столкновение цивилизаций. Саратов, 2009. 392 с.

⁴ Портнягин Д. И. Лейбористская партия Великобритании и проблемы африканского национализма (1945–1951 гг.). // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2012. № 8. С. 71-78; Его же. «Левые понимают левых», или о влиянии советского фактора на формирование внешнеполитического курса лейбористского правительства К. Эттли. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология и международные отношения. 2011. № 4. С. 70-75.

рассмотрела характер распада Британской империи сквозь призму концепции асимметричных конфликтов, подвергнув сомнению тезис о «мирном» уходе Великобритании с подконтрольных ей территорий¹.

Малоизученным, но перспективным направлением в российской историографии представляется обращение к вопросам участия Великобритании в работе Комитетов ООН по деколонизации. Как показывают ставшие доступными архивные документы, антиколониальная деятельность ООН оказывала существенное влияние на политику европейских колониальных держав и ход холодной войны. Британские политики крайне негативно оценивали антиколониальные усилия ООН, особенно на рубеже 1950-1960-х гг., но были вынуждены принимать в них участие, корректируя свою политику с учетом решений ООН в области деколонизации. Одной из немногих работ, в которых изучены становление и послевоенная деятельность этой организации по широкому спектру проблем, включая колониализм, остается изданная в 2012 г. монография И. В. Гайдука «В лабиринтах холодной войны: СССР и США в ООН, 1945-1965 гг.»². Участие Великобритании в ООН, прежде всего, в работе комитетов по деколонизации почти не затрагивается автором, и этот пробел частично восполнен в данной диссертации.

Миграционная тематика, тесно связанная с проблемами распада Британской (и других) империи, относительно недавно попала в фокус внимания российских историков. В советский период позиция Великобритании по вопросам регулирования иммиграции не получила широкого освещения.

Такое положение дел объяснялось тем, что, во-первых, сама иммиграционная проблема вышла на повестку дня внутренней и внешней политики Великобритании и других ведущих европейских стран только к началу 1960-х гг. Потоки людей, с началом деколонизации все больше проходящие по линии «Север-Юг», воспринимались в западноевропейских странах изначально

¹ Дериглазова Л. В. Асимметричные конфликты: уравнение со многими неизвестными. Томск, 2009. 284 с.

² Гайдук И. В. В лабиринтах холодной войны: СССР и США в ООН, 1945-1965 гг. М., 2012. 340 с.

как «временные». Однако довольно скоро такое краткое пребывание иммигрантов на территориях принимающих стран приобрело постоянный характер, и вывело иммиграционные вопросы в качестве наиболее приоритетных в политическую повестку дня. Во-вторых, только в 1960-е гг., в период активной фазы распада мировой колониальной системы, начинается отход зарубежных ученых – социальных антропологов и социологов – от восприятия традиционных обществ как «примитивных», и становится возможна критика колониальных властей и управления. Начался новый этап в изучении колониальных и постколониальных обществ.

Неудивительно поэтому, что те немногие советские работы, которые были посвящены миграционным и мультирасовым проблемам Великобритании, были написаны в основном не историками, а этнографами (термин «антропология» в советской науке не использовался и остается относительно новым даже для российской историографии)¹. Стоит при этом заметить, что эти публикации с точки зрения фактического содержания и объективности оценок до сих пор не потеряли своей актуальности.

Историки к комплексному изучению иммиграционных проблем подключились преимущественно с 2000-х гг., поэтому отдельные монографии, посвященные вопросам становления миграционной политики Великобритании после Второй мировой войны в длительной исторической ретроспективе, практически отсутствуют. Их нехватку на данном этапе компенсируют отдельные публикации историков, этнографов и антропологов по иммиграционным вопросам и задачам интеграции иностранцев².

¹ Квашнин Ю. Д. Иностранцы рабочие в Западной Европе: 1960-е – начало 1970-х гг. / Ю. Д. Квашнин. – М.: Наука, 1976. – 198 с.; Козлов В. И. Иммигранты и этно-расовые проблемы в Британии. М., 1987. 204 с.; Западная Европа: проблемы рабочих-иммигрантов: научно-аналитический обзор. М., 1990. 47 с.; Миграции и мигранты в мире капитала: исторические судьбы и современное положение. Киев, 1990. 184 с.; Павленко А. П. Европейские иммигранты в Великобритании. // Расы и народы. 1976. № 6. С. 162-173.

² См.: Малахов В. С. Интеграция мигрантов: концепции и практики. М., 2015. 272 с.; Он же. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М., 2014. 232 с.; Очерки о европейской идентичности и многокультурности: сб. под ред. М. Ю. Мартыновой. М., 2013. 480 с.; Садыкова Л. Р. Мусульмане в Великобритании. // Новая и новейшая история. 2013. № 5. С. 204-209; Фоменко С. В. Об изменении модели интеграции иммигрантов в современных Великобритании и Франции // *Imagines mundi*. Альманах исследований всеобщей истории XVI – XX вв. № 8. Серия Альбионика. Вып. 4. Екатеринбург, 2013. С. 205-215; Черкашов А. С.

При этом следует отметить, что к настоящему времени на научном и политическом уровнях произошли изменения в использовании и написании терминов «черные» или «цветные» иммигранты. Эти определения расовой принадлежности на письме берутся в кавычки, хотя в отечественной историографии вслед за зарубежной наметилась тенденция к замене этих выражений на «выходцев из Азии, Африки и пр.»¹. В британских же документах соответствующего периода термин «цветная иммиграция» фигурирует без кавычек, как и во многих западных работах.

Разумеется, проблемы мультирасовых обществ не сводятся к расстановке кавычек или замене «неудобных» выражений нейтральными формулировками. Как представляется, на фоне современных проблем в миграционной сфере не только в европейских государствах, но и в других странах, вопросы иммиграции и расовой дискриминации требуют их обсуждения с учетом и не вполне «приглядных» страниц.

Отдельные сюжеты истории Великобритании, в том числе по колониализму и миграционным проблемам, представлены в серии выпусков «Россия и Британия», издаваемых в рамках Ассоциации британских исследований Института Всеобщей истории (ИВИ) РАН и изданиях Центра африканских исследований ИВИ РАН. Статьи по британским исследованиям публикуются также в серии «Альбионика» в рамках альманаха «*Imagines Mundi*» под эгидой Исторического факультета Уральского федерального университета им. первого президента России Б.Н. Ельцина. Также в серии «*Rex Britannica*» издаются «Британские исследования»².

Консервативная партия и иммиграционный вопрос в Великобритании: изменение партийной программы в рамках трудового вопроса (1959-1964 гг.). // Вестник гуманитарного научного образования. 2011. № 1. С. 08-13; Чернышов Ю. Г. Ксенофобия в условиях кризиса идентичности: к проблеме интеграции мигрантов. // Дневник АШПИ. 2014. № 30. С. 36-41.

¹ См. например: Остапенко Г. С. Лейбористы и политика мультикультурализма. // Дилеммы Британии. Поиск путей развития. Под ред. Ал. А. Громько, Е. В. Ананьевой. М., 2014. С. 229.

² См. например: *Imagines Mundi*: Альманах исследований всеобщей истории XVI-XX вв. Отв. ред. А. Г. Чевтаев. Екатеринбург, 2003. 188 с.; Британские исследования. Вып. 4. Отв. ред. В. Ю. Апрыщенко. СПб., 2014. 428 с.

Большую работу в области англоведения ведет Институт Европы РАН, сотрудниками которого разрабатывается самый широкий спектр проблем не только по британской истории, но и по вопросам развития Европейского союза. В контексте данного исследования полезным было обращением к коллективным монографиям серии «Старый Свет – новые времена», посвященным изучению истории Великобритании (с прицелом на историческую ретроспективу), проблем безопасности и роли ЕС как крупного международного игрока¹.

Помимо работ отечественных специалистов, в диссертации были использованы научные труды западных авторов. Анализируя зарубежную историографию по вопросам британской позиции в «европейском вопросе» и деколонизации, следует заметить, что она более обширна и разнообразна, чем отечественная, и условно ее можно разделить на три большие группы.

Первую группу составляют монографии, написанные в конце 1950-х-1970-е гг. по следам крупных европейских проектов в сфере интеграции и реакции на них Великобритании. Среди таких не потерявших своей ценности публикаций следует назвать работы Г. Хейзера, М. Кэмпс, Н. Белофф, Д. Миддлтона и других². Особенностью этого периода историографии являлось стремление исследователей сосредоточиться на экономических и политических факторах взаимодействия Великобритании с европейским континентом с опорой на более скромный, чем в настоящее время, круг источников. В этот временной отрезок архивные материалы по первым послевоенным годам были закрыты, не позволив

¹ Европейский союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность. Под общей ред. Ал. А. Громыко и М. Г. Носова. М., 2015. 592 с.; Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы. Под общ. ред. Ал. А. Громыко и В. П. Фёдорова. М., 2014. 704 с.; Безопасность Европы. / Под ред. В. В. Журкина. М., 2011. 748 с.; Великобритания: эпоха реформ. Под ред. Ал. А. Громыко. М., 2007. 536 с.; Дилеммы Британии. Поиск путей развития. М., 2014. 459 с.

² Beloff N. The General Says No. Britain's Exclusion from Europe. L., 1963. 287 p.; Idem. Transit of Britain. A Report on Britain's Changing Role in the Post-war World. L., 1973. 288 p.; Britain and the European Communities. Background to the Negotiations. L., 1962. 50 p.; Camps M. Britain and the European Community. 1955-1963. New Jersey, 1964. 547 p.; Heiser H. J. British Policy with Regard to the Unification Efforts on the European Continent. Netherlands, 1959. 121 p.; Lieber R.J. British Politics and European Unity. Parties, Elites and Pressure Groups. Barkley, 1970. 317 p.; Middleton D. The Supreme Choice. Britain and Europe. N.Y., 1963. 303 p.; Northedge F. S. British Foreign Policy: The Process of Readjustment 1945-1961. L., 1962. 344 p.; Northedge F. S., Grieve M. J. A Hundred Years of International Relations. N.Y., 1971. 397 p.

исследователям в полной мере изучить эволюцию британских взглядов на европейскую интеграцию.

Ко второй группе следует отнести монографии, написанные в 1980-1990-е гг. Историки в этот период подошли к изучению политики Великобритании в сфере европейской интеграции более объективно в связи с тем, что большая часть архивных материалов (Великобритании и других стран) стала доступна исследователям¹. В работах этой группы произошла частичная «реабилитация» британской политики в отношении наднациональной интеграции. Историки уже на основе более широкого круга документов получили возможность уточнить прежние оценки и сделать выводы о том, что отношение Туманного Альбиона к интеграционным инициативам на континенте не было статичным и прохладным, наоборот, в Лондон в ряде случаев активно искали пути более глубокого взаимодействия с европейскими странами и выдвигали заметные инициативы.

К третьей группе можно отнести работы, написанные в 2000-е гг. Новый этап в историографии был обозначен фундаментальной работой историка-экономиста из Великобритании А. С. Милварда². В монографии, вызвавшей широкий научный отклик по всему миру, автор скрупулезно и тщательно разобрал каждый шаг британских кабинетов в области европейской интеграции и поставил вопрос о совместимости самой наднациональной модели с экономическими и внешнеполитическими интересами Британии. Основной посыл книги состоит в том, что проблема «особой позиции» Великобритании в ЕС не столько в том, что страна была «неудобным» партнером (эпитет, вынесенный в название известной книги С. Джорджа³ и до сих пор активно используемый

¹ Beloff L. Britain and European Union. Dialogue of the Deaf. L., 1996. 181 p.; Greenwood S. Britain and European Integration since the Second World War. N.Y., 1996. 378 p. Britain For and Against Europe. British politics and the Question of European integration. Ed. by D. Baker and D. Seawright. Oxford, 1998. 272 p.; Kaiser W. Using Europe, Abusing the Europeans: Britain and European Integration, 1945-1963. Basingstoke, 1996. 274 p.; Sanders D. Losing an Empire, Finding a Role: British foreign policy since 1945. L., 1990. 349 p.; Sampson A. The Changing Anatomy of Britain. L., 1982. 462 p.; Tratt J. The Macmillan Government and Europe. A Study in the Process of Policy Development. Basingstoke, 1996. 238 p.; Urwin D. W. A Dictionary of European History and Politics. 1945-1995. L., 1996. 493 p.; Idem. The Community of Europe. A History of European Integration since 1945. Second edition. L., N.Y., 1995. 292 p.; Young J. W. Britain and European Unity, 1945-1999. Second ed. Basingstoke, 2000. 272 p.

² Milward A. S. The Rise and Fall of a National Strategy. 1945-1963. L., 2002. 512 p.

³ George S. An Awkward Partner: Britain in the European Community. L., N.Y., 1990. 298 p.

историками и политиками), сколько в том, что наднациональный формат интеграции подходит не всем странам. Итоги недавнего референдума по Брекзиту и периодические всплески центробежных тенденций внутри ЕС подтверждают этот вывод.

Особенностью других работ современного периода зарубежной историографии является рассмотрение британской политики в области европейской интеграции во взаимосвязи с другими направлениями внутри- и внешнеполитического курса страны в более длительной исторической ретроспективе. Как правило, точкой отсчета служит 1945 г. как начало нового периода в британской истории, когда обозначилось явное и неуклонное ослабление международных позиций страны¹.

Отдельную группу исследований составляют биографии. В последние годы произошел всплеск интереса к фигуре У. Черчилля, среди наиболее заметных работ следует назвать солидные исследования Б. Тенненбаума, М. Гилберта, У. Манчестера и П. Рейда и других². Двухтомное биографическое исследование А. Хорна, посвященное Г. Макмиллану, изобилует огромным количеством любопытных зарисовок, характеризующих его личность³. Автор провел тщательный анализ мемуаров и дневниковых записей Макмиллана, не упустив ни одного важного события из жизни своего героя. Однако это исследование по некоторым параметрам все же представляется несколько устаревшим, например, в оценках советской внешней политики. Сказалась на этих негативных выводах, вероятно, и нехватка соответствующих документальных материалов.

В начале 2000-х гг. в связи с осмыслением открытых британских архивов обозначилась новая волна интереса к фигуре Г. Макмиллана. Были опубликованы

¹ Britain, the Commonwealth and Europe: The Commonwealth and Britain's Applications to Join the European Communities. Ed. by A. May. Basingstoke, N.Y., 2001. 188 p.; Crowson N. J. The Conservative Party and European Integration since 1945. At the heart of Europe? L., N.Y., 2007. 306 p. Gowland D., Turner A., Wright A. Britain and European Integration since 1945. On the Sidelines. L., N.Y., 2010. 301 p.; Wall S. The Official History of Britain and the European Community. Vol. II. From Rejection to Referendum, 1963-1975. N.Y., 2013. 453 p.

² Тенненбаум Б. Черчилль на вершине власти. Пер. с англ. М., 2014. 512 с.; Манчестер У., Рейд П. Уинстон Спенсер Черчилль. Защитник королевства. Вершина политической карьеры. 1940-1965. Пер. с англ. М., 2016. 1181 с.; Гилберт М. Черчилль: биография. Пер. с англ. М., 2015. 1053 с.

³ Horne A. Harold Macmillan. Vol. I. 1894-1956. L., 1989. 560 p.; Horne A. Harold Macmillan. Vol. II. 1957-1986. L., 1989. 739 p.

работы таких авторов как Р. Джеральд Хьюз, К. Ньюман, Д. Торп, Ч. Уильямс¹. Отличием этих исследований от опубликованных ранее является более разнообразный источниковый материал, однако при написании отдельных сюжетов, например, связанных с англо-советскими отношениями, в этих работах ощущается явная нехватка советских архивных материалов и мемуарной литературы. По этой причине оценки советских лидеров и позиции Москвы по ряду международных проблем выглядят чрезмерно упрощенными и зачастую не корректными.

Зарубежная историография по проблемам Британской империи и деколонизации представлена, по сравнению с отечественной, большей полнотой и разнообразием, и в ней можно выделить разные историографические школы. В 1960-е гг. стала складываться школа «империалистической истории». К ней принадлежат такие историки как С. Барнетт, Дж. Дарвин, Т.О. Ллойд, Р.У. Льюис, Д. Голдсуорси, У. Киркман, Дж. Чемберлен и другие². Для их работ, написанных в 1960-1990-е гг., характерно понимание Британской империи и процессов деколонизации через экономические, политические и культурные отношения метрополии и колоний, проведение сравнительного анализа разных моделей деколонизации – британской, французской и других³.

В логике этой историографической школы написана фундаментальная работа одного из признанного эксперта по истории британского колониализма П. Брендона «Упадок и разрушение Британской империи, 1781-1997»⁴. Название книги перекликается с идентичным названием известной работы английского

¹ Gerald Hughes R. Britain, Germany and the Cold War: the Search for a European Détente. 1949-1967. L., N.Y., 2007. 253 p.; Newman K. Macmillan, Khrushchev and the Berlin Crisis, 1958-1960. N.Y., 2007. 227 p.; Thorpe D. R. Supermac: The life of Harold Macmillan. L., 2010. 912 p.; Williams Ch. Harold Macmillan. L., 2009. 560 p.

² Barnett C. The Collapse of British Power. Gloucester, 1972. 643 p.; Darwin J. Britain and Decolonization. The Retreat from Empire in the Post-war World. N.Y., 1988. 383 p.; Goldsworthy D. Colonial Issues in British politics. 1945-1961. From "Colonial Development" to "Wind of Change". Oxford, 1971. 425 p.; Hargreaves J. D. Decolonization in Africa. L., N.Y., 1988. 263 p.; Kirkman W. P. Uncrambling an Empire. A Critique of British Colonial Policy. 1956-1966. L., 1966. 218 p.; Lloyd T.O. Empire to Welfare State: English History 1906-1976. Second edition. Oxford, 1979. 511 p.; Louis R. Wm. Imperialism at Bay: The United States and the Decolonization of the British Empire. Oxford, 1977. 595 p. Sanders D. Losing an Empire, Finding a Role: British foreign policy since 1945. L., 1990. 349 p.

³ Decolonization and After. The British and French experience. Ed. by W. H. Morris-Jones and G. Fischer. L., 1980. 396 p.; Chamberlain M. E. Decolonization. L., N.Y., 1985. 140 p.

⁴ Брендон П. Упадок и разрушение Британской империи, 1781-1997. М., 2011. 957 с.

историка Эд. Гиббона, написавшего фундаментальное исследование о закате Римской империи. П. Брендон объяснил такое сходство названий масштабами той и другой империй и поставил целью «оценить последствия такого колоссального разрушения», какое пережила Британская колониальная система¹. Английский историк скрупулезно, с использованием впечатляюще широкого круга источников и литературы, разобрал процесс «упадка и разрушения», начиная с отделения американских колоний от метрополии и завершая Фолклендской войной и потерей Гонконга.

Однако обретение североамериканскими колониями независимости как точка отсчета в процессе «упадка» Британской империи все-таки вызывает сомнения. На обозначенный автором период «упадка» империи пришелся рассвет британского колониального могущества, появился термин «Британская империя», состоялось рождение Содружества. Сам Брендон во вступительном слове указывает на то, что в его книге «содержится много эпизодов, хотя меньший упор делается на победах, а больший – на трагедиях и провалах, которые подорвали империю»². Монография изобилует множеством деталей, которые делают книгу привлекательной не только с научной, но и с художественной точки зрения.

Без преувеличения одним из крупных специалистов по проблемам империй и империализма является американский историк У.Р. Льюис. Большое количество работ Льюис посвятил изучению Британской империи и вопросам деколонизации. Особое внимание исследователь уделил событиям осени 1956 г. и роли американского фактора (в лице Дж.Ф. Даллеса) и фактора ООН в провале и последствиях тройственной англо-франко-израильской интервенции в Египет в 1956 г.³

Перспективным научным направлением представляется предложенное У.Р. Льюисом понимание Британской империи в рамках концепции фронта⁴. Эту

¹ Там же. С. 13-14.

² Там же. С. 21.

³ Louis R. Wm. Ends of British Imperialism: The Scramble for Empire, Suez and Decolonization: Collected Essays. L., N.Y., 2006. 1066 p.

⁴ Ibid. P. 500-502.

теорию, как известно, в конце XIX в. сформулировал американский историк Ф. Дж. Тёрнер, согласно которому благодаря освоению американского Дикого Запада и постоянному продвижению фронта – подвижной границы - в США появились и развивались демократические институты, гражданское общество и особые ментальные характеристики американской нации. Неслучайно, фронт был обозначен им как «полоса наиболее быстрой и эффективной американизации»¹.

В дальнейшем эта концепция нашла выражение во внешней политике США – постоянное распространение влияния Вашингтона на другие территории за пределами континента (фронт исчерпал себя к началу XX в.) стало рассматриваться как главное условие процветания и укрепления международных позиций Соединенных Штатов. По мнению У.Р. Льюиса, появление программы «Новых рубежей» Дж.Ф. Кеннеди (или более корректный перевод – «программа нового фронта») означало, что «имперские фронты Европы прекратили свое существование», и место европейских метрополий в мире заняли США².

В 2000-е гг. на смену «империалистической истории» пришла «новая империалистическая история» или постколониальная история. Работы в рамках школы связаны с осмыслением Британской империи как «культурного проекта», в котором происходило культурное взаимовлияние и взаимодействие метрополии и колоний.

Выразителем этой концепции стал профессор Оксфордского университета Дж. Дарвин, который рассматривает Британскую империю как «глобальный феномен», включающий три ключевых элемента: «переселенческая империя “белых доминионов”», «коммерческая империя Лондонского Сити» и «Большая Индия», которая обеспечивала рынки, трудовую и военную силу³. При этом стоит заметить, что Дж. Дарвин, как и У.Р. Льюис, первоначально работали в рамках

¹ Тёрнер Ф. Дж. Фронт в американской истории / Пер. с англ. М., 2009. С. 15.

² Louis R. Wm. Ends of British Imperialism. The Scramble for Empire, Suez and Decolonization. L., N.Y., 2006. P. 502.

³ Darwin J. The Empire Project. The Rise and Fall of the British-World System. 1830-1970. Cambridge, 2009. 818 p.; Idem. Unfinished Empire: The Global Expansion of Britain. L., 2013. 496 p.

«империалистической школы», со временем предложив свой взгляд на изучаемые проблемы.

Понимание Британской империи как культурного проекта предпринято и в работе известного историка шотландского происхождения Н. Фергюсона «Империя: чем современный мир обязан Британии»¹. В этой фундаментальной работе автор подвергает сомнению распространенное, по его мнению, утверждение о том, что Британская империя «в конечном счете была злом»². Фергюсон на разнообразном материале показывает эволюцию представлений империи о самой себе и о входивших в ее состав территорий и народах в длительной ретроспективе. Автор справедливо считает, что империя не ушла безвозвратно в прошлое, эстафету подхватили США, которые, отрицая свою имперскость, в реальности повторяют ошибки Великобритании. Отвечая же на вопрос о том, являлась ли Британская империя «злом», Н. Фергюсон приходит к выводу о том, что «британское правление в значительное степени привело к благоприятному результату» и «...почти все государства, возникшие в результате крушения колониальной системы и не скатившиеся к диктатуре, – бывшие английские колонии»³.

В последние годы еще одним новым направлением в зарубежной историографии становится изучение «Британского мира» (British World). Под этим почти неизвестным в российской исторической науке термином западные историки призывают понимать территории, которые в разное время входили в состав Британской империи и в настоящее время частично составляют Содружество. Внутри «Британского мира» (важно подчеркнуть, более широкого по своему географическому охвату, чем Содружество) наблюдаются интенсивные миграционные потоки, и часть его жителей в той или иной степени соотносит себя с Великобританией.

¹ Фергюсон Н. Империя: чем современный мир обязан Британии. М., 2013. 560 с.

² Там же. С. 15.

³ Там же. С. 485-486.

Модель «Британского мира», представленная в коллективной работе признанных ученых в области исследований британского колониализма «Империя, миграция и идентичность в Британском мире», основана на «трех китах» – «диаспора, культура и идентичность»¹. Под таким углом зрения особо пристальное внимание уделяется проблемам идентичности, мобильности и гендерным вопросам в странах, составляющих «Британский мир».

Зарубежная историческая наука также активно пополняется работами, посвященными Суэцкому кризису 1956 г. и его воздействия на пересмотр внешнеполитического курса Великобритании. К полувековой годовщине кризиса обозначилось новое направление в британской историографии, в рамках которого историки-ревизионисты, такие как С. Смит, С. Моби, Н. Эштон² и другие, предложили новый взгляд на Суэцкий кризис и деколонизацию. Так, С. Смит подвергает сомнению устоявшийся в научной литературе тезис о стремлении США в 1950-е гг. вытеснить Великобританию с территорий Ближнего и Среднего Востока и занять ее место. В своих работах он аргументированно доказывает, что уход Британии из Ближневосточного региона не во всех случаях соответствовал интересам США. С. Смит также подвергает сомнению взгляд на Суэцкий кризис как начало нового курса в британской внешней политике.

Продолжая изучение разных граней феномена деколонизации в настоящее время, исследователи подчеркивают его «множественный» мультидисциплинарный характер. Вероятно, этим можно объяснить серьезные «технические» трудности в поиске материалов, разбросанных в архивах по разным рубрикам³.

¹ Empire, Migration and Identity in the British World. Ed. by Fedorowich K., Thompson A. S. Manchester, 2013. 336 p.

² Ashton N. J. Kennedy, Macmillan and the Cold War. The Irony of Interdependence. L., N.Y., 2002. 288 p.; Idem. Harold Macmillan and the “Golden Days” of Anglo-American Relations Revisited, 1957-1963. // Diplomatic History. Vol. 29. No 4 (September 2005). 2005. P. 691-723; Smith S. Ending Empire in the Middle East: Britain, the United States and Post-War Decolonization, 1945-1963. L., 2012.

³ Так, в рубрике фонда под названием «Нигерия» в Национальном архиве Великобритании исследователь может отыскать не только правительственные документы, касающиеся принятия решений, но и стенограммы дебатов о нигерийских детях, воспитывавшихся в белых семьях и другие материалы. См. подробнее: Bailkin J. Where Did the Empire Go? Archives and Decolonization in Britain. // American Historical Review. Vol. 120. No 3. June 2015. P. 884-899.

Без преувеличения, множество работ к настоящему времени в западной историографии посвящено иммиграционной политике европейских стран. Одним из важнейших, но долгое время «ускользающим» от внимания историков, было изучение мультирасовых обществ на территориях бывшей империи и складывание такого общества внутри самой Великобритании. Подтверждая в 1948 г. право свободного въезда для выходцев из колоний и стран Содружества, метрополия не предполагала, к каким крупным миграционным сдвигам приведет такой шаг. С 1957 г. в рамках Общего рынка, в который Великобритания на тот момент времени еще не вошла, был провозглашен принцип свободного движения лиц, товаров, капиталов и услуг, и на уже произошедшую интенсификацию миграционных потоков стали наслаиваться процессы внутренней мобильности на европейском континенте.

Воздействие таких масштабных перемещений на состояние европейских обществ до сих пор требует осмысления. Изучение иммиграционной политики Великобритании в первые послевоенные десятилетия в отрыве от рассмотрения процессов деколонизации и европейского курса представляется упрощением. Иммиграционная политика становится понятна только как «вписанная» в более широкий исторический контекст.

Миграционным сюжетам значительное внимание уделили такие зарубежные исследователи как К. Паул, И. Спенсер, М. Шейн, Г. Шеффер и другие¹. Заметный вклад в понимание феномена миграции на уровне ЕС и отдельных стран вносят работы известного британского историка Э. Геддеса², сфера интересов которого простирается от проблем развития Евросоюза до истории миграционных потоков внутри ЕС и за его пределами.

Повышенное внимание исследователей к миграционной проблематике Великобритании и других государств ЕС в наши дни объясняется ростом и

¹ Paul K. *Whitewashing Britain: Race and Citizenship in Post-War Era*. Cornell, 1997. 288 p.; Schain M. A. *The Politics of Immigration in France, Britain and the United States. A Comparative Study*. L., 2008. 334 p.; Schaefer G. *Racial Science and British Society, 1930-1962*. L., 2009. 244 p.; Spencer I. R. G. *British Immigration Policy since 1939: The Making of Multi-Racial Britain*. L., 1997. 244 p.

² Geddes A. *Britain in the European Union*. Second edition. L., 1999. 123 p.

остротой проблем, связанных с задачами интеграции иммигрантов и поиском адекватной нынешним реалиям модели, регулирующей въезд иностранцев в страну.

Новый всплеск интереса к иммиграционной политике западноевропейских стран, отмеченный в последние несколько лет, связан с начавшейся рефлексией ученых о сущности и истоках концепции мультикультурализма, провал которой признали лидеры трех государств ЕС. Последовательно премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон, президент Франции Н. Саркози и канцлер ФРГ А. Меркель в феврале 2011 г. заявили о крахе политики мультикультурализма, приведшей на практике к закреплению обособленного проживания иммигрантов и даже их маргинализации – в разных формах – в принимающих странах. Эти заявления вызвали широкий отклик внутри ЕС и за его пределами. Современный острый миграционный кризис свидетельствует о том, что на уровне отдельных стран и всего ЕС по-прежнему отсутствует рецепт по преодолению проблем легальных и нелегальных беженцев, искать которые, вероятно, следует в истоках миграционной ситуации в европейских странах после Второй мировой войны.

Актуальность, недостаточная изученность взаимосвязи процессов деколонизации и европейской интеграции в британской внешней политике в контексте миграционных проблем обусловили выбор темы диссертационного исследования.

Автор диссертации ставит **целью** определить место и роль европейской интеграции в идеологии и внешней политике консервативных правительств в контексте процессов деколонизации Британской империи в 1945-1964 г.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- определить составляющие внутри- и внешнеполитической идеологии Консервативной партии и их корректировку после Второй мировой войны в условиях начала процессов деколонизации и экономического ослабления Великобритании;

- выявить отношение консерваторов к политике лейбористов в контексте концепции «трех кругов» У. Черчилля как одного из элементов складывавшегося после войны двухпартийного подхода к основным вопросам внутри- и внешнеполитического курса;

- проанализировать, насколько колониальная риторика консерваторов до и после Второй мировой войны соотносилась с их действиями в отношении империи и Содружества в 1951-1964 гг.;

- раскрыть феномен деколонизации как многогранного сложного явления, понимание которого не сводилось к утрате или распаду империи, а, наоборот, обусловило трансформацию в Содружество и заложило основы политики развития;

- выявить место иммиграционной проблематики во второй половине 1940-начале 1960-х гг. в дискуссиях о деколонизации и поиске новой роли Британии в европейских делах;

- определить, с какого времени можно говорить об «иммиграционной политике» Великобритании как целенаправленном курсе в отношении прибывающих в страну иностранцев;

- дать оценку британским инициативам в области европейской интеграции и их взаимосвязь с попытками консерваторов укрепить позиции страны внутри империи и Содружестве;

- определить характер ухода Великобритании из империи;

- показать истоки миграционного кризиса в Европе начала XXI в. как кризиса политики развития ЕС, ориентированной, прежде всего, на отношения с бывшими колониями.

Объектом диссертационного исследования выступает внешняя политика британских консерваторов в 1945-1964 гг.

Предметом является процесс пересмотра идеологических установок партии тори в первые два десятилетия после Второй мировой войны и эволюция их

подходов к решению вопросов в сфере европейской интеграции и колониальной политики.

Хронологические рамки включают период с 1945 по 1964 гг. В этот временной отрезок произошел пересмотр внутри- и внешнеполитических установок Консервативной партии, когда она после серьезного поражения на выборах 1945 г. взяла на вооружение идеи так называемых прогрессивных тори и, фактически, сблизилась по своим программным задачам с лейбористами. Этот пересмотр теоретико-политических основ Консервативной партии и складывание политического консенсуса лейбористов и консерваторов позволили тори одержать победу на выборах 1951 г. и оставаться у власти до 1964 г.

Территориальные рамки диссертационного исследования, исходя из цели и задач работы, охватывают территорию Соединенного Королевства, Британской империи и Содружества и европейский континент. Следует иметь в виду, что на протяжении избранного автором хронологического периода территория Британской империи неуклонно сокращалась и, наоборот, увеличивался состав Содружества, но неравноценно – не все обретшие независимость страны воспользовались правом вступления в Содружество.

Научная новизна определяется недостаточной изученностью в российской исторической науке отдельных сюжетов, связанных с идеологией и политикой британских консерваторов в 1945-1964 гг. Впервые в отечественной историографии предпринята попытка раскрыть суть феномена деколонизации через его влияние на 1) эволюцию отношения британских правительственных кругов к европейской интеграции в контексте проблем безопасности; 2) корректировку колониальной идеологии и политики (появление идей колониального развития, заложивших основы современной политики развития Европейского союза, соотнесения действий Великобритании в колониальной сфере с деятельностью ООН и другие); 3) интенсивность миграционных потоков внутри ужимающейся в размерах империи и, наоборот, расширяющегося Содружества, масштабы которых обусловили введение ограничений на

свободный въезд на территорию Соединенного Королевства и вызвали к жизни серьезные миграционные проблемы. Значительный круг архивных документов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, позволили уточнить отдельные малоизвестные сюжеты и провести параллели с другими эпизодами британской политики, на взаимосвязь с которыми исследователи либо не обращали, либо обращали недостаточное внимание. Такая углубленная проработка затронутых в диссертации вопросов позволила сделать новые выводы и обобщения о сущности феномена деколонизации и европейской интеграции.

Теоретическая и практическая значимость работы определяется научной ценностью и новизной перечисленных результатов проведенного исследования.

Материалы диссертации могут быть востребованы при проведении комплексных исследований по истории Великобритании, миграционным проблемам и политике развития ЕС, а также при подготовке монографий и учебных пособий по истории Соединенного Королевства XX в. и при разработке лекционных и специальных курсов в ВУЗах и других учебных заведениях. Содержание и выводы диссертации могут быть полезны для формулирования рекомендаций в области британо-российских отношений и внешней политики Российской Федерации.

Методологической базой диссертации послужили принципы историзма и системности, позволившие рассмотреть идеологию и политику британских консерваторов в отношении европейской интеграции и деколонизации в указанный период в динамике их изменений в конкретно-исторических условиях. Привлечение таких общенаучных методов как анализ, синтез, дедукция и индукция дали возможность выделить составные элементы в изучаемых проблемах, провести необходимые обобщения, выделив в общую систему представлений частные разрозненные факты и углубить выводы по отдельным вопросам.

В связи с междисциплинарным характером диссертационного исследования были привлечены методы, которыми активно пользуются не только историки, но и политологи, антропологи и социологи. Поэтому в особую группу следует выделить методы контент-, ивент- и интент-анализа. Контент-анализ позволил провести работу с ключевыми текстами, составившими источниковую базу исследования, посредством количественного анализа таких документов как избирательные программы ведущих политических партий Великобритании и законодательные акты, прежде всего, касающиеся миграционной ситуации. Ивент-анализ или метод анализа событийных данных позволил провести работу с материалами прессы, выявив и определив характер связей между разными политическими субъектами, а также уточнить степень значимости ключевых вопросов. Интент-анализ способствовал более тщательному изучению выступлений политических деятелей с целью выявления и сопоставления «явных» и «скрытых» целей их политики. Этот метод был применен при работе с дебатами Палаты общин и публичными речами британских премьер-министров и других западных и советских политиков. Также были привлечены методы статистической обработки информации и визуального наблюдения для работы с видеоматериалами из Интернета.

Для работы с большими массивами информации были использованы специально-научные методы. Историко-генетический метод позволил раскрыть характер произошедших изменений в идеологических установках и политике британских консерваторов после Второй мировой войны. Привлечение историко-биографического метода помогло сделать уточнения в понимании процесса принятия решений по затрагиваемым в диссертации сюжетам. Историко-сравнительный метод дал возможность провести необходимые сравнения для решения поставленных в диссертации задач, связанных с определением позиции консерваторов по ряду приоритетных вопросов.

Источниковую базу исследования составили документы делопроизводства органов государственной власти Соединенного Королевства, США и СССР

(неопубликованные и опубликованные), мемуары, материалы прессы и видеоресурсы Интернета, связанные с деятельностью послевоенных кабинетов К. Эттли, У. Черчилля, А. Идена, Г. Макмиллана и А. Дуглас-Хьюма.

Неопубликованные документы и документы в электронной форме хранения, находящиеся в режиме открытого доступа

В диссертации максимально полно был использован широкий круг британских документов – кабинета министров, Форин оффис, Министерства по делам колоний, Министерства по делам Содружества, Министерства торговли, дебаты Палаты общин и другие.

Следует отметить, что в последние годы совершилась настоящая революция в архивном деле. Многие архивные материалы, еще несколько лет назад не доступные в открытом виде исследователям, в настоящее время оцифрованы и выложены на сайтах архивов или других специально созданных структур. Скорость оцифровывания документов в западных странах – прежде всего в США и европейских государствах – уже опережает работу ученых и упрощает доступ к оставшимся долгое время под грифом «совершенно секретно» материалам.

Национальный архив Великобритании

На сайте Национального архива Великобритании¹ выложены документы кабинетов (СAB 128) за период британской истории с 1915 по 1986 гг., использование которых позволяет дополнить уже имеющиеся материалы. Многие правительственные документы остаются засекреченными по настоящее время, среди них отдельные материалы по второму – наиболее интересному с точки зрения обсуждения проблем безопасности и европейской интеграции – периоду правления У. Черчилля (1951-1955 гг.), закрытые до 2054-2056 гг.

Особый интерес представляют не столько документы кабинета, сколько меморандумы под грифом «Секретно» и «Совершенно секретно» (СAB 129). Среди этих рассекреченных материалов оценки профильных министров о

¹ The National Archives of the United Kingdom. The Cabinet Papers. URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers/cabinet-gov/>

будущем стерлинговой зоны, финансовых проблемах Великобритании и связанных с этими вопросами проблемами будущего Британской империи. Ряд документов показывает, что содержание колоний уже не оправдывало себя, идеи развития колоний, получившие новый импульс после Второй мировой войны, в том числе в связи с созданием ООН, требовали финансовых затрат. Метрополии приходилось постоянно «держатъ руку на пульсе», выискивая источники экономии и постоянно уточняя наиболее приоритетные с экономической и стратегической точек зрения территории империи, которые следовало удерживать под своим контролем.

Также эти меморандумы, среди которых присутствуют разного рода проекты, дают возможность проследить эволюцию британской позиции по таким ключевым аспектам истории европейской интеграции как создание Европейской армии, проблемам «ухода» из империи, вопросам миграционной политики и введения регулирования иммиграции.

Стенограммы Палаты общин Великобритании¹, дополняющие названные правительственные документы, проливают свет на мнения парламентариев по наиболее важным вопросам. Дебаты британского парламента, доступные онлайн, имеют большое значение для понимания выработки внешнеполитического курса и реакции на него со стороны представителей разных партий.

Как известно, Палата общин в механизме выработки внешнеполитического курса Великобритании выполняет преимущественно рекомендательную и контролирующую функции. Впрочем, даже при таком устройстве нижняя палата парламента остается важным элементом в системе принятия решения, позволяя осуществлять контроль над действиями правительства. Большое значение в этом плане имеют традиционные выступления главы Форин оффис (в его отсутствие – премьер-министра) перед Палатой общин с детальным обзором международной ситуации и роли Британии в мировых процессах. Как правило, после

¹ Great Britain. Hansard. Parliament. House of Commons. Parliamentary Debates. Fifth Series. URL: <http://hansard.millbanksystems.com/>

представления таких докладов министр иностранных дел или премьер-министр держат ответ перед парламентариями, имеющими возможность задать самые острые вопросы.

В диссертации были широко использованы стенограммы таких выступлений главы Форин оффис или премьер-министра и других членов кабинета по проблемам внешней и колониальной политики, в том числе сопровождавшиеся острыми и продолжительными дебатами. Так, несомненный интерес в рамках диссертации представляют парламентские обсуждения, связанные с развитием военно-политической и экономической интеграции в Европе и мире и колониальной политикой. Некоторые дебаты оказали значительное воздействие на выработку правительственного курса. Например, яростные нападки консерваторов на лейбористов в период реализации масштабного социально-экономического проекта по выращиванию арахиса в Танганьике стали одним из решающих факторов в решении кабинета К. Эттли отказаться от реализации проекта. Сыграла свою роль позиция парламентариев в решении консервативных правительств в 1950-е гг. отложить разработанный ими Билль о регулировании иммиграции.

Как важный момент в британо-советских отношениях и проблемах европейской безопасности можно рассматривать выступление У. Черчилля в Палате общин в мае 1953 г. В этой речи премьер-министр, известный своей антисоветской риторикой, после смерти И.В. Сталина неожиданно призвал к налаживанию диалога с СССР. Это выступление носило программный характер и раскрывало не только позицию в отношении Москвы, но и вектор британского внешнеполитического курса по другим важнейшим направлениям, таким как Ближний Восток и европейская интеграция.

Интерес представляют дебаты в Палате общин в связи с планами правительства Г. Макмиллана создать зону свободной торговли в 1957-1958 гг. Со временем эти идеи привели сначала к оформлению Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ), позднее в 1961 г. к решению консерваторов подать

заявку на вступление в Общий рынок. Обращение к обсуждениям в Палате общин по этим вопросам позволяют проследить эволюцию отношения парламентариев от разных партий к идеям более глубокого торгово-экономического и политического вовлечения Великобритании в дела континента.

Архив Жана Монне в Лозанне, Швейцария¹.

В диссертации были использованы документы фондов Архива Жана Монне в Лозанне, Швейцария, на английском и французском языках, касающиеся британо-европейских отношений по вопросам наднационального интеграционного строительства. Наибольший интерес представляют аналитические записки британских и европейских политиков о роли Британии в европейской интеграции и поисках формата ее участия в европейских экономических и других структурах.

При этом экспертные оценки и комментарии политиков и экономистов в период активизации Великобритании в вопросах интеграционных процессов в западноевропейском регионе позволяют определить степень заинтересованности страны в присоединении к наднациональным структурам. Материалы Архива фонда Жана Монне включают также обращения и статьи в прессе ряда общественных и политических движений Британии, которые, говоря современным языком, можно назвать евроскептиками. Эти движения, например «Друзья Атлантического союза», состояли преимущественно из оппозиционных курсу Г. Макмиллана политиков, пытавшихся повлиять на выработку британской политики в сфере европейской интеграции и заодно привлекавших внимание к вопросам безопасности и будущему трансатлантических отношений в связи с разделением Европы на несколько торгово-экономических блоков. Сопоставление оценок экспертов и программных заявлений таких евроскептически настроенных организаций позволяет определить, какие вопросы внушали наибольшую обеспокоенность британскому политическому истеблишменту, и, наоборот, какие проблемы вызывали тревогу стран ЕЭС.

¹ Foundation Jean Monnet. URL: Jean-monnet.ch/en/the-foundations-archives/

Материалы этого архива также позволяют прояснить роль мировоззренческих или психологических факторов в попытках Великобритании «причалить» к континенту и включиться в уже созданные наднациональные структуры. Психологически населению и политической элите было сложно принять саму идею полноценного участия в Европейских сообществах и другие вопросы на этом фоне уходили на второй план.

Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ)

В диссертации были использованы неопубликованные и оцифрованные материалы из фондов Референтуры по Англии и Посольства Великобритании в СССР Архива внешней политики РФ. Эти документы позволили уточнить и дополнить динамику англо-советских отношений на завершающем этапе и после Второй мировой войны.

Документы, касающиеся британо-советского партнерства в период Великой отечественной войны, в настоящее время открыты для исследователей по всему миру. АВП РФ провел колоссальную работу по оцифровыванию около 4 тыс. архивных дел, завершив к 70-летию Победы в 2015 г. историко-документальный проект «СССР и союзники. Документы Архива МИД России о внешней политике и дипломатии ведущих держав антигитлеровской коалиции»¹. В рамках этого проекта исследователям стали доступны документы Секретариата В.М. Молотова, документы по советско-американским, советско-английским отношениям и советско-французским отношениям.

В диссертации были использованы материалы Фондов 69 и 069 «Референтура по Британии» и Фонд 162 «Посольство СССР в Великобритании». Особый интерес среди этих источников представляют документы, связанные с разработкой территориальных и геополитических основ будущего мироустройства и отношений Лондона и Москвы по вопросам границ в Польше и других странах Восточной Европы. Как известно, «польский» вопрос являлся

¹ СССР и союзники. Документы Архива МИД России о внешней политике и дипломатии ведущих держав антигитлеровской коалиции. URL: <http://agk.mid.ru/>

наиболее болезненными для британской дипломатии (и лично У. Черчилля), поднимавшей этот и другие вопросы и в послевоенный период.

Многие документы послевоенного времени не доступны исследователям в открытом виде, поэтому автор для прояснения отдельных сюжетов обращалась к неопубликованным материалам из АВП РФ. Наибольший интерес представляют документы, связанные с переходом двух стран к конфронтационному формату отношений в первые послевоенные годы и попыткам наладить диалог в наиболее острые фазы холодной войны.

В целом, в рассматриваемый в диссертации период, как свидетельствуют документальные источники, значительных прорывов в двустороннем англо-советском взаимодействии не наблюдалось, хотя отдельные попытки к этому были предприняты в ходе визита Н.А. Булганина и Н.С. Хрущева в Великобританию в апреле 1956 г. и в ходе визита Г. Макмиллана в СССР в 1959 г. Обе эти поездки отразили не только возникнувшие во второй половине 1950-х гг. надежды на ослабление международной напряженности и решение проблем европейской безопасности, но и выявили комплекс серьезных разногласий в отношениях двух стран. Однако риторика лидеров двух стран во второй половине 1940-начале 1960-х гг. отражала как исторически непростые отношения Лондона и Москвы, улучшение которых требовало длительного времени, так и намечала точки взаимодействия. В реальности, движение Лондона и Москвы навстречу друг другу было сопряжено с позицией других заинтересованных государств, прежде всего США, и Великобритании не всегда удавалось в своих интересах лавировать между двумя сверхдержавами.

Материалы АВП РФ, касающиеся непосредственно визита Г. Макмиллана в Москву в 1959 г. в контексте обсуждения и попыток решения второго Берлинского кризиса и сопряженных с ним проблем разоружения, показывают существенную роль американского фактора в налаживании англо-советских отношений и в вопросах урегулирования проблем безопасности. При этом архивные документы, что важно, доказывают высокую заинтересованность

советской стороны в развитии двусторонних отношений и улучшении торговых связей СССР и Великобритании.

С целью уточнения позиции Соединенных Штатов по затрагиваемым в диссертации сюжетам были привлечены коллекции американских документов внешнеполитического характера из серии «Форин Рилейшенз», насчитывающие 450 томов (с 1861 г.) и в настоящее время доступные через ряд Интернет-ресурсов¹.

Документы этой серии отличаются заметным разнообразием – среди них материалы из президентских библиотек, Государственного департамента и Министерства обороны, а также частные коллекции лиц, участвовавших в разработке внешнеполитического курса США. Для удобства исследователей тома систематизированы по администрациям и странам и регионам, и собранная в них документация дает возможность составить максимально полную картину по самым разным международным вопросам. При этом следует иметь в виду, что, так же как и в случае с британскими документами, отдельные материалы остаются засекреченными до сих пор.

К другим важнейшим источникам следует отнести документы электронного проекта Архива европейской интеграции, задуманного в 2003 г. в Университете Питтсбурга (США). В настоящее время Архив насчитывает более 22 тыс. оцифрованных документов по разным аспектам истории европейского интеграционного строительства². Данный ресурс содержит стенограммы, связанные с первым раундом переговоров Британии по вступлению в европейские сообщества, материалы, проясняющие процесс выработки политики развития в отношении колониальных и освободившихся от колониальной зависимости территорий.

¹ Foreign Relations of the United States (FRUS). US Department of State. Office of the Historian. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments>; Другой ресурс с фотокопиями этих документов – Библиотека Висконсинского университета. Digital Libraries Service. Libraries of Wisconsin-Madison. URL: <http://www.library.wisc.edu/digital-library-services/>

² Archive of European Integration. // <http://aei.pitt.edu/>

Ценность представляют материалы проекта Адама Мэттью, в том числе архивные документы, собираемые по всему миру с 1990-х гг. Среди таких документов – материалы по истории Британской империи и деколонизации периода премьерства Г. Макмиллана. Указанные материалы сначала распространялись на электронных носителях (дисках), а в настоящее время доступны он-лайн. Данный ресурс включает также богатый архив фотоматериалов по истории миграции и другим сюжетам¹.

Опубликованные документы

Источниковую базу исследования дополняют архивные материалы Великобритании, представленные в продолжающейся коллекции сборников «Британские документы о конце империи»².

Документы, систематизированные по разным аспектам внутри- и внешнеполитического курса Соединенного Королевства после Второй мировой войны, состоят из меморандумов и аналитических записок главы правительства и ключевых министров, стенограмм заседаний кабинета, донесений послов, материалов внутриведомственных дискуссий Форин оффис, Министерства по делам колоний и других внутри- и внешнеполитических ведомств Великобритании.

Скрупулезную работу по подборке и публикации этих материалов Национального архива Великобритании (до 2003 г. – Паблик Рекорд Оффис) осуществил коллектив сотрудников при Институте по изучению стран Содружества в Университете Лондона. Спонсорскую помощь оказал один из крупнейших и старейших фондов Великобритании для финансирования научных исследований – Леверхилм фонд. Публикацию осуществил Оффис публичной

¹ Matthew Publications. URL: <http://www.amdigital.co.uk/>

² British Documents on the End of Empire (BDEE). Series A. Vol. 2. The Labour Government and the End of Empire. 1945-1951. Part I. Ed. by R. Hyam. L., 1992. 456 p.; Part II. Ed. by R. Hyam. L., 1992. 519 p.; Part III. Ed. by R. Hyam. L., 1992. 450 p.; Part IV. Ed. by R. Hyam. L., 1992. 406 p.; BDEE. Series A. Vol. 3. The Conservative Government and the End of Empire. 1951-1957. Part I. Ed. by R. Hyam. L., 1994. 406 p; BDEE. Series A. Vol. 4. The Conservative Government and the End of Empire, 1957-1964. Part I. Ed. by R. Hyam, W. R. Louis. L., 2000. 827 p. Part II. Ed. by R. Hyam, W. R. Louis. L., 2000. 811 p.

информации Великобритании – орган, ответственный за работу Канцелярии Ее Величества (был упразднен в 2006 г.).

Данный проект, который Британская Академия инициировала еще в 1987 г., к настоящему времени представлен в виде серии сборников документов, охватывающих период с 1925 по 1971 гг. Тома Серии А включают материалы, относящиеся к Британской империи, Серии В – к истории отдельных стран, входящих в орбиту британского влияния, и Серии С – описание архивных материалов Паблик Рекорд Оффис.

Автор при написании докторской диссертации использовала тома Серии А, посвященные правительствам К. Эттли (Т. 2, в 2-х частях), У. Черчилля, А. Идена (Т. 3, в трех частях), Г. Макмиллана и А. Дуглас-Хьюма (Т. 4, в четырех частях). Редакторами каждого тома выступили известные специалисты в области колониальной истории Великобритании соответствующего периода. Так, редактор Второго тома профессор-эмерит Р. Хаям, бывший президент Магдален Колледжа, Оксфорд, продолжает читать курсы по истории Британской империи в Кембриджском университете и является автором ряда работ по колониальной истории Великобритании.

Части третьего тома, посвященного правлению консерваторов 1951-1955 гг., редактировал Д. Голдсуорси, почетный профессор Школы политических и социальных исследований при Университете Монаша, Мельбурн, Австралия. Д. Голдсуорси является автором работ по истории Британской империи и соредактором книг по истории Австралии и азиатских стран. Вместе с другим известным историком и признанным специалистом по колониальной истории Британии У.Р. Льюисом они редактировали том, посвященный правлению Г. Макмиллана и А. Дуглас-Хьюма.

Д.Дж. Мюррей и Р. Эштон, выступившие редакторами всей серии документов, в Предисловии к одному из томов охарактеризовали проект и как «важный инструмент» для понимания истории бывших британских колоний в Африке, на Ближнем и Среднем Востоке, островах Карибского бассейна (Вест-

Индия), Юго-Восточной Азии и Тихом океане, а также самой Британии¹. Этот подход представляется в полной мере реализованным – в документах отражены сложности существования мультирасовых обществ на колониальных и постколониальных территориях и проблемы культурных различий, возникшие в связи с въездом выходцев из британских колоний с другим цветом кожи территорию Соединенного Королевства.

Общий замысел публикации данных сборников документов в 1990-е – начале 2000-х гг. состоял не только в том, чтобы обеспечить исследователям доступ к рассекреченным в этот период документам, но и сформировать определенное представление о процессе «ухода» Британии из империи. В соответствии с названием проекта, содержащиеся в сборниках материалы выстроены вокруг центральной идеи – идеи империи – претерпевшей значительную эволюцию после Второй мировой войны. Британская империя была реформирована в Содружество, и на этот процесс оказывали прямое или опосредованное влияние другие направления британской внешней политики, затронутые в соответствующих томах.

При отборе документов, как представляется, авторы, хотя и не преследовали цель «обелить» политику Великобритании, все же некоторые важные сюжеты отодвинули на второй или третий план. Явно недостаточное освещение получили вопросы, связанные со сложной динамикой развития англо-американских и англо-советских отношений, проявлением расовой сегрегации в стране в первые послевоенные годы. На удивление сжатая и очевидно недостаточная информация посвящена и такому без преувеличения рубежному событию в британской истории как Суэцкий кризис.

Огромное количество документов, в соответствии с общей концепцией серии, посвящено выработке колониальной политики. При этом авторы при отборе материалов этого направления внешней политики, если судить по их репрезентативности, стремились сбалансировать документы, свидетельствующие

¹ BDEE. Series A. 1945-1951. Vol. II. Part I. L., 1992. P. VIII.

об очевидных провалах некоторых правительственных проектов, экспертно-аналитическими оценками, в которых выражались сомнения в правильности избранного курса.

Российские исследователи уже начали использовать эти, без преувеличения, уникальные материалы¹. Продолжает свое знакомство с документами указанных сборников зарубежная историография, и остается еще немало документов, на которые исследователи в силу разных причин обращают недостаточное внимание.

Огромное значение для понимания того, каким образом выстраивались приоритеты консерваторов во внешнеполитическом курсе, имеет сборник документов «Донесения в Вашингтон. 1941-1945. Еженедельные политические отчеты из Британского посольства»². Это издание по малопонятным причинам отечественные историки почти не использовали³.

Сборник документов внушительного объема представляет собой еженедельные отчеты Британской службы безопасности при британском посольстве в Вашингтоне, в основном написанные его ведущим сотрудником, историком и философом И. Берлином. Эти донесения направлялись для ознакомления в Форин оффис в Лондон с целью отслеживания динамики политического и общественного мнения США по вопросам, касавшимся настоящего и будущего англо-американских отношений.

Как поясняет автор этих документов в предисловии к ним, в Лондоне с этими отчетами ознакомился не только руководитель Форин оффис, но и другие министры, включая главу правительства У. Черчилля. Эти отчеты также

¹ См. например: Пелипась М. Я. Скованные одной цепью...; Портнягин Д. И. Лейбористская партия Великобритании и проблемы африканского национализма (1945–1951 гг.). // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2012. № 8. С. 71-78; Его же. «Левые понимают левых», или о влиянии советского фактора на формирование внешнеполитического курса лейбористского правительства К. Эттли. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология и международные отношения. 2011. № 4. С. 70-75; Дериглазова Л. В. Ассиметричные конфликты...; Румянцев В. П. Ближневосточная политика США и Великобритании...; Его же. «Новый фронт» администрации Дж. Ф. Кеннеди на Ближнем и Среднем Востоке...; Лекаренко О. Г. США и процесс объединения стран Западной Европы...

² Washington Despatches. 1941-1945. Weekly Political Reports from the British Embassy. Ed. by H.G. Nicholas. Introduction by I. Berlin. Chicago, 1981. 700 p.

³ Указанный сборник документов лишь упоминается в следующих статьях: Поздеева Л. В. Виконт Галифакс сообщает. // Новая и новейшая история. 2012. №6. С. 197-203; Печатнов В. О. Франклин Рузвельт глазами британской дипломатии (или этюд в стиле юбиляра). // Многоликость целого: из истории цивилизаций Старого и нового Света. Сб. в честь В. Л. Малькова. М., 2011. С. 310-326.

циркулировали за пределами страны, порождая разные соображения у британских политиков относительно будущего мироустройства и роли в нем Великобритании и США¹.

Особый интерес в этих отчетах представляют материалы, связанные с обсуждением двумя странами вопросов послевоенного планирования. Среди наиболее заметных тем – создание ООН, будущее американо-советских отношений, изменения в системе опеки и отношение к колониализму, нехватка продовольствия в Европе и многие другие. Особое освещение в донесениях получили подготовка и проведение выборов в Великобританию в Палату общин в 1945 г.

К сожалению, ситуация в архивах Российской Федерации, несмотря на оцифровывание материалов Второй мировой войны, отличается от состояния дел в архивных хранилищах европейских стран и США. Темпы публикации документов, и тем более их размещение в открытом доступе, крайне медленны, и, все же, в этом направлении ведется большая работа.

К 60-летию ООН увидел свет сборник документов, в котором собраны все выступления глав делегации СССР и Российской Федерации на Генеральной ассамблее ООН с 1946 г.². Это издание дает исследователям уникальную возможность определить узловые проблемы международной политики и позицию Москвы по многим вопросам. В рамках диссертационного исследования особый интерес вызвали обсуждения в ООН проблем европейской безопасности, Суэцкого и Венгерского вопросов, предложения Москвы по колониальным проблемам и другие.

Хорошим подспорьем для историков, интересующихся проблемами советской внешней политики после Второй мировой войны, стали такие сборники рассекреченных документов как «Архивы Кремля. Президиум ЦК КПСС 1954–

¹ Washington Despatches. 1941-1945.... P. VII.

² Выступления глав делегаций СССР/РФ на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН. Сб. документов. М., 2006. 828 с.

1964», «Ближневосточный конфликт: Из документов архива внешней политики РФ, 1947-1967 гг.» и другие¹.

Источники личного происхождения. Важным источником остаются мемуары. Несмотря на известную субъективность этого жанра, воспоминания государственных и политических деятелей позволяют «оживить» картину происходящих событий, внести ясность в оценки изучаемых событий и в мотивы поступков лидеров отдельных стран. Более того, появляющиеся все новые свидетельства современников и участников исследуемых в диссертации событий позволяют провести сопоставление разных взглядов на одни и те же события и верифицировать уже имеющуюся информацию.

В Великобритании сложилась давняя традиция написания мемуаров бывшими премьер-министрами. Огромное творческое наследие оставил У. Черчилль. Отношение Черчилля к созданной после Первой мировой войны системе международных отношений проясняет написанная им в межвоенный период книга «Мировой кризис»². Эта работа дает представление – довольно детальное – о сущности новых принципов мироустройства после Первой мировой войны. Британский политик критично оценивал итоги, прежде всего территориальные, послевоенного урегулирования, рассматривая их как источник новых проблем для созданной европейской системы безопасности. Этот взгляд, как известно, оказался пророческим.

К написанию фундаментальной шеститомной работы «Вторая мировая война» Черчилль приступил после поражения тори на выборах 1945 г. В этом исследовании автор подробно, со знанием военных тонкостей, разобрал все ключевые операции периода войны и привел избранную переписку с лидерами

¹ Президиум ЦК КПСС 1954–1964. Т. 1. М., 2003-2008; Ближневосточный конфликт: Из документов архива внешней политики РФ, 1947-1967 гг. в 2 тт. Т. 1. Отв. ред. В. В. Наумкин. М., 2003. 608 с.; Т. 2. М., 2003. 704 с.; Визит канцлера Аденауэра в Москву, 8-14 сентября 1955 г.: документы и материалы. Отв. ред. А. В. Загорский. М., 2005. 231 с.

² Черчилль У. Мировой кризис, 1918-1925 гг. Пер. с англ. М., 2007. 327 с.; Мировой кризис: автобиография, речи. Пер. с англ. М., 2003. 327 с.

Антигитлеровской коалиции. В 1953 г. У. Черчилль за свои произведения удостоился Нобелевской премии по литературе.

В контексте диссертационного исследования большой интерес представляет шестой том «Триумф и трагедия». В этой части работы Черчилль много внимания уделил отношениям с СССР на завершающем этапе войны в 1945 г. и «опасности» претензий И.В. Сталина на германские и другие восточноевропейские территории. Черчилль, описывая попадание Польши, Югославии и других стран в советскую зону влияния, с горечью повествовал о своих безуспешных попытках привлечь внимание США к этим процессам¹. После войны Черчилль продолжил убеждать своих западных коллег в опасности «полицейского режима» СССР для остального мира. Одним из ярких выступлений, в котором будут озвучены изложенные в книге тезисы, станет известная Фултонская речь 1946 г.

В 2003 г. была издана книга, в которой внук Черчилля – полный его тезка У.С. Черчилль – собрал наиболее яркие выступления своего выдающегося деда. Сборник этих выступлений в 2014 г. был переведен на русский язык и помогает выявить эволюцию взглядов У. Черчилля по самому широкому кругу вопросов на протяжении его яркой и долгой политической карьеры².

В 1968 г. вскоре после смерти У. Черчилля был создан Центр его имени, целью которого является «сохранение исторического наследия сэра У. Черчилля»³. На сайте центра представлена детальная биография этого, без преувеличения, выдающегося британского политика, собраны его многочисленные речи и рецензии на книги, в той или иной степени посвященные Черчиллю. Центр проводит конференции, выставки и другие мероприятия в рамках заявленной цели, которая не сводится только к «сохранению», но и включает популяризацию памяти и знаний об У. Черчилле.

А. Иден оставил уступающие своему предшественнику по объему мемуары, которые, хотя и проливают свет на многие события, все-таки выдержаны в

¹ Он же. Вторая мировая война. Т. 6. Триумф и трагедия. Пер. с англ. М., 1955. С. 474-475.

² Черчилль У. Никогда не сдаваться! Лучшие речи Черчилля. Пер. с англ. М., 2014. 643 с.

³ About the Centre. URL: <http://www.winstonchurchill.org/about/about-the-centre>

«официальном ключе»¹. Часть этих воспоминаний, посвященная Суэцкому кризису, сыгравшему роковую роль в политической судьбе Идена, была опубликована в ряде номеров журнала «Международная жизнь»².

Примечательно, что Иден в мемуарах отрицал секретное планирование совместно с Парижем и Тель-Авивом операции против Египта, хотя слухи о таких тайных военных приготовлениях появились уже с началом тройственной интервенции и особенно активно циркулировали после окончания военных действий. Автор, если судить по его оценкам собственных действий в период Суэцкого кризиса, считал свое решение добиваться возвращения Суэцкого канала под западный контроль силой оправданным и сетовал на стечение неблагоприятных обстоятельств, связанных с позицией США и лично госсекретаря Дж.Ф. Даллеса. Позднее в ряде интервью Иден признал факт спланированной совместно с Израилем и Францией операции против Египта, однако по-прежнему не считал свое решение «поставить Насера на место» ошибочным³.

События Суэцкого кризиса освещаются и в книге сына У. Черчилля. Рэндольф Черчилль был членом Консервативной партии, в годы Второй мировой войны являлся депутатом Палаты общин, занимался редакторской, журналистской и писательской деятельностью. В 1959 г. была издана его работа, посвященная А. Идену, приходившегося ему родственником – бывший премьер-министр был женат на кузине Р. Черчилля⁴. В книге автор большое внимание уделил биографии Идена и его политической карьере в межвоенный период и, особенно, в годы Второй мировой войны. Не обошел автор вниманием и события Суэцкого кризиса и их последствия, особенно с точки зрения связей с Содружеством.

¹ Eden A. Memoirs. Full Circle. L., 1960. 667 p.; Idem. The Reckoning. L., 1965. 716 p.; Idem. Facing the Dictators. L., 1962. 659 p.

² Мемуары А. Идена. // Международная жизнь. 1960. № 2. С. 132-141; № 3. С. 126-142; № 4. С. 129-137; № 5. С. 134-141.

³ См. Например: Whitman A. Career Built on Style and Dash Ended with Invasion of Egypt. January 15, 1977. URL: <http://www.nytimes.com/learning/general/onthisday/bday/0612.html>

⁴ Churchill R. The Rise and Fall of sir Anthony Eden. L., 1959. 327 p.

Любопытно, что описывая события лета-осени 1956 г., Черчилль плохо скрывает свое весьма критическое отношение к А. Идену, который, по его мнению, совершил не только промахи при планировании и проведении военной операции, но и не сумел привлечь на свою сторону доминионы – Канаду и Австралию. Признавая роль американского фактора в провале Суэцкой интервенции, Р. Черчилль опять же отнес его к просчетам Идена, не сумевшего спрогнозировать действия Вашингтона в период проходившей осенью 1956 г. избирательной кампании в США¹.

Г. Макмиллан, сменивший на посту лидера партии и в должности главы кабинета А. Идена, оставил шесть томов воспоминаний, не считая его работ, посвященных пересмотру основ британского консерватизма. Воспоминания Макмиллана отличает стремление представить свою политику как следование курсу предшественников, ориентированного на глобальную роль Великобритании. Макмиллан не только проясняет многие сюжеты, давая им свою личную оценку, но и приводит детальные записи разговоров, поясняет суть многих британских инициатив.

Значительное место в мемуарах уделено европейским инициативам. Г. Макмиллан подробно, с явным стремлением убедить читателя в огромной значимости процессов интеграции лично для него и правительства консерваторов в целом, разбирает проблемы британского участия в наднациональном интеграционном строительстве. Макмиллан с большой тщательностью, буквально по дням, излагает период переговоров по созданию промышленной зоны свободной торговли, причины провала этого потенциально прибыльного с коммерческой точки зрения проекта и создания альтернативной Общему рынку торгово-экономической группировки – Европейской ассоциации свободной торговли. Также Макмиллан не обошел вниманием и обстоятельства, побудившие оставить ЕАСТ и подать заявку на вступление в Европейские сообщества. Большое внимание в мемуарах Макмиллан уделил колониальной политике –

¹ Подробнее: Idem. P. 229-263.

преимущественно в Африке, которая требовала в конце 1950-начале 1960-х гг. особо пристального внимания.

В целом мемуарам Макмиллана свойственно постоянное акцентирование внимания читателя на том, что его политика строилась исходя из целей сохранения глобальной роли Великобритании.

Сменивший Макмиллана на посту премьер-министра А. Дуглас-Хьюм, премьерство которого было недолгим – около года – в 1976 г. издал автобиографию¹, в которой значительное место он отвел не столько своему руководству страной, сколько периоду своего пребывания в должности министра иностранных дел и министра по делам колоний. А. Дуглас-Хьюм «оставил за кадром», как и А. Иден, военные приготовления к Суэцкой операции, «дело Профьюмо» и другие. При этом африканские события, особенно проблемы, связанные с созданием и существованием Федерации Северной Родезии и Ньясаленда, когда автор занимал пост главы Форин оффис, нашли большее отражение.

Р. Модлинг, занимавший в разное время должности разного уровня, в том числе министра финансов и министра торговли, в мемуарах особое внимание уделил своей работе в качестве министра по делам колоний в 1961-1962 гг.². Как подчеркивает автор, главной задачей колониальной политики Великобритании после «года Африки» было соблюдение баланса между слишком быстрыми и слишком медленными темпами «ухода» из империи. Модлингу выпало готовить проекты конституционных изменений для территорий Карибского бассейна – Тринадад и Тобаго, Ямайки, получивших в начале 1960-х гг. статус суверенных государств. Однако его проект изменений для Северной Родезии вызвал критику в Палате общин, и он подал в отставку. В последующем Модлинг возглавил Казначейство страны.

¹ Douglas-Home A. The Way the Wind Blows: An Autobiography. L., 1976. 320 p.

² Maudling R. Memoirs. L., 1978. P. 89-101.

В 1967 г. были опубликованы воспоминания А. Наттинга, занимавшего пост помощника главы Форин оффис¹. Наттинг, узнавший в начале октября 1956 г. о готовящемся тройственном – англо-франко-израильском – вторжении, в знак протеста в ноябре 1956 г. покинул свою должность. Мемуары Наттинга официальные власти пытались «подчистить», однако он сопротивлялся этим попыткам, и его мемуары появились в том виде, в каком они задумывались автором. Даже по прошествии почти десяти лет с момента Суэцких событий Наттинг не скрывал своего разочарования от действий тогдашнего правительства тори. Он обвинял А. Идена в «разладе традиционной дружбы» Британии с арабским миром и нарушении баланса в поставках оружия Израилю и арабским государствам².

Заслуживают отдельного упоминания мемуары известного американского дипломата, автора «Длинной телеграммы» и одного из разработчиков Доктрины сдерживания Дж. Кеннана³. Кеннан в мемуарах высказал те же идеи, которые он публично стал озвучивать с 1950-х гг. – о необходимости диалога западных стран и СССР, нецелесообразности включения Германии в НАТО и другие. Как известно, в мемуарах Дж. Кеннан пытался также частично снять с себя и ответственность за формулирование Доктрины сдерживания, концептуальные установки которой он с течением времени пересмотрел.

В конце 1990-х-2000-е гг. увидели свет мемуары занимавшего пост председателя Совета министров СССР Н.С. Хрущева и советских дипломатов, среди которых особо следует отметить воспоминания А.М. Александрова-Агентова, Д.Т. Шепилова, А.Ф. Добрынина, В.А. Фалина, Р.А. Сергеева.

Мемуары Н.С. Хрущева, как известно, имели любопытную судьбу – они были надиктованы на магнитофонную пленку и изданы на Западе из-за их запрета в Советском Союзе. Поэтому на русском языке они появились только в 1990-е гг.,

¹ Nutting A. No End of a Lesson. L., 1967. 122 p.

² Idem. P. 94.

³ Кеннан Дж. Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР. Пер. с англ. М., 2002. 477 с.

и в них в основном нашли отражение внутривластные процессы в СССР, отношение к И.В. Сталину и другие вопросы. Эпизоды, связанные с его визитом вместе с Н.А. Булганина в Великобританию в 1956 г. упомянуты вскользь, а визит Г. Макмиллана в Москву в 1959 г. Хрущев и вовсе не затронул в своих мемуарах¹.

Советский дипломат А.М. Александров-Агентов более полувека проработал на дипломатической работе, являлся советником А.А. Громыко, помощником Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова, К.У. Черненко и М.С. Горбачева. В 1994 г. были опубликованы его мемуары, в которых изложены детали выработки ряда важнейших международных соглашений (по австрийскому и германскому вопросам, проблемам разоружения) и даны яркие зарисовки профессиональных и личных качеств политиков, под началом которых ему довелось работать². Эти воспоминания, что особенно ценно, свободны от какого-либо идеологического груза, и автор в них дает весьма критичную оценку некоторых решений Москвы во внешнеполитической сфере, указывая на их ошибочность. Такой критический взгляд касается, например, фактического срыва Н.С. Хрущевым четырехсторонней встречи в Париже в мае 1960 г.

Мемуары недолго занимавшего пост министра иностранных дел СССР Д.Т. Шепилова были опубликованы на Западе и состоят из дневниковых записей, подготовленных к печати его сыном³. Любопытно, что в этих мемуарах почти не упоминается Суэцкий кризис 1956 г. и другие заметные события, связанные с укреплением отношений СССР и арабского мира, прекращением состояния войны с Японией. Зато много внимания уделено анализу личностей И.В. Сталина, Н.С. Хрущева и других советских государственных и общественных деятелей, завершает мемуары авторская версия о «группе Молотова, Маленкова и Кагановича», «примкнувшим» к которым несправедливо, по его мнению, оказался он сам.

¹ Хрущев Н. С. Воспоминания: Избранные фрагменты. М., 1997. 512 с.

² Александров-Агентов А. М. От Коллонтай до Горбачева. Под общей ред. И. Ф. Огородниковой. М., 1994. 229 с.

³ Shepilov D. The Kremlin's Scholar: a memoir of Soviet politics under Stalin and Khrushchev. Ed. by S.V. Bittner, translated by A. Austin. New Haven, L., 2007. 444 p.

А.Ф. Добрынин, много лет проработавший послом в США, проясняет многие сюжеты, связанные с развитием советско-американских отношений, в том числе в период Карибского кризиса и других. Представляют интерес его оценки советских и зарубежных дипломатов и политиков, случаи из дипломатической практики¹.

В.М. Фалин и Р.А. Сергеев, много лет прослужившие на дипломатической работе в СССР и за рубежом, являются экспертами по Германии. Оба оставили ценные свидетельства, связанные с урегулированием австрийского вопроса, германского вопроса и второго Берлинского кризиса. Р.А. Сергеев также значительное внимание в своих воспоминаниях уделил А.А. Громыко, с которым вместе проработал долгое время². В мемуарах В.М. Фалина содержатся ценные свидетельства о том, каким образом развивался Второй Берлинский кризис – от идеи Хрущева о вольном демилитаризованном городе до ее провала. В этих сюжетах дипломат дал весьма резкую оценку действий Н.С. Хрущева, не просчитавшего все последствия своего ультимативного предложения³.

В нескольких номерах журнала «Новая и новейшая история» были опубликованы дневники советского дипломата В.С. Семенова, в которых содержатся яркие зарисовки о советских и политических деятелях послевоенного периода, особенно эпохи Хрущева. Эти дневниковые записи также проливают свет на детали выработки советского внешнеполитического курса в германском и других вопросах в 1950-е-начале 1960-х гг⁴.

Довольно подробные воспоминания – размышления о судьбе отца и страны оставил сын Н.С. Хрущева, С.Н. Хрущев⁵. Эти мемуары проливают свет на выработку многих решений Н.С. Хрущева, позволяют понять мотивы его

¹ Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. М., 2008. 709 с.

² Сергеев Р. А. В МИД СССР. На Кузнецком мосту и Смоленской площади. М., 2007. 317 с.

³ Фалин В. М. Без скидок на обстоятельство: Политические воспоминания. М., 1999. 463 с.

⁴ Семенова Е. В., Хавкин Б. Л. От Хрущева до Горбачева. Из дневника Чрезвычайного и Полномочного посла, заместителя министра иностранных дел СССР В.С. Семенова. // Новая и новейшая история. 2004. №3. С. 96-136; 2004. № 4. С. 84-141.

⁵ Хрущев С. Н. Никита Хрущев. Пенсионер союзного значения. М., 2010. 413 с.; Его же. Никита Хрущев. Реформатор. М., 2010. 1077 с.; Его же. Никита Хрущев. Рождение сверхдержавы. М., 2010. 638 с.

поступков, многие из которых воспринимались современниками и оцениваются историками как проявление невыдержанного характера советского лидера.

Отчасти такие предположения верны. Однако сын Хрущева, с одной стороны, стремится по понятным причинам «реабилитировать» отца, объяснить его поступки конкретными обстоятельствами, вынуждавшими Хрущева давать эмоциональный отпор «обидчикам», с другой стороны, фактически признает, что отцу во многих случаях не хватало выдержки и дипломатичности.

В двухтомнике мемуаров А.А. Громыко, возглавлявшего Министерство иностранных дел СССР рекордные 28 лет, нашли отражение его размышления о наиболее заметных лидерах зарубежных стран и детальные воспоминания о важных международных встречах и решении ключевых вопросов европейской и мировой безопасности¹. При этом обращает на себя внимание довольно «сухой» и осторожный стиль изложения, объяснением которому может служить как выработанная за долгие годы профессиональная привычка, так и влияние советской официальной этики поведения.

Ценные свидетельства о взглядах британских политиков на будущее Британской империи оставил занимавший с 1934 по 1943 гг. пост сначала полномочного представителя, а с мая 1941 г. советского посла в Лондоне И.М. Майский. В 1964 г. были опубликованы его «Воспоминания», но только в 2009 г. был рассекречен и опубликован хранившийся в Архиве внешней политики РФ «дневник» Майского, который он вел с 1934 по 1943 гг. Этот дневник в 1953 г. у И.М. Майского изъяли при аресте, и, несмотря на его многочисленные просьбы после освобождения в 1955 г., его личный архив оставался в Архивном управлении МИДа вплоть до 2000-х гг.²

Ценность и уникальность «Дневника» состоит в том, что его автор скрупулезно фиксировал содержание как формальных, так и неформальных (что особенно важно) встреч с ведущими политиками и общественными деятелями

¹ Громыко А. А. Памятное: В 2 кн. 2-е изд., доп. М., Кн.1. 1990. 551 с.; Кн. 2. М., 1990. 557 с.

² Майский И. М. Дневник дипломата. В 2 кн. Кн. 1. Отв. ред. А. О. Чубарьян. М., 2006. 532 с.; Кн. 2. Ч.1. М., 2009. 489 с.; Кн. 2. Ч. 2. М., 2009. 396 с.

Великобритании, дополняя их своими размышлениями. И.М. Майский неоднократно общался с такими видными консерваторами, как У. Черчилль, лорд Бивербрук и другие и обсуждал с ними самый широкий круг вопросов, включая будущее Британской империи.

Периодическая печать. Ценным источником для понимания затронутых в диссертации сюжетов остается пресса, материалы которой дают возможность проследить правительственный курс и его эволюцию по широкому кругу вопросов. При работе с прессой для исследователя зачастую значительный интерес представляет не столько та информация, которая содержится в официальных материалах, сколько то, что оказалось за рамками публичного представления.

Автор использовала как британские, так и американские и советские газеты и другие периодические издания. К прессе, ориентированной в рассматриваемый в диссертации период на поддержку Консервативной партии, относились и до сих пор относятся газеты «Дейли экспресс», «Ивнинг Стандарт» (оба издания принадлежали медиамагнату лорду У. Бивербруку), «Таймс», «Дейли Телеграф» и другие¹.

Также при написании диссертации были использованы еженедельный журнал «Экономист» (позиционирующий себя как издание либеральной (неолиберальной) направленности), материалы «Би-Би-Си», «Нью-Йорк Таймс», «Правда», «Известия» и другие. Эти источники на основании того, в каком формате и в какой тональности представлялась та или иная информация о мировых событиях, позволяют сделать выводы о ее значимости для ведущих политических сил в стране. Разумеется, использование прессы позволяет также выстроить процесс формирования общественного мнения по тем или иным важным внутри- и внешнеполитическим вопросам. Особый интерес для раскрытия темы диссертации имели материалы, опубликованные годы спустя и приуроченные к годовщинам крупных и неоднозначных событий, например,

¹ Evening Standard, Daily Express, The Times, Daily Telegraph.

таких как Суэцкий кризис или вступление Великобритании в Европейские сообщества.

Видеоресурсы Интернета. В качестве документальных источников в монографии были использованы видеоролики, среди которых предвыборные заявления британских политиков¹, видео и фото визитов советских лидеров в Великобританию в 1956 г. и ответной поездки в СССР в 1959 г.², интервью и видео первых иммигрантов, прибывавшими в Соединенное Королевство во второй половине 1940-1950-е гг.³.

Исследователи пока слабо используют такие виды источников, погружающих в атмосферу изучаемого периода, хотя они уже давно доступны благодаря развитию Интернета и обладают значительным научным потенциалом. Комплекс названных архивных и видео материалов позволил уточнить затронутые в диссертации сюжеты и составить целостную картину процесса принятия решений в британских правительствах указанного периода по освещаемым в диссертации вопросам.

Таким образом, источниковая база исследования представляется репрезентативной и позволяет решить поставленные в исследовании задачи.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В эволюции идеологии и политики британских консерваторов в первые два послевоенных десятилетия можно выделить три этапа: 1) 1945-1951 гг. – период, когда консерваторы, оказавшись в оппозиции, внесли существенные обновления в идеологию и риторику партии, которые коснулись внутри- и

¹ UK Political Info. URL: <http://www.ukpolitical.info/Historical.htm>;

² <https://www.youtube.com/watch?v=cZnHjNqDo-Y> (Bulganin And Khrushchev - Sightseeing In London (1956));
<https://www.youtube.com/watch?v=GUY4Y5EpiPQ> (Bulganin And Khrushchev Complete Tour. Aka B+k Say Goodbye);
<https://www.youtube.com/watch?v=q2XeH49Gij4> (Visit Of Bulganin And Khrushchev - Birmingham (1956));
<https://www.youtube.com/watch?v=3fWj1Twitt0> (Bulganin And Khrushchev Depart From Portsmouth (1956));
<https://www.youtube.com/watch?v=VB7pAqzMRsI> (Prime Minister Macmillan's Moscow Residence (1959)).

³ <https://www.youtube.com/watch?v=9F6lsLRdZ-o> (The SS Empire Windrush);
<https://www.youtube.com/watch?v=1PsNmTB4LEA> (Notting Hill Riots 1958) и другие.

внешнеполитической сферы; 2) в 1951-1956 гг. вернувшиеся к власти тори выстраивали внешнеполитические приоритеты в соответствии с концепцией «трех магических кругов» и отводили европейской интеграции третьестепенное значение; 3) 1957-1964 гг., когда начатое под воздействием провала Суэцкой операции переосмысление роли Великобритании привело Консервативную партию к оформлению совместно с США Доктрины взаимозависимости, тесно увязанной с озвученным в январе 1957 г. «великим проектом».

2. Пребывание в оппозиции в 1945-1951 гг. имело положительное значение для будущего Консервативной партии в связи с тем, что лейбористы сделали всю малопопулярную черновую работу по восстановлению страны, и консерваторы, вернувшись к власти, не отменили, а воспользовались достижениями своих главных политических оппонентов. В свою очередь, высказанные консерваторами после Второй мировой войны идеи оказались востребованы лейбористами, реализовавшими в период пребывания у власти (1945-1951 гг.), вопреки некоторым их предвыборным обещаниям, ключевые замыслы консерваторов. Среди них: вовлечение лейбористского правительства К. Эттли в конфронтацию с СССР (вопреки программной установке 1945 г. содействовать продолжению диалога с Москвой), активная роль Великобритании в создании НАТО, а также «подхват» идеи У. Черчилля о создании Совета Европы и использование озвученной им в 1948 г. концепции «трех окружностей».

3. При обсуждении планов европейского объединения (проект «Еврафрики», Совета Европы, французских наднациональных инициатив) как лейбористы, так и консерваторы постоянно учитывали фактор начала распада мировой колониальной системы после 1945 г. и запуск процессов трансформации Британской империи в Содружество. Но при этом, если на начальном этапе развития интеграционных процессов Великобритания предпочла укреплять Содружество и не замыкаться на европейских делах, то к началу 1960-х гг. произошла переоценка приоритетов внутри знаменитой парадигмы У. Черчилля о

трех окружностях британской внешней политики и смещение колониальной сферы на третье место после англо-американских отношений и европейских дел.

4. Политика развития Великобритании, инициированная в межвоенный период, после Второй мировой войны обрела «второе дыхание», став одним из ключевых направлений колониального развития, с особым упором на реализацию образовательных, социальных, инфраструктурных и эмиграционных проектов и схем, нацеленных на укрепление связей с уже освободившимися странами в рамках Содружества. Опыт Великобритании в этой области позже был учтен при выработке политики развития Европейского союза.

5. Суэцкий кризис 1956 г. обозначил кризис внешнеполитической и колониальной идентичности Великобритании – мышление в категориях «глобальной» имперской политики больше не соответствовало реалиям дня, в то время как ранг ведущей европейской державы не отвечал психологическому настроению основной массы британских политиков и населения страны. Но, несмотря на активизацию политики Соединенного Королевства в области европейской интеграции и выдвижение «великого проекта», имевшего следствием попытки создать зону свободной торговли, увенчавшиеся оформлением Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ), консерваторы так и не выработали новой внешнеполитической стратегии в рассматриваемый период.

6. Правительство Г. Макмиллана сделало упор на реализации проекта промышленной зоны свободной торговли (ЗСТ) как составного элемента «великого проекта». Провал этой идеи в ноябре 1958 г. привел к активизации усилий для осуществления посреднической роли в урегулировании Второго Берлинского кризиса, и, наконец, после неполного успеха этого замысла по итогам поездки в Москву, Г. Макмиллан в 1959 г. вновь вернулся к идее ЗСТ, реализованной в январе 1960 г. путем создания ЕАСТ.

7. В начале 1960-х гг. тори с учетом опыта Франции и Бельгии, оказавшихся втянутыми в колониальные войны, и под воздействием деятельности ООН по

деколонизации были вынуждены внести существенные изменения в свой колониальный курс, связанные с мерами по ускорению темпов освобождения зависимых территорий. При этом выявились серьезные разногласия между двумя ведомствами Великобритании – Министерством колоний и Министерством по делам Содружества. Разность взглядов приходилось выравнять лично премьер-министру Г. Макмиллану.

8. Вынужденное принятие Акта об иммигрантах Содружества 1962 г. обозначило разрыв британских консерваторов с прежним курсом на свободный въезд выходцев из колоний и Содружества и привело к введению регулирования иммиграционных потоков. На практике осуществление Акта 1962 г. привело не к уменьшению, а увеличению численности прибывающих в страну иммигрантов, преимущественно из стран «Нового» Содружества¹.

9. Провал планов по вступлению в Европейские сообщества в 1963 г. в политическом отношении в кратко- и среднесрочной перспективе явился положительным итогом для консерваторов, позволив переложить ответственность за итоги переговоров на французского президента Ш. де Голля. В экономическом плане страна, хотя и не смогла присоединиться к Общему рынку, переживавшему экономический бум, тем не менее, избежала введения мер дискриминационного характера против стран Содружества, по-прежнему остававшихся среди основных торговых партнеров Великобритании.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы апробированы на заседании кафедры новой, новейшей истории и международных отношений. Промежуточные результаты изложены в выступлениях на научных и научно-практических конференциях международного и всероссийского уровня и научных семинарах. Предварительные выводы были сделаны в рамках участия в мега-проекте «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и

¹ Странами «Нового» Содружества именуется территории, вошедшие в состав Содружества после Второй мировой войны, соответственно, к «Старому» Содружеству относятся государства, вошедшие на правах доминионов в состав Британского Содружества наций на момент его создания в 1931 г. – Канада, Австралия, Южно-Африканский Союз, Новая Зеландия, остров Ньюфаундленд и Республика Ирландия.

социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ № 14.В25.31.0009 на 2013 – 2017 гг.) и при выполнении Программы индивидуального гранта Жана Монне «Великобритания в Европейском союзе: прошлое и настоящее» (2013 – 2016 гг.).

Для апробации результатов исследования были разработаны специальные курсы «Анализ современных миграционных проблем» (магистерская программа «Прикладная историческая аналитика»), «Политика Великобритании в отношении европейской интеграции» и «Политика развития ЕС» (магистерская программа «Исследования Европейского союза») и уточнен общий лекционный курс «Новейшая история стран Европы и США (Часть I)».

По материалам диссертации опубликовано 34 работы, в том числе 16 публикаций в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (из них 1 статья в российском научном журнале, индексируемом Scopus), 1 монография, 7 научных рецензий (из них 1 рецензия в российском научном журнале, индексируемом Scopus), 3 статьи в научных журналах, 4 статьи в сборниках научных трудов, 3 статьи в сборниках материалов международных и всероссийской научных и научно-практических конференций.

Структура диссертации обусловлена целью, предметом, общеисторической логикой исследования и состоит из введения, четырех глав (четырнадцати разделов и трех подразделов), заключения и списка использованных источников и литературы.

Глава 1 Консервативная партия в 1945-1951 гг.: в поиске новых идеологических ориентиров

1.1 Концептуальные основы британского консерватизма

Консервативная партия Соединенного Королевства – официально Консервативная и юнионистская партия – зародилась в последней трети XVII в., когда стала формироваться двухпартийная связка тори-вигов. В конце 1670-х гг. появилась политическая группировка под названием «тори» (термин имел ирландское происхождение и означал «преступника-заговорщика»), выражавшая интересы земельной аристократии. На время она сошла с политической сцены в 1760-х гг., уступив место вигам (на кельтско-шотландском наречии «виги» – «разбойники-конокрады») – группировки торгово-промышленной буржуазии. Однако в качестве неофициального названия для обозначения Консервативной партии слово «тори» осталось до сих пор. С позиций сегодняшнего дня обе политические группировки XVIII в. – виги и тори – были консервативными по своим взглядам¹.

К настоящему времени партия консерваторов, представляющая собой правоцентристскую политическую силу, прошла в своем развитии через ряд этапов. Название партии отсылает к движению консерватизма, становление которого связано с реакцией монархических и клерикальных кругов на крестьянские войны, Реформацию и особенно Французскую революцию.

Родоначальником консерватизма считается англо-ирландский мыслитель и политик Э. Бёрк. В 1790 г. была опубликована одна из самых известных (и не бесспорных) его работ «Размышления о революции во Франции». В этом политико-философском трактате уже опытный политик (Бёрку было 60 лет, и за его плечами было активное участие в парламентско-политической борьбе)

¹ The Tory World: Deep History and the Tory Theme in British Foreign Policy, 1679-2014. Ed. by J. Black. Surrey, 2015. P. 89.

сформулировал идеи, послужившие основой будущего консервативного мировоззрения.

При этом фигура Э. Бёрка и его творческое наследие до сих пор привлекает большое внимание ученых. Ни одна из работ по британскому консерватизму не обходится без обращения к его теоретическим наработкам и их влиянию на последующую историю консерватизма и Консервативной партии¹.

Э. Бёрк сформулировал те основы, на которых будет базироваться идеология британских консерваторов. Среди них преемственность и обновление социальных связей; защита монархии, христианства и привилегий высших кругов страны и такое явление как «тримминг» – балансирование и гибкость к меняющимся внешним обстоятельствам².

В своих работах англо-ирландский политик и философ не использовал такие термины как «радикальный», «либеральный», «консервативный» и «идеология», во всяком случае, в том понимании, которое вкладывается в эти понятия в наши дни. Однако концептуально эти категории, ставшие широкоупотребительными в XIX и XX вв., присутствуют в его работах³. Э. Бёрк считал, что его страна обязана своими правами и свободами не каким-то рационально сформулированным абстрактным и универсальным принципам, а процессу развития британского общества от Великой хартии вольностей до Билля о правах. В течение столетий эти права расширились и передавались из поколения в поколение⁴.

Под абстрактными и универсальными принципами Бёрк, вероятно, понимал учение Дж. Локка, английского мыслителя XVII в., который сформулировал

¹ См.: British Conservatism: Conservative Thought from Burke to Thatcher. Ed. by F. O’Gorman L., 1986; Green E. H. H. Ideologies of Conservatism: Conservative Political Ideas in the Twentieth Century. Oxford, 2002; Lee Y. S. Nationalism and Irony. Burke, Skott and Carlyle. Oxford, 2007; Ball S. Portrait of the Party: The Conservative Party in Britain. 1918-1945. Oxford, 2013; Soffer R. History, Historians and Conservatism in Britain and America: From the Great War to Thatcher and Reagan. Oxford, 2008; The Tory World: Deep History and the Tory Theme in British Foreign Policy, 1679-2014. Ed. by J. Black. Surrey, 2015; Robinson E. History, Heritage in Contemporary British politics: Past politics and present histories. Manchester, 2014; Робин К. Реакционный дух. Консерватизм от Эдмунда Бёрка до Сары Пэйлин. Пер с англ. М. Рудакова, И. Кушнарева, К. Бандуровского. М., 2013.

² Шамшури В. И. Консерватизм Э. Бёрка и его современные последователи. // Новое и старое в теориях социологии. Книга 1. Под ред. Ю. Н. Давыдова. М., 1999. С. 286.

³ Подробнее: Hampsher-Monk I. Edmund Burke in the Tory World. // The Tory World... P. 89.

⁴ Подробнее: Современный консерватизм. / К. С. Гаджиев, С. П. Перегудов, В. А. Скороходов и др. М., 1992. С. 44.

теорию естественных прав и общественного договора. Локк считал, что до образования общества и государства люди находились в «естественном состоянии», являя собой массу индивидов. И в таком естественном состоянии царила всеобщая доброжелательность, однако по мере роста численности населения люди стали утрачивать «естественное состояние» и возникла необходимость обеспечить «естественное» право людей на собственность, для чего и было создано общество, а потом и государство путем заключения договора¹.

Полемизируя с Локком, Бёрк считал, что «общество – это действительно договор, но договор высшего порядка. Его нельзя рассматривать как коммерческое предложение о продаже перца, кофе и табака или любой подобный контракт, заключенный из практической выгоды или для осуществления незначительных преходящих интересов, который может быть расторгнут по капризу одной из сторон. Государство ... – это общество, в котором должны развиваться все науки и искусство, все добродетели и совершенства. Такая цель может быть достигнута только многими сменяющимися друг друга поколениями – поэтому общественный договор заключается не только между ныне живущими, но между нынешними, прошлыми и будущими поколениями. Государство не вправе разрушать это всемирное, Богу подчиняющееся сообщество и руководствуясь стремлением к свободе, рвать установленные связи, превращая мир в асоциальный, антигражданский хаос, в котором перемешены все основополагающие принципы»².

Размышления Дж. Локка и Э. Бёрка, которых разделяло почти столетие, о происхождении государства и его функциях, с высоты сегодняшнего дня представляются несколько упрощенными. Однако в контексте исторических реалий бурных XVII и XVIII вв. взгляды обоих мыслителей были попыткой дать

¹ Эгалитаристские памфлеты в Англии середины XVIII в. Э. Бёрк. Защита естественного общества (1756 г.). Роберт Уоллес. Некоторые размышления о человеке, природе и провидении (1761 г.). М., 1992. С. 8-9.

² Бёрк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М., 1993. С. 90-91.

оценку бурным изменениям. Век просвещения – XVIII век – уходил в прошлое и завершался революционными событиями во Франции.

Примечательно, что в самой Британии к моменту написания «Размышлений» на политическую арену вернулись тори, что символизировало прекращение полувекового господства вигов в политической системе страны.

Само понятие «консерватизм» было введено в обиход в политической жизни Британии примерно в 1830 г., а сам термин впервые употребил Ф.Д. де Шатобриан, издававший в 1818-1820 гг. журнал «Консерватор», выражавший интересы сторонников политической и клерикальной реставрации в послереволюционной Франции¹.

В XIX в. стала складываться Консервативная партия. В ее состав вошла большая часть тори и часть вигов. В 1859 г. официально оформилась Либеральная партия, ядром которой стали виги и в которую также вошли тори. В 1867 г. произошло объединение местных организаций консерваторов в Национальный союз консервативных и конституционных ассоциаций. Партия стала ориентироваться не только на аристократическую часть страны, но также на представителей банковского сектора и промышленных кругов. Эти изменения были связаны с процессом, который П. Ю. Рахшмир определил как «буржуазно-аристократический синтез: аристократия обуржуазивалась, а буржуазия, особенно ее верхушка, аристократизировалась»². Этот процесс послужил базовым фактором формирования консенсуса между консерваторами и либералами.

Электоральная база обеих партий была узкой. В течение XIX в. были проведены три избирательные реформы, существенным образом изменившие состав электората и повлиявшие на позиции партий. В 1832 г. был утвержден предложенный вигами Билль о парламентской реформе, ограничивший представительство от «гнилых местечек» – избирательных участков с небольшой

¹ Шамшурин В. И. Консерватизм Э. Бёрка и его современные последователи. // Новое и старое в теориях социологии. Книга 1. Под ред. Ю.Н. Давыдова. М., 1999. С. 289.

² Рахшмир П. Ю. Панорама политической науки. Пермская школа. Консерватизм и либерализм: метаморфозы консенсуса. // Полис. Политические исследования. 2005. №5. С. 62-63.

численностью населения. Эта реформа поколебала позиции ленд-лордов и, наоборот, усилила роль промышленной буржуазии. Следующая реформа 1867 г. произвела новое перераспределение мест в парламенте, и был снижен имущественный ценз. В результате численность избирателей удвоилась, но сама выборная система требовала новых изменений. В 1872 г. было введено тайное голосование, в 1884-1885 гг. третья избирательная реформа ввела округа с равным представительством от одинаковой численности населения, и было установлено единое избирательное право для владельцев и квартиронанимателей всех графств и городов.

Таким образом, к концу XIX в. в Великобритании произошло не только расширение корпуса избирателей, но и стала меняться электоральная база. Обозначившийся упадок текстильной, угольной, судостроительной отраслей привел к потере либералами части избирательного корпуса, связанного с этими традиционными отраслями британской экономики.

Идейный багаж консерваторов к концу века включал защиту интересов земельно-аристократических кругов страны, отстаивание протекционизма, невмешательства государства в экономику и активную колониальную политику. При этом консерваторы явно опередили либералов в осмыслении происходивших процессов бурной индустриализации, изменения социальной структуры общества и его новых запросов на рубеже XIX-XX вв.

Огромную роль в выстраивании идеологии партии сыграл лидер тори Б. Дизраэли. Дизраэли выдвинул два взаимосвязанных тезиса – имперскую идею и идею социального патернализма. Лидер консерваторов, занимавший в 1868 гг. и 1874-1880 гг. пост премьер-министра, исходил из представлений об иерархичной структуре человеческого общества. В таком обществе, считал Дизраэли, наиболее способные индивиды занимают высокое положение и становятся господствующим классом, главной задачей которого является забота об остальных слоях населения. В соответствии с этими взглядами, Британия представляла собой страну одной нации, и богатые должны заботиться о бедных,

выравнивая разницу в их уровнях жизни. Для этого Дизраэли призывал к расширению империи, которая стала рассматриваться как источник и основа для процветания страны.

Этим идеям – торийской демократии и социального торизма – вторил известный политик, отец У. Черчилля Рэндольф Черчилль. В 1883 г. В майском номере журнала «Фортнайтли ревью» была опубликована анонимная статья, автором которой был Р. Черчилль. Он предупреждал, что пока «партия тори не объединится вокруг идей лорда Беконсфилда (так после получения звания пэра стал именоваться Дизраэли) и не осуществит реформы, о которых он мечтал, ее ждут неудачи»¹.

Реформы, о которых писал Черчилль, были им обозначены емким термином «торийская демократия», которая «уже существует; единственное, что требуется, это собрать воедино ее составляющие». Далее Черчилль указал на то, что «поскольку массы по природе своей консервативны, а партия тори рассматривается как народная партия, она должна иметь программу, отвечающую интересам всего общества. Целью такого курса должно было стать объединение народа вокруг своего монарха и укрепление Британской империи»².

Хотя внутри партии отношение к термину «торийская демократия» было неоднозначным, следует согласиться с И. М. Узнародовым, который считает, что введение этого понятия прежде всего было стремлением найти опору в новых избирателях в связи с произошедшим расширением электората после избирательных реформ последней трети XIX в.³

Наряду с идеями социальных преобразований в духе сплочения всех слоев населения приоритетное место в системе внешнеполитических приоритетов консерваторов занимала имперская идея. В последней трети XIX в., в период существования двухпартийной связки «консерваторы – либералы» в лице Б.

¹ Узнародов И. М. Лорд Рэндольф Черчилль и торийская демократия. // Викторианцы: столпы британской политики XIX в. Ростов н/Д., 1996. С. 161.

² Там же. С. 162.

³ Там же. С. 164.

Дизраэли и У. Гладстона происходило интенсивное расширение Британской империи за счет новых владений в Азии, Африке, на Ближнем и Среднем Востоке.

Сам термин «империализм», ставший своеобразной «надстройкой» философии консерватизма исследователи, относят к середине XIX в. В основе империализма лежали представления о том, что постоянное увеличение имперских владений несет могущество и процветание как «для самой империи, так и для покоренных ею народов»¹.

Колонии были важным элементом британской экономики, политики и общественной жизни. Инвестиции и капиталы, которые направлялись в Британскую империю, способствовали созданию инфраструктуры колониальных владений и их развитию. Русский журналист и беллетрист, писавший из Лондона очерки об английской жизни для издания «Русское богатство» под псевдонимом Дионео (за которым скрывался И.В. Шкловский), уделил огромное внимание феномену Британской империи и империализму. В одной из его работ приведен занимательный эпизод, когда в июне 1900 г. «раздался вопль мальчишек-газетчиков... – Претория наша! Гип! Гип! Ура! Моментально площадь биржи превратилась в волнующееся море человеческих голов в цилиндрах, в засаленных шапочках, в шляпках с пестрыми перьями... Долетали лишь отдельные восклицания “Рах Britannika”!, «Великая империя»! «Славный день»!». Колониальные успехи страны вызывали всеобщее ликование и чувство национальной гордости.

И.В. Шкловский выделял три течения в британском империализме – «для одних это – новая Римская империя, только еще большая, обнявшая Англию, колонии, Америку. «Юнион Джэк» развивается всюду. Весь мир трепещет от «Большей Великобритании (The Greater Great Britain)». ... Затем, одно течение порождено экономическим состоянием Англии. Оно зародилось в промышленном центре Англии, в Бирмингеме и Шеффилде. Для него «империализм» и

¹ Ленько А. В. Соединенное Королевство Великобритании и Ирландии. Эпоха выбора между империализмом и либерализмом. 1968 – 1918. СПб., 2012. С. 52.

«торговля» синонимы (слова Чемберлена). Третье течение зародилось на бирже. Экономисты империализма уверяют работников, что империализм значит новые рынки. Новые же рынки значат расширение промышленности и поднятие заработной платы». Объединяло же всю нацию вера в свою миссию – «Миссия англичан – сплотить всемирную империю, которая создается силой, а не “руками, затянутыми в лайковые перчатки”»¹.

Апофеозом строительства империи стала коронация в 1876 г. Королевы Виктория императрицей Индии – самой крупной колонии и «жемчужины Британской короны». Хотя Палата общин и приняла оговорку о том, что императрицей Индии Королева Виктория могла называться только на территории этой крупной британской колонии, сам факт коронации свидетельствовал о могуществе и глобальных притязаниях Британской империи.

В основу идеологии британского колониализма, активно формируемой в последней трети XIX в., были положены концепции социал-дарвинизма и «бремени белого человека». Европоцентризм и представления об иерархическом устройстве мира привели к закреплению в обществе восприятия колониальных народов как отсталых и примитивных. Над Британской империей в прямом смысле слова «никогда не заходило солнце», и метрополия считала себя ответственной за развитие и просвещение народов своих колониальных владений.

В отношении Африки, например, нередким было сравнение ее жителей с детьми. Этот образ занял ключевое место в системе британских представлений об Африке и ее народах². Соответственно, свою роль британские правительства видели в осуществлении «просветительской миссии» путем обращения жителей колоний в христианство и насаждения в них своих законов и убеждений.

С именем Б. Дизраэли связано также укрепление международных позиций страны. В 1878 г. на Берлинском конгрессе Дизраэли – впервые в истории –

¹ Дионео. Очерки современной Англии. СПб., 1903. С. 35-36.

² Ерофеев Н. А. Английский колониализм в середине XIX в. Очерки. М., 1977. С. 184, 204.

произнес речь на английском языке (до этого – только на французском), положив начало использованию английского языка в международном общении.

Таким образом, курс на расширение имперских владений, протекционизм и невмешательство государства в экономику роднили либералов и консерваторов. Расхождения между партиями в конце XIX – начале XX вв. касались в основном фритредерства и отношения к Ирландскому вопросу. Так, либералы во главе с У. Гладстоном в последней трети XIX- начале XX в. выступали за свободу торговли и поддерживали Билль о гомруле.

Однако разногласия по этим вопросам не стали вызовом сложившейся двухпартийной системе, ядром которой стала сложившаяся консенсусная политическая культура на Западе, корни которой уходят еще в античный мир и христианскую религию. Как отмечает Ю. П. Рахшмир, «несмотря на то, что консерватизм и либерализм возникли в процессе противоборства, уже в генетической фазе между ними было немало родственного»¹.

При этом консерваторы, впрочем, как и либералы, не всегда считали нужным придерживаться преемственности в своих взглядах. Как говорил один из видных консерваторов Дж. Гилмор: «Мы защищали сначала протекционизм, потом свободное предпринимательство, потом снова протекционизм и снова свободное предпринимательство – в зависимости от экономических обстоятельств. Мы поддерживали то государство, то индивида, потому что и государство и индивид меняются – и когда нам говорят, что мы «вдруг» стали врагами государства, мы отвечаем, что того государства, которое мы защищали сто лет назад, уже не существует»².

Британский историк И. Грин выделяет три компонента консервативной идеологии, сформировавшейся к началу XX в. – «традиционализм», «органицизм» и политический скептицизм». Под первым элементом – традиционализмом – подразумевается «благоговение консерваторов перед сложившимися традициями и

¹ Рахшмир П. Ю. Панорама политической науки. Пермская школа. Консерватизм и либерализм: метаморфозы консенсуса. // Полис. Политические исследования. 2005. № 5. С. 62-64.

² Цит. по: Шамшури В. И. Указ. соч. С. 286.

институтами и наоборот, враждебность к внезапным революционным изменениям». «Организмизм» предполагал рассмотрение общества не как механической совокупности, а как унитарное естественное развитие» и, наконец, «политический скептицизм» выражал веру консерваторов в то, что «политическая мудрость это вид знания, который нуждается в успешном управлении человеческими делами, а не в теоретических размышлениях отдельных мыслителей»¹.

Впрочем, некоторые либералы первой четверти XX в., в том числе молодой У. Черчилль, политические симпатии которого первоначально привели его именно в либеральную партию, считали, что дальнейшее расширение империи является «безрассудным». Известно, что в частных беседах Черчилль, ставший министром по делам колоний в начале 1920-х гг., весьма скептически оценивал ценность новых британских владений на Ближнем Востоке².

Такая «гибкость» взглядов до сих пор приводит к спорам вокруг консерватизма как такового и поискам ответа на вопрос, существует ли идеология Консервативной партии Великобритании как система стройных последовательных взглядов.

Тори отличаются сугубо практическим подходом к политике. Следствием такого прагматизма является некоторая аморфность теоретических построений и известное умение заимствовать идеи у оппонентов. Еще в 1912 г. в работе «Консерватизм» лорд Хью Сесил описывал «консервативные идеи» как «амальгаму или сплав» и использовал метафору реки, «воды которой идут от многих сходящихся потоков»³.

Среди первых или корневых идей консерватизма исследователи называют христианство с его религиозной концепцией первородного греха. Из этого принципа вытекает признание человеческой природы несовершенной. Для

¹ Подробнее см.: Green E. H. H. *The Crisis of Conservatism. The Politics, Economics and Ideology of the British Conservative Party, 1890-1914.* L., N. Y., 2005. P. 53-54.

² Toye R. *Winston Churchill – Conservative or Liberal Imperialist? // The Tory World: Deep History and the Tory Theme in British Foreign Policy, 1679-2014.* Ed. by J. Black. Surrey, 2015. P. 239-240.

³ Idem.

риторики консерваторов характерны уважение к прошлому и традициям страны, частной собственности и правам личности. Нередко консерваторы цитируют слова, якобы сказанные Дизраэли: «Я консерватор, чтобы сохранить в нашей конституции все хорошее, и радикал, чтобы избавиться от всего плохого»¹.

Так или иначе, сами консерваторы стараются придерживаться определенных принципов, что совсем не означает их неспособности меняться. История британских тори показывает, что партия с самого начала своего существования обладала как организационной рыхлостью, так и несколько аморфными политическими взглядами, корректировка которых проходила под влиянием конкретных обстоятельств.

По мнению британского историка Р. Лича, термин «консерватизм» в британской специфике ассоциируется с «прагматизмом» и «гибкостью»: «Консервативная партия иногда характеризуется скорее как прагматичная, чем «идеологическая», и реагирует на насущные практические вопросы... Более того, сами консерваторы часто отрицают, что их политические убеждения составляют идеологию»². На самом деле, считает Р. Лич, консервативная теория есть, но она «скорее тонкая». Ее суть в основном составляют труды Э. Бёрка (вига-либерала), Б. Дизраэли, Дж. Чемберлена (члена Либеральной партии с консервативными взглядами), Дж. Кейнса и других классиков либерализма и неолиберализма. В таком разрезе становится понятна крепость связки «тори-вигов» XVIII – первой половине XIX вв., «тори-либералов» второй половины XIX – начала XX вв., и, наконец, «тори-лейбористов» XX – XXI вв. Обе группировки внутри двухпартийной связки исходили из схожих взглядов и нередко прибегали к заимствованию идеологического багажа друг друга.

Период с 1900 г. можно смело назвать «консервативным веком»³. Консервативная партия находилась у власти почти 70 лет, включая периоды,

¹ Горбик В. А. Консервативная и либеральная партии в политической системе послевоенной Англии. Киев, 1977. С. 99.

² Leach R. Political Ideology in Britain. L., 2015. P. 57.

³ Garner R., Kelly R. British Political Parties Today. Manchester and N.Y., 1998. P. 56.

когда она входила в состав коалиционных правительств. Хотя исторически партия была представлена высшими аристократическими кругами, ее электорат после 1918 г. стал пополнить рабочий класс.

Один из видных деятелей Консервативной партии Дж. Гилмор, размышляя об идеологии партии, говорил, что у нее «есть эмоции, но не доктрина», а лорд Хэлшем (К. Хогг) настаивал, что у тори есть не столько философия, сколько позиция¹. Р. Вайт, один из теоретиков партии считал, что «консерватизм больше образ мышления, чем идеология». Этим взглядам вторил другой видный консерватор Р. Гримонд, по мнению которого, консерваторы «не сохраняют какие-либо принципы, просто они наследуют определенное положение дел»².

Разделяя мнения самих тори, подобного подхода придерживаются и некоторые британские исследователи. Так, П. Дорей считает, что «консерватизм может быть понят как философия, которая в основном направлена на то, чтобы предложить защиту или поддержку неимущим классам. В попытке объяснить неравенство консерватизм одновременно вынужден объяснять тот факт, почему большие прибыли получает лишь небольшая группа населения, и почему те, кто работает, не всегда получают достойную оплату»³.

Другой исследователь С. Болл считает, что «консерватизм зародился как настроение и точка зрения, а завершился как политическая система и сила разума»⁴. Консерваторы верят, что их взгляды были основаны на подсознательном, интуитивном уровне, и были, следовательно, отличны по своей природе от идеологии. Лидер Консервативной партии второй половины 1920-1930-х гг. С. Болдуин говорил: «Моя партия не имеет политической Библии», подразумевая отсутствие стройной и зафиксированной идеологической системы. Большинство консерваторов вплоть до наших дней не ощущают потребности анализировать свои принципы, и указывают, что «они консерваторы, потому что

¹ Горбик В. А. Указ. соч. С. 96-97.

² Garner R., Kelly R. Op. cit. P. 56.

³ Dorey P. British Conservatism: the Politics and Philosophy of Inequality. L., 2011. P. 5-6.

⁴ Цит. по: Ball S. Portrait of a Party. The Conservative Party in Britain. 1918-1945. Oxford, 2013. P. 10-11.

они консерваторы». Соответственно, «консерватизм – это иной способ мышления», «философия жизни и общества»¹. Этому утверждению вторит отечественный социолог В.И. Шамшурин, по мнению которого «консерватизм – это меньше всего идеология, совсем не доктрина, а прежде всего способ творческого мышления...»².

С такими взглядами можно согласиться и добавить, что вплоть до настоящего времени партия тори демонстрирует завидную гибкость политических взглядов и умение приспосабливаться к меняющимся условиям. При этом наиболее серьезным идеологическим изменениям – во многом под влиянием внешних обстоятельств – политическая платформа консерваторов подверглась после Второй мировой войны.

1.2 Адаптация внутриполитических программных установок Консервативной партии к послевоенным реалиям

Консервативная партия прочно удерживала свои лидерские позиции почти всю первую половину XX в. После окончания Второй мировой войны в Европе тори столкнулись с необходимостью серьезного переосмысления своей внутри- и внешнеполитической идеологии в связи с ростом популярности их главных политических оппонентов – Лейбористской партии – и новых вызовов международного характера.

Изменившееся соотношение сил в партийно-политической системе Великобритании со всей очевидностью продемонстрировали результаты парламентских выборов 1945 г., ставших наряду с завершением войны глубоким водоразделом в системе идеологических ценностей тори.

Будущий премьер-министр Великобритании и видный идеолог партии Г. Макмиллан в мемуарах утверждал, что «когда началась избирательная кампания,

¹ Ibid. P. 11.

² Шамшурин В. И. Консерватизм Э. Бёрка и его современные последователи. // Новое и старое в теориях социологии. Книга 1. Под ред. Ю.Н. Давыдова. М., 1999. С. 286-287.

я уже знал, каким будет ее итог... Первая речь Черчилля по радио в рамках предвыборной кампании стала поворотным моментом на пути к нашему провалу. Она была плохо подготовленной и опрометчивой. Он пророчествовал растущий контроль над нашими жизнями, если социалисты победят. Он сравнил осуществление социализма в Британии с системой гестапо. Но использование этого ужасного слова в связи с его оппонентами было роковой ошибкой»¹.

Это выступление У. Черчилля по радио получило название «речь гестапо» и имело обратный ожиданиям консервативного лидера эффект, вызвав широкую общественную критику и сыграв на руку лейбористам. Дочь У. Черчилля Сара в письме отцу по следам этого выступления заметила, что не вполне уверена, что избиратели-лейбористы поймут, о чем он говорил. «Социализм во время войны, – написала она, – никому не принес вреда, а многим людям принес только хорошее. Дети в нашей стране никогда не получали такого хорошего и здорового питания, молоко распределялось поровну, богатые вовсе не умирали оттого, что их рацион превышал рацион бедных, и нет сомнений, что коллективизм и готовность к самопожертвованию были сильнейшими узлами, которые нас тогда связывали. Так почему, спросят они, это не принесет такую же пользу в мирное время?»².

М. Гилберт, написавший солидную биографию У. Черчилля, утверждает, что именно под влиянием дочери Черчилль в последующих выступлениях попытался сделать акцент на разработанном в годы войны четырехлетнем плане коалиционного правительства³. План появился в декабре 1942 г. и был подготовлен под руководством известного экономиста и деятеля Либеральной партии Великобритании У. Бевериджа.

«Доклад Бевериджа» предлагал введение разветвленной системы социального страхования – «от колыбели до могилы» – посредством расширения

¹ Macmillan H. Tides of Fortune. 1945-1955. L., 1969. P. 31.

² Гилберт М. Черчилль: Биография. М., 2015. С. 912. Интересно также замечание Б. Тененбаума о том, что жена У. Черчилля Клементина позднее говорила, что итоги выборов закономерны, «потому что ее муж не знает, как живут простые люди – он ездит по городу только с шофером, а когда однажды попал в метро, то не знал, как найти оттуда выход». Тененбаум Б. Черчилль на вершине власти. М., 2014. С. 416.

³ Гилберт М. Указ. соч. С. 912-913.

системы социального обеспечения и введения страхования от несчастных случаев на производстве и системы государственного здравоохранения. Идеи У. Бевериджа преследовали цель разрешить «пять проблем-гигантов»: нужду, нищету, невежество, праздность и болезни»¹. Комплекс разработанных британским экономистом идей стал в последующем основой для внедрения в Британии модели государства всеобщего благосостояния.

Появившийся документ получил широкую поддержку в стране, однако тори без большого восторга восприняли тогда идеи Бевериджа, в отличие от Лейбористской партии. В Национальном правительстве военного времени Черчилль отдал лейбористам несколько важных постов – Э. Бевин возглавил Министерство труда, Г. Моррисон стал главой Министерства внутренних дел, К. Эттли стал заместителем премьер-министра. Лейбористам участие в коалиционном правительстве дало, несомненно, бесценный опыт, который они использовали в период послевоенного управления страной².

Однако в целом, консерваторы не уделили большое внимание новым запросам британского общества и не смогли предложить избирателям внятной социальной программы, в то время как лейбористы, наоборот, подхватили и развили идеи Бевериджа.

Предвыборная кампания консерваторов преимущественно базировалась на личности самого У. Черчилля. Из десяти радиовыступлений, отведенных на избирательную кампанию, лидер партии взял на себя четыре, в остальных от имени правительства выступили А. Иден, Р. Батлер и другие видные деятели партии³. Другим мощным оружием тори стало использование медиа-возможностей лорда Бивербрука, владевшего такими крупными британскими изданиями как «Дейли Экспресс» и «Ивнинг Стандарт». В прессе, ориентированной на консерваторов, шла мощная атака на лейбористов, которых

¹ The Welfare State. URL: http://www.nationalarchives.gov.uk/pathways/citizenship/brave_new_world/welfare.htm

² 5 July 1945. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/special/politics97/background/pastelec/ge45.shtml>

³ Сванадзе Л. Н. Консерваторы и проблемы послевоенного развития. 1945-1955 гг. М., 1984. С. 14.

идентифицировали с коммунистами и убеждали население, что программа национализации промышленности неминуемо приведет к установлению тоталитарного режима в стране.

Программа лейбористов называлась «Давайте смотреть в будущее вместе» и включала три ключевых элемента: внедрение системы социального страхования на основе «Доклада Бевериджа», создание Национальной службы здравоохранения и национализацию ключевых отраслей промышленности.

У консерваторов на выборах 1945 г. отсутствовала широкая программа послевоенной перестройки страны. Черчилль даже не допускал мысли, что тори, приведшие Британию к победе в войне под его руководством, могут проиграть лейбористам. На волне этой уверенности консерваторы недооценили важность внутриполитических вопросов на своих первых послевоенных выборах. Разногласия внутри партии особенно ярко проявились при обсуждении «доклада Бевериджа», выдвинувшего, как считали «консервативно» настроенные тори, довольно радикальные представления о реорганизации системы социального обслуживания¹.

Из консерваторов сформировалась группа, в состав которой вошло около 40 парламентариев во главе с К. Хоггом. Эта группа ограничилась составлением так называемого «четырёхлетнего плана» для мирного времени, в котором содержалось обещание улучшить медицинское обслуживание, систему обеспечения и систему образования.

В предвыборной программе консерваторов 1945 г. в основном нашла отражение внешнеполитическая тематика (именно с раздела «Британия и внешний мир» начинался предвыборный манифест), в то время как по вопросам социальной и экономической политики были сформулированы размытые тезисы о необходимости реализации крупномасштабных социальных проектов в рамках четырёхлетнего плана. Детали этих проектов и их сроки не уточнялись. Целью консервативной партии провозглашалось расширение экспорта и уменьшение

¹ Горбик В. А. Указ. соч. С. 19.

импорта, поддержание стабильности фунта стерлингов, сохранение свободного предпринимательства, комплекс мер в области жилищного строительства, здравоохранения, социального обеспечения¹.

Как покажут результаты выборов, эти идеи консерваторов заметно проиграли масштабной социальной программе лейбористов. Последние парламентские выборы состоялись в стране 10 лет назад. За этот длительный период произошли значительные изменения, в том числе в социальной структуре общества, обновился электорат. Консерваторов поддерживали в основном представители среднего (60 %) и рабочего класса (30 %)².

В начале июля 1945 г. состоялись выборы в Палату общин. У. Черчилль, вынужденный уехать в Лондон на несколько дней из Потсдама, где проходила последняя встреча «Большой тройки», был уверен, что вернется уже в качестве нового премьер-министра. В Потсдаме он даже оставил некоторые вещи и личного врача. Однако этим расчетам не суждено было сбыться. 26 июля были объявлены итоги парламентских выборов: тори потерпели сокрушительное поражение. Лейбористы получили 393 места, консерваторы только 210 мест и 12 мест либералы.

Поражение консерваторов смело можно считать одним из самых неожиданных в истории партии. Во всяком случае, самого лидера тори такие итоги обескуражили. Черчилль был уверен, что британцы должны были быть ему благодарны за то, что он привел страну к победе. Однако установление мира означало, как показали результаты выборов, что пришло время осмыслить нелегкий опыт «политики умиротворения», проводимой под эгидой консерваторов и приведшей Британию к войне. Хотя У. Черчилль выступал с резкой критикой курса на «умиротворение» Германии и других стран, после 1945 г. население Туманного Альбиона дало свою оценку партии и прошедшему

¹ Mr. Churchill's Declaration of Policy to the Electors. URL: <http://www.politicsresources.net/area/uk/man/con45.htm>

² Громько Ал. А. Политическая модернизация Великобритании от Вестминстерской к плюральной модели демократии. М., 2005. С. 57.

периоду и явно обозначило запросы на проведение новой политики, прежде всего, в социальной сфере.

Заокеанский союзник – Соединенные Штаты – накануне выборов прогнозировал победу тори. И. Берлин, сотрудник Британской службы информации в Вашингтоне сообщал в Форин оффис, что американские политики и «средний американский обыватель рассматривают Черчилля как «самый значимый символ» британского вклада в мировые дела»¹. Известие о поражении Черчилля, сообщал И. Берлин, «шокировало США, и по силе потрясения было сравнимо с известием о бомбардировке Пёрл-Харбора»².

Партия после поражения 1945 г. очевидно нуждалась в перестройке. Провал на выборах означал, что наступило время обновления программных установок. Следовало не только задаться вопросом о причинах поражения на выборах в Палату общин, но и подумать над вопросами внесения изменений в стратегию и тактику партии. Очевидно, что мир после окончания Второй мировой войны стал другим и требовал учитывать новые потребности измученного войной и предвоенным экономическим кризисом общества.

Поражение на выборах сделало востребованными идеи реформистски настроенных консерваторов, получивших название «прогрессивного торизма». Наиболее заметные фигуры в реформистском крыле Консервативной партии (Р. Батлер, Г. Макмиллан, Д. Максвелл Файф и другие) еще до начала Второй мировой войны стали озвучивать идеи об обновлении идеологических основ партии. После 1945 г. с их подачи дискуссии внутри партии развернулись вокруг следующих вопросов:

Первый – вопрос лидерства. Вплоть до сегодняшнего дня в Великобритании проигрыш партии на выборах ставит в первую очередь вопрос о смене лидера. Так, по итогам выборов в Палату общин в мае 2015 г. в отставку подали лидеры сразу трех партий – Лейбористской, Либерально-демократической

¹ Washington Despatches. 1941-1945. Weekly Political Reports from the British Embassy. Ed. by H.G. Nicholas. Introduction by I. Berlin. Chicago, 1981. P. 568-569. 576.

² Ibid. P. 595.

и Партии независимости Соединенного Королевства. Фигура У. Черчилля, выигравшего войну, но проигравшего послевоенные выборы, может, и вызывала сомнения внутри Консервативной партии, но их никто не высказывал. Авторитет и вес личности «самого великого Англичанина» не позволяли ставить вопрос о смене лидера тори, скорее речь могла идти о корректировке программных установок. Г. Макмиллан в мемуарах дипломатично основными причинами поражения называл тяжелые предвоенные годы с высокой безработицей и неспособность консерваторов сохранить мир¹. Эти два фактора действительно ассоциировались – и вполне справедливо – с партией тори.

Тем не менее, поражение консерваторов на выборах 1945 г. имело еще одно немаловажное следствие. Именно с этого времени на формулирование политики и программ партии, прежде всего, по внутривнутриполитическим и социальным проблемам большее, чем прежде, влияние начинают оказывать «прогрессисты», пытавшиеся ослабить давление имперски настроенных тори-аристократов.

Второй – **вопрос о названии**. Эта проблему прежде всего поднимали представители реформистского крыла партии в рамках задачи по общей реорганизации партийного механизма. В 1946 г. произошло первое этапное событие на пути реформирования партии - ее председателем по предложению Черчилля стал лорд Вултон, ориентированный на проведение изменений в организационной структуре партии.

Лорд Вултон в правительстве Черчилля занимал пост министра продовольствия, но не являлся членом Консервативной партии. Сам он считал себя независимым и придерживался либеральных взглядов. В партию Вултон вступил, когда стало известно о поражении тори на выборах и последовало предложение Черчилля о должности председателя².

Лорд Вултон разделял идеи о смене названия партии, но справедливо считал, что думать над этим вопросом следует тогда, когда будет разработан

¹ Macmillan H. Tides of fortune... P. 33-34.

² Трухановский В. Г. Антони Иден. М., 1974. С. 281.

новый политический курс, адаптированный к современным потребностям общества и изменившейся роли страны в мире. Как вспоминал Г. Макмиллан: «Вултон согласился со мной, что от названия партии многое зависит и следует подумать над новым именем партии. Он считал, что «слово «консервативный» в некотором смысле кажется непривлекательным массам современного электората...». Вултон предложил название – «Единая (или союзная) партия» или «партия единства» (“Union party”). Такая формулировка могла бы, по его мнению, выражать «единство империи, сущностное единство между короной, правительством и народом». При этом лорд Вултон был убежден, что «партия может позволить себе сменить название только в период успеха, но не в момент провала»¹.

Консерваторы чутко уловили, что им нужно постараться выработать такую программу (и, возможно, название), которая привлечет к ним электорат лейбористов, причем ставка делалась на молодых избирателей. Среди новых вариантов наименований партии звучали предложения о «консервативных демократах», «прогрессивных консерваторах», «национал-демократов» и т.д.

Одним из поборников изменений в структуре и идеологии был Г. Макмиллан, в то время один из ярких представителей реформистского крыла тори. Г. Макмиллана по праву считают одним из самых интеллектуальных и начитанных консервативных лидеров со времен У. Гладстона. Кроме 6 томов мемуаров, он написал 3 книги по экономике и был соавтором еще трех работ, посвященных социально-экономическим вопросам.

Г. Макмиллан после Второй мировой войны внес заметный вклад в обновление идеологического багажа консерваторов. Он поддерживал идею о смене названия партии, и в одном из предвыборных выступлений в конце 1940-х гг. именовал ее: «Новая демократическая партия»².

¹ Macmillan H. Tides of fortune. 1945-1955. L., 1969. P. 292-293.

² Idem. P. 288-289.

Такой эксперимент с дистанцированием от термина «Консервативная партия» можно считать единичным случаем, и насколько он был успешен, сложно судить. Всерьез переименовывать партию никто не предлагал, все же прежнее название уже стало брендом, символом политической жизни страны и предсказать реакцию населения на такой решающий шаг было бы трудно. Однако организационная и идейная основы партии все же подверглись серьезному пересмотру.

Третий – вопрос о демократизации и изменении организационных основ партии. Структурная перестройка Консервативной партии началась еще до назначения лорда Вултона на пост председателя. Одним из признаков начавшихся перемен стал уход с высоких партийных постов тех, кто считал себя наиболее ответственным за консервацию партийной структуры или не был согласен с инициативами по ее обновлению. В августе 1945 г. с поста заместителя председателя партии ушел Г. Митчелл. В сентябре 1945 г. от поста генерального директора в Центральном бюро отказался Р. Топпинг. В конце 1945 г. была создана новая структура – Консервативный политический центр, возрожден на расширенной основе Исследовательский отдел и образован Парламентский секретариат¹.

Лорд Вултон инициировал ряд реформ, значительно демократизировавших доступ к участию в партии. С 1946 г. «идеологическое обновление» Консервативной партии стало происходить в форме «двустороннего движения» идей – от рядовых членов партии к ее руководству и наоборот². Особое внимание было уделено организации и проведению как всеобщих, так и местных выборов. Была проведена серия преобразований в системе партийного финансирования, укреплен независимость местных ассоциаций, усовершенствованы средства пропаганды и агитации. «Революционный», по выражению Макмиллана, характер имела реформа в области избирательных расходов кандидатов. Основой для

¹ Сванадзе Л. Н. Указ. соч. С. 35.

² Горбик В. А. Указ. соч. С. 94-96.

изменений послужили выводы комитета под руководством Д. Максвелл Файфа, предполагавшие устранение финансового барьера: взносы для кандидатов в Палату общин ограничивались 25 ф.ст. в год, для члена парламента 50 ф.ст. Все расходы на избирательную кампанию, которые раньше почти полностью ложились на кандидата, теперь поступали из избирательных фондов¹.

Лорд Вултон также попытался решить задачу расширения социальной базы консерваторов за счет электората лейбористов. Для этого требовалось усилить влияние партии на уровне муниципальных советов и местного самоуправления. С этой целью на постоянную основу были зачислены специальные агенты для осуществления активной работы в местных избирательных участках и округах. Особое внимание новый председатель придавал распространению специальной литературы, брошюр и плакатов, призывающих вступить в Консервативную партию. В результате этих преобразований, к 1947 г. в 300 избирательных округах было завербовано около 226 тыс. новых членов. Хотя к концу 1947 г. общая численность партии едва достигла 1 200 тыс. чел., в июле 1948 г. в партии насчитывалось уже 2 249 031 чел².

Четвертый – вопрос обновления программных установок в экономической и социальной сферах. В конце 1946 г., по итогам партийной конференции в Блэкпуле, был создан комитет для выработки нового документа в сфере производства под руководством Р. Батлера³. Итогом его работы стала «Промышленная хартия» (далее – Хартия).

В подготовке документа, кроме Батлера и других «прогрессивных» консерваторов, принимал участие и Г. Макмиллан, который пытался выдвинуть идею – в духе Дизраэли и Гладстона – о сплочении всех классов в конструктивной и прогрессивной программе. «Годы войны изменили мир и поставили нас перед новыми и большими задачами, – писал он. – Существует внушительная разделяющая линия между теми, кто верит в главную социалистическую догму –

¹ Macmillan H. Tides of fortune. 1945-1955. L., 1969. P. 294-295.

² Сванадзе Л. Н. Указ. соч. С. 41.

³ Macmillan H. Tides of fortune. 1945-1955. L., 1969. P. 301.

национализацию всех средств производства, распределения и богатства, и теми, ...кто видит в этой догме мрачный кошмар тоталитарного государства. В противовес этим сырым догмам я предлагаю такое решение современных проблем, которые будут обеспечивать свободу и порядок. Такое решение будет базироваться на принципе баланса, модернизации и среднего пути»¹.

В области экономики все политические силы Великобритании считали сложившуюся в 1930-е гг. кейнсианскую модель главным рецептом от повторения экономической депрессии и не подвергали ее сомнению. Ядром кейнсианской теории регулирования экономики являлось поощрение так называемого эффективного спроса за счет увеличения государственных расходов и повышения роли государства в социальной сфере.

В 1938 г. была опубликована работа Г. Макмиллана «Средний путь», в которой он предлагал соединить либеральные взгляды XIX в. с их верой в индивидуализм и свободный капиталистический рынок с активной ролью государства в обеспечении социальных услуг. Эти предложения явно перекликались с идеями Дж. Кейнса, ставшими популярными в капиталистических странах в период экономической депрессии. По мнению Макмиллана, государство не должно напрямую вмешиваться в экономику, но должно создавать климат, который будет способствовать промышленной реорганизации. За эти соображения будущий премьер-министр, в то время один из «заднескамеечников», подвергался критике как левый².

Только после Второй мировой войны и поражения тори на выборах 1945 г. изложенные в ряде работ взгляды Г. Макмиллана нашли отклик у реформистки настроенных соратников по партии, и «прогрессивный консерватизм» стал доминирующим курсом тори в конце 1940-начале 1960-х гг.

«Промышленная хартия» воспроизводила основные параметры кейнсианской модели и при этом, что симптоматично, отвергая в принципе

¹ Idem. P. 291.

² Green E. H. H. Ideologies of Conservatism: Conservative Political Ideas in the Twentieth Century. Oxford, 2002. P. 158-162.

национализацию, не покушалась на национализированные лейбористами угольную промышленность, железные дороги, Банк Англии. Высказывалось намерение вернуть в частные руки только металлургию. Документ сочетал идеи свободы и частного предпринимательства и коллективизм в рамках смешанной экономики и был нацелен на поддержание полной занятости, поддержание и улучшение социальных услуг, сохранение стратегического контроля ключевых отраслей экономики в руках правительства, в то же время, сохраняя там, где это возможно, тактическую роль частного предпринимательства¹.

Появление этого документа вызвало раскол в партии. Часть консерваторов с энтузиазмом поддержала основные положения Хартии, другая часть сочла их «радикальными» и «полусоциалистическими». Были и те, кто считал, что документ никогда не будет осуществлен². У. Черчилль, ознакомившись с Хартией, с некоторыми поправками одобрил ее, и на партийной конференции в Брайтоне в мае 1947 г. подавляющее большинство депутатов поддержало документ.

Вслед за «Промышленной хартией» в промежутке между очередными партийными конференциями были подготовлены и опубликованы «Сельскохозяйственная хартия», «Консервативная политика для Уэльса и Монмутшира» и партийные заявления о политике в женском вопросе и в отношении Шотландии³. Разработка этих документов свидетельствовала о движении партии по пути пересмотра ее установок во внутривнутриполитической сфере. При этом консерваторы, так же как и лейбористы, не подвергали сомнению – вплоть до начала 1970-х гг. – базовые принципы кейнсианской доктрины, и считали поддержание полной занятости и обеспечение экономического роста достижимым и желательным. В политических кругах даже бытовало мнение, что поддерживать полную занятость нужно чуть ли не любой ценой⁴.

¹ Doxbury N. Lord Kilmuir: A Vignette. L., 2015. P. 18-19.

² Macmillan H. Tides of fortune. 1945-1955. L., 1969. P. 302.

³ Сванадзе Л. Н. Указ. соч. С. 61.

⁴ Современный консерватизм. / К.С. Гаджиев, С. П. Перегудов, В. А. Скороходов и др. М., 1992. С. 8-9.

За этими партийными документами последовала «Правильная дорога к Британии», ставшая результатом работы комитета под руководством А. Идена. Среди членов комитета были Р. Батлер, лорд Солсбэри, лорд Вултон, Д. Максвелл Файф и Г. Макмиллан. Документ в основном воспроизводил те новые подходы и концепции, которые были высказаны тори-прогрессистами ранее. Однако были и новшества – они касались новых подходов к международным делам и разделов по социальным услугам. К выборам 1950 г. этот партийный памфлет был опубликован под названием «Вот эта дорога»¹.

Реформированию программных установок партии, во всяком случае, во внутривнутриполитической сфере, благоприятствовала позиция У. Черчилля. Внимание лидера консерваторов после войны продолжали поглощать в основном внешнеполитические проблемы. Как вспоминал Г. Макмиллан, «он [Черчилль – *Е.Х.*] не любил вникать в детали социально-экономической политики; поэтому сторонники реформ получили значительную свободу действий»². Кроме того, Макмиллан и Батлер не упускали случая подчеркнуть, что предлагаемая ими линия поведения является продолжением «торийской демократии», поборником которой считался отец лидера партии Рэндольф Черчилль.

На выборах 1950 г. Г. Макмиллан попытался апробировать обновленную партийную риторику: «Мы должны проводить твердый политический курс. Этот курс должен иметь материальную и духовную основу. Мужчины и женщины имеют как права, так и обязанности. У них долг перед Богом и соседями (или, если использовать современную формулировку, государством). У них также есть долг перед самими собой и своими семьями. ... Чрезмерный индивидуализм эры невмешательства недооценивал долг человека перед своими соседями, и переоценивал права отдельного человека и семьи. Социалистическая (или коллективистская) доктрина одинаково отрицает права личности и раздувает права государства. Обе эти крайности неверные, поскольку основаны на

¹ Macmillan H. Tides of fortune... P. 311.

² Галкин А. А., Рахшмир П. Ю. Консерватизм в прошлом и настоящем. М., 1987. С. 109.

материалистической философии, но без моральной основы. Первое ведет к анархии, второе к рабству. Правильный курс – это средний путь, сочетающий Прогресс и Свободу»¹.

Послевоенная ситуация явно благоволила возвращению Г. Макмиллана к его предвоенной идее о среднем пути. Как покажет время, эта мысль окажется востребованной в период послевоенного складывания двухпартийного консенсуса.

В целом, предвыборная программа консерваторов 1950 г., в отличие от программы 1945 г., была более продумана и сбалансирована по внутри- и внешнеполитическим аспектам. Консерваторы учли уроки первой послевоенной избирательной кампании, и пять лет спустя шли на выборы «не с пустыми руками». Свою политическую платформу тори выстроили вокруг «глобальной роли» или «миссии» страны, заключающейся в сплочении англоговорящего мира и стран Западной Европы. У. Черчилль провозгласил задачу «восстановления экономической независимости страны, полной личной свободы наших граждан и их предпринимательской инициативы». Лидер партии подчеркнул, что «пока Великобритания не сможет занять свое место в мире, она не сможет и осуществлять максимальный вклад в сохранение мира, а мир – это наша высшая цель»².

Тори обрушились также с яростной критикой на «социалистов», обвинив их в «растрате средств», выделенных по плану Маршалла. Консерваторы указали на тот факт, что с 1945 г. Британия получила от США и стран Содружества в виде подарков и кредитов сумму более 2 млрд. ф.ст., и все они были «потрачены впустую», в то время как уже через год – в 1952 г. – завершался срок действия «Плана Маршалла». Лейбористы, по мнению консерваторов, «заставили население поверить в сказку, что в государстве всеобщего благоденствия всё будет для всех и даром». В действительности же, платой за такое социально

¹ Macmillan H. P. 312-313.

² This is the Road: The Conservative and Unionist's Party Policy. URL: <http://www.politicsresources.net/area/uk/man/con50.htm>

ориентированное государство стал неуклонный рост налогов: «с каждого заработанного в стране фунта казна удержала 8 шиллингов»¹.

Консерваторы предлагали, как и прежде, сосредоточиться на развитии торговли внутри империи и Содружества, учитывая зависимость британской экономики от привозного сырья и продовольственных товаров. Тори считали необходимым взять курс на сокращение государственных расходов, чтобы снизить налоговое бремя, добиться равенства в оплате труда для мужчин и женщин, снизить стоимость продуктовых товаров и сделать социальную помощь более адресной, а не давать «ее всем без разбора», намекая на политику лейбористов².

В отношении национализации содержалось предложение не допустить обещанного кабинетом К. Эттли огосударствления цементной, сахарной отрасли, сферы распределения мяса, системы страхования, производства стали и остановить национализацию общественного транспорта, вернуть в частные руки гражданскую авиацию. При этом консерваторы, как следовало из программы, не покушались на уже созданную в рамках социально ориентированного государства Национальную службу здравоохранения, предлагая ее совершенствовать. В военной сфере тори предлагали провести оценку оборонного бюджета, на который лейбористы заложили 750 млн. ф.ст³.

На этих парламентских выборах победу с небольшим перевесом голосов одержали лейбористы, получив 315 мест против 298 у консерваторов и 9 у либералов. Кабинет министров вновь сформировал лидер партии К. Эттли. Однако финансовые трудности и желание укрепить позиции партии заставили лейбористов провести через год новые выборы.

На выборах 1951 г. программа консерваторов приобрела еще большую напористость – тори уже проиграли две избирательные послевоенные кампании и сейчас, когда лейбористы столкнулись с серьезными экономическими и

¹ Ibidem.

² Ibidem.

³ Ibidem.

внешнеполитическими трудностями, консерваторы собирались дать им решающий бой.

Неслучайно У. Черчилль обозначил эти выборы как «поворотный момент для наших судеб и даже для жизни Великобритании» и обрушился с более яростной критикой, чем на выборах 1950 г., на политику лейбористов: «Попытка навязать доктринерский социализм на острове, который стал великим и знаменитым благодаря свободному предпринимательству, нанесла серьезную травму нашей силе и процветанию. Национализация оказалась провалом, приведшим к тяжелым потерям для налогоплательщиков и потребителей. ...Она ухудшила отношения внутри профсоюзов. ...Наши финансы оказались в тяжелом расстройстве. Никогда еще британское правительство в мирное время не тратило деньги ... таким безрассудным способом, как это делают наши нынешние правители. Помимо 2 млрд. млн. ф.ст., которые лейбористы заняли или получили от Соединенных Штатов и доминионов, они тратили более 10 млн. ф.ст. в день ... Мы стали больше платить за то, что покупаем из-за рубежа, и получаем меньше за то, что продаем»¹.

Черчилль провозгласил задачу «достижения национального единства, которое как никогда необходимо». При этом лидер тори не подвергал сомнению сложившуюся кейнсианскую модель, заявив о том, что «Консервативная партия ставит целью повышение нашего национального дохода. Достижение этой цели будет способствовать полной занятости и сохранению наших социальных услуг»².

В целом, предвыборные программы консерваторов в 1950 и 1951 гг. показывали, что тори в период оппозиции смогли использовать свое поражение как шанс для значительного обновления идеологического багажа партии и ее риторики. Консерваторам удалось, не отказываясь от ключевых базисных принципов своей идеологии, обновить прежние установки, приблизив их к послевоенным реалиям.

¹ 1951 Conservative Party General Election Manifesto. URL: <http://www.conservativemanifesto.com/1951/1951-conservative-manifesto.shtml>

² Ibidem.

1.3 «Концепция трех окружностей» и пересмотр внешнеполитических установок консерваторов после Второй мировой войны

Концептуальной основой внешней политики консерваторов после 1945 г. стала сформулированная У. Черчиллем теория «трех величественных кругов» или трех сфер, которую лидер партии озвучил осенью 1948 г. Однако выкристаллизовываться эта формула начала, вероятно, еще в годы Второй мировой войны.

После войны замыслом этой идеи Черчилль делился с коллегами. Австралийский политик Р. Мензис вспоминал, как после войны он прилетел в Лондон на очередную конференцию стран Содружества и остановился в гостях у лидера тори. Как-то в беседе за завтраком У. Черчилль нарисовал Р. Мензису на бумаге три круга, сплетенных друг с другом наподобие олимпийских. Первый из них представлял Европу, второй – остальной мир, а третий – Британское Содружество. Соединяющим элементом всех этих кругов была Великобритания¹.

Официально концепция «трех сфер» была озвучена на ежегодной партийной конференции в октябре 1948 г. Любопытно, что примерно с одинаковым заявлением о трех внешнеполитических приоритетах, фокусом которых является Великобритания, кроме У. Черчилля выступил и министр иностранных дел А. Иден². Однако авторство концепции все-таки приписывают Черчиллю.

В выступлении 9 октября 1948 г. У. Черчилль заявил: «Когда я пристально смотрю в будущее в свете изменений человеческих судеб, я чувствую существование трех больших сфер среди свободных народов и демократий. Первая для нас, естественно, Британское Содружество и империя со всеми их компонентами. Затем англосаксонский мир, равняющийся на США, в котором

¹ Сванадзе Л. Н. Указ. соч. С. 272-273.

² Там же.

мы, Канада и другие британские доминионы играем столь важную роль. И, наконец, это объединенная Европа»¹.

Именно эти три направления – имперское, англо-американское и европейское – будут определять характер британской внешней политики в послевоенное время, сохраняя свою значимость вплоть до сегодняшнего дня.

1.3.1 Англо-американские «особые отношения»: замыслы консерваторов и их реализация лейбористами

Великобритания в годы Второй мировой войны наряду с США и СССР принимала участие в разработке принципов будущего мироустройства. С полным основанием страна являлась одной из победительниц в войне и претендовала на ведущую роль в мировых делах.

Предвыборная программа консерваторов 1945 г. была посвящена проблемам продолжения войны с Японией и послевоенному урегулированию. Консерваторы в лице У. Черчилля продолжали рассчитывать на сохранение глобальной роли Великобритании при опоре на своего заокеанского союзника и недавно созданные международные институты. У. Черчилль указывал на желательность союза с СССР и США, связывая «надежды на мир» с недавно созданной ООН и сохранением «Большой тройки»².

Однако экономическое благосостояние страны уже не позволяло Британии в полной мере осуществлять свои глобальные интересы в прежнем объеме. Материальный и финансовый урон от военных действий был значительным. Страна находилась «почти в отчаянном положении»: ущерб от налетов немецкой авиации оценивался в 3 млрд. ф.ст., за границу были проданы активы на сумму более чем 1 млрд. ф.ст., доходы от зарубежных инвестиций сократились в два

¹ Там же. С. 274.

² Mr. Churchill's Declaration of Policy to the Electors. URL: <http://www.politicsresources.net/area/uk/man/con45.htm>

раза¹. Экспорт Британии снизился на треть по сравнению с довоенным уровнем, доля страны в мировой торговле упала, общая сумма долгов составляла около 4 млрд. ф.ст².

Как и в Первую, так и во Вторую мировую войны Великобритания вновь прибегла к крупным займам у США. Внешние займы позволяли стране выживать в годы войны, но после ее окончания британское правительство оказалось не только перед задачей возвращения долгов, но и решило вновь обратиться с просьбой о займе к Вашингтону.

В начале сентября 1945 г. делегация, сформированная во главе Дж. Кейнсом, отправилась за океан для обсуждения условий нового займа. Прекращение американских поставок по ленд-лизу обострило экономические проблемы Лондона. По прибытии в Вашингтон Кейнс сразу почувствовал, что атмосфера изменилась: американцы прямо дали понять, что «война закончилась, и сейчас США должны решать свои внутренние проблемы»³.

Конгресс первоначально негативно отнесся к идее оказания послевоенной помощи Британии. Сенаторы воспринимали мысль о предоставлении займа лейбористам как просьбу к «частному бизнесу США профинансировать британский социализм». Также в Вашингтоне опасались, что послевоенный заем может стать началом вовлечения страны в европейские дела на постоянной основе в мирное время, что шло вразрез с внешнеполитическими традициями США. Тот аргумент, что без экономической помощи европейские союзники Вашингтона не смогут должным образом воспрепятствовать распространению советского влияния на страны Западной Европы, по мнению британского автора Х. Кеннета, на высшем политическом и экономическом уровне пока еще мало кто принимал во внимание: население США все еще рассматривало русских как союзников⁴.

¹ Лундестаг Г. Восток, Запад, Север, Юг. Основные направления международной политики. 1945-1996. М., 2002. С. 25.

² Сванадзе Л. Н. Великобритания: консерваторы... С. 10-11.

³ Kenneth H. Attlee. N.Y. and L., 1982. P. 271-273.

⁴ Idem. P. 273.

Кейнсу и его команде все же удалось спустя несколько месяцев сложных переговоров получить кредит. Соглашение о займе было подписано в декабре 1945 г. в Вашингтоне и вступило в силу летом 1946 г. Условия американского займа были жёсткими. Британия получила не 4 400 млн. долл., как рассчитывала, а 3 750 млн. долл. на условиях 2 % годовых с погашением равными долями с 1952 г. в течение 50 лет. Остальные 650 млн. были зачислены в счет оплаты поставок Британии по ленд-лизу. При этом проценты Лондон должен был выплачивать на всю сумму. Также делалась оговорка, что Британия может пропускать ежегодные выплаты в случае мер экономического принуждения, чем страна воспользовалась шесть раз за период выплаты долга, окончательно погашенного только в 2006 г¹.

Достигнутое англо-американское финансовое соглашение было преподнесено широкой общественности внутри страны и за ее пределами как «первый шаг» к восстановлению нормального функционированию стерлингового блока. В декабре 1946 г. в МИД СССР было передано заявление Правительства Его Величества, в котором подробно излагалась суть американского займа в контексте значимости стерлинговой зоны для британской экономики.

В заявлении говорилось о том, что «стерлинговый блок является не искусственным образованием, а естественным развитием в течение века или более торговых и банковских отношений. Великобритания и другие заморские страны ведут большую часть своей торговли в стерлингах и держат большую часть своих денежных резервов в Лондоне. ...в начале войны мы, совместно с другими членами стерлингового блока, ввели систему валютного контроля и так как истощение наших резервов нарастало до начала ленд-лиза, мы просили членов стерлингового блока вести свои дела так, чтобы довести до минимума требование на такие резервы... Займ от Соединенных Штатов является необходимым началом [для восстановления стерлингового блока – *Е.Х.*]. Торговля и процветание крупных держателей стерлинговых фондов тесно связаны с судьбой стерлинговой

¹ Манчестер У., Рейд П. Уинстон Спенсер Черчилль. Защитник королевства. Вершина политической карьеры. 1940-1965. Пер. с англ. М., 2016. С. 1041.

валюты и поддержанием покупательной способности стерлинга и возрождением стерлинга как свободной международной валюты для всех текущих операций»¹.

Соглашение действительно предусматривало введение не позднее лета 1947 г. свободной конвертации фунта стерлингов на доллары по текущим операциям и разблокирование «замороженных» ею стерлинговых авуаров доминионов и колоний в лондонских банках. Однако такие условия на практике привели к тому, что страны империи и Содружества израсходовали свои авуары и перевели фунты стерлингов в доллары. Таким образом, США получили возможность проникновения на рынки входящих в британскую сферу влияния стран².

Постоянная нехватка средств ляжет тяжелым грузом на британскую экономику, в течение длительного времени серьезно ограничивая внутри- и внешнеполитические возможности Лондона. Ситуация в какой-то степени напоминала итоги Первой мировой войны, когда проявились первые признаки долгосрочного экономического ослабления Британии. В конце 1940-х гг. лейбористское правительство, находясь под постоянным экономическим давлением, было вынуждено обесценить фунт стерлингов на 30 %, несмотря на неоднократные заверения о том, что ослабления национальной валюты удастся избежать.

Переход СССР и США, приобретших за годы войны статус сверхдержав, от сотрудничества в рамках Антигитлеровской коалиции к холодной войне в 1945-1946 гг., обострял обстановку в Европе и актуализировал поиск адекватной реалиям дня модели безопасности. Британское правительство считало возможным и выгодным для себя вернуться к прежней роли посредника, на этот раз в отношениях двух сверхдержав, рассчитывая обращать в свою пользу разногласия СССР и США. Британские политики возлагали надежды на свою одну из старейших в мире дипломатических школ и отсутствие такого опыта у заокеанского союзника.

¹ Архив внешней политики Российской Федерации (далее - АВП РФ). Ф 069. О. 36. П. 116. Д. 6. Л. 110-111.

² Любимов Н. Н. Международные экономические отношения. М., 1957. С. 47-48.

Лейбористы во главе с К. Эттли, сформировавшие по итогам выборов правительство и принявшие участие в Потсдамской мирной конференции, претендовали на лидирующую роль в решении вопросов безопасности и социально-экономического восстановления Западной Европы.

Как и прежде, продолжал пользоваться большим авторитетом У. Черчилль, и после поражения тори на выборах он оказывал заметное воздействие на выработку внешнеполитического курса Великобритании. Лидер консерваторов выдвинул инициативы, которые нашли отклик как в европейских странах, так и за океаном. Замыслы Черчилля касались вопросов экономического возрождения Европы и укрепления международной роли Великобритании и западных стран в целом в условиях наметившейся холодной войны, наиболее явственно обозначившейся по линии раскола двух Германий.

5 марта 1946 г. состоялось выступление У. Черчилля в Фултоне, ставшее наглядным выражением стремительного ухудшения отношений недавних союзников.

Известно, что в маленький американский городок Фултон в Вестминстерский колледж родного штата президента Г. Трумэна – Миссури – послушать речь Черчилля кроме официальных лиц съехалось много рядовых американцев, а само выступление британского политика транслировалась на всю страну. Черчилль в сопровождении президента Г. Трумэна и других официальных лиц прибыл в колледж для выступления, которое вошло в историю.

В обстоятельной речи британский политик обозначил три центральных темы – недопущение новой войны посредством укрепления недавно созданной ООН, проблему тирании и полицейских режимов в «несвободных» государствах и необходимость создания союза англоязычных стран.

Свое выступление Черчилль начал с реверанса в сторону США, находившихся «на вершине своего могущества» в этот «торжественный момент

для американской демократии»¹. Однако для Вашингтона, подчеркнул вслед за этим британский политик, такое положение дел представляет «большую ответственность», явно намекая с первых фраз на потребность США в более опытном партнере, каким могла выступить Британия.

В качестве «общей стратегической концепции, которой мы сегодня должны придерживаться», Черчилль обозначил «безопасность и благополучие, свободу и прогресс ... всех людей во всех странах»². Достичь этого лидер тори предлагал посредством развития преемницы Лиги наций – ООН – которой предстоит стать «реальной», а не «фиктивной» силой, «способной действовать, а не сотрясать воздух». Для этого следовало создать международные вооруженные силы под эгидой ООН, в то же время, закрыв доступ к получению информации о производстве атомного оружия другим странам.

Примечательно, что Черчилль среди стран, обладающими «секретными знаниями об атомном оружии», кроме США назвал Великобританию и Канаду. Сама тема атомного партнёрства в этот период уже приобрела болезненный для Британии характер. Дело в том, что над атомным проектом работала интернациональная команда англо-американских и канадских ученых и технических специалистов, однако в 1943 г. США попытались отеснить своих партнеров от атомного проекта. Хотя и президент Ф.Д. Рузвельт и У. Черчилль были солидарны в том, что использовать атомное оружие следует как инструмент сдерживания коммунизма³.

В стремлении не допустить перевода Британии на вторые роли в атомном проекте, У. Черчилль в конце войны неоднократно делал заявления, подкрепленные комментариями британских ученых, о том, что ядерная бомба является «британо-американо-канадским изобретением»⁴. С приходом к руководству страной Г. Трумэна после смерти Ф. Рузвельта в апреле 1945 г.,

¹ The Sinews of Peace ("Iron Curtain Speech"). 5 March 1946. URL: <http://www.winstonchurchill.org/resources/speeches/1946-1963-elder-statesman/120-the-sinews-of-peace>

² Ibidem.

³ Мальков В. Л. «Манхэттенский проект». Разведка и дипломатия. М., 1995. С. 30-31.

⁴ Washington Despatches... P. 598-599.

монопольное владение атомным оружием стало принадлежать США, которые предпочли «забыть» о британском вкладе в получение атомного оружия.

В Фултоне Черчилль вновь напомнил о «совместном» изобретении ядерной бомбы. Однако спустя несколько месяцев в августе 1946 г. Конгресс примет Акт МакМагона, по которому США было запрещено делиться «атомными» секретами с другими странами. В этих условиях Британия пришлось начинать разработку своей ядерной программы, на которую лейбористское правительство К. Эттли потратит более 1 млрд. ф.ст.¹

Особо пристальное внимание в выступлении Черчилль уделил «опасности тирании», которая наряду с «опасностью войны» присутствовала в странах, которые не имели «тех свобод, которыми пользуются граждане Британской империи». Хотя тут же британский лидер дипломатично оговорился, что «мы не можем осуществлять военное вмешательство во внутренние дела стран, с которыми мы не находимся в состоянии войны»².

Такое уточнение было немаловажным. Особенно если учесть, что еще в мае 1945 г. по заданию премьер-министра У. Черчилля британские военные разработали строго секретную операцию «Немыслимое», детали которой стали известны много лет спустя. Эта операция предполагала осуществление совместно с США военной акции против СССР с целью решения в британскую пользу болезненного польского вопроса.

Началом военных действий против Советского Союза в плане фигурировала первая половина июля 1945 г. Объединенный комитет начальников штабов Великобритании, ознакомившись в июне с этими замыслами, смоделировал возможные сценарии развития событий и пришел к выводу о том, что начало войны с «русской армией» может привести в длительной затяжной военной

¹ Трухановский В. Г. Уинстон Черчилль. М., 1989. С. 413-414.

² The Sinews of Peace ("Iron Curtain Speech"). 5 March 1946...

кампании. Черчилль, прислушавшись к этим выводам, в конце концов, отказался от реализации этого «немыслимого» плана¹.

В Фултонской речи центральным тезисом своего выступления Черчилль обозначил необходимость создания «братского союза англоязычных народов», без которого невозможно «ни эффективное предотвращение войны, ни постоянное расширение влияния ООН». Под союзом таких стран Черчилль предсказуемо понимал «особые отношения между Британским Содружеством и Британской империей и Соединенными Штатами». Такое братское объединение, по его мнению, «требовало не только укрепления дружбы и взаимопонимания между нашими родственными общественными системами, но и продолжения тесных связей между нашими военными, которые должны совместно изучать потенциальные опасности ... путем совместного использования всех военно-воздушных и военно-морских сил»².

По сути, лидер британских консерваторов призвал Вашингтон окончательно отказаться от изоляционистского курса и вслед за уже существующими «особыми отношениями между США и Канадой и южноамериканскими республиками» установить аналогичные тесные связи с Великобританией. Черчилля, как видно, волновала судьба зародившегося в годы войны сотрудничества двух стран, обозначенного им в логике «особых отношений».

Британские политики еще в военный период начали пристально отслеживать динамику англо-американских отношений по самому широкому кругу вопросов. В марте 1943 г. состоялся визит в Вашингтон главы Форин оффис А. Идена, в ходе которого сторонам удалось обсудить проблемы послевоенного урегулирования, среди которых одним из основных был вопрос о создании ООН.

В политическом истеблишменте США не было единого мнения о формате новой международной организации, начало которой было положено подписанием

¹ Hastings M. Operation Unthinkable: How Churchill wanted to recruit defeated Nazi troops and drive Russia out of Eastern Europe. URL: <http://www.dailymail.co.uk/debate/article-1209041/Operation-unthinkable-How-Churchill-wanted-recruit-defeated-Nazi-troops-drive-Russia-Eastern-Europe.html>

² The Sinews of Peace ("Iron Curtain Speech"). 5 March 1946...

1 января 1942 г. Декларации объединенных наций. Многие видные американские политики считали, что страна не должна брать на себя дополнительные обязательства в рамках новой структуры безопасности¹. На тот момент времени курс на сохранение «свободы рук» в Вашингтоне по-прежнему считали магистральным.

Сотрудник британской службы информации при посольстве Великобритании в Вашингтоне И. Берлин сообщал на родину, что единственный момент, вызвавший критику в США в связи с визитом Идена, касался намерений «британского правительства выступить посредником между Россией и Соединенными Штатами»². Это желание, информировал сотрудник британской службы информации, «интерпретировалось в некоторых политических кругах как попытка Британии восстановить ее традиционную позицию как арбитра в поддержании баланса сил между Россией и США как в прежние времена между Германией и Францией»³.

Фултонская речь подтверждала эти опасения. Черчилль явно видел Великобританию в качестве посредника в отношениях двух переходящих к конфронтации сторон. Так, в выступлении он не отверг как таковую возможность союза с Россией. Он напомнил, что у Великобритании подписан договор о дружбе и сотрудничестве на 20 лет с Россией, и этот договор – «в той степени, в которой это зависит от нас, может быть заключен и на 50 лет».

Далее Черчилль произнес прочно вошедшие в политический обиход слова о «железном занавесе», опустившемся «от Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике»: «По ту сторону занавеса все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы – Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт,

¹ 16 марта 1943 г. сенатор Д. Болл от имени четырех сенаторов (двух от Демократической партии – Л. Хилла и К. Хатча и двух от Республиканской – Д. Болла и Р. Бертона) представили Сенату проект, согласно которому США должны выступить с инициативой созыва конференции Объединенных наций, на которой следовало принять решение о скорейшем создании международной организации, обладающей широкими полномочиями в политической, экономической и военной сферах. Этот проект был провален: США на данном этапе были не готовы отказаться от своих прежних изоляционистских установок. См. подробнее: Юнгблюд В. Т., Ильин Д. М. Сенаторы Т. Коннэлли и А. Ванденберг: двухпартийный диалог в США в 1943 г. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. Вып. 126. С. 42-43.

² Washington Despatches... P. 172.

³ Ibidem.

Белград, Бухарест, София. Все эти знаменитые города и их население оказались в пределах того, что я называю советской сферой, все они в той или иной форме подчиняются не только советскому влиянию, но и значительному и все возрастающему контролю Москвы. ... Почти все эти страны управляются полицейскими правительствами, и по сей день, за исключением Чехословакии, в них нет подлинной демократии»¹.

Британский политик не обошел вниманием положение дел и на Ближнем Востоке – окончание войны было отмечено возникновением острого кризиса в Иране в связи с отказом СССР вывести войска в марте 1946 г. в соответствии с англо-советско-иранским договором 1942 г. Однако обсуждение возникшего вопроса в Совете Безопасности ООН вынудило СССР последовать примеру Британии и освободить территорию северной части Ирана.

Также советская дипломатия озвучила свои претензии на изменение режима проливов Босфор и Дарданеллы, установленного Конвенцией Монтрё 1936 г. В марте 1945 г. СССР денонсировал советско-турецкий договор от 1925 г. Советская дипломатия рассчитывала на введение совместного контроля над проливами и размещение своей военно-морской базы на Черном море. Турция отвергла эти предложения, и последовал длительный этап охлаждения политических отношений Москвы и Анкары.

Британское правительство считало возможным обсуждение изменений режима проливов, однако в соответствующей ноте от 20 сентября 1946 г. информировало Москву о том, что «правительство Его Величества не может согласиться с советской точкой зрения о том, что будущий режим должен являться компетенцией только черноморских держав и Турции»², как предлагало советское правительство.

При этом Черчилль в своем выступлении «забыл» упомянуть, как в годы войны США и Великобритания, «отчаянно нуждаясь в СССР для разгрома

¹ The Sinews of Peace ("Iron Curtain Speech"). 5 March 1946. URL: <http://www.winstonchurchill.org/resources/speeches/1946-1963-elder-statesman/120-the-sinews-of-peace>

² АВП РФ. Ф. 69. О. 67. Д. 11. П. 124. Т.6. Л. 56-57.

фашизма, терпимо относились к его геополитическим запросам и... не скупилась на посулы по Проливам и даже Средиземноморью, обещали оказать помощь в военном восстановлении. С окончанием войны и «сменой караула» в Белом доме авансы последних лет были взяты назад. ...»¹. Лидера британских консерваторов продолжал также тревожить и тот факт, что «по другую сторону «железного занавеса» усилились коммунистические партии в Италии, Франции и других западноевропейских государствах. «За исключением Британского Содружества и Соединенных Штатов, где коммунизм находится в стадии младенчества, коммунистические партии, или пятые колонны, представляют собой все возрастающий вызов и опасность для христианской цивилизации. Все это тягостные факты, о которых приходится говорить сразу же после победы, одержанной столь великолепным товариществом по оружию во имя мира и демократии». Любопытно при этом, что Черчилль, несколько раз в выступлении обращаясь к идее о сотрудничестве с СССР, указывал на то, что «безопасность мира требует нового единства в Европе, от которого ни одну сторону не следует отталкивать навсегда. От ссор этих сильных коренных рас в Европе происходили мировые войны, свидетелями которых мы являлись или которые вспыхивали в прежние времена»².

Эта речь, которую весьма условно можно считать точкой отсчета в холодной войне, стала, по сути, «пробой сил» - следовало проверить реакцию как общественности западных стран, так и Советского Союза на озвученные тезисы. Однако отклики западной прессы на выступление Черчилля носили сдержанный характер. Президент Г. Трумэн спустя несколько дней дал пресс-конференцию, на которой отрицал, что заранее знал, о чем будет говорить лидер британских консерваторов. В Великобритании два депутата-лейбориста обратились к К. Эттли с требованием «отречься» от Фултонской речи, их поддержали другие однопартийцы, но премьер-министр отклонил эти требования³. С большим

¹ Печатнов В. О. Возвращение в Фултон. // Россия в глобальной политике. 2006. № 2. С. 14-15.

² The Sinews of Peace ("Iron Curtain Speech"). 5 March 1946...

³ Гилберт М. Указ. Соч. С. 936.

скепсисом к тезисам Черчилля, особенно к идее союза англо-американских стран, отнеслись и в Вашингтоне.

Лейбористское правительство одобрило поездку Черчилля по соображениям, связанным с обсуждением в Конгрессе США сложного вопроса о предоставлении Великобритании крупного займа¹. Правительство К. Эттли рассчитывало, что визит Черчилля и его выступление в США будут содействовать одобрению кредита. Несмотря на критику Фултонской речи со стороны части Лейбористской партии, Черчилль 11 марта на встречах с ведущими американскими финансистами в Нью-Йорке, призвал американцев смягчить отношение к этому вопросу. Эттли оценил помощь, прислав записку со словами «искренней благодарности»².

Выступление лидера британских консерваторов, как видно, во многом носило провокационный характер: Черчилль, прямо не назвав и не упомянув в речи СССР, отнес его к тирании, взявшей под свой контроль ряд европейских территорий. Метафора о «железном занавесе», хотя и не соответствовала в полной мере реальному положению дел (в большинстве указанных Черчиллем стран у власти находились коалиционные правительства в составе прокоммунистических и прозападных сил), прямо сигнализировала о смене вектора отношений союзников от сотрудничества к конфронтации.

Разумеется, считать Черчилля ответственным за начало холодной войны было бы явным упрощением. Как справедливо отмечает российский историк В. О. Печатнов, «Черчилль лишь первым открыто обозначил в Фултоне контуры наступавшей эпохи, ставшие ориентиром для планировщиков холодной войны в США и Великобритании: биполярный раскол мира, центральная роль англо-американской «оси» в западной системе, идеологическая конфронтация с СССР и погоня за атомно-силовым превосходством»³.

¹ Уткин А. И. Черчилль: победитель двух войн. Смоленск, 1999. С. 624.

² Гилберт М. Указ. соч. С. 936.

³ Печатнов В. Возвращение в ... С. 8.

Фултонская речь, как известно, вызвала негативную реакцию И.В. Сталина, решившего ответить на нее в форме интервью корреспонденту газеты «Правда» и подвергнувшего жесткой критике высказанные Черчиллем идеи. И.В. Сталин опроверг тезис о «железном занавесе», указав на коалиционный характер правительств ряда восточноевропейских стран, не исключив, что симптоматично, их полный переход в сферу советского контроля.

Лидер СССР прозрачно намекнул, что потери, которые понесла Красная армия при освобождении этих территорий и легкость, с которой Гитлер совершил нападение на советскую территорию через эти страны, являются достаточным аргументом для включения этих государств в сферу интересов Москвы. «Немцы произвели вторжение в СССР через Финляндию, Польшу, Румынию, Венгрию. Немцы могли произвести вторжение через эти страны потому, что в этих странах существовали тогда правительства, враждебные Советскому Союзу. В результате немецкого вторжения Советский Союз безвозвратно потерял в боях с немцами, а также благодаря немецкой оккупации и угону советских людей на немецкую каторгу около семи миллионов человек. Иначе говоря, Советский Союз потерял людьми в несколько раз больше, чем Англия и Соединенные Штаты Америки, вместе взятые. ...»¹.

В начале 1947 г. по инициативе США британская и американская оккупационные зоны Германии были объединены в Бизонию, что обозначило курс на закрепление раздела страны и создание отдельного западногерманского государства. Весной 1948 г. в Бизонию влилась французская зона, и была образована Тризония.

В декабре 1947 г. личный секретарь Э. Бевина в международных делах Ф.К. Робертс докладывал в Форин оффис об итогах встречи с госсекретарем США Дж. Маршаллом, на которой был затронут вопрос об англо-французском военном сотрудничестве. Робертс отмечал, что французская армия, вызывавшая предмет

¹ Интервью И. В. Сталина газете «Правда» о речи Черчилля в Фултоне (14 марта 1946 г.) URL: http://www.coldwar.ru/stalin/about_churchill.php

гордости у самих французов, в реальности «слишком большая и слабо подготовленная для выполнения современных задач». Такое положение дел вызывало у британского дипломата вопросы о пределах военной кооперации с Парижем¹. Важность этих нюансов была связана с продолжением военной интеграции и приглашением к участию в ней «малых стран» Европы, давших свое согласие.

Этапным событием в этой цепочке интеграционных инициатив стал «План Маршалла» или Программа европейского восстановления. Появление этого плана было связано с проблемами восстановления европейских государств. Администрация Вашингтона отмечала медленные темпы хозяйственной реконструкции Европы, связанные с ухудшением отношений двух сверхдержав после распада Антигитлеровской коалиции и выразившимся в ряде международных кризисов (иранский кризис, «греческий вопрос», проблема Черноморских проливов) и достигших явной точки прямого противостояния в ходе первого Берлинского кризиса 1948-1949 гг. Также трудности экономического восстановления были связаны с холодными и голодными зимами первых двух послевоенных лет.

В этих условиях США, неоднократно получавшие просьбы о займах от европейских государств, инициировали программу экономической и технической помощи. В апреле 1947 г. администрация Белого дома называла среди стран – потенциальных получателей «настоятельной помощи в течение 5 месяцев» – «Грецию, Турцию, Иран, Италию, Францию (не по экономическим, а по политическим причинам), Австрию и Венгрию»². Среди стран, помощь которым могла быть оказана позднее, были названы Великобритания, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Польша и Чехословакия³.

¹ Foreign Relations of the United States (FRUS). 1947. Vol. III. The British Commonwealth, Europe. Wash., 1947. P. 818.

² Ibid. P. 206.

³ Ibid.

В начале июня 1947 г. госсекретарь Дж. Маршалл перед студентами Гарвардского университета озвучил готовность США начать подготовку к реализации крупномасштабной программы помощи европейским странам. «План Маршалла» был адресован всем государствам европейского континента, включая восточноевропейские страны и СССР. Последнему понадобился некоторый период раздумий, связанный с тем, что советское государство объективно нуждалось в поставках для восстановления разрушенной войной территории.

Советское руководство в своих оценках этой программы, в конце концов, склонилось к ее восприятию как экономического инструмента, посредством которого США собираются оказывать политическое влияние на государства Центральной и Восточной Европы. Неслучайно, сама программа была выдвинута вслед за провозглашением в марте 1947 г. доктрины Трумэна, предусматривавшей оказание помощи Греции и Турции в связи с «ослаблением позиций Великобритании и другими обстоятельствами в регионе»¹.

Анализ дискуссий правительственных чиновников США показывает, что поначалу Вашингтон планировал оказать помощь именно государствам Западной Европы. Позднее, в ходе обмена мнениями между Вашингтоном и западноевропейскими странами, родилась идея о приглашении к обсуждению плана Советского Союза и восточноевропейских стран.

Большую заинтересованность в участии СССР в «плане реконструкции Европы» – именно под таким названием фигурировал проект – проявляло правительство К. Эттли, внимательно отслеживавшее реакцию советского правительства на инициативу Дж. Маршалла. Такой интерес был связан со вполне справедливым опасением того, что отказ Москвы от обсуждения плана приведет по цепной реакции к отказу восточноевропейских стран, некоторые из которых с большим интересом и энтузиазмом восприняли «план Маршалла»².

¹ FRUS. 1947. The British Commonwealth, Europe. Wash., 1947. P. 197.

² Cabinet Papers (здесь и далее – САВ). САВ 128-10. 17 June 1947. P. 89. В конце июня 1947 г. состоялся разговор между послом Польши в Вашингтоне и сотрудниками Отдела восточноевропейских стран Государственного департамента США. В ходе встречи посол Польши уточнил, предназначается ли «план Маршалла» для стран Восточной Европы или только странам Западной Европы. Он разъяснил свои сомнения

Британская дипломатия активизировала усилия по организации предварительных консультаций по «плану Маршалла» с Москвой. В конце июня - начале июля 1947 г. в Париже состоялся обмен мнениями между министром иностранных дел Франции Ж. Бидо, главой британского Форин оффис Э. Бевином и министром иностранных дел СССР В.М. Молотовым. Итогом этих обсуждений стал пока еще не озвученный официально фактический отказ Москвы от участия в запланированной на середину июля конференции по проекту американского госсекретаря. Французские дипломаты считали, что позиция советского правительства объясняется его твердым убеждением, что в течение 18 месяцев США ждет глубокая экономическая депрессия, которая похоронит надежды европейских стран на помощь по «плану Маршалла». Как заявил сотрудник Кэ Д'Орсэ М. Кув де Мюрвилль, «Франция никогда не стремилась ни по внутреннеполитическим, ни по другим причинам выступить в роли инициатора европейского блока. К созданию такого блока вынуждает поведение СССР»¹.

В этой связи отказ Москвы от «плана Маршалла» давал западным странам тактические преимущества, позволяя переложить ответственность за раскол Европы на советскую сторону – ни в Лондоне, ни в Париже, ни в США не сомневались, что И.В. Сталин отклонит предложение и окажет соответствующее давление на восточноевропейские государства².

3 июля французское правительство направило официальные приглашения принять участие в конференции в Париже 23 европейским государствам (кроме СССР и Испании). Отказом ответили Чехословакия (сначала заявила о своем ограниченном участии, но затем отвергла и такую форму), Финляндия, Польша, Югославия, Румыния, Болгария, Венгрия.

публикациями в британской прессе, из которых следовало, что план адресован только западноевропейским государствам. Посла уверили, что программа ориентирована на помощь всем европейским странам, события в которых «не объединяют, а разъединяют Европу». Польский посол вслед за этим озвучил намерение Варшавы интегрироваться в экономику Западной Европы, для чего Польша уже начала сокращать экспорт продовольствия в СССР. Интерес к проекту проявила и Чехословакия. Подробнее: FRUS. 1947. The British Commonwealth... P. 260-261.

¹ Ibid. P. 308-309.

² Ibid. P. 258.

12 июля 1947 г. в Париже открылась конференция по «восстановлению Европы» (European Reconstruction), председателем был избран Э. Бевин. В работе конференции приняли участие 16 стран Западной Европы. Официальными целями программы провозглашались хозяйственное возрождение Европы, ликвидация барьеров во взаимной торговле и содействие развитию региона в целом. Были сформированы рабочие комитеты – комитет сотрудничества, исполнительный комитет, комитеты по продовольствию и сельскому хозяйству, энергетике, железу и стали и комитет транспорта¹.

Кроме очевидно гуманитарных задач США посредством «плана Маршалла» ставили целью ослабление чрезвычайно усилившихся за период войны коммунистических партий в западноевропейских странах посредством устранения коммунистов из правительств таких стран как Франция и Италия. Особо важной задачей в Белом доме считали оказание помощи Британии, «иначе она не сможет в полном объеме выполнять свои оборонные и имперские обязательства, что будет означать возникновение вакуума силы» в территориях британской сферы интересов².

К октябрю 1947 г. был подготовлен общий проект плана. Весной 1948 г. конгресс США принял закон «Об экономическом сотрудничестве», предусматривавший осуществление 4-летней программы экономической помощи Европе. Общая сумма ассигнований (с начала апреля 1948 по декабрь 1951 гг.) составила около 13 млрд. долл. Основная доля пришлась на Великобританию (2,8 млрд), Францию (2,5 млрд), Италию (1,3 млрд), Западную Германию (1,3 млрд), Нидерланды (1 млрд).

В соответствии с «планом Маршалла» западноевропейские государства получали материальную помощь в виде товаров и оборудования в обмен на определенные политические и финансовые гарантии в зависимости от интересов США в отношении каждого из участников плана. В апреле 1948 г., когда

¹ Ibid. P. 331.

² Ibid. P. 337.

американский план вступил в силу, его участники официально заявили о создании Организации европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС) для реализации проекта¹. Были сформированы руководящие органы и намечена программа превращения этой организации в структуру, регуливающую экономическое развитие Западной Европы и после окончания срока действия «плана Маршалла». Перед ОЕЭС была поставлена двойная задача: обеспечить 1) успешную реализацию Программы восстановления Европы и 2) дальнейшее экономическое сотрудничество и интеграцию стран-участников². Но, как показали события, созданная организация не смогла выйти за узкие рамки американского плана и уступила намечаемое ей место новым – наднациональным – европейским структурам.

«План Маршалла» стал этапным событием в процессе подключения США к европейским делам и одной из основ для создания мощного военно-политического блока западных держав – в апреле 1949 г. произошло официальное оформление Организации Североатлантического договора в составе 12 государств. Среди них – США, Канада, Великобритания, Франция, Италия, Дания, Бельгия, Исландия, Люксембург, Норвегия, Нидерланды и Португалия.

Разработка проекта НАТО проходила в условиях Берлинского кризиса 1948-1949 г. Обострение отношений вчерашних союзников по германскому вопросу в течение 1946-1947 гг. отражало общее ухудшение международной ситуации и повышение уровня конфликтности в послевоенном мире. Поводом к конфликту вокруг Берлина стало объявление западными странами о проведении сепаратной денежной реформы, несмотря на достигнутые в Ялте в 1945 г. договоренности рассматривать Германию как экономически единое целое. Советское руководство использовало эти намерения западных стран, в которых явно угадывалось желание оформить отдельное германское государство, как повод для блокады Западного Берлина.

¹ В организацию вошли Австрия, Бельгия, Великобритания, Греция, Дания, Ирландия, Исландия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Турция, Франция, ФРГ (в 1949 г.), Швеция и Швейцария.

² FRUS. 1948. Western Europe. Vol. III. Wash., 1948. P. 301-302.

С началом и развитием Берлинского кризиса летом-осенью 1948 г. шли безуспешные дипломатические переговоры между советским правительством и тремя западными странами об урегулировании кризиса. Преодолению сложившейся ситуации мешало отсутствие на первоначальном этапе единства среди западных стран – между Британией и США, с одной стороны, и Францией, с другой стороны¹. Организованный США «воздушный мост» и отсутствие прогресса в попытках СССР добиться уступок от западных стран и включить весь Берлин в советскую зону оккупации привели к провалу акции по блокаде западной части города.

Важно, что первый Берлинский кризис обеспечил необходимый психологический фон для начала переговоров стран Западного союза и США о создании единой системы безопасности. Инициативу в создании такого блока проявила Великобритания, взявшая после войны курс на привлечение Вашингтона к обороне западноевропейского региона в условиях набиравшей обороты холодной войны.

Ядром будущей организации Великобритания видела, в первую очередь, страны Брюссельского пакта и США. Для британской дипломатии особую важность имел 5-й пункт проекта Североатлантического пакта безопасности (именно под таким названием документ фигурировал до официального подписания пакта), подразумевавший принцип коллективной безопасности – нападение на одного из участников рассматривалось как нападение на все страны блока².

Такой принцип был положен в основу Западного союза и имел ключевое значение и для новой организации с участием США. В феврале 1949 г. госсекретарь США заверил британского министра иностранных дел в том, что комитет Сената по международным делам, скорее всего, одобрит эту статью.

¹ CAB 128-13. 7 July 1948. P. 1-2.

² CAB 128-15. 22 February 1949. P. 74-75.

Лондон считал также возможным дополнить зарождающийся Атлантический союз Средиземноморским и Тихоокеанским пактами¹.

С помощью Североатлантического пакта Британия рассчитывала укрепить связи с доминионами, ослабление которых наметилось после Второй мировой войны. Речь шла о Канаде, которая дала согласие на участие в плане и предлагала включить в него статью о развитии культурных связей между участниками. Эту идею активно поддерживала Великобритания, рассматривая участие бывшего доминиона как дополнительное средство по укреплению начавших слабеть связей внутри Содружества.

Между тем внутри Лейбористской партии готовящийся к подписанию документ вызвал раскол, преодолеть который удалось только личными усилиями премьер-министра. После подписания договора о создании НАТО на партийной конференции в Глазго, на которой присутствовало 3 тыс. делегатов, К. Эттли озвучил свое видение необходимости пакта: «Вчера наш министр иностранных дел подписал Североатлантический договор, который, по моему мнению, будет огромным вкладом в поддержание мира... Мы по-прежнему убеждены, что ООН может быть существенным инструментом для сохранения прочного мира. ... но нам необходима эффективная мировая организация [безопасности – *Е.Х.*] по ряду сложных причин. Если мы не можем обеспечить всеобщую коллективную безопасность, мы должны получить то, что мы можем. Атлантический пакт подготовлен в полном соответствии с принципами и целями ООН. Он носит не агрессивный, а только оборонительный характер. Мы должны пригласить к участию в Плане Маршалла восточноевропейские страны, так как не имеем намерения жить в разделенном мире. Ответственность за разделенный мир полностью лежит на плечах правителей Кремля. Мы не оставляем надежду объединить мир, но она воплотится в жизнь только в том случае, если коммунисты откажутся от империалистической идеологии ...»².

¹ Ibid. P. 75.

² Цит. по: Kenneth H. Attlee. N.Y. and L., 1982. P. 315.

В апреле 1949 г. состоялось торжественное подписание договора, учреждающего Североатлантический альянс в составе 12 государств. Создание этой организации во многом свидетельствовало о реализации не столько лейбористских, сколько консервативных установок.

Неудивительно, что на следующих парламентских выборах 1950 г. консерваторы раскритиковали лейбористов за неспособность наладить отношения с Советским Союзом: «Как мы убедились, социалистам не удалось реализовать их заявку 1945 г. на установление хороших отношений с Советским Союзом. На самом деле, констатировали консерваторы, «сегодня Запад и Восток оказались разделены железным занавесом, но ...мы не готовы рассматривать народы Восточной Европы, павшие под советским игом, как потерянные навсегда»¹.

В целом, программа тори по-прежнему была нацелена на укрепление англо-американских отношений: «Мы будем стремиться сотрудничать в братской ассоциации с Соединенными Штатами для того, ...чтобы противостоять коммунистической агрессии»². Эта линия на развитие и укрепление отношений с Вашингтоном станет неотъемлемой частью британской внешнеполитической стратегии и идеологии Великобритании. Англо-американские отношения будут в той или иной степени пронизывать все сферы британской внешней политики и определять ее характер.

Победу на выборах одержали лейбористы, поддержавшие в июне 1950 г. вступление страны в Корейскую войну. 25 июня Северная Корея совершила нападение на Южную Корею. 27 июня 1950 г., когда в Палате общин обсуждался план Шумана, ООН приняла резолюцию Совета Безопасности № 83, призывавшую все государства-членов ООН оказать военную помощь Южной Корее. Советский представитель в Совете Безопасности Я.А. Малик не

¹ Conservative Party General Election Manifesto 1950. This is the Road: The Conservative and Unionist Party's Policy. URL: <http://www.conservativemanifesto.com/1950/1950-conservative-manifesto.html>

² Ibidem.

присутствовал на заседании¹, что позволило другим постоянным членам провести эту резолюцию.

Внутри Лейбористской партии решение ее лидера поддержать США и отправить военный контингент в Корею вызвало раскол, усилившийся в связи с решением министра финансов Х. Гейтскелла урезать финансирование недавно созданной Национальной службы здравоохранения для покрытия дефицита бюджета в связи с увеличением оборонных расходов. В знак протеста министр здравоохранения Э. Бивен подал в отставку.

Консерваторы поддержали лейбористов. Для обеих ведущих партий Великобритании вопросы европейской безопасности и создания объединенных вооруженных сил в Европе в рамках НАТО заняли приоритетное место в повестке дня, отодвинув другие вопросы на второй план. В странах западноевропейского региона с началом Корейской войны вновь возросли опасения перед военной

¹ Существуют разные версии, почему Малик отсутствовал на заседании. Российский историк Б.Д. Пядышев приводит такие: «В воспоминаниях «Памятное» А. А. Громыко повествует, что Сталин, прочтя присланную из Нью-Йорка телеграмму советского представителя при ООН Я. А. Малика относительно предстоящего обсуждения в Совете Безопасности этого вопроса, позвонил вечером Громыко, который оставался «на хозяйстве» в МИДе: – Товарищ Громыко, какую, по Вашему мнению, следует дать директиву? Громыко ответил, что МИД уже подготовил на утверждение И. В. Сталина директиву, которая предусматривала применение права вето и недопущение предлагаемого американцами решения. Сталин сказал в ответ: - По моему мнению, советскому представителю не следует принимать участия в заседании Совета Безопасности. Громыко стал говорить о том, что в отсутствие нашего представителя Совет Безопасности может принять любое решение вплоть до отправки в Южную Корею войск из других стран под личиной «войск ООН». Но на Сталина этот довод особого впечатления не произвел. Громыко почувствовал, что менять свою точку зрения вождь не собирается. Тут же Сталин, по словам Громыко, фактически продиктовал директиву, текст которой был срочно направлен Малику в Нью-Йорк. Есть, однако, свидетельства иного рода. Крупный дипломат, занимавший посты постоянного представителя при ООН в Нью-Йорке и посла СССР в Вашингтоне, Ю. В. Дубинин рассказывает о следующем. Весной 1974 г. ему довелось быть вместе с А. А. Громыко в Пицунде, на Черном море... В один из свободных вечеров Громыко вспомнил о ситуации, в которой однажды оказался он сам и дипломатическая служба в связи с тем самым заседанием Совета Безопасности. Рассказ на прогулке существенно отличается от той версии, которая годами позже была изложена в книге «Памятное». Андрей Андреевич подтвердил, что МИД подготовил свои предложения, которые предполагали применение вето. Срок начала заседания Совета Безопасности приближался, но, не зная реакции Сталина, Громыко, оказавшийся за старшего в МИДе, не мог дать указание в Нью-Йорк, как должен проголосовать представитель Советского Союза. В Москве наступает ночь, последние часы, пока еще можно успеть послать телеграмму в Нью-Йорк. – В общем, - сказал Громыко, - требовался личный разговор со Сталиным. Других путей не было. Позвонить Сталину напрямую Громыко не мог, не было такой связи, но существовало сложившееся правило, как поступать в подобных случаях. Об этом следовало поставить в известность секретаря Сталина. Что и как произойдет дальше, было неизвестно. ... - Конечно, я задействовал этот механизм, - продолжил свой рассказ Громыко, напоминал секретарю о своей просьбе несколько раз. До тех пор, пока еще было время сообщить решение Сталина советскому представителю в Нью-Йорке. Но это время истекло, а Сталин на связь так и не вышел». До сих пор, как указывает Б. Д. Пядышев, «некая загадочность вокруг этого «корейского сюжета»... остается». См. Известные дипломаты России. Министры иностранных дел. XX век. Отв. ред. А. В. Торкунов. М., 2007. С. 389-392. Однако наиболее убедительной представляется версия самого А. А. Громыко, изложенная в его мемуарах, так как версия Дубинина не вполне понятна – если Громыко не смог связаться со Сталиным, то почему Малик не участвовал в работе Совета Безопасности ООН?

мощью СССР. Как отмечают западные исследователи У. Манчестер и П. Рейд, в июне 1950 г. Североатлантический договор «не подкреплялся ничем, кроме бумаги, на которой он был напечатан. Если в 1945 г. более 2,8 млн. американских солдат и почти 300 тыс. летчиков служили в Европе, то уже в 1946 г. 90 % тех и других отправились домой»¹.

Лидер консерваторов У. Черчилль рассматривал такое положение дел на фоне Корейской войны как дополнительное подтверждение необходимости укрепления англо-американского единства в рамках Североатлантического альянса. Год спустя, после проигрыша лейбористов на внеочередных парламентских выборах, тори подхватят начатый предшественниками курс на тесное взаимодействие со своим главным заокеанским партнером – США.

1.3.2 Изменения в идеологии тори в колониальной сфере как реакция на деколонизацию и политику кабинета К. Эттли

Изменения в колониальной идеологии страны были подготовлены межвоенным периодом и особенно Второй мировой войной. Великобритания, расширившая по итогам урегулирования после Первой мировой войны свои владения за счет территорий Османской империи на Ближнем Востоке и германских колоний в Африке и Азиатско-Тихоокеанском регионе, начала уделять значительное внимание программам помощи и политике развития колониальных территорий.

В 1929 г. при лейбористском правительстве Дж.Р. Макдональда впервые в британской истории был принят Акт о развитии колоний, в котором ставилась задача содействия экономическому развитию наиболее слабых территорий. Следует отметить, что лейбористы с момента создания партии уделяли большое внимание колониальному направлению внешней политики в русле либерально-гуманистической традиции, предполагавшей заботу метрополии о колониях,

¹ Манчестер У., Рейд П. Указ. соч. С. 1068-1069.

недопущение дискриминации местного населения со стороны «белого» руководства и развитие демократических институтов¹.

Закон 1929 г. был направлен на совершенствование сельского хозяйства в колониях Восточной Африки, прежде всего Кении. Причем если до 1929 г. помощь метрополии осуществлялась на основе грантов (grants-in-aid), то согласно новому акту создавался фонд политики развития, расходы которого варьировались в пределах 1 млн. ф.ст. в год². Однако за период с 1929 по 1940 гг. в рамках этого закона на развитие колониальных территорий было потрачено не более 8,8 млн. ф.ст.³. Мировой экономической кризис, совпавший со сроком действия закона, не позволил Великобритании в полной мере реализовать задумки Акта 1929 г.

В целом в 1930-е гг. внимание Великобритании привлекали три ключевых вопроса: Индия, Палестина и Африка. Особое звучание в размышлениях и планах британских консерваторов имперская тематика приобрела с началом войны в Европе в 1939 г. Как известно, Британия в лице «умиротворителей» – Н. Чемберлена, лорда Галифакса и других – надеялась остаться в стороне от разгоравшегося конфликта. Однако избежать вовлечения в военные действия не удалось, несмотря на длительный период «странной войны».

В мае 1940 г. премьер-министром стал У. Черчилль. Для новой главы кабинета империя и ее интересы имели особое – первостепенное – значение. В «наследство» от прежних кабинетов коалиционному правительству досталась индийская проблема, занимавшая центральное место в колониальной политике Британии на всем протяжении войны. Внутри этой крупнейшей колонии продолжалось размежевание между Индийским национальным конгрессом, во

¹ Подробнее см.: Портнягин Д. И. Лейбористская партия Великобритании и проблемы африканского национализма (1945–1951 гг.). // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2012. № 8. С. 71-72.

² British Aid-5. Colonial Development. A factual Survey of the origins and history of British aid to developing countries. Overseas Development Institute. 1964. URL: <http://www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/odi-assets/publications-opinion-files/8077.pdf>

³ Protectorate and Trusteeship. URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers/themes/protectorate-trusteeship.htm>

главе с М. Ганди выступающим за создание независимой Индии, и мусульманами, призывающих в лице Мусульманской лиги к созданию своего государства.

Консерваторы во главе с У. Черчиллем не стремились форсировать события в «жемчужине Британской короны», рассчитывая на реализацию обращения вице-короля Индии Линлитгоу от 7 августа того же года. В этом документе речь шла о предложении расширить за счет «ответственных» политических деятелей Индии исполнительный совет вице-короля, повторив обещания 1939 г. начать после войны конституционный процесс и предоставить Индии статус доминиона. Однако эти предложения не нашли понимания ни у руководства Индийского национального конгресса, ни Мусульманской лиги. Выход из «индийского тупика» не просматривался, и вплоть до середины войны ситуация с перспективами независимости Индии и выделения из нее части для мусульманского государства будет находиться в подвешенном состоянии.

В войне против Германии и ее союзников метрополию поддержали доминионы. Канада, Южно-Африканский союз, Австралийский союз и Новая Зеландия объявили войну Германии. Республика Ирландия, входившая в состав Содружества, воспользовалась правом не вступать в войну и сохранила нейтралитет.

7 декабря военно-воздушные и военно-морские силы Японии нанесли удар по военно-морской базе США Пёрл-Харбор на Гавайских островах. На следующий день Япония объявила войну Великобритании и ее колониям. К середине декабря 1941 г. Япония оккупировала Малайю, Бирму и Гонконг, в марте 1942 г. японские войска вторглись в Индию.

Ценные свидетельства о взглядах ведущих политиков на будущее Индии и империи в целом оставил занимавший с 1934 пост полномочного представителя, а с 1941 г. советского посла в Лондоне И.М. Майский. В разговоре с ним 16 марта 1942 г. У. Черчилль неожиданно признался ему: «я готов хоть сейчас уйти из Индии. Все равно нам там не жить. Но что тогда получилось бы? Вы думаете: свобода, процветание, развитие культуры и науки?.. Как бы не так! Если мы

уйдем, прежде всего начнется всеобщая драка, гражданская война. В конечном счете мусульмане станут хозяевами, ибо они воины, а индусы болтуны. ...я считаю, что уход англичан из Индии не принесет ей добра. ...Мне все равно, что теперь будет в Индии... Комитеты, советы, все, то угодно... Мы все равно оттуда уходим»¹.

Это признание Черчилля было не «внезапным прозрением», а пониманием того факта, что уступки этой территории неизбежны. Ситуация действительно вынуждала британское руководство пересматривать сложившуюся модель взаимоотношений с колониями. Ход Второй мировой войны и обострение национально-освободительных движений в зависимых территориях требовали обновления имперской концепции. Однако это обновление, как показывала миссия Криппса, шло с большим трудом. С одной стороны, У. Черчилль, судя по всему, стремился «потянуть время», с другой стороны, Индийский национальный конгресс и Мусульманская лига отвергли предложения Британии, и миссия Криппса на данном этапе колониальной политики провалилась.

Чувствуя шаткость положения Британской империи, консерваторы пытались обновить колониальную риторику и вновь выдвинули тезис о проведении политики колониального развития. В июле 1940 г. был принят Акт колониального развития и благосостояния. Главной целью закона провозглашалось защита и содействие интересам жителей колоний. Этот закон отражал попытки Министерства по делам колоний сделать упор на содействие социальному благосостоянию колоний посредством развития системы образования и сферы социальных услуг. По этому закону выделялось 5 млн. ф.ст. в год на развитие колоний и 500 тыс. в год на проведение исследовательских работ в течение 10 лет².

¹ Майский И. М. Дневник дипломата. В 2 кн. Кн. 2. Ч. 2. Отв. ред. А. О. Чубарьян. М., 2009. С. 113-114.

² British Aid-5. Colonial Development. A Factual Survey of the Origins and History of British aid to developing countries. Overseas Development Institute. 1964. P. 21. URL: <http://www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/odi-assets/publications-opinion-files/8077.pdf>

Как отмечает Г.С. Остапенко, в содержании Акта присутствовала и «утопическая мечта» – в законе реализация всех приоритетных задач возлагалась на «хорошее колониальное правление»¹. Однако в действительности колонии стремились не к улучшению системы управления ими, а к ее отмене.

Премьер-министр У. Черчилль оставался последовательным защитником Британской империи. Он не рассматривал Акт 1940 г. как шаг на пути независимости колоний. Скорее наоборот, в условиях войны он считал жизненно важным для будущего самой Великобритании не допустить ускоренного распада империи. В ноябре 1942 г. Черчилль в одном из своих выступлений произнес ставшей знаменитой фразу о том, что «он не для того стал первым министром короля, чтобы председательствовать на похоронах Британской империи»². Это заявление имело целью не только дать ответ на нападки критиков колониальной политики внутри страны, но также на широкую «антиимпериалистическую кампанию» в США.

В предвыборной программе консерваторов 1945 г. империи и Содружеству было отдано приоритетное значение. У. Черчилль по-прежнему рассматривал империю как источник процветания страны, признавая особые заслуги колониальных народов и доминионов, выступивших в войне на стороне Британии: «Мы никогда не забудем их любовь и стойкость, когда мы в одиночку давали отпор немецкому террору». Черчилль упомянул и о «доблести индийского народа», которую следовало учесть в связи с планами по освобождению Индии от колониальной зависимости и ее включения в Содружество³.

В мировых делах Британии следовало, по мнению премьер-министра, опираться на «максимально тесный союз со всеми частями империи и

¹ Остапенко Г. С. Британские консерваторы и деколонизация. М., 1995. С. 45.

² Churchill W. The Bright Glim of Victory. 10 November, 1942. URL: <http://www.winstonchurchill.org/resources/speeches/1941-1945-war-leader/987-the-end-of-the-beginning>

³ Mr. Churchill's Declaration of Policy to the Electors. 1945. URL: <http://www.politicsresources.net/area/uk/man/con45.htm>

Содружества, сохранять имперскую торговую систему и облегчить движение мужчин и женщин внутри империи»¹.

Примечательно, что частично эти лозунги будут реализованы оппонентами консерваторов – лейбористами, выигравшими выборы. Правительство К. Эттли после прихода к власти продолжило курс на поддержание системы имперских преференций, учрежденной в 1932 г., и приняло Акт о британском гражданстве 1948 г., облегчавший мобильность британских подданных внутри империи и Содружества.

В Азии при лейбористах, наконец, будет разрешена индийская проблема. В 1947 г. произошло разделение колониальной Индии, из которой были образованы Индия и Пакистан. Однако «яблоком раздора» в отношениях двух новых государств стали вошедшие в состав Индии княжества Джамму и Кашмир, преимущественно мусульманские по составу населения. «Кашмирская проблема» до сих пор осложняет отношения двух государств.

Еще одной «долгоиграющей» проблемой в азиатских владениях Великобритании стала Малайя. Во время Второй мировой войны эта территория была оккупирована японскими войсками, и в ней развернулось мощное освободительное движение против захватчиков, после войны трансформировавшееся в антибританскую борьбу. Сопротивление малайцев контролю метрополии будет продолжаться с разной степенью интенсивности до 1960 г.

Наиболее же сложным в послевоенный период оказалось положение дел на Ближнем и Среднем Востоке. В 1947 г. правительство К. Эттли приняло решение о выведении войск из подмандатных территорий Палестины и передало решение «палестинского вопроса» в ООН. На заседании Совета безопасности была принята резолюция № 181 о разделе Палестины на два независимых государства – арабское и еврейское – однако практическое воплощение этих планов в жизнь

¹ Ibidem.

привело к созданию в 1948 г. государства Израиль и началу первой арабо-израильской войны 1947-1949 гг.

Начавшиеся процессы деколонизации вынуждали британских политиков разрабатывать новые идеи по укреплению внутриимперских связей. Основой для пересмотра системы колониального обновления после Второй мировой войны стала работа У.М. Хейли, внесшего значительный вклад в разработку новых концептуальных положений колониального курса.

У.М. Хейли провел значительную часть своей жизни в Индии, занимая с 1908 г. должности разного уровня, в том числе служил губернатором сначала Пенджаба, затем Соединенных провинций в конце 1920-х-1930-е гг., в 1936 г. получил звание пэра. В 1934 г. уже лорд Хейли покинул Индию и совершил поездку по странам Африки.

В 1938 г. по итогам своего африканского путешествия лорд Хейли подготовил доклад «Исследование Африки: изучение проблем, возникших в Африке южнее Сахары». В этой небольшой по объему брошюре автор обозначил свое видение основных целей колониальной политики Великобритании в Африке. По его мнению, следовало уделить особое внимание проведению политических и экономических реформ в африканских колониях и пересмотреть систему «непрямого управления»¹. Предпринять эти действия, считал лорд Хейли, нужно с тем, чтобы не повторить ошибок с Индией и не допустить распада Африканской империи Великобритании.

После Второй мировой войны уже лейбористское правительство привлекло лорда Хейли как эксперта в делах Африки, вышедшей на повестку дня после начала распада Азиатской части империи. Хейли рекомендовал действовать осторожно и гибко, не усиливая «аппетиты неудовлетворенных африканцев», но и не настраивая их против себя. Лорд Хейли считал, что нужно постепенно, не

¹ Hailey: An African Survey. URL: <http://www.worldhistory.biz/sundries/27618-hailey-an-african-survey.html>

спеша, включать африканцев в управленческие структуры, в то же время сохраняя максимальный политический контроль над территориями¹.

Как неоднократно отмечал сам Хейли, «если новый империализм был началом определенного периода, то этот период сопровождал меня всю жизнь». Оправившись в Индию в зените «Британского Рая», он видел подъем национализма, его развитие в военную сопротивление и, наконец, деколонизацию.

В Африке после 1945 г. он увидел все эти этапы снова. Однако в отличие от Индии, с освобождением африканских колоний, считал он, спешить не нужно. Лорд Хейли отмечал, что «идея империи без Индии воспринималась настолько болезненно, что было трудно осознать ее. Мы привыкли гордиться, что империя охватывает четвертую часть населения земного шара, и нам не нравилось, когда нам напоминали о потере 400 млн. чел. населения»². Настрой лорда Хейли соответствовал как взглядам консерваторов, так и лейбористов. Неудивительно поэтому, что экспертно-аналитическими услугами этого опытного управленца пользовались обе партии в разные периоды.

Большое значение для пересмотра системы колониального управления имело создание ООН. Устав этой организации, принятый в конце июня 1945 г., предусматривал, что ее участники, «которые несут или принимают на себя ответственность за управление территориями, народы которых не достигли еще полного самоуправления, признают тот принцип, что интересы населения этих территорий являются первостепенными, и, как священный долг, принимают обязательство максимально способствовать благополучию населения этих территорий в рамках системы международного мира и безопасности, установленной настоящим Уставом» (Глава 11, Статья 73)³.

Эти установки соответствовали общей риторике британских политиков периода войны и послевоенного времени, когда особое внимание стало уделяться

¹ Pearce R. D. The Turning Point in Africa: British Colonial Policy. 1938-1948. L., 1982. P. 66.

² Цит. по: Cell J. W. Hailey: A Study in British Imperialism, 1872-1969. L., 2002. P. 283, 286.

³ Устав ООН. URL: <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html>

политике развития как инструменту удержания зависимых территорий в орбите своего влияния.

С целью укрепить единство внутри империи и Содружества в апреле 1945 г. был принят обновленный Акт колониального развития и благосостояния сроком на десять лет. Этот закон, вступавший в силу с марта 1946 г., предусматривал финансирование развития колониальных территорий на сумму 120 млн. ф.ст. и стал первым в серии поправок к Акту 1940 г. и значительно увеличивал суммы помощи колониям¹. Документ был преподнесен общественности как «революция» в идеях Британии о колониальном развитии и должен был изменить социальный и экономический облик колоний².

Действительно, по сравнению с Актами 1929 и 1940 гг. суммы помощи увеличивались кратно. При этом единого критерия при распределении финансов не было: Министерство по делам колоний принимало во внимание все факторы – площадь территории, численность населения, экономические и финансовые ресурсы территории и другие факторы. Сама идея развития была сконцентрирована преимущественно на африканских – как наиболее отсталых – колониях Великобритании. Гибкая формула финансирования предусматривала постоянное повышение расходов: в 1946-1947 гг. – 3 млн. 150 тыс. ф.ст., 1947-1948 гг. – 5 млн. 130 тыс. ф.ст., 1948-1949 гг. – 6 млн. 240 тыс. ф.ст. и так далее³.

Уже в конце войны обозначившееся движение колоний к самоуправлению создало некоторые трудности для реализации закона. Так же как и в Акте 1940 г. в Акте 1945 г. помощь предназначалась для территорий, «не обладающих

¹ Под термином «колонии» понимались следующие территории: непосредственно колонии, протектораты, территории, находящиеся под британской защитой и обладающие внутренней автономией, и подопечные государства. См.: British Aid-5. Colonial Development. A factual Survey of the origins and history of British aid to developing countries. Overseas Development Institute. 1964. P. 6. URL: <http://www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/odi-assets/publications-opinion-files/8077.pdf>; What were protectorates, protected states, mandated territories and trust territories? URL: http://findlaw.co.uk/law/immigration_emigration/citizenship/30883.html

² Godman J. Centuries of Human Progress Compressed into a Single Decade: Achievements Made Possible by Britain's Colonial Development and Welfare Act. // World Affairs. Vol. 120. No 1. Spring 1957. P. 21-22.

³ Great Britain. Hansard. Parliament. House of Commons. Parliamentary Debates. Colonial Development and Welfare. 22 June 1949. Vol. 466. URL: http://hansard.millbanksystems.com/commons/1949/jun/22/colonial-development-and-welfare#S5CV0466P0_19490622_HOC_191

ответственным правительством». Однако Мальта, например, получила такое правительство и, соответственно, выпадала из-под действия закона¹.

К поиску нового формата взаимоотношений с колониями метрополию подталкивали и внутривластные факторы – в декабре 1942 г. был опубликован уже упомянутый доклад Бевериджа, предполагавший разработку новой социальной доктрины не только в метрополии, но и в зависимых территориях.

Увеличению расходов на помощь колониям способствовала и утвердившаяся в стране кейнсианская модель. Идея британского экономиста Дж.М. Кейнса о необходимости государственного вмешательства в экономику нашла широкую поддержку в стране. В политических кругах Великобритании также возникла идея применить кейнсианские идеи к имперской сфере и сделать государство посредником или выразителем реформ в колониях.

Безусловным новшеством Акта 1945 г. стало выделение 500 тыс. ф.ст. ежегодно на проведение «исследований». Эта формулировка подразумевала создание специального государственного фонда для финансирования разного рода научных программ, в том числе антропологических исследований в Африке, направленных на изучение самых разных аспектов жизни африканских обществ и проблем колониальных территорий. В рамках этого направления выделялись также средства на создание региональных институтов, индивидуальные стажировки в Африку для студентов и аспирантов и другие формы научного изучения колониальных обществ. Тем самым Акт 1945 г. закладывал основы новых подходов в британской антропологии и социологии в отношении колониальных обществ, обозначив начало отхода от их рассмотрения как примитивных народов².

В ходе дебатов по Акту 1945 г. депутаты Палаты общин высказали идею о создании комитета в составе бизнесменов, «имеющих заморские интересы» для

¹ В 1947 г. для Мальты как «особого случая» была выделена помощь. См. подробнее: Morgan D.J. The Official History of Colonial Development: Vol. II. Developing British... P. 37.

² Подробнее: Mills D. Difficult Folk? A Political History of Social Anthropology. N.Y., Oxford, 2010. P. 70-71.

разработки рекомендаций правительству при осуществлении колониальной политики. Однако эти предложения были отклонены тогдашним правительством У. Черчилля. Идея, тем не менее, была взята на вооружение новым кабинетом министров под руководством лейбористов. Заместитель министра по делам колоний А. Крич Джонс считал целесообразным создание небольшого по составу, но с большими полномочиями комитета для координации работы существующих комитетов в колониальной сфере и выработке рекомендаций по соблюдению правильного баланса между экономическими и социальными аспектами колониального развития. В сентябре 1946 г. в рамках кабинета был создан Совет развития и колониальной экономики¹.

В ноябре 1945 г. министр по делам колоний Дж.Г. Холл в официальных инструкциях губернаторам колоний пояснял схему распределения средств. На так называемые Центральные проекты, включая Исследования, было выделено 23,5 млн. ф.ст., на помощь колониям – 85,5 млн. ф.ст. и в качестве Общего резерва для дополнительных вложений оставалась сумма в 11 млн. ф.ст.

При этом упор в рамках Центральных проектов был сделан на развитие образования (17,8% от общей суммы), сельского хозяйства (13,9%) и жилищного строительства (11,6%)².

Наибольшие суммы предназначались наименее развитым колониям – территориям Карибского бассейна 15,5 млн. ф.ст., колониям Западной Африки – 30,4 млн. ф.ст., Восточной Африки – 16,25 млн. ф.ст. и далее по убывающей. В соответствии с Актом значительное внимание было уделено инфраструктурным проблемам: в колониях строились дороги, дома, больницы и другие объекты. Значительные суммы были направлены на улучшение геологической разведки, развитие высшего образования, подготовку ученых из колоний, подготовку

¹ British Aid-5. Colonial Development. A factual Survey of the origins and history of British aid to developing countries. Overseas Development Institute. 1964. P. 38-42. URL: <http://www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/odi-assets/publications-opinion-files/8077.pdf>

² Godman J. Centuries of Human Progress Compressed P. 23.

управленческих кадров, проведению геодезических и топографических работ, развитие метеорологических служб¹.

Особое внимание лейбористы уделили разработке крупных социально-экономических проектов по развитию колоний, ориентированных на повышение жизненного уровня населения. При этом правительство К. Эттли в конкретных условиях второй половины 1940-х гг. пыталось совместить задачи по развитию колоний с укреплением своих пошатнувшихся в годы войны финансовых позиций.

Среди таких проектов самым известным по своим масштабам и результатам, стал проект по выращиванию арахиса в восточноафриканской подмандатной территории – Танганьике.

Эта слабо развитая страна отошла к Великобритании по итогам Первой мировой войны, после Второй мировой войны стала подопечной территорией ООН под британским управлением. На экспорт Танганьика в основном выращивала сизаль, кофе и хлопок.

В 1946 г. управляющий директор Объединенной кампании Африки – дочернего филиала крупнейшей мировой кампании на рынке продуктов питания Юнилевер – Ф. Сэмюэль высказал мысль о выращивании арахиса в Танганьике для последующего производства растительного масла. Эта идея нашла понимание у британского правительства, заинтересованного в проекте по причинам сохранявшегося в Британии рационирования продуктов и нехватки кулинарных жиров.

В течение марта – мая 1946 г. проходило активное обсуждение этой идеи в двух заинтересованных ведомствах – Министерстве по делам колоний и Министерстве продовольствия. Анализ дискуссий показывает, что в колониальном ведомстве наблюдался серьезный скепсис в отношении замысла Ф. Самюэля.

¹ British Documents on the End of Empire (BDEE). Series A. Vol. 2. The Labour Government and the End of Empire. 1945-1951. Ed. R. Nyam. Part II. Economics and International Relations. L., 1996. P. 16.

Возражения сводились к факторам, связанным с природно-климатическими условиями Восточной Африки и проблемами финансирования проекта. Территория Танганьики и сопредельных стран частично представляла собой засушливую местность с трудно обрабатываемыми почвами. По оценкам одного из специалистов по сельскому хозяйству Африки Министерства по делам колоний, «только 50% земли подходило для выращивания арахиса, и это в лучшем случае», кроме того, в Танганьике наблюдались такие проблемы как розеточная болезнь арахиса, нехватка семян и другие¹. Другой эксперт призвал обратить особое внимание на тщательное изучение и проработку такого масштабного замысла, попутно выразив сомнения в достаточной квалификации специалистов, привлеченных Ф. Сэмюэлем для обследования местных условий².

В целом, сотрудники Министерства по делам колоний, при всем своем скепсисе, отмечали два важных аргумента в пользу идеи выращивания арахиса в Танганьике. Первый касался задач общего подъема сельского хозяйства на территориях африканского континента в рамках заявленной политики развития. Непосредственно в Восточной Африке наблюдался крайне низкий уровень производства и производительности труда. Игнорирование этих проблем, по мнению одного из экспертов колониального ведомства, означало бы крах британских усилий по улучшению социально-экономических условий. Второй аргумент был связан с мировым дефицитом продовольствия, проявившимся еще в кризисные 1930-е гг. Без решения этой задачи, считали эксперты, было «невозможно говорить о развитии социального благосостояния и повышении уровня жизни в колониях»³.

Следует отметить, что большое внимание в первые послевоенные годы лейбористское руководство стремилось уделять именно развитию Африки, начиная с совершенствования ее сельскохозяйственной системы. Один из сотрудников Министерства по делам колоний Г. Гейтер признавал, что основная

¹ Ibid. P. 229-230.

² Ibid. P. 230.

³ Ibid. P. 232.

проблема заключается в том, что африканцы «не хотят ничего менять». Общинное землепользование «имеет настолько фундаментальное значение для социальной структуры, что изменения в ней будут иметь непредсказуемые последствия в других сферах социальной жизни»¹.

Правительственный эксперт высказывал идеи о трансформации общинного землевладения в систему коллективного или государственного или кооперативного земледелия. Причем третий вариант представлялся наиболее реалистичным, хотя, как он признавал, также был сопряжен с рисками сопротивления африканских обществ даже слабым изменениям².

Эти размышления в духе развития «кооперативного» земледелия демонстрировали, с одной стороны, несколько излишнюю увлеченность лейбористов идеями экономического планирования, с другой стороны, показывали их оторванность от реалий жизни африканского континента.

По мнению Дж. Скотта, автора вызвавшей в конце 1990-х гг. большой научный и общественный резонанс работы, отправной точкой неудачной колониальной политики в сфере развития африканского сельского хозяйства, «были абсолютная вера в то, что чиновники считали «научным сельским хозяйством», и полный скептицизм к существующим аграрным методам африканцев»³.

В Министерстве продовольствия Великобритании, наоборот, наблюдалась явная симпатия к проекту. При этом оба ведомства признавали, что с точки зрения развития Танганьики и других территорий Восточной Африки проект имеет большое значение. Негативную реакцию проект вызвал в Казначействе. Значительные расходы, предусмотренные проектом (предварительная сумма – 18 млн. ф.ст.), должны были окупиться только в 1953 или 1954 гг. Такой сценарий

¹ Ibid. P. 233.

² Ibidem.

³ Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как провалились проекты улучшения условий человеческой жизни. Пер. с англ. М., 2005. С. 358.

представлялся нежелательным в условиях сложного экономического положения страны.

Премьер-министр в конце октября 1946 г. обозначил министру по делам колоний А. Крич Джонсу свою позицию: при всех понятных сомнениях он не считал, что «значительные территории в Африке, непригодные в настоящее время для проживания, должны оставаться таковыми и далее. Кения, Танганьика и Северная Родезия с населением более 10 млн. занимали площадь 875 тыс. кв. миль», поэтому, считал К. Эттли, следовало подумать над культивированием этих земель¹.

В начале января 1947 г. А. Крич Джонс на заседании кабинета признал, что проект выращивания арахиса в Восточной Африке содержит «риски, в том числе непредвиденные». Но гораздо важнее было, по его мнению, указать на риски, которые возникнут в случае **отклонения** [выделено *Е.Х.*] проекта: среди них увеличение закупок жиров, за которые придется расплачиваться долларами, и сохранение их рационирования. При этом министр особо педалировал экономический и стратегический вклад проекта в развитие территории².

По итогам обсуждения проект был одобрен, и министру продовольствия было поручено сделать объявление о проекте в форме Белой книги и осуществить необходимые законодательные процедуры для представления проекта в Палате общин³.

Параллельно британское правительство пыталось решить проблемы нехватки жиров другими способами. Так, в одной из нот Посольства Великобритании в Москве в МИД СССР от 18 февраля 1947 г. ставился вопрос о подписании нового дополнительного протокола к Протоколу по китобойному промыслу от 26 ноября 1945 г., не ратифицированного правительствами Нидерландов и Мексики, для продления «китобойного сезона до 17 апреля»⁴.

¹ BDEE. Series A. Vol. 2. 1945-1951. Part II. L., 1996. P. 243.

² Ibid. P. 243.

³ Ibid. P. 246.

⁴ АВП РФ. Ф 069. О. 38. Д. 3. П. 128. Л. 84.

«Ввиду мирового недостатка в маслах и жирах, - говорилось в документе, - чрезвычайно важно, ... чтобы сезон был продлен. ... Поэтому, Посольство Его Величества будет благодарно, если Министерство отнесется к этому вопросу как к вопросу срочному и незамедлительно даст необходимые указания»¹.

В феврале 1948 г. глава Министерства по делам колоний Великобритании в обстоятельной памятной записке премьер-министру излагал свое видение перспектив развития африканских колоний. По его мнению, несмотря на «относительно слабое развитие» зависимых территорий, «они имеют много процветающих отраслей и производят многое из того, что представляет ценность для Соединенного Королевства и всего мира»². Среди таких ценных продуктов – каучук и какао, волокна, растительные масла, сахар и тропические фрукты. Более того, «в последние годы произошло значительное увеличение производства некоторых товаров – в Нигерии – арахиса, Ямайке – сахара, колонии Золотой Берег – твердой древесины, Восточной Африке – чая». По подсчетам министра, свыше того, что колонии поставляли прямо в Соединенное Королевство, они зарабатывали чистый доход – после удовлетворения их собственных долларовых нужд – около 150 млн. долл. в год³.

Эти оценки показывали заинтересованность Британии в осуществлении крупных проектов в африканских территориях – послевоенные годы займы у США приводили к истощению британских долларовых активов. Глава колониального ведомства рассматривал как перспективное направление производство арахиса в Восточной (5 млн. акров свободной земли) и Западной (около 3 млн. акров земли) Африке, риса в Западной и Восточной Африке и острове Борнео, крупного рогатого скота в Африке, минералов в Северной Родезии, расширения производства хлопка в Нигерии, Уганде и Танганьике. Непосредственно проект по выращиванию арахиса в Восточной Африке, по

¹ Там же.

² BDEE. Series A. Vol. 2. 1945-1951. Part II. L., 1996. P. 63.

³ Ibidem.

оценкам А. Крич Джонса, оценивался в 25 млн. ф.ст. и представлял собой крайне выгодное коммерческое предприятие.

В том же году были созданы две новые структуры – Заморская продовольственная корпорация и Корпорация колониального развития. В задачи обеих организаций, как отмечал еще в октябре 1947 г. в памятной записке премьер-министру глава Форин оффис Э. Бевин, входило бы «повышение уровня жизни населения колоний, а также получение продовольственных товаров, минералов и сырья, которые нам нужны»¹. При этом любопытна оговорка Бевина о том, что обе корпорации должны действовать под эгидой Министерства по делам колоний, а не Министерства продовольствия, иначе «наши русские друзья с легкостью представят дело так, будто бы наша основная цель заключается в получении сельскохозяйственных товаров из колоний по самой низкой цене»².

При создании этих структур все же был найден компромисс – Корпорация колониального развития была создана в рамках Министерства по делам колоний, а Заморская продовольственная корпорация – Министерства продовольствия.

Непосредственное же осуществление «арахисного проекта» в Танганьике натолкнулось на ряд технических и природно-климатических сложностей. Две трети импортного оборудования – бульдозеры и тракторы – оказались непригодны для обработки местной земли от кустарников, строительным и инфраструктурным работам мешали наводнения и другие стихийные бедствия. В 1949 г. наконец удалось построить железную дорогу в Южной провинции Танганьики для транспортировки зерновых культур и начать выращивание арахиса, однако посевные площади оказались меньше запланированных и собранный урожай в разы уступал ожидаемым объемам.

27 июля 1949 г. в Палате общин состоялись дебаты, посвященные рассмотрению «арахисного проекта». Развернувшиеся дискуссии носили ожесточенный характер. Критике подвергся не только проект и его

¹ Ibid. P. 53.

² Ibidem.

осуществление, но и сама идея. Один из депутатов от консерваторов эмоционально доказывал, что реальной причиной инициирования этого масштабного плана были не интересы жителей колоний, а исключительно получение прибылей крупными монополиями¹.

Такие нападки звучали несколько цинично – именно лейбористы с 1929 г. пытались значительно увеличить финансирование политики развития и приблизить ее к реальным нуждам колоний. В то же время явное отставание темпов реализации проекта от намеченного плана делало лейбористов крайне уязвимыми для замечаний оппонентов. Депутаты от действующей партии признавали, что получение прибыли входило в ожидания от проекта, но его разработчики также стремились содействовать развитию африканских территорий².

Жесткой критике со стороны тори подверглась и идея лейбористского правительства привлечь к финансированию США. Консерваторы доказывали, что американский капитал следовало вовлекать на начальном этапе проекта, в период же, когда проект забуксовал, американские инвестиции не только не удастся привлечь, но и возникнет риск отпугнуть компании США, которые «неохотно идут в Европу, не говоря уже об Африке»³.

В ноябре 1949 г. сложившаяся ситуация стала предметом специального рассмотрения на заседании кабинета министров. Накануне министр продовольствия Дж. Стрэчи подготовил обстоятельный меморандум, в котором излагал свою позицию. По его мнению, «немедленное завершение» проекта будет иметь исключительно негативные последствия. Такой вывод министр аргументировал тем, что решение закрыть проект приведет к немедленной отмене всех контрактов на поставку оборудования и увольнению набранного штата сотрудников. «Повиснут в воздухе» вопросы о том, что делать с частично

¹ Great Britain. Hansard. Parliament. House of Commons. Parliamentary Debates. East African Groundnuts Scheme. 27 July 1949. Col. 2485-2488. <http://hansard.millbanksystems.com/commons/1949/jul/27/east-african-groundnuts-scheme>

² Ibid. Col. 2490-2496.

³ Ibid. Col. 2503-2505.

построенным морским портом и почти завершенной железной дорогой в Южной провинции¹.

Вполне справедливо Дж. Стрэчи указывал на то, что подобного рода масштабные проекты, направленные на развитие частной инициативы, вряд ли могут окупить себя за пару лет и предлагал продолжить реализацию проекта до изначально намеченного срока – 1954 г.² При этом министр не мог не признать, что проект уже потребовал больше вложений, чем было рассчитано потратить на данном этапе. Первоначальный план предполагал, что к 1952-1953 гг. 3 210 000 акров будут очищены от кустарника и будет израсходовано 24 млн. ф.ст., в реальности, к марту этого года только 46 000 акров подготовлены к посеву, и эти действия потребовали расходов в 21 млн. ф.ст.³

Министр по делам колоний А. Крич Джонс поддержал министра продовольствия, отметив в ходе обсуждения, что «проект не следует оценивать только с коммерческой точки зрения: значительная часть капиталовложений была израсходована на обеспечение условий для развития и социального благосостояния, которые обычно входили в сферу ответственности местного правительства или местных властей». Глава Министерства по делам колоний считал, что отмена проекта на данном этапе будет «большим несчастьем для Восточной Африки» и приведет к «потере ценного опыта проведения технического работ в тропических условиях»⁴.

В связи с очередными дебатами в Палате общин по этому вопросу министры ожидали новой волны резкой критики «за сделанные ошибки», справедливо опасаясь, что она коснется как технической стороны вопроса (недостаточности предварительных полевых работ по обследованию местности) и «человеческого фактора» – нехватки компетентных сотрудников, привлеченных для осуществления такого сложного проекта. Следовало, считали министры,

¹ BDEE. Series A. Vol. 2. 1945-1951. Part II. L., 1996. P. 285-286.

² Ibid. P. 286-287.

³ Ibid. P. 290.

⁴ Ibidem.

частично признать эти упущения, но сделать акцент на том, что проект еще можно спасти.

На заседании кабинета министры обсудили также полученный ответ из США на запрос британского правительства относительно того, сможет ли Белый дом в соответствии с Политикой Четвертого пункта Программы Трумэна оказать помощь в финансировании этого и других аналогичных проектов Великобритании, нацеленных на развитие колоний.

Эти надежды были неслучайны. Появление в марте 1947 г. доктрины Трумэна обозначило рождение «века развития»: в документе, как известно, шла речь об оказании финансовой помощи в размере 400 млн. долл. Греции и Турции¹. Для Вашингтона расходы на развитие территорий были привычным инструментом политического давления, уже апробированным на латиноамериканских государствах. С началом же холодной войны и ослаблением европейских метрополий США начали расширять географию помощи, сократив программы помощи латиноамериканским странам и сосредоточившись на европейских государствах². Таким образом, программа Трумэна стала одной из первых «ласточек» в политике финансирования важных для США территорий в последующие годы.

Африканские территории в конце 1940-х гг. еще не входили в число таких приоритетных направлений политики Вашингтона. На просьбу Лондона о финансовой помощи администрация Г. Трумэна ответила уклончиво, отметив, что «будущая программа развития может быть оформлена с гораздо большей тщательностью, чем было возможно в 1947 г.»³. Такой ответ означал, что США не считали возможным на данном этапе оказывать помощь своему «младшему партнеру» в проведении его колониальной политики⁴.

¹ Hameso S. Y. *Development, State and Society: Theories and Practice in Contemporary Africa*. N.Y., 2001. P. 62.

² Bulmer-Thomas V. *The Economic History of Latin America since Independence*. Cambridge, 2003. P. 277.

³ BDEE. Series A. Vol. 2. 1945-1951. Part II. L., 1996. P. 291.

⁴ Британский историк У. И. Симнетт, написавший в конце 1940-х гг. работу, посвященную Британской империи, с искренним изумлением замечал, что США, прикрываясь антиколониальными лозунгами, пытались установить свой контроль над некоторыми британскими территориями: «...некоторые хорошо информированные и высокопоставленные американцы всерьез полагают, что колонии Вест-Индии должны «перейти» к США в обмен

Как отмечает историк Дж. Хаббард, администрация Трумэна в 1949 г. демонстрировала самое прохладное отношение к колониальным проблемам Британии с конца войны. Все публичные заявления Госдепартамента по колониализму были краткими и редкими. В 1948 г. госсекретарь Дж. Маршалл заявил в Генеральной Ассамблее ООН о том, что США помнят и будут выполнять свои обязательства, включенные в Устав организации в отношении самоуправляющихся территорий. Соединенные Штаты полагали, что эти колонии должны получить всю необходимую помощь с тем, чтобы они обрели независимость или стали «частью свободной ассоциации с другими государствами». В 1949 г. уже новый госсекретарь, Д. Ачесон заявил, что Соединенные Штаты поддерживают обретение колониями независимости в самое ближайшее время. При этом внутренние документы Госдепартамента показывали, что США не были заинтересованы в ускорении распада Британской империи и тем более попадания ее частей в «менее дружественные руки»¹.

Таким образом, Вашингтон, с одной стороны, стремился к сотрудничеству с колониальными державами, прежде всего, Великобританией, с другой стороны, не был заинтересован в идентификации с ними. Этот амбивалентный характер позиции США в отношении действий европейских метрополий будет проявляться на всем протяжении активной фазы деколонизации – с конца 1940-до начала 1960-х гг.

Как показывала история с восточноафриканским «арахисным проектом», в Лондоне все же переоценили заинтересованность своего заокеанского партнера в сохранении целостности Британской империи.

Решение же правительства К. Эттли продолжать осуществление проекта оказалось недостаточно просчитанным. Выйти на запланированные объемы посевов арахиса так и не удалось – к 1950 г. было очищено меньше 10 %

на их помощь в войне! Им очевидно не приходит в голову спросить точку зрения стран Вест-Индии по этому вопросу». См. подробнее: Simnett W. E. *The British Colonial Empire*. L., 1949. P. 11.

¹ Hubbard J. P. *The United States and the End of British Colonial Rule in Africa, 1941-1968*. North Carolina, 2011. P. 58-59.

запланированной площади, на которой был выращен арахис не самого хорошего качества. На реализацию плана, рассчитанного на шесть лет, в общей сложности уже было потрачено 49 млн. ф.ст., и эта сумма, как видно, превышала первоначальные расчеты почти в два раза.

Консерваторы с большим вниманием отслеживали действия своих оппонентов в колониальной сфере. Стремительные изменения в положении зависимых народов после Второй мировой войны требовали осмысления и формулирования адекватного требованиям времени ответа. Поэтому последовавший за поражением консерваторов на первых послевоенных выборах пересмотр программных установок коснулся и колониальной сферы.

В начале июня 1949 г. в стенах Чёрч Хауз в Вестминстере, Лондон, состоялась партийная конференция, на которой обсуждались вопросы выработки новой стратегии в колониальных делах. Общий посыл встречи состоял в признании «колониального развития» как «нового направления в имперском мышлении»¹. Идея развития была увязана с системой опеки, в соответствии с которой «современный империалист больше не думает сначала о прибыли метрополии, а думает прежде всего о своей ответственности за стимулирование, при соответствующих капиталовложениях, процветания колоний и одновременно их политическом освобождении»².

Наиболее ярким выражением новых экономических принципов обновленного британского империализма консерваторы назвали проект выращивания арахиса в Восточной Африке и аналогичные – «как весь мир уже знает» – проекты. Тори не преминули отметить, что при реализации планов лейбористов в Танганьике, «первоначальные препятствия были недооценены, получение планируемого урожая отложено, а транспортные проблемы не решены в полной мере»³.

¹ The Times. 9 June 1949.

² Ibidem.

³ Ibidem.

25 июня 1949 г. по итогам партийной конференции был опубликован партийный памфлет «Имперская политика: Заявление Консервативной партии в отношении Британской империи и Содружества». Этот документ стал единственным послевоенным документом, в котором излагались взгляды консерваторов на будущее Британской империи.

Из ключевых тезисов партийного памфлета следовало, что хотя его авторы принимали запущенный лейбористами процесс деколонизации, они призывали «оказывать активную поддержку для продвижения единства, силы и прогресса Британской империи и Содружества»¹. Также консерваторы декларировали свое намерение «вести колониальные народы по пути самоуправления внутри Британской империи». Такая установка совпадала с уже обозначенным лейбористами курсом, однако тори пытались всячески подчеркнуть, что они будут проводить «более внимательный» к нуждам колониальных народов, чем их политические соперники, курс «во имя имперских интересов»².

Обретение независимости Индией имело далеко идущие последствия, став важным посланием всем колониальным территориям – они также могли получить суверенный статус в самое ближайшее время. Процесс деколонизации был запущен, и консерваторы не могли не учитывать этот фактор при уточнении своей колониальной идеологии.

После Второй мировой войны как реакция на происходящие изменения начинается складывание новой субдисциплины – экономики развития, предметом изучения которой являются экономические аспекты политики развития в отношении слаборазвитых государств. По мере обретения колониями независимости, проблемы оказания им помощи, рассматриваемой как рычаг политического давления, как в случае с Доктриной Трумэна, становились все более актуальными.

¹ The Times. 25 June. 1949.

² Ibidem.

При обсуждении колониальных вопросов в Палате общин в июле 1949 г. А. Крич Джонс обратил внимание депутатов на вклад колоний в британские «долларовые запасы и доходы», от которых зависело «здоровье стерлинговой зоны». Империя продолжала сохранять свою значимость и как источник пополнения доходов от так называемых «невидимых статей экспорта» - валютных операций в колониях, фрахта судов и др¹. Поэтому лейбористы, с именем которых связано начало трансформации Британской империи, очевидно также не планировали спешить с освобождением колоний, прежде всего, по финансовым соображениям.

В декабре 1950 г. решилась судьба «арахисного проекта». Заморская продовольственная Корпорация сделала неутешительный вывод, что «масштабное производство арахиса не может осуществляться в Восточной Африке на коммерческой основе, и нет надежды на получение сколько-нибудь значительных поставок масла»².

К этому времени в стране уже началась широкая критика проекта как убыточного, и кабинету Эттли вкупе с рекомендациями экспертов ничего другого не оставалось, как признать провал проекта, завершившегося ранее намеченного срока. В начале января 1951 г. на заседании кабинета было одобрено решение о приостановлении проекта³.

Как следствие, сделанные Великобританией вложения в производство арахиса не только не окупились, но и оставили после себя нарушенный естественный покров почвы и заброшенную инфраструктуру. Выражение «выращивать арахис в Танганьике» впоследствии стало нарицательным (наподобие советского опыта по выращиванию кукурузы в 1960-х гг.) и до сих пор обыгрывается во многих британских кинофильмах, литературе или на бытовом уровне.

¹ Great Britain. Hansard. Parliament. House of Commons. Parliamentary Debates. Colonial Affairs. 20 July 1949. Col. 1400. URL: http://hansard.millbanksystems.com/commons/1949/jul/20/colonial-affairs#S5CV0467P0_19490720_HOC_334

² BDEE. Series A. Vol. 2. 1945-1951. Part II. L., 1996. P. 293.

³ Ibid. P. 295.

Неудивительно поэтому, почему историки весьма сдержанно оценивают политику развития Великобритании первых послевоенных лет. Как отмечает Ф. Хайнлайн, «правительство Его Величества инвестировало значительные суммы в колонии, ожидая, что они быстро окупятся и принесут высокие прибыли». Однако в реальности, по его мнению, «идея развития представляла собой грабеж для спасения британской экономики»¹.

Этим выводам вторит британский историк Н. Фергюсон. В одной из известных своих работ он рассматривает послевоенные проекты развития в русле строительства «новой» империи: «появились Корпорация по развитию колоний и Корпорация по развитию пищевой промышленности заморских территорий, а также восхитительные планы выращивать арахис в Танганьике и кур-несушек в Гамбии. Представители Инвестиционного агентства путешествовали по миру, продавая старые британские поезда и корабли любому колониальному правительству, которое могло заплатить, и иногда даже тем, которые заплатить не могли. ...»².

Уже упомянутый Дж. Скотт рассматривает проект по выращиванию арахиса в Восточной Африке как одно из звеньев в цепочке аналогичных масштабных проектов наподобие «большого скачка» в Китае, коллективизации в СССР, принудительного собирания людей в деревни в Танзании, Мозамбике и Эфиопии в конце 1950-начале 1960-х гг. Среди причин провала таких проектов он называет четыре основных фактора – излишнее «административное рвение», «идеологию высокого модернизма», под которым понимает «мощную... мускулистую веру в научно-технический прогресс», «авторитарное государство» и схематичность социального порядка, который «всегда игнорирует существенные черты любой реальности»³.

¹ Heinlein F. British Government Policy and Decolonization, 1945-1963: Scrutinizing the official mind. L., 2002. P. 28.

² Фергюсон Н. Империя: чем современный мир обязан Британии. Пер. с англ. М., 2013. С. 468.

³ Скотт Дж. Благими намерениями государства... С. 20-23.

В случае с «арахисным проектом» из этих элементов следует, вероятно, удалить фактор авторитарного государства и ввести другой, предложенный Дж. Скоттом, – фактор «имперского или гегемонического менталитета планирования, который исключал роль местного знания и умения». Действительно, как уже было отмечено, эксперты по Африке в британском правительстве однозначно рассматривали африканскую систему землевладения как отсталую, и считали, что можно легко увеличить производство сельскохозяйственных структур путем использования техники и других достижений научно-технической мысли.

Эксперимент с Танганьикой показал, что уровень технического оснащения не во всех случаях играл ключевую роль. Кроме того, местные условия, как показал этот и другие проекты в Африке, были обследованы «на скорую руку», во внимание не были в должной мере приняты природно-климатические особенности. «Слепая вера в механизмы» и следование девизу Ф. Сэмюэля: «Ни одна операция, для которой имеется механическое оборудование, не должна выполняться вручную», обусловили провал проекта уже на начальном этапе¹.

Как справедливо отмечает британский историк Б. Портер, этот и другие масштабные проекты не только не способствовали решению такой насущной проблемы африканских территорий, как монокультурная специализация, но даже привели к ее закреплению в ряде колоний².

В то же время проект явно нуждается в некоторой «реабилитации». Справедливости ради следует отметить, что для осуществления подобного рода масштабного замысла шесть лет (а в реальности – всего четыре года) – недостаточный срок. Учитывая, что такие инфраструктурные объекты Восточной Африки как порт, железная дорога, складские помещения уже были практически завершены, вероятно, имело смысл подумать над трансформацией проекта, его развития в другом русле. Однако приход к власти в 1951 г. консерваторов символизировал полный отказ от этого плана.

¹ Он же. С. 362.

² Porter B. *The Lion's Share: A History of British Imperialism. 1950-2011. 5th edition.* L., 2013. P. 256-257.

При этом все же следует отдать должное правительству К. Эттли – при всех явных просчетах лейбористы сумели заложить основы политики развития, в будущем ставшей одним из ключевых направлений во внешней политике не только Великобритании, но также в деятельности Европейского экономического сообщества/Европейского союза. Британия, не вошедшая в состав Общего рынка при его создании, проводила курс на развитие колоний и освободившихся стран еще с межвоенного времени. Хотя следует признать, что при проведении такой, на первый взгляд, прогрессивной по своим декларируемым установкам политики, метрополия по-прежнему выстраивала отношения в логике «передовой метрополии и отсталой периферии».

К понимаю истины о том, что африканцам следует создавать условия для развития сельского хозяйства и промышленности колониальных территорий, тщательнее изучая местные условия и не навязывая западные стандарты, Великобритания и другие страны придут годы и десятилетия спустя. В рамках политики ЕС такие идеи начнут звучать с особой силой в 1990-е гг., когда станет ясно, что путь постоянного увеличения вложений в африканские страны уже давно не оправдывает себя и требует выработки других подходов.

Лейбористы уделяли внимание проектам развития не только африканских территорий, но и стран Азии. В феврале 1950 г. в Коломбо на острове Цейлон состоялась конференция министров иностранных дел стран Содружества. С инициативой такой встречи выступила Индия годом ранее, и Лондон охотно поддержал эту инициативу по своим соображениям. Правительство К. Эттли рассчитывало на укрепление отношений с недавними колониями и доминионами в формате Содружества посредством увеличения расходов на азиатские территории по Акту о развитии и благосостоянии 1945 г.

Глава Форин оффис высоко оценивал итоги прошедшей конференции, рассматривая их как начало сотрудничества «между Востоком и Западом через

Содружество»¹. В ходе встречи, отмечал Э. Бевин, ее участники, выразили «знаменательное единство взглядов на угрозу коммунизма и необходимость улучшения стандартов жизни и социального обеспечения народов Южной и Юго-Восточной Азии для того, чтобы эффективно бороться с коммунистической угрозой»².

В мае 1950 г. в Сиднее состоялась первая встреча Консультативного Комитета, созданного с целью координации действий участников в рамках Плана Коломбо. На заседании Комитета присутствовали все участники Содружества, за исключением Южно-Африканского Союза, географически отдаленного от охвата Плана, ориентированного, в первую очередь, на Индийский субконтинент. Тем не менее представители ЮАС выразили желание быть информированными обо всех деталях реализации плана.

На майской встрече Комитета было принято решение о подготовке каждой страной программ развития, рассчитанных на шесть лет. Правительства стран Содружества, представленные на встрече, приняли решение о выделении финансирования на проекты в области технического сотрудничества в размере 8 млн. ф.ст. в следующие три года, начиная с 1 июля 1950 г, из которых вклад Соединенного Королевства составлял 2,8 млн.ф.ст³.

Таким образом, суть Плана Коломбо сводилась к двум взаимосвязанным элементам. Первый представлял собой курс на осуществление программ технического и образовательного сотрудничества государств-участников⁴. Второй элемент плана представлял собой широкую программу экономического развития, в том числе финансирование инфраструктурных проектов (строительство дорог, железных дорог, проведение ирригационных и других работ).

¹ BDEE. Series A. Vol. II. 1945-1951. Part II. L., 1996. P. 141. Ibid. P. 141-142.

² Ibid. P. 141-142.

³ CAB 129-48. Colombo Plan. 20th December 1951.

⁴ Так, к 1957 г. 1,5 тыс. студентов приехали в Британию для прохождения стажировок и обучения в рамках Плана Коломбо, и, наоборот, 600 чел. уехали в Канаду, 375 чел. в Новую Зеландию и 4 тыс. в Австралию. См.: Encyclopedia of Developing World. Ed. by T. M. Leonard. Vol. I. L. and N.Y., 2006. P. 354.

В сентябре 1950 г. в Лондоне прошла вторая встреча Консультативного Комитета, на которой присутствовали представители от Австралии, Канады, Цейлона, Индии, Новой Зеландии, Пакистана, Соединенного Королевства и британских колоний в этом районе, Камбоджи, Лаоса, Вьетнама. Правительство Таиланда направило своих представителей уже в ходе встречи в начале октября. В качестве наблюдателей присутствовали делегаты от не вошедшей в состав Содружества Бирмы и Индонезии. По итогам этой встречи в ноябре был опубликован доклад в форме Белой Книги. В ней вдобавок к общим целям Плана содержались детали осуществления уже разработанных программ развития Индии, Пакистана, Цейлона, Федерации Малайя, Сингапура, Северного Борнео и Саравака. Участники решили не прибегать к помощи ОЕЭС, как первоначально предлагало правительство К. Эттли, а выстраивать помощь на двусторонней основе между донором и правительством-реципиентом. Такая формула была связана с тем, что в случае «привязки» плана к ОЕЭС, в которой лидирующие позиции занимала Великобритания, финансовая сторона вопроса также ложилась бы на плечи Лондона. Однако на фоне продолжающегося ослабления фунта стерлингов правительство К. Эттли уже не было заинтересовано в такой модели.

Общая стоимость программ развития оценивалась в 1,868 млн. ф.ст., из которых 1,084 ф.ст. предполагалось привлечь в форме внешнего капитала. В связи с таким механизмом действия Плана в Лондоне рассчитывали на привлечение правительства Соединенных Штатов к участию в вырисовывающейся организации Коломбо. Только США, считало британское правительство, могли «заполнить пробел между общей потребностью во внешней помощи и суммами, которые страны-доноры Содружества могли предложить»¹.

Непосредственно вклад Соединенного Королевства в реализацию плана, по заявлению министра финансов, должен был составить 330 млн. ф.ст. на шесть лет. Эти средства предполагалось добыть за счет фондов Акта Колониального развития и благосостояния 1945 г. и использования стерлинговых активов.

¹ CAB 129-48. Colombo Plan. 20th December 1951.

Однако озвучены эти цифры на конференции были как предварительные в частном порядке, и только в ноябре 1950 г. в Палате общин Х. Гейтскелл официально представил выработанный на конференции доклад Консультативного Комитета Содружества по Плану Коломбо для экономического сотрудничества с целью развития стран Южной и Юго-Восточной Азии. Другое, более популярное, по мнению министра финансов, название доклада – «Новые горизонты на Востоке».

Х. Гейтскелл заявил о том, что правительство планирует направить в рамках Плана Коломбо 300 млн. ф.ст. странам Содружества и еще 30 млн. колониям и протекторатам в Юго-Восточной Азии, вдобавок к уже обещанным 2,8 млн. ф.ст.¹.

Эти планы лейбористов вызвали критику Консервативной партии. Один из депутатов тори К. Осборн поинтересовался у министра финансов, не приведут ли такие серьезные обязательства по улучшению стандартов жизни в других странах к «снижению уровня жизни» в самой Британии. Х. Гейтскелл заявил о том, что частично эти расходы будут произведены за счет остатков положительного стерлингового сальдо, однако признал, что при таком развитии событий расходы все же лягут «бременем на нашу экономику», и, следовательно, «мы должны стремиться к увеличению финансовой прибыли для выполнения своих обязательств»².

А. Иден, в свою очередь, допытывался у главы Казначейства, какая доля от этой суммы покрывается Актом о колониальном развитии и благосостоянии 1945 г., а какая часть – это «новые деньги». Х. Гейтскелл ушел от ответа, заявив, что отдельные детали плана все еще находятся на стадии «доработки». Один из парламентариев-тори поинтересовался также о позиции США по этому вопросу.

¹ Great Britain. Hansard. Parliament. Parliamentary Debates. Asia. (Commonwealth Economic Plan). 28 November 1950. Col. 950-951. URL: <http://hansard.millbanksystems.com/commons/1950/nov/28/asia-commonwealth-economic-plan>

² Ibid. Col. 952.

Гейтскелл указал, что Вашингтон проинформирован о Плана Колombo, и правительство ожидает его реакции¹.

Белый дом первоначально без большого энтузиазма воспринял идею участия в Плана. В течение первой половины 1950 г. Уайтхолл настойчиво пытался убедить заокеанского партнера в целесообразности его участия в оказании помощи странам Юго-Восточной Азии, сделав акцент на том, что вдобавок к мерам краткосрочного характера по борьбе с коммунизмом, требуется долгосрочная программа для стабилизации ситуации в регионе.

Успеху дипломатических усилий Великобритании способствовала начавшаяся в июне Корейская война. США приняли решение о полноценном присоединении к Плану Колombo с 1951 г. с целью «укрепить ресурсную составляющую организации»².

В феврале 1951 г. с участием США в Колombo состоялась очередная встреча Консультативного Комитета. На этой третьей конференции Комитет выработал рекомендации правительствам стран-участниц о будущей процедуре для продолжения взаимных консультаций и механизме выполнении плана. На встрече кроме семи стран Содружества (Великобритания, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Пакистан и Шри-Ланка) и США в качестве участника присутствовал Вьетнам, как наблюдатели – Бирма, Индонезия, Филиппины и Таиланд. Приглашение к участию было также направлено Международному Банку.

США согласились выделить 237 млн. долл. на помощь странам Юго-Восточной Азии (включая Формозу) в рамках двусторонних Программ Безопасности вместо первоначально обещанной ими сумме в 375 млн. долл. Кроме этого, МБРР согласился предоставить Индии 60 млн. долл., аналогичную сумму Пакистану и 25 млн. долл. Таиланду³.

¹ Ibidem.

² Remme T. Britain and Regional Cooperation in South-East Asia, 1945-1949. PhD in International History, London School of Economics. 1990. P. 213-214. URL: <http://etheses.lse.ac.uk/1138/1/U048287.pdf>

³ CAB 129-48. Colombo Plan. 20th December 1951.

Эти суммы были меньше тех, на которые рассчитывало правительство К. Эттли, однако остроту проблемы внешних займов для реализации Плана, несомненно, удалось снизить. Кроме США в 1951 г. к Плану Коломбо присоединился Лаос, в 1952 г. – Непал и Мьянма, в 1953 г. организацию пополнила Индонезия. Позднее к Плану присоединились Япония, Таиланд и Малайзия. В настоящее время организация насчитывает 27 государств.

Таким образом, при осуществлении колониального курса лейбористы стремились, не форсируя темпы деколонизации, сделать упор на проведении политики развития, ориентированной не только на зависимые территории, но и освободившиеся страны. При этом такой курс, как видно на примере «арахисного» проекта в Танганьике, наталкивался на серьезную оппозицию в парламенте и проблемы, вытекавшие из некоторой «увлеченности» лейбористами социалистическими идеями.

1.3.3 Британо-европейские отношения: инициативы У. Черчилля и их воплощение

Другим важнейшим направлением внешнеполитической программы консерваторов оставалось европейское направление.

В сентябре 1946 г., менее чем через полтора года после окончания войны в Европе, У. Черчилль произнес речь в Цюрихском университете, получившую название «Трагедия Европы». В этом выступлении содержался призыв к объединению европейских народов на основе франко-германского сотрудничества. Черчилль отмечал, что «в стане победителей стоит неумолкаемый гвалт громких, торжествующих голосов; в стане побежденных царит унылая, угрюмая тишина. Вот чего добились европейцы, издревле живущие порознь, разделенные на множество наций и стран; вот чего добилась Германия с ее союзниками... И тем не менее, есть одно кардинальное средство, которое, если к нему прибегнут сообща все европейские страны, чудесным образом изменит

нынешнюю картину и в считанные годы сделает всю Европу, или по крайней мере ее большую часть, такой же свободной и счастливой, какой мы видим сегодня Швейцарию. В чем же заключается это чудодейственное средство? В воссоздании европейской семьи народов...»¹.

Ядром предлагаемой организации регионального характера должен был стать Совет Европы, базировавшийся на франко-германском союзе. Великобритании, Британскому Содружеству наций, США и СССР У. Черчилль отводил роль партнеров и поручителей в «строительстве новой Европы»².

В перспективе на платформе Совета Европы должна была возникнуть интеграционная группировка, которую лидер консерваторов обозначал как Соединенные Штаты Европы, перебросив тем самым мостик к аналогичным идеям, высказанным разными политическими и общественными деятелями в период нового и начала новейшего времени.

Это выступление У. Черчилля, вошедшее в историю как развивавшее идеи интеграционного порядка, по большому счету носило программный характер, и его суть не сводилась только к объединительным инициативам. Выдвинутые в Цюрихской речи идеи отражали наметившийся вектор развития международных отношений и стремление британской дипломатии, как и прежде, действовать в роли арбитра, регулируя отношения двух сверхдержав в интересах сохранения глобальной роли Британии.

Лейбористское правительство развивало аналогичные идеи. Министр иностранных дел Э. Бевин проявил инициативу в деле интеграции европейских стран. Будучи проатлантически настроенным политиком, Бевин предвидел создание «крепости Америка», экономически защищенной высокой тарифной стеной против третьих – в том числе европейских – стран. В этих условиях Лондон считал возможным и важным для себя обеспечить некоторый уровень

¹ Черчилль У. Мускулы мира. М., 2002. С. 497-498.

² Там же. С. 499.

экономической независимости от Вашингтона, и с этой целью взял курс на сотрудничество с Францией.

Англо-французское сотрудничество после Второй мировой войны британские политики мыслили сначала в плоскости культурной и экономической кооперации. Серия двусторонних консультаций в 1945-1946 гг. привела к решению о необходимости военного союза двух стран как некоей «третьей силы» после двух сверхдержав¹.

В конце февраля 1947 г. глава Форин оффис представил членам кабинета проект двустороннего пакта, готовый к окончательному согласованию с Парижем. Французская сторона при подготовке этого плана, подчеркивал Э. Бевин, испытывала тревогу и сомнения в прочности британских военных гарантий. Французы напомнили британцам, как в 1936 г. Лондон не выполнил своих обязательств по Локарнскому договору 1925 г. и позволил Германии оккупировать Рейнскую область. Британия заверила Францию, что в рамках готовящегося к подписанию пакта подобная ситуация не повторится и она выполнит свои обязательства в случае «вооруженной атаки» на Францию со стороны Германии².

Память о политике умиротворения оказывала влияние на весь комплекс проблем европейской безопасности и решение германского вопроса. Для Британии было важным преодолеть недоверие Франции, не допустив ее сближения с Советским Союзом. В середине марта 1947 г. в памятном со времен Второй мировой войны для Великобритании и Франции месте – Дюнкерке – был подписан двусторонний договор. Англо-французский пакт безопасности был направлен против германской угрозы, а подспудно и против возможной советской агрессии. Год спустя – 17 марта 1948 г. – к Дюнкеркскому договору присоединились страны Бенилюкса, и подписанный в Брюсселе договор против

¹ Rohan S. The Western European Union: International Politics between Alliance and Integration. N.Y., 2014. P. 14-15.

² The National Archives of the United Kingdom. Cabinet Papers (CAB). CAB 128-09. 27 February 1947. P. 164-165.

угрозы вооруженных конфликтов в Европе, зафиксировал создание Западного союза.

Между тем, в декабре 1946 г. по следам Цюрихской речи был образован Европейский союз федералистов, деятельность которого была нацелена на объединение стран региона. В августе 1947 г. в швейцарском городе Монтрё прошел конгресс образованного союза, на котором присутствовали делегации от 16 государств. На конгрессе обсуждались идеи создания европейского федеративного правительства и единой европейской организации. В мае 1948 г. уже на конгрессе в Гааге, председателем которого был избран У. Черчилль, участники призвали к созданию Совета Европы и принятию Европейской конвенции по правам человека.

Идея создания Совета Европы как замены показавшей свою неэффективность Лиги наций начала разрабатываться премьер-министром У. Черчиллем еще в период войны. В октябре 1942 г. в письме министру иностранных дел А. Идену Черчилль выразил надежду, что «европейская семья сможет действовать в рамках Совета Европы. Я с нетерпением жду создания Соединенных Штатов Европы, внутри которых будут ослаблены торговые барьеры, и экономика Европы будет действовать как единое целое»¹.

Замысел Совета Европы поддержало действующее правительство лейбористов. В 1948 г. кабинет К. Эттли стал готовить создание такой организации под эгидой Великобритании. При обсуждении целей организации министры пришли к согласию, что в сферу полномочий будущего Совета не должны входить «военные» вопросы, предназначенные к включению в сферу будущего Североатлантического альянса².

Вопросы полномочий Консультативной или Парламентской ассамблеи – основного института Совета – потребовали проведения длительных дискуссий. Некоторые члены кабинета высказывали мысль о наделении ассамблеи «высшей

¹ Council of Europe. Ed. by T. E.J. Kleinsorge. Alphen aan der Rijn, 2010. P. 47-48.

² CAB 128-15. 29 January 1949. P. 44-45.

политической властью» с тем, чтобы с течением времени она превратилась в широкую интеграционную группировку на базе ОЕЭС с Британией в качестве лидера. Примечательно, что высказывались идеи и о внесении в сферу деятельности Совета Европы колониальных проблем, однако в ходе обсуждений эти варианты были отвергнуты¹.

В начале мая 1949 г. произошло официальное оформление Совета Европы, лишь в общих чертах напоминавшего проект У. Черчилля. В его состав, кроме Британии, вошли Бельгия, Дания, Франция, Ирландия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Норвегия и Швеция.

5 мая на заседании кабинета премьер-министр и члены кабинета отметили успешную работу главы Форин оффис, основным итогом которой были названы три важнейших события: подписание Североатлантического договора, создание Совета Европы и прекращение советской блокады Берлина².

В сентябре 1949 г. в Страсбурге на заседании первой Консультативной ассамблеи Совета Европы У. Черчилль, оглядев собравшихся, спросил: «а где же немцы?»³. Этот вопрос прямо отсылал собравшихся к его Цюрихской речи 1946 г.

Неудивительно, что в предвыборной программе консерваторов 1950 г. шла речь о включении Западной Германии в состав Совета Европы: «Рука об руку с Францией и другими дружественными державами мы будем преследовать цель тесного единства в Европе. Западная Германия будет включена в Совет Европы в случае ее полного согласия с западной демократической концепцией прав человека. Среди будущих задач – подписание Договора с Австрией на условиях, в соответствии с которыми она восстановит свою независимость и с ее территории будут «выведены российские войска одновременно с войсками западных держав»⁴.

¹ CAB 128-15. 24 February 1949. P. 81-83.

² CAB 128-15. 5 May 1949. P. 13.

³ Best G. Churchill: A study in greatness. N.Y., 2006. P. 284.

⁴ 1950 Conservative Party General Election Manifesto. This is the Road: The Conservative and Unionist Party's Policy. URL: <http://www.conservativemanifesto.com/1950/1950-conservative-manifesto.html>

Несмотря на провал тори на этих выборах, идея о вступлении Западной Германии в Совет Европы будет реализована, и в 1950 г. к этой организации присоединились ФРГ, Греция, Турция и Исландия.

Генеральный комиссар по планированию Франции Ж. Монне, премьер-министр Бельгии П.-А. Спаак и другие видные деятели федералистского движения в Европе надеялись, что Совет Европы будет развиваться в направлении наднациональной организации, о которой они мечтали. Однако Устав созданной организации, принятый 5 мая 1949 г., провозглашал такие цели как защита прав человека, укрепление парламентаризма и основ демократии, общеевропейских ценностей и единства¹.

Как видно, Совет Европы не стал интеграционной группировкой в том смысле, в каком ее видел У. Черчилль. Созданная организация лишь формально являлась воплощением идей британского политика, так и не став основой для решения германского вопроса и не обеспечив Великобританию лидирующей роли в европейских и мировых делах, как на это рассчитывал У. Черчилль. Тогдашнее правительство К. Эттли не собиралось «причаливать» к континенту, рассчитывая на сохранение торговых преференций со странами Содружества, глобальную торговлю и относительно сильный промышленный сектор².

Когда стало понятно, что Черчилль не заинтересован в таком движении Совета Европы, Ж. Монне предложил альтернативный проект, ставший известным как «план Шумана».

Идея наднациональности, лежавшая в основе этого плана, вызвала иронию у вернувшегося к власти У. Черчилля и его министра иностранных дел А. Идена. Они подшучивали над этим словом, вспоминая, как в середине июня 1940 г. Черчилль предложил создание конституционного союза между Британией и Францией. Вот такой союз, считал Черчилль, действительно был

¹ Устав Совета Европы. // Системная история международных отношений. М., 2000. Т.4. Документы. 1945-2004. С. 89-92.

² New Labour in Power. Precedents and prospects. Ed. by B. Brivati and T. Bale. N.Y., 1997. P. 149.

наднациональной идеей в отличие от замысла французского комиссара по планированию¹.

Французские инициативы оказались более жизнеспособными и соответствующими интересам США, заинтересованных в решении германского вопроса путем интеграции в условиях разворачивающейся холодной войны. Для США было важно контролировать Западную Германию, используя ее как буфер против распространения коммунизма. Именно поэтому идеи европейской интеграции с углубленным сотрудничеством стран-членов на основе принципов наднациональности получили поддержку США.

Для Франции наиболее актуальным в послевоенное время был именно германский вопрос. Страна за последние более чем 70 лет пережила три нападения со стороны восточного соседа (хотя в 1870 г. Франция официально объявила войну Пруссии, война была спровоцирована германской стороной). Соответственно, Париж был наиболее заинтересованной стороной в недопущении новой германской агрессии. Восстановление былого величия страны французскими политиками увязывалось с решением германского вопроса таким образом, чтобы сдерживать и контролировать восточного соседа.

При решении проблем безопасности, с учетом не столько возможной германской, сколько советской угрозы, западные страны стремились учесть опыт существования Версальско-Вашингтонской системы международных отношений. Одной из ее характерных черт была изоляция Германии, приведшая к советско-германскому сближению и стремлению Берлина разрушить созданную систему. Осознав это, западные страны изменили подход к германскому государству и предприняли попытку его «включения» в международную систему путем принятия в Лигу наций. Однако этот шаг не предотвратил поворота Веймарской республики к авторитарному правлению и насильственному пересмотру итогов Первой мировой войны. Ни одна из стран мира не оказалась способна предсказать, и тем более предотвратить мощный экономический кризис,

¹ Best G. Op.cit. P. 285-286.

потрясший страны капиталистического мира в 1930-е гг. Именно этот кризис послужил катализатором краха Веймарской Германии и установления в стране национал-социалистического режима.

Поэтому именно во Франции после Второй мировой войны особое внимание было уделено разработке проектов по решению германского вопроса. Один из таких проектов, совмещавший экономический и политические задачи, вышел из недр созданного в 1946 г. Генерального комиссариата по планированию. Эта структура стала составным элементом создаваемой модели смешанной экономики. Руководителем комиссариата стал известный идеолог панъевропейского движения Ж. Монне, в межвоенный период служивший в Лиге наций и выступавший за объединение европейских государств в рамках наднациональной модели. Наиболее вероятной сферой для сотрудничества Ж. Монне считал экономику, рассматривая ее как первый шаг на пути созданию широкого политического союза европейских государств.

Весной 1950 г. глава Генерального комиссариата по планированию Франции Ж. Монне представил министру иностранных дел Р. Шуману интеграционный план, совмещавший решение германского вопроса и экономических задач страны. Суть инициативы состояла в установлении контроля над такими стратегически важными отраслями промышленности ФРГ и Франции, как угольная и сталелитейная в рамках организации западноевропейских государств.

Инициативы Ж. Монне увязывались с планами модернизации французской экономики, в том числе, посредством укрепления введенной еще в 1930-х гг. в качестве антикризисного средства дирижистской модели. Политика дирижизма предусматривала создание смешанной экономики с использованием индикативного планирования – обязательного выполнения планов предприятиями государственного сектора экономики и рекомендательного – для частного сектора. После войны Франция вернулась к этой экономической парадигме. С 1947 г. во Франции началось осуществление первого пятилетнего плана.

Предложенный Ж. Монне проект преследовал не столько экономические, сколько политические задачи. Наряду с целью превращения Франции в крупного производителя стали выдвигалась задача ослабить Западную Германию как основного конкурента в указанных отраслях промышленности. Одновременно планировалось, не прекращая попыток решить исторически спорные вопросы о статусе Рурской и Саарской областях в свою пользу, увязать эти инициативы с комплексным решением германского вопроса путем включения ФРГ в европейские структуры.

Ключевым элементом плана генерального комиссара по планированию, в отличие от инициативы У. Черчилля, стал принцип наднациональности, предполагавший передачу определенных функций и полномочий государств на более высокий – надгосударственный – уровень с целью более тесной и глубокой интеграции.

Такая приверженность Ж. Монне наднациональной модели объяснялась опытом его службы в качестве заместителя генерального секретаря Лиги Наций в межвоенный период. Эта работа убедила его в слабости не столько самой организации, сколько межправительственной системы как таковой. Впоследствии французский политик так описывал сделанные им в этот период выводы: «Мы связывали большие надежды с будущим Лиги наций, а трудности нас только подбадривали. Только позднее я понял, что мы недооценили эти трудности, или, точнее, недостаточно углублялись в них: их общий корень лежал в области национального суверенитета, который мешал ...выявлению общего интереса»¹.

Ж. Монне считал, что задуманное им сообщество должно состоять из таких структур как Парламентская ассамблея, Совет министров и Европейский суд – как зачаточных элементов федеративного законодательства и судебной системы. Первые два института действовали еще в рамках Лиги наций, однако без принципа наднациональности Монне считал их всего лишь создающими видимость единства всей организации.

¹ Подробнее см.: Монне Ж. Реальность и политика: Мемуары. М., 2001. С. 109.

Следует заметить, что предложенная французским деятелем система институтов продолжает действовать вплоть до сегодняшнего дня, хотя и отношения между институтами, сочетающими федеративные и конфедеративные элементы, и сами институты претерпели эволюцию¹.

9 мая 1950 г. глава внешнеполитического ведомства Четвертой республики Р. Шуман представил проект Ж. Монне по созданию Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), ставший первоначально известным как «план Шумана». Позднее историки, в стремлении восстановить «историческую справедливость», начали определять этот проект как «план Монне-Шумана», отдавая должное его разработчику.

25 мая 1950 г. французское правительство пригласило 6 государств – Великобританию, ФРГ, Италию, Бельгию, Нидерланды и Люксембург – для участия в переговорах по созданию ЕОУС. Все страны, за исключением Британии, ответили согласием. ФРГ устраивала предлагаемая французами федеративная структура будущего сообщества. Западные немцы приняли этот проект, так как он, кроме экономических выгод, предлагал им «способ вновь стать уважаемыми людьми»². Страны Бенилюкса первоначально с определенной долей недоверия отнеслись к французскому проекту и идеям наднациональности. Исключение составляли лишь разделявшие идеи Ж. Монне лидеры Бельгии и Люксембурга – П.-А. Спаак и Дж. Бек соответственно. Италию в лице христианского демократа, премьер-министра А. де Гаспери, проект заинтересовал по нескольким причинам. Во-первых, лидер Христианско-демократической партии был убежденным сторонником создания европейской федерации, во-вторых, А. де Гаспери стремился ослабить Коммунистическую партию Италии, чрезвычайно усилившуюся в годы Соппротивления, в-третьих, он видел в проекте возможности для укрепления экономики страны³.

¹ Подробнее см.: Мирошников С. Н. Институты Европейского союза: Европейский парламент, Европейский совет, Совет, Европейская комиссия – структура, функции, процесс принятия решений. Томск, 2011. С. 119.

² Pinder J., Usherwood S. European Union. Oxford, 2007. P. 11.

³ Dinan D. Europe Recast. A History of European Union. L., 2004. P. 45.

20 июня 1950 г. в Париже начались переговоры о создании ЕОУС. Хотя Великобритания и получила приглашение принять участие в обсуждениях, предварительных консультаций по проекту между двумя странами проведено не было. Франция в лице Р. Шумана надеялась на то, что британцы в изменившихся после Второй мировой войны международных условиях смогут преодолеть свое традиционное нежелание принимать обязательства на континенте и станут одним из лидеров будущей организации. Малые страны – Бельгия, Нидерланды и Люксембург – рассчитывали, что участие Лондона уравнивает лидерство Парижа и Бонна.

Однако эти надежды не оправдались. Премьер-министр Великобритании К. Эттли отказался от участия в переговорах, официально выразив поддержку французскому проекту. Создание Совета Европы виделось лейбористам воплощением приемлемой для Британии формы межправительственной формы сотрудничества, и участвовать в подобном, но уже требующем уступки части суверенитета, объединении они не желали.

На отказ Лондона повлияли и другие факторы: ее многовековые традиции внешней политики подразумевали поддержание постоянного «баланса сил» в делах европейского континента. Неслучайно до сих пор популярным остается выражение, приписываемое лорду Пальмерстону, о том, что «у Англии нет вечных союзников, нет вечных противников, а есть только вечные интересы»¹. Эти «вечные интересы» в конце 1940-начале 1950-х гг., очевидно, не предполагали участия во французской интеграционной модели.

Среди других факторов – крайняя непопулярность идеи передать часть суверенитета на наднациональный уровень. Норвежский историк Г. Лундестад связывает это с тем, что Великобритания не испытывала в годы войны унижительную оккупацию, как, например, Франция в годы Второй мировой войны. Французская армия была разбита за несколько недель, и в течение последующих четырех лет большая часть страны была оккупирована немцами.

¹ Hathaway R. M. Great Britain and the United States. Special Relations since World War II. Boston, 1990. P. 4.

Эти события породили разочарование и недоверие к национальному правительству как институту не только во Франции, но и других оккупированных Германией и ее союзниками странах¹. Поэтому в отличие от стран континента принцип наднациональности не внушал доверия британским политикам, слабо верившим в жизнеспособность французских проектов.

Лондон не был заинтересован в «плане Шумана» и с экономической точки зрения. Правительство К. Эттли не считало выгодным передачу суверенитета над такими крупными и стратегически важными отраслями как угольная и сталелитейная промышленность наднациональным институтам. Следует также учитывать, что лейбористы с 1945 по 1950 гг. реализовывали широкую программу национализации, которая коснулась и указанных отраслей. В начале 1950-х гг. эта программа начала давать результаты, и ставить под угрозу этот курс лейбористы не были намерены.

В целом, британское руководство приветствовало континентальные государства в их стремлении реализовать «план Шумана» как эффективное средство решения германского вопроса и укрепления безопасности Западной Европы.

Британский ученый и политик, член Европейской комиссии Э. Делл утверждал впоследствии, что Великобритания, не разглядев перспектив будущего сообщества, потеряла шанс на лидерство в Европе². Наоборот, для Франции, совершившей, по выражению историка Д. Динана, «дипломатическую революцию в Европе», озвученная Р. Шуманом инициатива стала решительным возрождением французского лидерства на континенте³. К этому можно добавить, что и во Франции не все верили в успех инициативы Монне.

В ходе обсуждений на первый план вышел вопрос о ремилитаризации Западной Германии. Канцлер ФРГ К. Аденауэр стремился к разрешению наиболее

¹ Подробнее: Лундестад Г. Восток, Запад, Север, Юг. Основные направления международной политики. 1945-1996. М., 2002. С. 204-205.

² Цит. По: Dinan D. Europe Recast. A History of European Union. L., 2004. P. 45.

³ Ibidem.

насушной для страны задачи: добиться максимально полного суверенитета и дееспособности Западной Германии в международных делах. Канцлер понимал: без участия ФРГ интеграция не состоится. Но понимал он также и то, что поддерживаемый США «план Шумана», прежде всего, является важнейшим звеном в процессе сближения ФРГ и Франции.

Ж. Монне считал, что переговоры стран, получивших название Шестерки, могут быть завершены в течение нескольких недель. Первый проект договора, составленный под его руководством, содержал призыв к созданию таких институтов как Верховный орган, Парламентская Ассамблея и Суд. Основная институциональная битва на конференции развернулась вокруг роли Верховного органа.

Нидерланды, первоначально настроенные весьма скептически к идее наднациональности, стремились ограничить власть Верховного органа посредством национального контроля. Х.-П. Шварц, биограф К. Аденауэра, описывает голландскую позицию как «неудачную смесь торговых расчетов, отвращения как к французской, так и к немецкой гегемонии, открытости к британскому влиянию и глубокой озабоченности в связи с перспективой поглощения в более крупные группировки». Голландский прагматизм раздражал канцлера ФРГ и вызывал недовольство Ж. Монне. Но и другие национальные лидеры, опасаясь франко-западногерманского засилья в Верховном органе, разделяли позицию Нидерландов. Это вынудило Ж. Монне согласиться с созданием действующего на межправительственной платформе Совета министров на том основании, что вопросы угля и стали невозможно отделить от более широких экономических вопросов, для решения которых Верховному органу не хватало компетенции. Договор должен был установить баланс между Советом и Верховным органом с доминированием последнего в некоторых наднациональных сферах. Таким образом, голландская делегация в ходе переговоров добились значительных уступок, преобразив изначальную идею Монне почти до неузнаваемости. Как признал сам Монне в июле 1950 г., «при

переводе этого принципа [наднациональности – *Е.Х.*] в реальность он был не просто изменен, а, несомненно, улучшен»¹.

В июле 1950 г. премьер-министр Франции Р. Шуман, в связи с отказом Лондона от непосредственного участия в переговорах по созданию объединения угля и стали, предложил Британии подумать над «ассоциированным членством» в создаваемой наднациональной группировке². Тогда еще правительство К. Эттли выразило поддержку проекту, предпочитая с расстояния наблюдать за реализацией французской инициативы.

18 апреля 1951 г. министры иностранных дел стран Шестерки подписали договор о создании ЕОУС сроком на 50 лет. 25 июля 1952 г. после ратификации национальными парламентами договор вступил в силу.

В рамках ЕОУС были учреждены Верховный наднациональный орган во главе с Ж. Монне, Совет министров, Общая ассамблея и Верховный суд. Первый институт получил право принимать решения, обязательные для всех государственных учреждений стран-членов, то есть довольно широкие наднациональные полномочия. Однако по ряду ключевых вопросов принятые этим институтом решения подлежали утверждению на специальном Совете министров, построенном на межправительственной основе, что существенно ограничивало и даже тормозило деятельность ЕОУС.

Также был создан Суд для рассмотрения вопросов, связанных с законностью действия других органов интеграционного объединения. Созданная Ассамблея ЕОУС, имевшая минимальные полномочия, послужила предтечей нынешнего Европарламента.

Созданное объединение мыслилось Ж. Монне как первый шаг к созданию более широкого объединения, охватывающего не только экономическую, но и другие сферы.

¹ *Idem.* P. 46-48.

² Dedman M. J. *The Origins and Development of the European Union. 1945-2008: A History of European integration.* N.Y., 1996. P. 59.

В феврале 1951 г. в Париже начались переговоры шести западноевропейских государств по реализации проекта Европейской армии или «плана Плевена», предусматривавшего построение Европейского оборонительного сообщества (ЕОС). В рамках ЕОС – наднационального по своему характеру – предусматривалось создание общих институтов, общих вооруженных сил и общего бюджета¹.

Этот проект стал ответом на планы перевооружения ФРГ, получившие широкое обсуждение в политических кругах западноевропейских стран и США в связи с началом войны в Корее в июне 1950 г.

В августе того же года У. Черчилль на заседании Консультативной ассамблеи Совета Европы в Страсбурге принял участие в выработке резолюции, призывающей к «немедленному созданию Европейской армии под единым командованием». Черчилль в составе такого командования видел британские силы, силы США и западноевропейских стран, включая ФРГ².

В сентябре 1950 г. на встрече Совета НАТО в Нью-Йорке США настоятельно предложили перевооружение ФРГ для укрепления европейской безопасности, подчеркнув, что в случае, если западные державы отклонят эту идею, США откажутся участвовать в совместном командовании НАТО³.

В Париже подобные планы союзников по перевооружению ФРГ вызывали неприятие. 24 октября 1950 г. французский премьер-министр Р. Плевен озвучил в Национальном собрании Франции альтернативный проект. В нем предусматривалось создание Европейского оборонительного сообщества и организация Европейской армии, подконтрольной наднациональным институтам единой Европы. Единая европейская армия должна был состоять из небольших по численности национальных военных контингентов западноевропейских государств, поставленных под контроль европейского министра обороны, а также главнокомандующего НАТО. При этом проект предусматривал, что все

¹ European Defence Community Treaty. Wash., 1952. URL: <http://aei.pitt.edu/5201/1/5201.pdf>

² Pelling H. Churchill's Peacetime Ministry, 1951-1955. L., 1997. P. 63.

³ The Churchill-Eisenhower Correspondence, 1953-1955. Ed. by P. Boyle. 1990. P. 15.

участники, кроме ФРГ, могут располагать вооруженными силами двух типов: национальными силами, задействованными преимущественно в колониях, и военными подразделениями, включенными в состав наднациональной армии. Тем самым участие ФРГ в таком объединении исключало возможность воссоздания германской национальной армии, что и было ключевым моментом французского плана.

Великобритания, получив приглашение принять участие в переговорах по учреждению Европейской армии, выразила поддержку этой инициативе, но уклонилась от участия в проекте¹.

Причины неучастия Лондона были аналогичны тем, что имели место и в случае создания ЕОУС. Британия не видела смысла в своем непосредственном участии в военном объединении: страна уже состояла членом НАТО и не желала жертвовать суверенитетом в военной сфере. Более того, Корейская война подтвердила приоритет для страны англо-американских отношений и проблем безопасности в противовес наднациональным идеям Франции.

Кабинет лейбористов с большим вниманием в этот период относился к идеям установления торгово-экономического блока со странами Африки. Такой блок, выстроенный на основе ассоциации с африканскими территориями, мог служить инструментом сохранения связей с обретающими независимость колониями и продолжения эксплуатации природных богатств африканского континента².

Проект «Евроафрики», обсуждавшийся в Париже и Лондоне как «запасное» средство на случай быстрого распространения процессов деколонизации, обозначившихся в Азии, на другие регионы, мыслился также как некая «третья сила» после двух сверхдержав³. Однако в дальнейшем эта идея не получила

¹ Brookshire J. H. Clement Attlee. N.Y., 1995. P. 223.

² Пелипась М. Я. Суэцкий кризис 1956 г. // Холодная война. 1945-1963 гг. Историческая ретроспектива. Сб. ст. М., 2003. С. 543-544.

³ Проден Е. Ю. Политика Франции в отношении европейской военно-политической интеграции в контексте трансатлантических отношений (1948-1954 гг.). Автореферат на соиск. учен. степ. канд. ист. наук... Томск, 2007. С. 19.

развития, хотя отдельные элементы этого проекта (например, сохранение в модернизированном виде связей с бывшими колониями) Париж успешно воплотил в жизнь при подписании договора о создании Европейского экономического сообщества в 1957 г.

Великобритания пошла другим путем – начатую лейбористами политику развития колоний и освободившихся территорий, имевшую кроме гуманитарного смысла явный коммерческий подтекст – подхватят консерваторы, и она станет одним из магистральных направлений общего колониального курса.

В целом, программные документы, принятые Консервативной партией во второй половине 1940-х гг., свидетельствовали о пересмотре идеологических основ торизма. Консерваторы становились ближе к правому крылу Лейбористской партии, и, по образному выражению Г. Макмиллана, смогли «занять место между старым либерализмом и новым социализмом»¹.

10 января 1950 г. король по предложению премьер-министра подписал указ о роспуске Палаты общин и на 23 февраля назначил новые выборы. Этот маневр правящая партия предприняла с тем, чтобы провести выборы в наиболее благоприятный, как она считала, период. Предвыборная программа лейбористов называлась «Лейбористы верят в будущее», и в ней содержались планы по продолжению национализации – в сахарной отрасли, производстве цемента и химической промышленности.

Консерваторы в своей программе, наоборот, критиковали внутривнутриполитический курс лейбористов и требовали остановить национализацию. Во внешнеполитической сфере тори по-прежнему отдавали приоритет империи и Содружеству: «На переднем крае британской государственности стоит жизненно важная задача расширения единства, силы и прогресса Британской империи и

¹ Macmillan H. Tides of fortune.... P. 311.

Содружества. Мы будем делать все возможное для построения новых отношений в рамках Содружества с Индией, Пакистаном и Цейлоном»¹.

Тори планировали пересмотреть положение дел в имперской военной сфере и создать Общий консультативный совет обороны, а также подтверждали свою заинтересованность в «развитии имперской торговли с долгосрочной перспективой расширения производства продовольственных товаров и сырья»². В случае прихода к власти Консервативная партия намеревалась «в рамках Организации Объединенных Наций решительно содействовать построению системы свободы, основанной на верховенстве закона» и более тесно, чем прежде, действовать в «ассоциации с Западной Европой и Соединенными Штатами»³. Эти программные установки имели прямую отсылку к Фултонской речи У. Черчилля.

Однако на выборах 1950 г. лейбористы одержали победу с небольшим преимуществом – они получили 315 мест, консерваторы 290 мест и либералы 9 мест. Такие результаты выборов в определенной степени свидетельствовали о росте популярности тори.

Недовольные же таким исходом избирательной кампании консерваторы из реформаторского крыла партии продолжили идеологические искания. В 1950 г. возникла группа «Одной нации» (“One Nation Group”), в которую входило свыше 20 депутатов Палаты общин от Консервативной партии – в разное время это Э. Хит, К. Джозеф, И. Маклеод, Л. Гилберт, Д. Ормсби-Гор, Р. Модлинг, И. Пауэлл⁴.

Участники группы выдвинули идею о необходимости возврата к выдвинутой Б. Дизраэли в середине XIX в. идее «одной нации». В рамках этой идеи или концепции общество рассматривалось как организм, в котором увязаны все его части. «Прогрессивные консерваторы» признали в теории и на практике необходимость государственного регулирования, социальных реформ, сотрудничества с профсоюзами. Неслучайно консервативные правительства,

¹ 1951 Conservative Party General Election Manifesto. URL: <http://www.conservativemanifesto.com/1951/1951-conservative-manifesto.shtml>

² Ibidem.

³ Ibidem.

⁴ Seawright D. The British Conservative Party and One Nation Politics. N.Y., 2010. P. 9.

придя к власти в 1951 г., не отказались от лейбористских преобразований первых послевоенных лет¹. Группа провозгласила, что политика консерваторов уничтожит пропасть между бедными и богатыми, и «две нации» времен Дизраэли превратятся в «единую нацию»².

Тори «одной нации» доминировали в британской политике до 1970-х гг. У. Черчилль, Г. Макмиллан и другие консерваторы считали своей основной целью объединение страны для создания общества процветания, в то же время, уделяя внимание защите малоимущих слоев населения. Эти идеи соответствовали установкам Б. Дизраэли, когда представители земельной аристократии в парламенте считали своим долгом управлять в интересах всех классов³.

К этому следует добавить вопросы внешней политики: консерваторы, по сути, продолжили политику лейбористов в уже заданных еще в годы войны У. Черчиллем «трех окружностях». В отношениях с США, странами европейского континента и империей/Содружеством принципиальных изменений, во всяком случае, в 1950-е гг., за некоторыми исключениями, не наблюдалось.

Летом 1951 г. новое правительство К. Эттли столкнулось с кризисом платежного баланса, приведшим к валютным спекуляциям против фунта стерлингов. В сентябре король по предложению главы кабинета распустил парламент и назначил на 25 октября 1951 г. новые выборы, к которым Лейбористская партия подошла, как писала британская пресса, «на последнем издыхании»⁴.

Кроме финансовых, лейбористы столкнулись с серьезными кадровыми проблемами. Новый глава Форин оффис Г. Моррисон не имел четкой внешнеполитической программы и не смог справиться с кризисами в Египте, Судане и Иране.

¹ Городецкая И. Е. Тэтчеровский этап капитализма в Великобритании. // Современный консерватизм. / К. С. Гаджиев, С. П. Перегудов, В. А. Скороходов и др. М., 1992. С. 143-144.

² Горбик В. А. Консервативная и либеральная партии в политической системе послевоенной Англии. Киев, 1977. С. 101.

³ Williams A. UK Government and Politics. Oxford, 1995. P. 54-55.

⁴ 25 October 1951. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/special/politics97/background/pastelec/ge51.shtml>

На следующих парламентских выборах 1951 г. тори остались верны своей прежней линии. В международном плане на первое место консерваторы поставили «безопасность, прогресс и сплоченность Британской империи и Содружества наций. Мы должны ...помогать друг другу всеми силами в области обороны и торговли. Мы будем поддерживать систему имперских преференций. На нашем внутреннем рынке имперский производитель будет на втором месте после отечественного производителя»¹.

Эта установка на приоритетное развитие связей с империей и Содружеством проявится при правлении консервативных кабинетов. Как уже было отмечено, тори одержали победу на этих выборах.

В предвыборной программе консерваторов 1951 г. помимо приоритетного развития отношений с Империей и Содружеством был сделан акцент на «единстве англоязычных народов, которые вместе насчитывают сотни миллионов». Тори выражали намерение «продолжать прикладывать усилия для объединения Европы и не забывать о странах, оставшихся за железным занавесом». При этом они поддержали «программу перевооружения, начатую при лейбористах», отметив, что эта политика «потребует расходов в 5 млн. ф.ст. в течение трех лет на оборону»². Продолжавшаяся война в Корее требовала увеличения военных расходов.

В целом предвыборные кампании 1950 и 1951 гг. сложно было назвать яркими и сенсационными. Лейбористы понесли значительные кадровые потери – в 1950 г. по состоянию здоровья ушел в отставку глава Казначейства С. Криппс, в 1951 г. умер глава Форин оффис Э. Бевин. У лейбористов отсутствовали и новые идеи в экономической и социальной сферах – основные предвыборные обещания 1945 г. они уже реализовали.

Программы партий начала 1950-х гг. свидетельствовали об их движении к политическому центру. Консерваторы и лейбористы не подвергали сомнению

¹ 1951 Conservative Party General Election Manifesto. URL: <http://www.conservativemanifesto.com/1951/1951-conservative-manifesto.shtml>

² Ibidem.

сложившуюся кейнсианскую модель экономики и утвердившиеся основы государства всеобщего благоденствия.

Основы двухпартийного подхода стали оформляться еще в годы войны. У. Черчилль в своей первой речи в Палате общин в качестве лидера оппозиции в 1945 г. обратил внимание на то, что в годы Второй мировой войны начал складываться консенсус двух партий: «Мы, две партии, не только договорились по фундаментальным основам внешней политики, но и разработали в период работы коалиционного правительства совместную программу»¹.

Британский исследователь М. Моран, в свою очередь, указывает на то, что начавший складываться после Второй мировой войны двухпартийный консенсус носил условный характер. Хотя консерваторы, вернувшись к власти, приняли большинство лейбористских реформ, находясь в оппозиции они давали свое согласие на преобразования в социальной сфере крайне неохотно.

В 1950-е гг. у двух партий будут и более серьезные разногласия, например, в 1956 г. лейбористы не поддержат военную интервенцию в Египте и скептически отнеслись к первой заявке Британии на вступление в Европейские сообщества². С этой точкой зрения солидарен П.Ю. Рахшмир, по мнению которого, «консенсус же в общепринятом смысле предполагает... плюрализм, взаимодействие, отнюдь не исключающее конфликтных ситуаций, внутрисистемных альтернатив»³.

На выборах 1951 г. политический маятник качнулся в сторону консерваторов. Лейбористы уже не смогли предложить своим избирателям новых идей, и уступили место консерваторам. Тори одержали победу, получив 321 место, лейбористы сократили свое представительство в Палате общин до 295 мест и 6 депутатских мест получили либералы.

Новое правительство сформировал У. Черчилль, не предпринявший радикальных шагов во внутривластной сфере и не заявивший о разрыве с

¹ Butskellism. URL:

http://www.blackwellreference.com/public/tocnode?id=g9780631209379_chunk_g97806312093793_ss1-42

² Moran M. Politics and Governance in the UK. L., 2011. P. 296.

³ Рахшмир П. Ю. Панорама политической науки. Пермская школа. Консерватизм и либерализм: метаморфозы консенсуса. // Полис. Политические исследования. 2005. №5. С. 62.

социальными достижениями лейбористов. Такое положение дел позволяет говорить о закреплении в 1950-х гг. двухпартийного подхода или политического консенсуса ведущих партий по основным вопросам внутренней и внешней политики.

Основой двухпартийного консенсуса стали «идеи социального партнёрства, государственного регулирования экономики и достаточности существующих демократических институтов»¹. Консерваторы согласились с серией лейбористских реформ, проведенных в рамках создания государства благосостояния, сумев почувствовать изменившиеся настроения населения и новый социальный запрос, созвучный «традициям *noblese oblige*, торизма «одной нации, органического общества»².

Тори, активно критиковавшие лейбористов по разным направлениям внешнеполитического курса, в реальности продолжили начатую предшественниками политику. Преемственному политике во многом способствовал тот факт, что лейбористы по наиболее принципиальным внешнеполитическим вопросам фактически подхватили и реализовали идеи консерваторов, сделав за них также всю мало популярную работу в социальной сфере.

¹ Подвинцев О. Б. Шагающие не в ногу. Из истории политической борьбы в стане британских консерваторов. Пермь, 1999. С. 35.

² Громько Ал. А. Политическая модернизация... С. 114.

Глава 2 Позиция правительств У. Черчилля и А. Идена в отношении проектов европейской интеграции и безопасности в контексте процессов деколонизации (1951-1957 гг.)

2.1 Инициативы британских правительств в области интеграции и их взаимосвязь с проблемами европейской безопасности

Кабинет У. Черчилля после прихода к власти в первую очередь сосредоточился на решении экономических и внешнеполитических вопросов. Финансовые проблемы имели первостепенное значение как во внутренней, так и во внешней политике. Тревогу вызывала продолжающаяся утечка за океан долларовых и золотых резервов и нестабильность фунта стерлингов. Именно экономические трудности заставляли Британию сокращать свое военное присутствие в обширных имперских владениях и вносить уточнения в политику в сфере европейского интеграционного строительства. В декабре 1951 г. кабинет У. Черчилля принял решение об очередном крупном займе у США для покрытия всех внутри- и внешнеполитических расходов¹.

На момент прихода к власти консерваторов в странах, подписавших договор о создании ЕОУС, шел процесс его ратификации. В британском правительстве сомневались, что парламенты всех стран-участниц одобряют подписанный документ. В случае провала ратификации, считали члены кабинета, могли понадобиться посреднические услуги Британии с целью новой попытки договориться², следовательно, роль страны в интеграционных делах могла возрасти. Также отмечалось, что рабочие угольной и сталелитейной отраслей британской промышленности с подозрением относятся к «плану Шумана», и правительство должно публично заявить, что оно не имеет намерения присоединиться к этому проекту.

¹ CAB 128-23. 11 December 1951. P. 77.

² Ibid. 22 November 1951. P. 48.

Такие оценки и мнения показывали общее недоверие Лондона к французским инициативам в области экономической и военной интеграции. Однако в руководстве страны не исключали жизнеспособность предложенных Францией инициатив. В Совете Европы было решено сделать заявление о том, что «Правительство Его Величества признает, что действия, предпринятые французским правительством по созданию ЕОУС и ЕОС, являются важным шагом на пути к единству Европы... Если «план Шумана» будет ратифицирован, Правительство Его Величества сформирует постоянную делегацию для участия в руководящих органах Сообщества»¹.

10 августа 1952 г., когда договор вступил в силу после непродолжительного периода ратификации, Британия в тот же день аккредитовала при Верховном органе власти свое специальное представительство со штатом сотрудников в 20 чел. Впоследствии другие страны последовали этому примеру и назначили своих специальных послов и наблюдателей².

Успех с ратификацией ЕОУС способствовал англо-французскому сближению в вопросе оформления ЕОС. 17-18 декабря 1951 г. в Париже прошли консультации главы Форин оффис с членами французского правительства по вопросу участия Британии в Европейской армии. По итогам встречи было издано коммюнике, в котором провозглашалось, что «правительство Его Величества ассоциируется настолько тесно, насколько возможно, с Европейским оборонительным сообществом на всех стадиях его политического и военного развития». Предполагалось, что британские вооруженные силы, находившиеся под управлением Верховного главнокомандующего НАТО в Европе, будут связаны с вооруженными силами ЕОС для обучения и совместных операций на земле, море и в воздухе»³.

¹ Ibidem.

² Шуман Р. За Европу. М., 2002. С. 79.

³ CAB 129-48. Secret. Cabinet. Association of the United Kingdom with the European Defense Community. Memorandum by the Secretary of State for Foreign Affairs. 29 December 1951. P.1.

В целом, создание Европейской армии в Лондоне считали несвоевременной затеей, хотя понимали опасения Франции по поводу воссоздания германской национальной армии в случае ее включения в НАТО. 29 декабря 1951 г. министр иностранных дел подготовил меморандум об ассоциации Соединенного Королевства и ЕОС, в котором намечалось, что взаимодействие с оборонительным сообществом будет строиться на «приемлемой основе» и путем постоянных консультаций. Британия выражала готовность поддерживать свои вооруженные силы на континенте столько, сколько «потребуется в рамках ЕОС и для соблюдения особых обязательств в Германии»¹. Полноценное же участие своей страны в создаваемой Европейской армии в Лондоне по-прежнему считали не приемлемым.

В феврале 1952 г. меморандум Идена стал предметом обсуждений в кабинете министров². Примечательно, что если вопрос о том, будет ли ратифицирован договор ЕОУС, вызывал сомнения у британских политиков на определенном этапе, то в отношении ЕОС такие сомнения отсутствовали. Скорее наоборот, глава Форин оффис был уверен, что ратификация договора завершится в течение года³.

Между тем одним из спорных вопросов в связи с учреждением Европейской армии было согласование полномочий НАТО и ЕОС. Иден считал возможным предложить посреднические услуги странам Шестерки для разрешения этой дилеммы и организовать встречу семи стран. К другим вопросам относилась подготовка Декларации поддержки ЕОС со стороны правительств Великобритании и США, на чем стала настаивать французская сторона.

Форин оффис подготовил проект такой декларации, имевший целью поддержать создание Европейской армии и убедить Париж в реальной, а не мнимой, заинтересованности Британии в успехе французского проекта⁴.

¹ Ibid. P. 2.

² CAB 128-24. 18 February 1952. P. 96.

³ Ibid. 14 February 1952. P. 90.

⁴ Ibidem.

Сложившийся образ Великобритании, традиционно дистанцирующейся от полноценного участия в делах на континенте, на этот раз сработал против нее: убедить европейских коллег и США в желании Лондона поддержать французский проект оказалось непросто.

Недоверие Парижа и Вашингтона в отношении Лондона было ненапрасным: британские политики действительно опасались, что оформление ЕОУС и завершение переговоров по учреждению ЕОС приведет к усилению Франции. С целью созданию противовеса французским инициативам в марте 1952 г. правительство У. Черчилля приступило к обсуждению меморандума министра иностранных дел о будущем Совета Европы¹.

А. Иден предлагал реформировать эту организацию таким образом, чтобы она стала «полезной в отношении «плана Шумана», ЕОС и других будущих организаций, созданных с тем же составом участников и на той же основе». В ходе развернувшейся дискуссии члены кабинета выразили сомнение в своевременности такого реформирования, но признали, что в случае оформления ЕОУС и ЕОС «их конституционные органы и в целом континентальная федерация должны быть подчинены Совету Европы»².

Кроме проблем совмещения Совета Европы с французскими интеграционными инициативами, существовали трудности другого порядка – уже внутри самого Совета. Британская делегация в этой организации состояла из представителей Консервативной и Лейбористской партий, причем вторые в этот период активно стали поддерживать движение Совета Европы к федерализму. Такая активность лейбористов вызывала неодобрение правящей партии, продолжавшей сомневаться в целесообразности существования уже оформленного ЕОУС и намеченного к созданию ЕОС в том виде, в каком они были задуманы³.

¹ Ibid. 13 March 1952. P. 145.

² Ibidem.

³ Ibid. P. 149.

В этих условиях британское правительство считало важным найти оптимальную для себя основу взаимоотношений Совета Европы с создаваемыми институтами и подумать над включением в сферу интересов Совета вопросов, попадающих в поле интересов наднациональных сообществ. Одновременно британские политики с сожалением констатировали, что «надежды на формирование объединенной Европы оказались серьезно подорваны продолжающимся разделением Европы на «федералистские» и все остальные страны»¹.

Лорд-хранитель печати лорд Солсбери заявил на заседании кабинета, что не представляет себе, что когда-нибудь Британия станет «полноправным членом континентального блока»: «Мы не континентальная, но островная держава с колониальной империей и уникальными связями с независимыми членами Содружества. Хотя мы можем поддерживать тесную ассоциацию со странами континента, мы не должны совмещать наши интересы только с их интересами. Мы должны быть с, но не в какой-либо комбинации европейских держав [выделено *Е.Х.*]»². При этом лорд Солсбери, как и другие члены кабинета, считал важным контролировать и направлять происходящие на континенте процессы с тем, чтобы в будущем избежать риска доминирования Западной Германии в объединенной Европе.

На первый взгляд, британская дипломатия по-прежнему исходила из представлений о том, что дела континента требуют контроля, но не полноценного участия в происходящих процессах. Колониальная империя и Содружество представлялись оплотом британских позиций в мире, а европейские дела вызывали интерес главным образом с точки зрения вопросов безопасности. Однако такое мнение разделяли уже не все британские политики. В начале 1950-х гг. сформировалась группа так называемых проевропейски настроенных

¹ Ibidem.

² Ibid. P. 150. В аналогичных вариациях эту фразу, ставшую хрестоматийной, произносили разные британские политики. У. Черчилль, на которого ссылается М. Тэтчер в своих воспоминаниях, неоднократно говорил о том, что «Британия с Европой, но не ее часть». См.: Тэтчер М. Искусство управления государством: стратегии для меняющегося мира. Пер. с англ. М., 2007. С. 393.

консерваторов, среди них Д. Эклз, К. Хогг, Г. Макмиллан, Э. Хит и другие. Как заметил министр торговли П. Торникрофт в парламентских дебатах по ЕОУС, «умы более молодого поколения были на одной стороне»¹.

Правительство Черчилля не отвергало полностью участие в интеграционных группировках, стремясь учесть любое развитие событий на континенте. После встречи трех министров иностранных дел 17-19 февраля 1952 г. Форин оффис начал подготовку проекта Трёхстороннего соглашения о военных гарантиях ЕОС для согласования с правительствами Франции и США.

К концу марта А. Иден завершил подготовку такого проекта. Ключевая идея плана состояла в том, чтобы Соединенное Королевство и США показали заинтересованность в оформлении Европейской армии посредством предоставления обязательств по сохранению военных сил в Европе и защиты ЕОС со стороны НАТО в случае военной угрозы странам-участникам сообщества. А. Иден, согласовавший накануне на встрече в Лиссабоне с французским премьер-министром Р. Шуманом проект Соглашения о британских военных гарантиях ЕОС, отметил, что находится под сильным давлением Франции. Париж настаивал на вхождении Британии в состав оборонительного сообщества. А. Иден рассматривал такой вариант участия Лондона в проекте как неприемлемый, в то же время, считая важным как можно скорее заверить европейских соседей в своей поддержке в условиях падения интереса в некоторых странах к подписанному договору. Процесс ратификации уже состоялся в странах Бенилюкса, но затянулся в ФРГ и Италии².

Важным пунктом проекта был вопрос о совмещении сроков действия ЕОС и НАТО. Как отмечал А. Иден, «Брюссельский пакт и договор ЕОС подписаны на 50 лет, в то время как Североатлантический договор мог быть денонсирован через 20 лет после создания, то есть в 1969 г.». При таком развитии событий, которое в

¹ Forster A. Euroscepticism in Contemporary British Politics: Opposition to Europe in the British Conservative and Labor Parties since 1945. N.Y. and L., 2002. P. 23-24.

² CAB 129-50. Secret. Cabinet. European Defense Community. Memorandum by the Secretary of State for Foreign Affairs. 28 March 1952. P. 1-2.

Лондоне не исключали в связи с «изоляционистским мышлением» американской администрации, на Британию лег бы груз значительных военных обязательств в Европе без всякой поддержки США¹. Поэтому в данном проекте Британия выступала за продление срока действия НАТО, на чем настаивала также Франция, и максимальном участии Вашингтона в европейской интеграции.

Еще 28 февраля 1952 г. А. Иден, выступая в Палате общин, обрисовал основные итоги прошедшей 20-26 февраля встречи Совета НАТО в Лиссабоне². В ходе сессии преимущественно обсуждался германский вопрос: включение ФРГ в ЕОС и отношения между ЕОС и НАТО. Наиболее насущный вопрос, по мнению Идена, состоял в том, станет ли Европейская армия реальностью: последние две недели бурных обсуждений в Бонне и Париже показали, что вступление договора о ЕОС в силу находится под угрозой срыва в ФРГ и Франции.

В ходе парламентских дебатов бывший премьер-министр К. Эттли задал министру иностранных дел вопрос о том, как он оценивает перспективы создания Европейской армии. А. Иден выразил уверенность, что договор ЕОС будет подписан, но сроки оставались неопределенными³.

Для обсуждения сложившейся ситуации и поиска выхода из нее Британия инициировала встречу в Лондоне, на которой присутствовали госсекретарь США Д. Ачесон, премьер-министр Франции Р. Шуман и канцлер ФРГ К. Аденауэр. На этой встрече, предшествовавшей сессии НАТО в Лиссабоне, участники выразили общее согласие, что нужно искать компромисс по таким спорным вопросам как финансовый вклад Западной Германии в оборону и обеспечение эффективного механизма безопасности Европы. После длительных переговоров правительство ФРГ согласилось в течение года (до июня 1953 г.) выплатить 11,25 млрд. марок для покрытия расходов на содержание оккупационных войск западных держав и на первоначальный взнос в общий бюджет ЕОС. Вдобавок Западная Германия

¹ Ibid. P. 3.

² Great Britain. Hansard. Parliament. House of Commons. Parliamentary Debates. North Atlantic Council (Lisbon Meeting). 28 February 1952. Col. 1459. URL: <http://hansard.millbanksystems.com/commons/1952/feb/28/north-atlantic-council-lisbon-meeting>

³ Ibid. Col. 1465-1466.

должна была удовлетворить определенного рода расходы НАТО, включая затраты на оборону Берлина на общую сумму около одного млрд. марок¹.

А. Иден рассматривал достигнутую договоренность как важный шаг «в укреплении обороны Запада и создании Новой Европы», а также как свою дипломатическую победу, учитывая финансовые трудности страны². На сессии Совета в Лиссабоне страны ЕОС представили доклад, ставший итогом длительного – в течение года – согласования всеми участниками общей политики созданного сообщества³.

Глава Форин оффис также затронул австрийский вопрос, отметив, что советское правительство настаивает на обсуждении сначала таких спорных проблем, как Триест⁴, и только после этого оно готово рассматривать вопрос о заключении Государственного договора. Глава Форин оффис нашел это предложение неприемлемым для западных стран. В сложившейся ситуации А. Иден, Р. Шуман и Д. Ачесон подготовили совместную декларацию о новых предложениях по решению австрийского вопроса в продолжение Московской декларации 1943 г.

В этой декларации от 1 ноября 1943 г. СССР, Великобритания и США заявили о недействительности аншлюса Австрии и своем намерении восстановить независимость государства. Однако после освобождения Австрии в стране по аналогии с германской территорией был установлен оккупационный режим четырех государств во главе с Союзническим советом.

Первоначальные планы СССР в отношении Австрии предусматривали укрепление позиций австрийских коммунистов. Однако они потерпели поражение

¹ Ibid. Col. 1459-1460.

² Ibid. Col. 1461.

³ Ibid. Col. 1462.

⁴ Вопрос о статусе Триеста имел спорный характер. После Первой мировой войны эта территория вошла в состав Италии, после Второй мировой войны в 1945-1947 гг. территория находилась под англо-американским управлением, в 1947 г. была образована Свободная территория Триест под управлением тех же стран. В 1954 г. был заключен итало-югославский договор, по которому порт Триест и территории к северу от него перешли к Италии, остальная территория – к Югославии. Все эти изменения вызывали острые дискуссии заинтересованных держав.

на выборах в ноябре 1945 г., набрав только 5,2 % голосов¹. Последующие попытки СССР усилить позиции австрийских коммунистов и других левых сил не дали результатов, и на выборах 1953 г. они вновь потерпели поражение, похоронив надежды советского руководства превратить Австрию в страну народной демократии².

Еще в 1946 г. западные страны инициировали дискуссии по вопросу заключения мирного договора с Австрией. У советского руководства этот вопрос вызывал неоднозначную реакцию. С одной стороны, вывод войск западных стран из австрийского государства после заключения Государственного договора означал бы и уход советских военных сил. С другой стороны, советские вооруженные силы в Австрии служили юридическим обоснованием сохранения войск на территориях Венгрии и Румынии, находившихся там по условиям перемирия 1944-45 гг.³.

В феврале 1947 г. были подписаны мирные договоры с Венгрией и Румынией, по которым советские войска оставались на территориях указанных стран для поддержания коммуникационных линий с советскими силами в Австрии (Часть IV, Статья 21). После событий в ГДР в июне 1953 г.⁴ советские лидеры еще более неохотно, чем раньше, рассматривали идею заключения мирного договора с Австрией, опасаясь последующего вслед за этим вывода войск из Венгрии и Румынии.

По свидетельству известного дипломата А.Ф. Добрынина, министр иностранных дел В.М. Молотов считал, что вывод советских войск из Австрии

¹ Mueller W. Stalin and Austria: New Evidence on Soviet Policy in a Secondary Theatre of the Cold War, 1938-1953/55. // Cold War History. Vol. 6. No 1. February 2006. P. 68.

² Idem. P. 71.

³ Idem. P. 73-74.

⁴ В июне 1953 г. в разных городах ГДР, прежде всего в Восточном Берлине, прошли забастовки рабочих, получившие широкий общественный резонанс, как в ГДР, так и западных странах. Забастовка началась 16 июня в Восточном Берлине и 17 июня распространилась на другие города. Экономическими причинами стало реакция рабочих на повышение норм выработки в промышленности, перебои в поставках продуктов питания и снабжении населения топливом. Для наведения порядка в стране в Восточный Берлин были введены советские танки, повышенные нормы выработки отменены, курс на «форсированное строительство социализма», взятый властями ГДР в 1952 г., был свернут. Подробнее: Филитов А. М. СССР-ГДР: год 1953-й. // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 123-135; Водопоьянова З. К., Филитов А. М. Почему Семенов жалеет патроны? Волнения в Берлине в июне 1953 г. // Родина. 2002. №10. С. 109-112.

значительно ослабит позиции СССР в центре Европы и лишит его немалой доли его завоеваний в итоге Второй мировой войны¹. Решение австрийского вопроса затягивалось.

Между тем ситуация с созданием Европейской армии оставалась сложной. В середине мая в Париже министр обороны Великобритании встретился со своим французским коллегой для обсуждения деталей взаимодействия британских вооруженных сил и Европейской армии. Британский министр обороны выразил удовлетворение этой встречей, на которой была достигнута договоренность об обучении западногерманских сил, создаваемых в рамках ЕОС, на территории Британии².

Интерес представляет ставшая предметом обсуждения в кабинете идея «об установлении тесного экономического союза Западной Европы и стерлинговой зоны Содружества». Эту мысль А. Иден предлагал озвучить на встрече министров иностранных дел в Совете Европы, однако члены британского кабинета во главе с премьером отвергли эту инициативу. Министр по делам Содружества лорд Солсбери выразил мнение, что предлагаемый союз может «разрушить единство Содружества», а излишнее давление на страны организации вызовет обратный ожиданиям Лондона эффект и приведет их в «объятия Соединенных Штатов»³.

Бурное обсуждение этой идеи показывало, что в изменившихся послевоенных условиях Британия преувеличивала экономическое значение империи и Содружества и переоценивала свои позиции в Европе. Канцлер казначейства докладывал в июне 1952 г. о том, что «хотя в последние недели наблюдалось увеличение долларовых и золотых резервов внутри стерлинговой зоны, существовали признаки новой волны недоверия к фунту стерлингов»⁴.

Единогласное избрание А. Идена председателем Совета ОЕЭС в июне 1952 г. дало основания британскому правительству считать лидерство в этой

¹ Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962-1986 гг.). М., 2008. С. 28.

² CAB 128-25. 13 May 1952. P. 107.

³ CAB 128-25. 15 May 1952. P. 116-117.

⁴ CAB 128-25. 12 June 1952. P. 155.

организации «символом экономического доминирования в Европе»¹. В реальности средние показатели экономического роста Британии значительно отставали от континентальных стран Западной Европы².

26 мая 1952 г. был подписан Договор об отношениях между Тремя державами и Федеративной Республикой Германия (Боннский договор), по которому с Западной Германии снимался оккупационный статус, и она восстанавливала государственный суверенитет во внутренних и внешних делах. Боннский договор был связан с Парижским договором о создании ЕОС и вступал в силу только в случае вступления в силу последнего.

На следующий день 27 мая 1952 г. в Париже страны Шестерки подписали Договор о создании ЕОС. Согласно ст. 38, в течение шести месяцев после вступления в силу договора, государства-участники должны были разработать контуры Европейской политической власти (European Political Authority) для управления ЕОС³. В процессе разработки эта структура получила название Европейского политического сообщества (ЕПС), создание которого было, таким образом, увязано с созданием Европейской армии.

Британское правительство продолжало внимательно отслеживать процесс ратификации Договора о ЕОС в национальных парламентах стран-участниц. В декабре 1952 г. министр иностранных дел докладывал, что в конце месяца нижняя палата ФРГ (бундестаг) должна одобрить договор, и он перейдет на рассмотрение верхней палаты. Перспективы же ратификации во Франции оценивались как неопределенные в связи «со слабостью правительства К. Пино и опасением, что продолжавшаяся война в Индокитае окажет негативное влияние на силу французских и германских элементов Европейской армии»⁴. У. Черчилль отметил, что «его не сильно расстроит провал ЕОС», и подверг сомнению саму идею создания Европейской армии. По его мнению, вряд ли солдат такой

¹ CAB 128-25. 10 June 1952. P. 149-150.

² Подробнее см.: Booth A. British Economic Development since 1945. N.Y., 1995. P. 39-41.

³ European Defense Community Treaty. Wash., 1952. P. 178. URL: <http://aei.pitt.edu/5201/1/5201.pdf>

⁴ CAB 128-25. 4 December 1952. P. 133.

интернациональной армии будет сражаться за «международный институт с таким же пылом, как за свой дом и за свою страну»¹.

10 декабря 1952 г. глава внешнеполитического ведомства представил к обсуждению в кабинете меморандум «ЕОС и Альтернативные планы». А. Иден подчеркнул, что существует сильное сопротивление оформлению ЕОС и Боннским соглашениям во Франции и Западной Германии². Трудности в ФРГ носили в основном конституционный характер и касались соответствия Основному закону, в котором не было положений о германском перевооружении. Иден прогнозировал, что эти проблемы будут преодолены.

В отношении Парижа такой уверенности не было: в стране, давшей жизнь проекту, трудности ратификации носили более фундаментальный характер. А. Иден полагал, что договор ЕОС все же будет ратифицирован, но имеющиеся сложности в этом процессе позволяли Британии разработать альтернативные предложения на случай провала ЕОС и всего федеративного движения в Европе. В первом случае предусматривались немедленные консультации с США с целью подключения ФРГ к НАТО, во втором – Британия должна была взять на себя инициативу в развитии межправительственной формы интеграции в Европе – на основе Совета Европы или ОЕЭС³.

В Форин оффис считали, что в действительности именно ЕОС представляет собой «самый легкий и приемлемый способ обеспечить вклад Западной Германии в оборону Запада», и именно по этой причине Великобритания поддерживала проект с самого начала. Однако непосредственно британский вклад в оборону Европы мыслился только на основе НАТО, более того, «британское правительство должно было воздерживаться от любого действия, которое могло ослабить интерес США к НАТО».

¹ Ibid. P. 134.

² CAB 129-57. Secret. Cabinet. European Defense Community and Alternative Plans. Memorandum by the Secretary of State for Foreign Affairs. 10 December 1952. P. 1.

³ Ibid. P. 1-2, 7.

Для продвижения ратификации договора в Париже А. Иден предлагал комбинацию следующих средств: 1) давление на Францию со стороны США наряду с 2) оказанием практической помощи в Индокитае и Северной Африке и, возможно, в рамках НАТО; 3) льстивое увещевание французов со стороны новой американской администрации Д. Эйзенхауэра. Вполне справедливо глава Форин оффис полагал, что Франция по-иному взглянет на проект, когда увидит, что альтернативы ему менее привлекательны, чем ЕОС¹. Для этого США должны были убедить Париж, что отказ от ЕОС приведет к перевооружению ФРГ на основе Североатлантического пакта.

Тревогу А. Идена вызывало намерение французских парламентариев внести поправки в текст уже подписанного документа. По мнению министра иностранных дел, внесение изменений, во-первых, затормозит или вовсе приведет к провалу ратификации и, во-вторых, может потребовать внесения поправок и в Боннские соглашения. Такой вариант развития событий в Форин оффис рассматривали как нежелательный. Дополнительным препятствием на пути ратификации была идея учреждения ЕПС, увязанная с договором ЕОС.

Идеолог европейского федералистского движения Ж. Монне видел ЕПС как некую конструкцию, которая «по своей сути предполагала политическую ответственность, разработку конституции и начало одновременно комплексного процесса федерализации». 10 марта текст о ЕПС был передан шести правительствам на рассмотрение. В конце марта французский парламент начал рассмотрение доклада об учреждении ЕПС, что по определению грозило затянуть ратификацию договора².

В Лондоне создавалось стойкое впечатление, что Париж намеренно задерживает ратификацию под разными предлогами. Для французских парламентариев вопрос о создании Европейской армии в процессе обсуждения

¹ Ibid. P. 2.

² САВ 129-57. P. 3-4.

трансформировался в вопрос о том, не превзойдут ли в реальности французских солдат по численности германские части в составе ЕОС¹.

В политических кругах Франции также набирала силу идея о пересмотре договора ЕОС таким образом, чтобы обеспечить полноценное участие Соединенного Королевства в сообществе. Британия считала эту идею оторванной от реальности и совершенно неприемлемой с точки зрения национальных интересов.

В то же время в британском МИДе понимали, что альтернативный проект – включение ФРГ в НАТО в случае провала ЕОС – кроме положительных имеет негативные черты. Среди них неуверенность в стабильности и сознательности политической элиты ФРГ, получающей возможность перевооружения, непредсказуемая реакция советского руководства и претензии Западной Германии на бывшие германские территории за линией Одер-Нейсе. Реализовать последние, подчеркивал Иден, может оказаться легче именно в рамках НАТО, чем ЕОС, и главное – Британия рассматривала ЕОС и другие организации Шестерки как «лучшее средство прекращения франко-германской вражды»².

Последний фактор имел прямую отсылку к Цюрихской речи У. Черчилля 1946 г. и играл важную роль в отношении самого премьер-министра к континентальной интеграции. Вступление же Западной Германии в НАТО, считал министр иностранных дел, вряд ли будет способствовать нормализации франко-германских отношений и возможно, даже произведёт обратный эффект³.

Эти размышления были уравновешены соображениями другого порядка, на которые Форин оффис считал необходимым обратить внимание Парижа в случае провала договора Европейской армии. Так, вступление ФРГ в НАТО позволило бы Франции сохранить свою национальную армию и избежать доминирования Западной Германии в более широком, чем ЕОС, военно-политическом блоке, что соответствовало французским интересам.

¹ Milward A. S. The Rise and Fall of a National Strategy. 1945-1963. L., 2002. P. 103.

² Ibid. P. 5.

³ Ibid. P. 6-7.

Эти идеи министра иностранных дел получили название «плана Идена» 1952 г. (в 1954 г. появится другой «план Идена», посвященный решению проблем безопасности в Европе). Его сторонниками были проевропейски настроенные консерваторы или страсбургеры (Strasbourgers), сплотившиеся вокруг У. Черчилля, Совета Европы и панъевропейского движения еще в конце 1940-начале 1950-х гг¹. Однако ситуация пока не благоволила реализации этих планов. А. Иден предрекал, что после провала ЕОС другая – уже созданная группировка ЕОУС – вряд ли выживет, и тогда появится запрос европейских стран на интеграцию в рамках межправительственной модели под руководством Великобритании². Время доказало ошибочность этого прогноза, в то время казавшегося верным.

Ж. Монне впоследствии вспоминал, что в январе 1953 г. договор был передан на рассмотрение Национального собрания, но ратификация была отложена: сторонники и инициаторы договора о Европейской армии Р. Плевен, Р. Шуман и другие политики медлили, в то время как противники ЕОС получили большинство в парламенте и вошли в правительство³.

31 января – 8 февраля 1953 г. делегация США во главе с госсекретарем Дж. Ф. Даллесом посетила некоторые европейские столицы для обсуждения создания Европейской армии. В ходе встречи с премьер-министром Франции Р. Майером, состоявшейся 2 февраля Дж.Ф. Даллес поднял вопрос об альтернативах перевооружения ФРГ. Госсекретарь заявил, что «успешная» оборона западноевропейских стран невозможна без ремилитаризации ФРГ, но в случае провала ратификации договора о Европейской армии Париж, вероятно, вряд ли поддержит вступление Западной Германии в НАТО.

Французский премьер Р. Майер подтвердил, что его страна использует право вето в НАТО для блокирования такого решения. Даже если это вето будет

¹ Deighton A. The Last Piece of the Jigsaw: Britain and the Creation of the Western European Union, 1954. // Contemporary European History. Vol. 7. No 2. 1998. P. 187.

² Ibidem.

³ Монне Ж. Указ. соч. С. 488.

преодолено другими участниками Североатлантического пакта, то линия на сотрудничество Западной Германии и Атлантического блока, указывал он, будет нарушена. Госсекретарь отметил, что в таком случае можно будет разработать форму некоего подобия европейской армии внутри НАТО. Французский премьер-министр в ответ на это предложение дал понять, что Париж не рассматривает такой вариант, и заверил госсекретаря, что Франция приложит все усилия для ратификации договора ЕОС¹.

4 февраля американские дипломаты прибыли в Лондон. На встрече с госсекретарем британские политики выразили готовность пойти на более тесное взаимодействие с ЕОС в военной и других областях². Даллес с недоверием воспринял эти заверения, но отмечал, что произнесенные «в нужный момент и в соответствующей театральной форме» эти гарантии могут произвести должное психологическое воздействие и помочь в ратификации договора³. В ходе обсуждения глава внешнеполитической службы США дал понять, что в случае отказа от ратификации Вашингтон будет рассматривать вопрос об уменьшении объемов американской помощи своим европейским союзникам⁴.

На общем скептическом отношении Даллеса к перспективам ЕОС и британской позиции сказывались личные отношения глав двух дипломатических ведомств. Госсекретаря США раздражали высокомерие и аристократические манеры Идена, глава британского Форин оффис, в свою очередь, с трудом переносил нравоучительный тон Даллеса⁵.

9 февраля 1953 г. У. Черчилль отправил письмо президенту Д. Эйзенхауэру, в котором отмечал, что Британия имеет «некоторые идеи» по более тесному сотрудничеству с континентом в политической сфере⁶. В тот же день А. Иден на заседании кабинета озвучил эти соображения премьер-министра. Лондон был

¹ FRUS. 1952-1954. Vol. V. Part 2. Western European Security. Wash., 1986. 4 February 1953. P. 1560-1561.

² Ibid. 5 February 1953. P. 1564.

³ Ibid. P. 1565.

⁴ Ibid. P. 1566.

⁵ Пелипась М. Я. Скованные одной цепью: США и Великобритания на Ближнем и Среднем Востоке в 1945-1956 гг. Томск, 2003. С. 205.

⁶ The Churchill-Eisenhower Correspondence, 1953-1955. Ed. by P. Boyle. 1990. P. 22-23.

готов подтвердить данное в рамках НАТО обязательство не выводить вооруженные силы без предварительной консультации с другими участниками пакта. Аналогичные гарантии глава Форин оффис был готов предоставить Парижу, «если это поможет Франции ратифицировать договор», и выступить с предложением к другим странам НАТО увеличить срок действия договора на 30 лет с тем, чтобы совместить период действия пакта с Договором о создании ЕОС¹. Члены кабинета поддержали эти инициативы².

В Лондоне уже начинали ощущать усталость от неопределенности перспектив договора ЕОС. Члены кабинета считали, что Британия уже дала максимально возможные гарантии своего участия в сообществе, и что Лондон не должен идти на дальнейшие уступки Парижу. Тем более, как указывал Иден, определенное значение для ратификации договора во Франции будет иметь его окончательное одобрение в Бонне. В декабре 1952 г. нижняя палата парламента – бундестага – уже ратифицировал договор, обсуждение в верхней палате – бундесрате – должно было состояться после Пасхи. В Британии не сомневались, что ратификация договора в ФРГ состоится, что и произошло в марте 1953 г.

Однако ратификация в Бонне почти не сказалась на ратификации договора во Франции. Серьезная оппозиция договору в парламенте сохранялась.

Смерть И. Сталина 5 марта 1953 г. внесла существенные коррективы в международную обстановку в Европе, вызвав сумятицу в зависимых от СССР странах и на Западе, вскоре сменившуюся надеждами на ослабление градуса конфронтации.

11 мая 1953 г. У. Черчилль в Палате общин – в отсутствие по состоянию здоровья министра иностранных дел А. Идена – выступил с обстоятельной оценкой международных дел³. Как и прежде, У. Черчилль отдавал приоритет Британской империи и Содружеству над участием страны в европейской

¹ CAB 128-26. 24 February 1953. P. 102.

² CAB 128-26. 26 February 1953. P. 108.

³ Great Britain. Hansard. Parliament. House of Commons. Parliamentary Debates. Foreign Affairs. 11 May 1953. Col. 890-891. URL: <http://hansard.millbanksystems.com/commons/1953/may/11/foreign-affairs>

интеграции. Он отметил, что Британия поддержала все французские и прочие инициативы континентальных стран, но полноценное участие в них считает неприемлемым. При этом глава правительства особо отметил заинтересованность в создании ЕОС.

Однако во Франции по-прежнему наблюдалось недоверие к договору в связи с угрозой доминирования ФРГ в будущей Европейской армии. Премьер-министр считал, что военное сотрудничество Британии и ЕОС должно снять эти опасения и сбалансировать позиции Франции на континенте, гарантируя «эффективное и непрерывное сотрудничество британских вооруженных сил и войск ЕОС»¹.

Важнейшим событием с момента прошлых дебатов по международным делам У. Черчилль назвал «смену настроений в советских территориях и, особенно, в Кремле после смерти Сталина, выразившуюся в «серии дружественных жестов нового советского руководства»². «Я не думаю, - неожиданно заявил премьер-министр, - что проблема согласования безопасности России со свободой и безопасностью Западной Европы неразрешима». Основой для создания новой системы безопасности в Европе премьер-министр считал идеи, на которых в свое время базировалась Локарнская система. Будучи членом кабинета и канцлером казначейства, Черчилль был знаком с деталями выработки Локарнских договоров в 1925 г., основополагающим из которых был Рейнский гарантийный пакт. Премьер-министр считал, что по своей простоте и замыслу Локарнская система была «пиком достижений британской дипломатии в межвоенный период». Эффективный механизм созданной конструкции, по его мнению, состоял в том, что если «Германия нападает на Францию, то мы поддерживаем французов, если Франция – на Германию, то мы выступаем на стороне немцев».

¹ Ibid. Col. 892-893.

² Ibid. Col. 895.

При этом У. Черчилль обошел молчанием печальные итоги основанной на таком подходе структуры безопасности: в 1936 г., когда Германия нарушила договор и оккупировала Рейнскую демилитаризованную зону, Британия, будучи одним из гарантов пакта, не оказала поддержки Франции. Такая позиция Лондона, как известно, была сопряжена с проводимой им с середины 1930-х гг. политикой умиротворения. У. Черчилль был решительным противником этого курса, приведшего к краху Локарнских договоренностей и Второй мировой войне.

«Россия должна быть уверена, – заявил лидер консерваторов, – что ситуация гитлеровского вторжения не повторится вновь, и Польша будет оставаться дружественным государством и буферной зоной, хотя нет, я полагаю, марионеточным государством»¹.

Черчилль вспоминал: «29 апреля 1945 г. я написал в письме И. Сталину: «взгляд в будущее оставляет мне мало место для оптимизма, так как мир будет расколот на две части: с одной стороны будете господствовать Вы и ваши страны, а также коммунистические партии в других государствах, с другой стороны сплотится весь англоговорящий мир с их партнерами и доминионами. Совершенно очевидно, что вражда этих двух миров разорвала бы мир на части, и тогда лидеров этих миров накрыло бы чувство стыда перед историей. ...Я прошу Вас, мой друг Сталин, не недооценивать наши расхождения, которые, Вы, может быть, думаете, несущественны для нас, но которые на самом деле символизируют сущностный взгляд на мир англоговорящих демократий». Сегодня я готов повторить то же самое»².

Цитирование этой части письма любопытно тем, что позволяет провести параллель с Фултонской речью, которая, как видно, не стала для И. Сталина неожиданностью. У. Черчилль и в 1946 г. выразили те же тезисы – о расколе мира на две части и о существовании серьёзных разногласий – что и в письме 1945 г. Однако высказанные в разное время и в разных контекстах оценки британского

¹ Ibidem.

² Ibid. Col. 896-897.

политика имели разные следствия. Лидер консерваторов выдвинул инициативу немедленного, «без всякой задержки», созыва международной конференции на высшем уровне «с минимальным количеством участников и, возможно, в максимально неформальной обстановке». Такая конференция должна была содействовать разрешению существующих конфликтов, среди которых основными британский премьер называл достижение мирного урегулирования в Корее и австрийский вопрос¹.

Основное же внимание в выступлении У. Черчилль уделил ближневосточной политике Великобритании и особенно ухудшившимся англо-египетским отношениям. Британский лидер выразил готовность защищать, вплоть до использования военной силы, позиции страны в регионе. Впервые премьер-министр, что было симптоматично, не упомянул ни о союзе с Соединенными Штатами, ни даже о солидарности с ними.

Такая ситуация объяснялась обострением англо-американских отношений в регионе Ближнего и Среднего Востока в этот период. Отражением кризиса отношений США и Британии стал отказ Вашингтона от обсуждения инициативы У. Черчилля по организации встречи на высшем уровне. Еще 5 апреля британский премьер-министр обратился к президенту США с идеей созвать четырехстороннюю встречу для обсуждения мировых проблем. Реакция Эйзенхауэра носила неблагоприятный характер и отражала скептический взгляд Вашингтона на возможности смягчения международной напряженности после смерти И.В. Сталина².

Высказанные У. Черчиллем идеи совпадали с общим настроением советского коллективного руководства в лице Л.П. Берии, Н.С. Хрущева и Г.М. Маленкова в пользу улучшения отношений СССР и стран Запада.

В конце сентября 1953 г. Москва выступила с призывом к западным странам «рассмотреть вопрос о мероприятиях, содействующих общему

¹ Great Britain. Hansard. Parliament. House of Commons. Parliamentary Debates. Foreign Affairs. 11 May 1953. Col. 897.

² The Churchill-Eisenhower Correspondence, 1953-1955. Ed. by P. Boyle. North Carolina, 1990. P. 36-37.

уменьшению напряженности в международной обстановке»¹. Однако последовавшая дипломатическая переписка и обмен мнениями показывали, что в реальности стороны не спешили с урегулированием спорных вопросов. Среди новых советских лидеров сначала наблюдалось стремление к разрешению германского вопроса путем проведения общегерманских выборов и объединения Германии, но довольно скоро такие идеи, высказанные министром иностранных дел В.М. Молотовым, были оставлены².

Руководство СССР продолжило исходить из прежних негативных установок в оценке НАТО, ЕОС и Боннских соглашений. Особое неприятие вызывал процесс создания Европейской армии в связи с тем, что ратификация договора должна была привести к вступлению в силу Боннского договора и военному усилению ФРГ³.

В самой Франции вопрос о ратификации постоянно откладывался. В июле 1953 г. французский посол в Лондоне информировал своего британского коллегу о том, что вряд ли удастся провести ратификацию договора ЕОС в ближайшем будущем⁴.

Согласно французской точке зрения, объединение Германии могло быть достигнуто как часть общего урегулирования и должно сопровождаться соглашением по разоружению с Советским Союзом. Французы понимали, что если Германия будет объединена, то необходимость в Европейской армии отпадет.

В конце июня премьер-министр У. Черчилль по настоянию врачей был вынужден отойти от дел на один месяц, дистанционно продолжая получать информацию о происходящем и инструктируя членов кабинета в принятии

¹ Гайдук И.В. Советский Союз на Женевской конференции по Индокитаю. // Холодная война. 1945-1963 гг. Историческая ретроспектива. М., 2003. С. 433.

² Филитов А.М. Каким путем пойдет Германия? Советские планы по германскому вопросу в 1953 году. // Россия XXI век. 2008. №2. С. 163-164.

³ Егорова Н.И. Европейская безопасность, 1954-1955 гг.: поиски новых подходов. // Холодная война. 1945-1963 гг. Историческая ретроспектива. М., 2003. С. 456, 462.

⁴ САВ 128-26. 8 July 1953. P. 20.

решении. В отсутствие У. Черчилля функции председателя кабинета выполнял канцлер казначейства Р. Батлер.

6 июля Черчилль, не отказываясь от идеи проведения конференции в верхах, направил Батлеру телеграмму, в которой указывал, что предпосылкой для созыва встречи должна стать ратификация ЕОС: «наша двойная цель на переговорах – скорейшая ратификация договора и организация встречи четырех держав»¹.

При обсуждении телеграммы члены кабинета пришли к мнению о том, что Париж в действительности не заинтересован в решении германского вопроса путем объединения Германии. Французы опасались усиления ФРГ в Европейской армии после вступления в нее единой Германии. В свою очередь, британское руководство считало, что при таком повороте событий «лучше для нас, если объединенная Германия вступит в НАТО, а не в ЕОС»².

10-14 июля 1953 г. в Вашингтоне проходила трёхсторонняя встреча госсекретаря США Дж.Ф. Даллеса, премьер-министра Франции Ж. Бидо и временно исполняющего обязанности главы Форин оффис вместо отсутствующего по состоянию здоровья А. Идена лорд-председатель Совета лорда Солсбери. 21 июля 1953 г. он направил телеграмму в Лондон, сообщая в ней о ходе переговоров³.

Франция, указывал глава британской делегации, настаивала на проведении четырёхсторонней встречи по германскому вопросу как условия ратификации ЕОС. Французов поддерживал федеральный канцлер К. Аденауэр. Изначально он отвергал идею встречи, но изменил свой подход в связи с ростом оппозиции внутри страны его «чрезмерному оптимизму» в отношении ЕОС и после одобрения в бундестаге 10 июня идеи о созыве встречи четырех держав. Канцлер Аденауэр отправил в Вашингтон телеграмму, в которой призывал лидеров трех

¹ CAB 128-26. 6 July 1953. P. 11-12.

² Ibid. 6 July 1953. P. 12.

³ Ibid. 21 July 1953. P. 47.

стран начать переговоры с СССР о проведении конференции на высшем уровне после парламентских выборов в ФРГ осенью 1953 г.¹

Лорд Солсбери убеждал своих визави в ходе встречи, что рискованно проводить встречу до ратификации ЕОС, но Даллес и Бидо, в конце концов, поддержали канцлера ФРГ. Солсбери информировал и о том, что в ходе встречи в Вашингтоне не удалось убедить французских коллег в целесообразности ратификации договора о Европейской армии до проведения четырёхсторонней встречи. Согласованная повестка дня предстоящей встречи предусматривала обсуждение германского и австрийского вопросов.

Такая повестка шла вразрез с инициативами У. Черчилля, считавшего, что на конференции следует обсудить более широкий круг вопросов, вплоть до идеи оформить систему коллективной безопасности в Европе по типу Локарно².

США отвергли эту инициативу, официально сославшись на невозможность получить поддержку в конгрессе, но реально сочли ее анахронизмом в послевоенных реалиях 1950-х гг.

Внутри британского правительства премьер-министр не имел твердой поддержки. В отличие от У. Черчилля лорд Солсбери считал, что смерть Сталина не привела к «фундаментальным изменениям в советской внешней политике». Внешнеполитический курс СССР, указывал он, по-прежнему ориентирован на использование противоречий между западными державами. Это мнение разделяли и в Париже.

В конце ноября 1953 г. правительство одобрило два проекта: Соглашение о военном сотрудничестве между Великобританией и ЕОС и аналогичное Заявление о совместной политике, поддержанное Министерством обороны³. После ознакомления с этими документами французской стороны правительство Великобритании планировало представить проект Соглашения в Палате общин.

¹ Dockrill S. Britain's Policy for West German Rearmament. 1950-1955. N.Y., 1991. P. 127.

² CAB 128-26. 21 July 1953. P. 48.

³ Ibid. 26 November 1953. P. 126.

Вернувшийся к своим обязанностям А. Иден отмечал, что Париж, убедивший себя в неизбежном доминировании в Европейской армии ФРГ, теряет интерес к договору: «французы стали жертвами собственного энтузиазма по поводу федеративной концепции европейского единства ... Вначале они поддерживали идею федеральной структуры, потому что рассчитывали на свое лидерство в ней, теперь их тревожат быстрые темпы германского восстановления»¹.

В середине декабря 1953 г. на 12 сессии Совета НАТО госсекретарь США Дж.Ф. Даллес вновь пригрозил сократить американскую военную помощь своим европейским союзникам, если договор о создании ЕОС не будет ратифицирован².

Накануне встречи министров иностранных дел четырех государств в Берлине члены британского кабинета обсудили ключевой вопрос повестки дня – свободные выборы в Германии. Советская сторона, как считали в Форин оффис, будет упираться на то, что германские правительства должны сами подготовить выборы. Министр иностранных дел противопоставлял этим идеям своей план («план Идена») и считал, что лучшее, что мы можем получить от встречи, это продемонстрировать солидарность западных стран³.

В свою очередь, советское правительство готовило к этой встрече свое видение комплексного решения проблем безопасности в Европе, выразившееся в разработке «Общеввропейского договора о коллективной безопасности в Европе», основной идеей которого было недопущение создания вооруженных сил в обоих германских государствах.

Между тем в отсутствие прогресса в ратификации ЕОС председатель Верховного органа ЕОУС Ж. Монне выступил с предложением к британскому правительству заключить соглашение об ассоциации Великобритании и ЕОУС⁴. Подписание такого соглашения, считал Ж. Монне, и с ним был солидарен глава

¹ Ibid. P. 126.

² Егорова Н. И. Европейская безопасность, 1954-1955... С. 462.

³ САВ 128-27. 18 January 1954. P. 21.

⁴ САВ 128-27. 21 January 1954. P. 29.

Форин оффис, оказало бы важное психологическое воздействие на Францию, и, в частности, могло помочь в одобрении договора ЕОС в парламенте.

Ж. Монне предлагал такую форму ассоциации, которая бы соответствовала торговым соглашениям Британии и не предусматривала передачи суверенитета, но предполагала создание Общего рынка стали между Соединенным Королевством и Сообществом. В Лондоне опасались, что результатом соглашения станет потеря странами Содружества своих преференций на экспорт стали в Британию и рынки империи. В интересах же Лондона, по мнению министров, было установление свободного доступа стали из стран Содружества на европейские рынки, но тогда и странам Содружества пришлось бы согласиться на свободный доступ европейской стали на их рынки. На такой вариант, признавали британские министры, государства Содружества вряд ли согласятся.

По мнению правительственных экспертов, создание общего рынка стали, не предполагавшего какого-либо иностранного контроля или фиксированного максимума общих цен, на практике могло привести к уравниванию цен и, следовательно, к увеличению цен на сталь в Британии¹. Предложения Монне по углю не предполагали установления общего рынка или фиксированных общих цен. Но даже такая свободная форма ассоциации, отмечали члены кабинета, могла вызвать сопротивление британских шахтеров. Поэтому в ходе обсуждения было принято решение о проведении консультаций с заинтересованными ведомствами с целью выяснить их мнение о перспективах сотрудничества угольной и сталелитейной промышленности Британии с ЕОУС.

25 января – 18 февраля 1954 г. проходило совещание министров иностранных дел в Берлине. Советская делегация выдвинула инициативу заключить Государственный договор с Австрией при условии ее нейтралитета и сохранения советских войск в Юго-Восточной Европе, в том числе ограниченные оккупационные контингенты на австрийской Австрии до урегулирования германского вопроса, чтобы ускорить его решение. Министр иностранных дел

¹ Ibid. P. 29-30.

Австрии Л. Фигль фактически поддержал эти предложения, заявив на конференции, что его страна не стремится вступать в какие-либо коалиции и военные блоки¹.

Предложенный СССР вариант не устраивал западные державы, опасавшихся распространения нейтралитета Австрии на Германию. Западным интересам гораздо больше отвечало вступление в ЕОС ФРГ и в перспективе – при решении австрийского вопроса – и суверенной Австрии.

Один из участников советской делегации, переводчик и дипломат Р.А. Сергеев приводит примечательный эпизод. На одном из заседаний В.М. Молотов заявил о готовности Советского Союза рассмотреть вопрос о своем участии в НАТО. В ответ Д.Ф. Даллес, А. Иден, Ж. Бидо и члены их делегаций разразились гомерическим хохотом. Но 31 марта советское правительство направило ноты западным державам, в которых официально ставило тот же вопрос. На это предложение западные страны ответили официальным отказом².

В это время в СССР шла разработка планов по экономическому сотрудничеству с европейскими странами. Выдвижение инициатив по развитию внутриевропейской торговли в связи с приближением дебатов во французском парламенте по договору ЕОС, считали в Москве, могло помочь в усилении противников Европейской армии в таких странах как Франция, Италия, ФРГ и Британия. Однако широкого отклика советские планы в западноевропейских странах не получили³.

17 февраля 1954 г. А. Иден докладывал членам кабинета, что хотя четырёхсторонняя встреча в Берлине еще продолжается, уже очевидно, что достичь договоренностей по Германии и Австрии не удалось⁴. Министр иностранных дел отмечал, что его поразила «чрезмерная жесткость» советского руководства. Высказанные советской дипломатией предложения по Австрии были

¹ Кружков В. Как Австрия стала нейтральной. // Международная жизнь. 2008. №8. С. 164.

² Сергеев Р. А. В МИД СССР. На Кузнецком мосту и Смоленской площади. 1948-1991. М., 2007. С. 43.

³ Подробнее: Липкин М. А. Советский Союз и европейская интеграция: середина 1940-х – середина 1960-х гг. М., 2011. С. 172-173.

⁴ САВ 128-27. 17 February 1954. P. 72.

восприняты британской стороной как «игра на публику». Присутствие советских вооруженных сил в австрийской зоне оккупации было увязано с сохранением военных сил в Венгрии и Румынии. Глава Форин оффис был убежден, что советское руководство не пойдет на вывод своих сил с австрийской территории, опасаясь цепной реакции и требований Будапешта и Бухареста по выводу войск с их территорий.

А. Иден вслед за лордом Солсбери был убежден, что в советской внешней политике «доминируют военные лидеры», которые не допустят сдачи своих позиций в Европе. Из этого министр иностранных дел делал вывод о том, что «русская политика продиктована чувством слабости и по этой причине вряд ли изменится»¹.

Подобного рода размышления были созвучны выводам, сделанным американским советником посольства США в Москве Дж. Кеннаном еще в феврале 1946 г. Его «длинная телеграмма», написанная при сотрудничестве с британским коллегой Ф. Робертсом, была выстроена вокруг идеи сдерживания СССР. Кеннан характеризовал советский внешнеполитический курс как экспансионистский и рекомендовал проводить политику военного сдерживания СССР, «чувствительного к логике силы, а не к логике разума»². Спустя восемь лет такие оценки по-прежнему оставались в силе.

Любопытно, что у А. Идена по итогам конференции сложилось впечатление, что «русские не испытывают страха в отношении Германии и не рассматривают ратификацию ЕОС как серьезную угрозу, которая требует какой-либо формы военного контрдействия». Иден допускал, что Молотов, вероятно, даже считает, что в своей основе ЕОС – это гарантия против будущей германской агрессии. Но, с другой стороны, «русские действительно встревожены созданием

¹ Ibidem.

² Телеграмма поверенного в делах США в Москве Дж. Кеннана государственному секретарю США. Москва. 22 февраля 1946 г. («Длинная телеграмма Кеннана») // Системная история международных отношений. В 4 т. Т. 4. Документы. М., 2004. С. 43.

баз США по всему миру и масштабной программой строительства аэродромов в Западной Европе»¹.

Премьер-министр У. Черчилль был более благожелателен в своих оценках Берлинского совещания, отметив, что положительным итогом можно считать «не слишком напряженную» атмосферу переговоров, что давало надежды на продолжение диалога. Аналогично оценивал итоги встречи советский министр иностранных дел В.М. Молотов, отмечая достигнутую в Берлине договоренность о проведении международного совещания в Женеве².

Между тем наиболее сложным вопросом европейской безопасности, по мнению А. Идена, по-прежнему оставалась ратификация договора о ЕОС. Британия, утверждал он, не сможет в будущем содержать войска в Западной Германии на прежнем уровне (только вооруженную бригаду), как настаивали французы, тем более что как только Париж наконец ратифицирует договор, США собирались уменьшить численность своих сил в ФРГ. У. Черчилль считал, что жесткая позиция СССР по германскому вопросу должна ускорить ратификацию договора во французском парламенте и заявил о том, что британская дипломатия должна стремиться «найти мирные средства жить бок о бок с Советским Союзом»³.

Обсуждение итогов Берлинской встречи показывало, что между премьер-министром и главой Форин оффис сложилось разное видение отношений с Москвой. Для У. Черчилля водоразделом в позиции СССР была смена руководства в Кремле после смерти Сталина. Он считал, что с новым руководством нужно и можно договариваться. А. Иден исходил из прежних установок на то, что Советскому Союзу доверять нельзя.

В начале марта 1954 г. президент США отправил в Лондон телеграмму, раскрывающую позицию Вашингтона в отношении ЕОС. Приняв во внимание

¹ САВ 128-27. 22 February 1954. P. 81.

² Гайдук И. В. Советский Союз на Женевской конференции по Индокитаю. // Холодная война. 1945-1963 гг. Историческая ретроспектива. М., 2003. С. 435.

³ САВ 128-27. 22 February 1954. P. 82.

изложенные американской администрацией аргументы, британское правительство приняло решение о том, что Лондон должен заверить французское правительство в поддержании прежнего уровня британских сил «в течение ближайших нескольких лет»¹. Особенно удачной британским чиновникам казалась формулировка «ближайшее несколько лет» из-за своего широкого толкования.

Канцлер казначейства Р. Батлер обратил внимание на то важное обстоятельство, что как только ЕОС вступит в силу, ФРГ будет нести ответственность за свой оборонный бюджет, и Британия должна будет поддерживать силы на континенте за собственный счет. Эти расходы оценивались в 80 млн. ф.ст. и чтобы их выполнять, следовало найти возможность экономии в других статьях оборонного бюджета².

Следует заметить, что вопросы оборонных расходов вызывали разногласия и у государств-подписантов ЕОС. Страны Бенилюкс выступали против общего бюджета, в то время как для Великобритании, не вошедшей в ЕОС, более сложной проблемой были требования ФРГ о том, чтобы расходы на содержание британских оккупационных сил были совсем исключены из общего бюджета ЕОС³. Этот вопрос в конечном итоге был урегулирован в пользу Боннской республики, что вынуждало Лондон в очередной раз задуматься над поиском статей экономии.

В начале апреля британский кабинет вернулся к обсуждению идеи подписания соглашения об ассоциации между Соединенным Королевством и ЕОУС. К этому времени завершилась серия консультаций заинтересованных министерств и представителей угольной и сталелитейной отраслей, по результатам которой эксперты озвучили свои оценки. Министр снабжения отметил, что представители сталелитейной промышленности с опаской отнеслись к идее создания Общего рынка стали. С точки зрения экономических интересов выгода для Британии небольшая, и даже есть потенциальные риски.

¹ CAB 128-27. 10 March 1954. P. 133-134.

² Ibid. P. 134.

³ Milward A. S. Op.cit. P. 104.

Правительственные эксперты указывали, что создание общего рынка стали и угля могло вызвать оппозицию работодателей и рабочих угольной, сталелитейной отраслей и машиностроения. Но эти риски, считал министр снабжения, потенциально могут быть перевешены международными политическими выгодами, оценивать которые не входило в компетенцию отрасли.

В ходе заседания кабинета было принято решение учредить специальный комитет в составе профильных министров (снабжения, топлива и энергетики и др.) и начать переговоры с председателем ЕОУС Ж. Монне по разработке такой формы ассоциации, которая будет устраивать обе стороны¹.

26 мая 1954 г. сформированный комитет озвучил свою оценку перспектив такой ассоциации. Общее мнение экспертов сводилось к тому, что Британии не следует вступать в общий рынок с ЕОУС ни по углю, ни по стали. Вместе с тем члены комитета не отбрасывали саму идею ассоциации и считали, что соответствующие отрасли британской промышленности должны вступить в прямой контакт с ЕОУС «для проведения переговоров по снижению нынешних высоких протекционистских тарифов Британии на сталь»².

Эти дискуссии проходили на фоне Женевской конференции, работавшей с перерывами 26 апреля по 21 июля 1954 г. и ставшей одним из важнейших событием международной жизни того периода. Участие в ней принимали министры иностранных дел Великобритании, США, Франции, СССР и КНР. Хотя конференция в основном была посвящена урегулированию международных конфликтов в Индокитае и Корее, министрам иностранных дел удалось обсудить европейские проблемы³. В.М. Молотов на встрече с французским коллегой П. Мендес-Франсом не стал открыто поднимать тему создания ЕОС, хотя советская дипломатия негативно относилась к планам создания Европейской армии.

¹ CAB 128-27. 7 April 1954. P. 14.

² Ibid. 26 May 1954. P. 6-7.

³ Подробнее: Гайдук И. В. Советский Союз на Женевской конференции по Индокитаю. // Холодная война. 1945-1963 гг. Историческая ретроспектива. М., 2003. С. 450.

В конце июня 1954 г. на встрече в Вашингтоне с президентом У. Черчилль высказал идею о планах организовать двустороннюю англо-советскую встречу. Д. Эйзенхауэр высказался в пользу такой встречи, в то время как госсекретарь Дж.Ф. Даллес замысел Черчилля не одобрил. Скептически к идее о прямых переговорах «с русскими» отнесся и глава Форин оффис А. Иден.

Также на встрече британский премьер-министр и президент США согласились, что в случае отклонения в парламенте Франции Договора о Европейской армии «Германия должна перевооружаться», даже если Париж выразит протест. Эйзенхауэр добавил, что французы ведут себя как «беспомощная бесполезная масса протоплазмы»¹.

В конце июля А. Иден информировал своих коллег по кабинету, что французское правительство выразило готовность обсудить с Лондоном другие формы германского перевооружения, если Национальная ассамблея не одобрит договор². Уже на тот момент времени судьба Европейской армии стала ясна.

Между тем идея организации двусторонней встречи в августе 1954 г. с новым коллективным руководством СССР так и не была реализована. Ответ советской стороны предполагал проведение не двусторонней встречи, а широкой конференции с участием 32 партий с обсуждением вопроса вывода войск НАТО из Западной Германии³.

Провал этой идеи обострил отношения У. Черчилля и А. Идена. Дело в том, что глава правительства с весны 1954 г. постоянно откладывал свой уход в отставку. В ходе возвращения в Лондон из Вашингтона в конце июня 1954 г. Черчилль договорился с Иденом, что в августе съездит «на переговоры с Маленковым», а в сентябре подаст в отставку. Однако Черчилль не подал в отставку ни в сентябре, ни в последующие месяцы⁴. Решение вопроса о

¹ Манчестер У., Рейд П. Указ. соч. С. 1099.

² САВ 128-27. 27 July 1954. P. 3.

³ Манчестер У., Рейд П. Указ. соч. С. 1099. Интересно, что М. Гиблерт в биографии, посвященной Черчиллю, указывает на то, что Черчилль сам отозвал свое предложение о встрече под давлением кабинета и особенно А. Идена, и об ответе Москвы, соответственно, даже не упоминает. Такая версия, однако, представляется крайне сомнительной. См. Гиблерт М. Указ. соч. С. 1002.

⁴ Тенненбаум Б. Черчилль на вершине власти. Пер. с англ. М., 2014. С. 461-463.

преемнике затягивалось, и А. Иден с откровенным раздражением воспринимал всё новые идеи главы правительства, особенно касавшиеся налаживания диалога с Москвой, считая такую возможность оторванной от реальности.

Между тем 30 августа 1954 г. окончательные дебаты в Национальном собрании Франции по договору ЕОС завершились отказом от его ратификации.

Такой поворот событий объяснялся рядом закономерных факторов. Во-первых, сама идея интеграции в военной сфере в политическом истеблишменте и французском обществе на фоне поражения в войне в Индокитае стала восприниматься болезненно. Франция, как показали итоги этой колониальной войны и обсуждение в парламенте, оказалась не готова жертвовать своими национальными силами в пользу европейской армии, подконтрольной наднациональным институтам.

Во-вторых, самые разные политические силы внутри парламента выступали против Европейской армии. Французская коммунистическая партия (ФКП) не принимала саму идею перевооружения Западной Германии, представители националистических партий (в том числе «Объединение французского народа» Ш. де Голля) считали идею передачи вооруженных сил на наднациональный уровень не соответствующей внешнеполитическим интересам страны, колониальные круги выражали обеспокоенность ослаблением позиций Франции в колониях и заморских департаментах.

В-третьих, к моменту ратификации значительное воздействие на общественное мнение страны стало оказывать так называемое Движение нейтралитета, противопоставлявшее политике атлантизма идею неучастия Западной Европы в конфронтации между СССР и США, осуждая как «американский капитализм», так и «русский тоталитаризм»¹. Входившие в состав движения французские интеллектуалы (Ж.-П. Сартр, Э. Мунье, Ж.-М. Доменак и другие) считали возможным вообще избежать участия ФРГ как в Европейской

¹ Наринский М. М. Нейтралитет в годы «холодной войны»: альтернатива французских интеллектуалов. // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. М., 1992. С. 108-109, 116.

армии, так и в НАТО, полагая, что объединенная Европа должна стать «фактором стабильности и разрядки»¹.

Опросы общественного мнения, проведенные накануне ратификации, показывали, что создание ЕОС к 1954 г. стало вызывать все большее недоверие у французов. Среди населения и политиков Франции преобладали опасения, что в случае военного усиления Западной Германии может повториться сценарий германского нападения на Францию в четвертый раз. Наконец, сказалась и общая политическая слабость IV Республики: частая смена кабинетов не позволяла выстраивать и осуществлять долгосрочный политический курс.

Ж. Монне впоследствии указывал на то, что «момент был выбран неудачно»: «французы, потрясенные военной драмой в Индокитае, на какое-то время потеряли способность трезво смотреть в свое будущее. ... Силы прошлого и силы будущего раскололи страну, и в результате беспорядочного спора первые одержали верх». Монне сокрушался, что не нашлось политика, который бы объяснил населению и парламентариям, что в реальности вопрос стоял так: европейская армия или национальная немецкая армия². Другой видный французский политик Р. Шуман, оставивший полные патетики дневниковые записи, почти обошел вниманием произошедшее в конце августа событие, отметив только, что позиция Национального собрания серьезно «подорвала авторитет Франции в области европейских инициатив»³.

1 сентября 1954 г. британское правительство обсудило сложившуюся на континенте ситуацию. Министр иностранных дел докладывал, что решение французского парламента произвело «ошеломляющее воздействие на наших партнеров по Западному союзу»⁴. К. Аденауэр назвал 30 августа «черным днем

¹ Проден Е. Ю. Провал ратификации Договора о создании Европейского оборонительного сообщества во французском Национальном собрании в 1954 г. // Американские исследования в Сибири. Вып. 7. Томск, 2003. С. 91, 96.

² Монне Ж. Указ. соч. С. 489-490.

³ Шуман Р. За Европу. М., 2002. С. 64.

⁴ САВ 128-27. 1 September 1954. P. 2.

для Европы», неиспользованной возможностью для прекращения окончательной франко-германской вражды¹.

А. Иден считал возможным в самые кратчайшие сроки начать переговоры с К. Аденауэром по вступлению ФРГ в НАТО на основе Боннских соглашений 1952 г. Проблема состояла в том, что эти соглашения из-за отказа Франции ратифицировать договор о Европейской армии не вступили в силу, поэтому Иден предлагал провести в Лондоне встречу государств ЕОС с участием США и самой Великобритании².

Создавшаяся ситуация давала британскому руководству хорошие шансы выступить в качестве посредника в отношениях между ФРГ, США и Францией. 2 сентября французский премьер-министр П. Мендес-Франс информировал Великобританию и США, что Боннские соглашения будут приняты во Франции, если Лондон даст обязательство сохранять войска на континенте. Британская дипломатия посчитала, что настало время для расширения рамок Брюссельского пакта 1948 г³.

В середине сентября глава Форин оффис совершил визиты в Брюссель, Бонн, Рим и Париж для обсуждения «проблем, возникнувших в связи с провалом ЕОС». В столицах трех стран проект Идена приняли хорошо, за исключением Парижа. Реакция П. Мендес-Франса была сдержанной. Как стало ясно Идену из беседы с ним, французы были согласны на вступление ФРГ в Западный союз только с целью максимально затормозить включение Западной Германии в НАТО⁴. В любом случае, указывал премьер-министр, Национальное собрание Франции будет готово «проглотить» вступление ФРГ в НАТО только в такой обертке – через ее включение в Западный союз⁵.

¹ Подробнее: Ющенко О. И. Конрад Аденауэр, Шарль де Голль и германо-французское «историческое примирение». // Разрушение и возрождение в истории Германии и России. Вып. 7. Томск, 2010. С. 194.

² САВ 128-27. 1 September 1954. P. 2.

³ Интересно, что эта мысль была высказана А. Иденом, хотя Г. Макмиллан в мемуарах утверждал, что это была его идея, но он «был счастлив увидеть ее в качестве составного элемента в плане министра иностранных дел». Иден, наоборот, приписывал идею только себе. Подробнее: Deighton A. The Last Piece of the Jigsaw: Britain and the Creation of the Western European Union, 1954. // Contemporary European History. Vol. 7. No 2. 1998. P. 189-190.

⁴ САВ 128-27. 17 September 1954. P. 2.

⁵ Подробнее см.: Deighton A. Op. cit. P. 190.

В конце сентября – начале октября 1954 г. в Лондоне состоялась конференция с участием 9 западноевропейских держав, посвященная обсуждению оборонных проблем Европы, прежде всего, германского вопроса. Премьер-министр Франции выдвинул три условия включения Западной Германии в Атлантический пакт: установление контроля над германским перевооружением (и создания Агентства по вооружению Европы), достижение соглашения по Саару и обещание Британии и США в течение 50 лет держать свои войска в Европе. Первое предложение вызвало сопротивление стран Бенилюкс, опасавшихся франко-германского доминирования в области производства вооружений, а США воспротивились идее установления контроля над военной помощью со стороны Агентства. Обсуждение второго – Саарского – вопроса было решено отложить до следующей – Парижской – конференции. По третьему вопросу министр иностранных дел А. Иден заявил о готовности Британии держать 4 дивизии и тактические воздушные силы в Европе в течение 50 лет.

3 октября были подписаны итоговые соглашения, по которым Западная Германия восстанавливала свой суверенитет, оккупация прекращалась, и ФРГ и Италия входили в состав Западного союза. Вслед за этим шагом Боннская республика вошла в состав НАТО. При этом ФРГ запрещалось производить атомное, биологическое и химическое оружие, ракеты и большие военные корабли¹.

Премьер-министр У. Черчилль на заседании кабинета в середине октября выразил удовлетворение прошедшей конференцией, укрепившей, по его мнению, международные позиции Соединенного Королевства².

В конце октября 1954 г. в Париже были подписаны новые соглашения (получившие название Парижских) об изменениях и дополнениях к Брюссельскому договору 1948 г. и создании Западноевропейского союза (ЗЕС) с

¹ Roy Willis F. France, Germany and the New Europe. 1945-1963. L., 1965. P. 187-188.

² CAB 128-27. 5 October 1954. P. 3.

участием Западной Германии; протокол о принятии ее в НАТО и протокол о прекращении оккупационного статуса в ФРГ.

В декабре 1954 г. было подписано соглашение между Британией и ЕОУС об ассоциации¹, ставшее результатом предложений Идена 1952 г. Эта ассоциация преследовала цель связать ЕОУС и Совет Европы.

В начале февраля 1955 г. произошли кадровые перестановки в коллективном руководстве в СССР: Н.А. Булганин сменил Г.В. Маленкова на посту председателя Совета министров. В этой связи А. Иден вспомнил, что в ходе Женевской конференции 1954 г. он был поражен «холодной реакцией Молотова на любые замечания Г. Маленкова». Однако эти перемены, как считал глава Форин оффис, не приведут к «усилению Красной армии в политических кругах Москвы» и скорее свидетельствовали о возросшем влиянии секретаря ЦК КПСС Н. Хрущева².

У. Черчилль продолжал выступать за организацию новой конференции, на которой будут решены германский и австрийский вопросы и произойдет долгожданное ослабление международной напряженности и снижение риска войны³. Однако эти идеи не нашли отклика среди членов кабинета.

К началу мая 1955 г. ратификация Парижских соглашений должна была пройти в парламентах Нидерландов и Франции. А. Иден считал, что ратификация состоится и вслед за ней западным странам следует, не теряя времени, пригласить советское правительство для «обсуждения политических проблем в Европе»⁴.

5 апреля 1955 г. в политической жизни Британии произошли важные изменения. У. Черчилль после перенесенного инсульта в возрасте 80 лет все же покинул должность премьер-министра. Вместе с ним в отставку уходил весь

¹ Greenwood S. Britain and European Integration since the Second World War. N.Y., 1996. P. 70.

² CAB 128-28. 9 February 1955. P. 5. Действительно, маршал Н. А. Булганин не пользовался популярностью в военных кругах, несмотря на то, что в разное время занимал военные должности разного уровня. В начале марта 1947 г. Булганин был назначен министром Вооруженных сил СССР и пробыл на этом посту до 1949 г. После смерти Сталина он возглавил Министерство обороны, заняв после смещения Маленкова должность председателя Совета министров СССР.

³ CAB 128-28. 14 March 1955. P. 2.

⁴ Ibid. 30 March 1955. P. 3.

состав кабинета, и были назначены новые выборы. До проведения парламентских выборов обязанности премьер-министра начал выполнять ставший незадолго до этого лидером консервативной партии¹ А. Иден, пост министра иностранных дел перешел к министру обороны Г. Макмиллану.

В середине апреля новый глава Форин оффис докладывал, что французы задерживают ратификацию – на этот раз Парижских соглашений – из-за Саарского вопроса. Г. Макмиллан выразил надежду, что Франция все-таки ратифицирует договор, и членство ФРГ в НАТО станет возможным².

Еще 23 октября 1954 г. Франция и ФРГ в рамках Парижских соглашений заключили соглашение «Мендес-Франс-Аденауэр», предоставлявший Саару «европейский статут в рамках Западноевропейского союза». Статут предполагал, что Совет министров ЗЕС будет назначать для Саара «европейского комиссара», который будет представлять Саар в области иностранных дел и обороны, Саар также должен был иметь свое представительство в Европейском совете, ЕОУС и ЗЕС. Подписанное соглашение предусматривало проведение год спустя, 23 октября 1955 г., плебисцита по определению статуса территории.

Достижение этих договоренностей не устранило противоречий двух стран по спорному вопросу. С трудом Парижские соглашения ратифицировала нижняя палата французского парламента – Национальное собрание, 27 марта 1955 г. верхняя палата – Совет Республики – одобрила эти соглашения 217 голосами против 92. Как было запланировано, 23 октября 1955 г. состоялся референдум в Сааре, отклонивший большинством голосов (67 % против 32 %) соглашение «Мендес-Фарнс-Аденауэр». Последовали новые переговоры между Францией и ФРГ, завершившиеся 28 октября 1956 г. подписанием серии соглашений о Сааре.

¹ Долгое время лидер консервативной партии не избирался, а «появлялся» в качестве такового в результате неформальных консультаций между ключевыми фигурами партийной элиты. См.: Громько Ал. А. Политическая модернизация Великобритании: от вестминстерской к плюральной модели демократии. ДИЕ РАН №158. М., 2005. С. 41.

² САВ 128-29. 12 April 1955. P. 3.

Среди них Договор о вхождении Саара в состав Западной Германии с 1 января 1957 г.¹.

Другой сложной международной дилеммой оставался австрийский вопрос. Советское руководство в ходе визита австрийской делегации в Москву согласилось завершить военную оккупацию страны и заключить Государственный договор². Г. Макмиллан считал, что в реальности за этим согласием скрывалось желание предложить объединение Германии на схожей с австрийским вариантом основе военного нейтралитета. В свою очередь, британское правительство считало важным оформить австрийский нейтралитет таким образом, чтобы Австрия имела возможность войти в состав Совета Европы и ОЕЭС, не имевших военных целей³.

15 мая 1955 г. на конференции четырех держав в Вене был подписан Государственный договор. Советский Союз настоял на включении в текст договора положений, запрещающих новый аншлюс Австрии Германией, и выражал согласие вывести оккупационные войска к 31 декабря 1955 г.⁴. Австрия восстанавливалась как суверенное, демократическое государство в границах на 1 января 1938 г. Договор вступил силу 27 июля 1955 г. В конце октября Национальный совет принял конституционный закон о постоянном нейтралитете страны.

В начале мая, как и предсказывал А. Иден, парламент Нидерландов вслед за остальными странами, одобрил Парижские соглашения, и они вступили в силу. 5 мая ФРГ становится независимым государством. 7 мая в Париже открылась специальная сессия НАТО, оформившая включение ФРГ в состав Североатлантического пакта. В этот же день СССР денонсировал англо-советский союзный договор 1942 г. и франко-советский договор о союзе и взаимопомощи 1944 г. Значимость этих двух договоров в послевоенное время во многом носила

¹ Молчанов Н. Н. Саарский вопрос (1945-1957 гг.). М., 1958. С. 236-282.

² САВ 128-29. 19 April 1955. P. 4-5.

³ Ibid. P. 5.

⁴ Айрапетов А. Г., Горлова О. С. Денацификация Австрии после Второй мировой войны (по материалам советской оккупационной зоны). // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 68.

символический характер, напоминая о возможности сотрудничества стран с разными политическими системами и геополитическими интересами. Отказ от договоров означал борьбу двух тенденций в этот период – на ослабление международной напряженности и ужесточение позиций сторон по вопросам европейской и мировой политики.

В середине мая 1955 г. в польской столице на Совещании европейских государств по обеспечению мира и безопасности в Европе Албания, Болгария, Венгрия, ГДР, ПНР, Румыния, СССР и Чехословакия заключили Договор о дружбе и взаимопомощи, положивший начало существованию Организации Варшавского договора (ОВД).

Создание ОВД стало реакцией Советского Союза на включение ФРГ в НАТО. При этом советское руководство давало понять, что создание этой организации не преграждает путь к дальнейшим переговорам с Западом по проблемам европейской безопасности¹. Оформление ОВД также позволяло СССР вывести войска из Австрии без вывода своих вооруженных сил из Венгрии и Румынии.

26 мая 1955 г. в Британии состоялись парламентские выборы. Консерваторы во главе с А. Иденом одержали победу, увеличив свое представительство в Палате общин на 23 депутата до 344 человек против 277 мест у лейбористов и 6 мест у либералов.

Правительство А. Идена, сформированное по итогам выборов, отклонило приглашение на встречу стран Шестерки в Италии. 1 июня 1955 г. открылась конференция в Мессине, на Сицилии, в ходе которой обсуждались дальнейшие пути интеграции. Неудача с реализацией ЕОС и ЕПС не остановила интеграцию по французскому образцу. Главный идеолог европейской интеграции Ж. Монне к началу работы встречи оставил свой пост Председателя Верховного органа (его

¹ Подробнее см.: Волков М. Н., Лекаренко О. Г. Американская крепость Европа: политика США по укреплению оборонного потенциала стран Западной Европы (1947-1955 гг.). Томск, 2009. С. 251-252.

мандат истек в начале февраля) и создал Комитет борьбы за Соединенные Штаты Европы, пропагандировавший идеи создания европейской федерации.

В ходе Мессинской конференции были приняты решения о продолжении интеграции в экономической сфере и начале объединения в атомной сфере. Нидерланды предложили план создания общего рынка, поддержанный в Бельгии и ФРГ, заинтересованных в либерализации торговли. Французы, придерживаясь протекционистских позиций, испытывали сомнения в этом вопросе, настаивая на учреждении общей сельскохозяйственной политики (ОСП), участие в которой могло обеспечить Франции успешное развитие ее экспорта, а также давало возможность подключения на правах ассоциированных членов ее колоний в планируемый к созданию общий рынок.

Вторая область объединения – атомная сфера – представляла интерес для всех участников. Доклады экспертов убеждали, что атом вскоре станет главным источником энергии, и в этой связи Ж. Монне считал закономерным создание специализированного международного учреждения, наподобие ЕОУС, для развития атомной энергетики в мирных целях.

По итогам встречи стран Шестерки Великобритании было направлено приглашение войти в состав Подготовительного комитета по разработке новых проектов интеграции. 30 июня 1955 г. этот вопрос стал предметом обсуждения на заседании кабинета. Канцлер казначейства Р. Батлер отметил, что Мессинская встреча «предприняла определённые шаги для продолжения экономической унификации в Европе», однако идеи о разработке мирного атома и создании общего рынка Батлер считал несвоевременными. Он полагал, что договор об установлении общего рынка будет дублировать другие соглашения, а учреждение организации по атомной энергии было чревато «особыми» трудностями. Поэтому канцлер казначейства рекомендовал принять участие в работе комитета только в качестве наблюдателей, не создавая при этом впечатление у стран ЕОУС, что «мы

не одобряем их усилий по продвижению более глубокой экономической интеграции»¹.

Министр иностранных дел Г. Макмиллан, известный своей проевропейской ориентацией, наоборот, считал, что участие Великобритании в намечаемых к созданию организациях нельзя исключать, и, соответственно, Лондону следует принять активное участие в обсуждении новых проектов. Однако А. Иден не прислушался к этой точке зрения и направил в качестве наблюдателя за работой Подготовительного комитета под председательством П.-А. Спаака служащего Казначейства, экономиста Р. Бретертона. Британский представитель не имел каких-либо полномочий влиять на принимаемые Шестеркой решения. Р. Бретертон вспоминал впоследствии, что надеялся на изменение подходов британского правительства к создаваемым институтам, однако эти надежды так и не оправдались².

Исследователи до сих пор неоднозначно оценивают решение Идена уклониться от полноценного участия в создаваемых структурах, но очевидно, что на том этапе развития европейской интеграции Соединенное Королевство упустило свой шанс повлиять на конструкцию складывающейся «единой Европы».

2.2 Надежды на ослабление международной напряженности: Женевская конференция и визит Н.А. Булганина и Н.С. Хрущева в Великобританию в 1956 г.

Наибольшее внимание британские политики в этот период по-прежнему уделяли вопросам безопасности. 14 июля 1955 г. члены кабинета выработали общую линию поведения на предстоящей встрече глав государств в Женеве. Основой для обсуждения стал «план Идена». Западные державы, считал премьер-

¹ CAB 128-29. 30 June 1955. P. 6

² Lamb R. Macmillan and Europe. // Harold Macmillan. Aspects of a Political Life. Ed. by R. Aldous and S. Lee. L., 1999. P. 77-78.

министр, должны оказывать на конференции твердое сопротивление «любому давлению русских», в то же время, принимать во внимание «сильное желание германского народа, чтобы произошло воссоединение двух Германий».

В Британии опасались, что СССР может сделать более выгодное предложение Западной Германии и перехватить инициативу в вопросе воссоединения Германии¹. Премьер-министр напомнил, что в ходе Берлинской встречи советская дипломатия категорически отвергала заключение мирного договора с Австрией, изменив свою позицию всего через несколько месяцев на 180°, выступив с инициативой подписания мирного договора.

Г. Макмиллан добавил, что после Женевской конференции осенью должен состояться визит канцлера ФРГ К. Аденауэра в Москву. Если федеральный канцлер «проявит твердость и отвергнет все возможные увертюры русских», советское руководство проявит большой интерес к британским предложениям. Следовательно, заключал Макмиллан, если не удастся договориться на предстоящей Женевской конференции, можно попробовать реализовать эти инициативы на совещании министров иностранных дел четырех государств, проведение которого было намечено на октябрь 1955 г.².

18 июля 1955 г. в Женеве начало работу совещание глав правительств четырех держав, на которых присутствовали президент США Д. Эйзенхауэр, премьер-министр Великобритании А. Иден, премьер-министр Франции Э. Фор и руководители СССР Н.А. Булганин и Н.С. Хрущев.

Встреча на высшем уровне предполагала обсуждение германского вопроса, проблем разоружения и укрепления контактов между Востоком и Западом. Конференция широко освещалась в советской и зарубежной прессе как поворотный момент на пути к разрядке международной напряженности и разрешению острых европейских и мировых проблем.

¹ CAB 128-29. 14 July 1955. P. 5.

² Ibidem.

Уже по прибытии на конференцию премьер-министр А. Иден заявил, что «пока разделена Германия, разделена Европа. Причина, по которой Берлинская конференция завершилась провалом, состоит в том, что одна из держав предположила, что объединенная Германия, вооруженная и решившая вступить в НАТО, будет представлять угрозу миру и безопасности»¹.

Именно этот момент – объединение Германии и последующее ее включение в НАТО – действительно вызывал негативную реакцию СССР. Советская делегация предложила к обсуждению проект Общеввропейского договора о коллективной безопасности в Европе, в рамках которого предполагалось, что по истечению согласованного срока с момента вступления договора в силу прекратят свое действие Варшавский договор, Парижские соглашения и Североатлантический договор.

В связи с тем, что конструктивной реакции на эти предложения не последовало (и последовать объективно на тот момент времени не могло) министр иностранных дел В.М. Молотов предложил построение новой системы безопасности. На первоначальном этапе предусматривалось сохранение в силе НАТО и ОВД, участники которых заключили бы договор об отказе применять вооруженные силы друг против друга и взяли на себя обязательства разрешать все споры только мирными средствами².

Озвученный В.М. Молотовым план существенно расходился с предложениями США. Д. Эйзенхауэр выдвинул идею «немедленного присоединения» ГДР к ФРГ с последующим участием объединенной Германии в системе «коллективной обороны» НАТО. В свою очередь советская делегация вновь озвучила предложение о вхождении СССР в Североатлантический альянс. Эта идея ошеломила президента США, до этого не слышавшего о ней. Об этом

¹ Prime Minister Eden Gives Conference His Plan to Build the Peace. URL: <http://archives.chicagotribune.com/1955/07/19/page/11/article/prime-minister-eden-gives-conference-his-plan-to-build-for-peace>

² История дипломатии. В 5 т. Т. 1. Кн. 1. М., 1974. С. 459.

эпизоде упоминают в мемуарах А.А. Громыко и А.Ф. Добрынин, входившие в состав советской делегации¹.

В ходе Женевской конференции была также достигнута договоренность о визите советских лидеров Н.А. Булганина и Н.С. Хрущева в Великобританию.

26 июля премьер-министр докладывал на заседании кабинета о своих первых впечатлениях от конференции, закончившей свою работу 23 июля. А. Иден констатировал, что в ходе переговоров не удалось убедить советское руководство в том, что объединение Германии невозможно без создания новой системы коллективной безопасности в Европе. Советские лидеры, по мнению премьера, находились во власти «подлинного страха», что Германия вновь может возродиться как сильная военная страна в Европе: «Даже если удастся убедить советское руководство, что возрождения германского милитаризма можно избежать, свобода его манёвра на некоторое время будет ограничена инстинктивным страхом населения страны перед Германией. Этот страх, очевидно, так глубоко укоренён, что даже диктатура принимает этот факт во внимание»². В ходе конференции у премьер-министра сложилось твердое убеждение, что СССР больше опасается возрождения Германии, чем окружения своей территории базами Соединённых Штатов.

Еще одним важным впечатлением от Женевской конференции для Идена стало то, что советские лидеры действительно стремились к установлению «нормальных отношений с правительствами Запада и, кажется, искренне обеспокоены поиском ослабления международной напряженности и более дружественными отношениями с Западом»³.

Такой взгляд, на первый взгляд, казалось бы, свидетельствовал в пользу развития связей с новым советским руководством, однако конкретные шаги

¹ Громыко А. А. Памятное. Кн. 1. М., 1990. С. 364-365; Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962-1986 гг.). М., 2008. С. 55.

² CAB 128-29. 26 July 1955. P. 5.

³ Ibidem.

министра иностранных дел, как покажет время, будут идти вразрез с этими мнениями.

Г. Макмиллан полностью поддержал мнение премьер-министра, согласившись, что новое советское руководство «в меньшей степени настроено действовать агрессивными методами и, возможно, направит ресурсы на развитие экономики внутри страны». Он также добавил, что хотя Москва больше обеспокоена предотвращением восстановления германской военной мощи, в долгосрочной перспективе СССР может оказаться между «возрожденной Германией и сильным Китаем»¹. Поэтому глава Форин оффис выразил сомнение, что на совещании министров иностранных дел в октябре стороны достигнут «прогресса в германском вопросе». Макмиллан предположил, что реальное решение может быть найдено через «заключение серии пактов безопасности для Европы»².

Такая идея перекликалась с аналогичными идеями А. Идена, так и не воплощенными в жизнь, но очевидно имевшими определенный потенциал для реализации. Прошедшая Женевская конференция показала, что новые политические ветры, подувшие над континентом после смерти Сталина, каждая из сторон стремилась использовать в своих интересах, не проявив готовность к уступкам и существенному пересмотру уже установившихся отношений.

Более того, приметной чертой международных отношений в 1950-е гг. стал возврат к обсуждению ведущими державами новой системы безопасности, в проектах которой присутствовала отсылка к межвоенному опыту. Постоянная рефлексия западных стран и СССР в разных формах и контекстах по поводу провалившихся попыток создать эффективную модель коллективной безопасности в Европе в 1920-1930-е гг. показывала, что и после 1945 г. европейские страны оказались перед теми же проблемами, которые обусловили предвоенный кризис и привели ко Второй мировой войне. Выступление У.

¹ Ibidem.

² Ibidem.

Черчилля в Палате общин за два года до этого в мае 1953 г. в этом смысле представляется символичным. Черчилль понимал, что решение всего комплекса послевоенных вопросов требовало участия всех заинтересованных сторон с учетом недавнего исторического опыта.

В сентябре 1955 г. состоялся визит К. Аденауэра в Москву. Федеральный канцлер без оптимизма наблюдал устремления своих западных коллег к поиску смягчения международной напряженности, рассматривая внешнеполитические линии Парижа и Лондона в отношении Советского Союза как «преступную слабость»¹. Такое мнение, однако, не помешало Аденауэру принять приглашение Москвы посетить Советский Союз.

В ходе весьма плодотворной с точки зрения нормализации двусторонних отношений, вопреки прогнозам западных экспертов, встречи, были достигнуты договоренности об установлении дипломатических отношений двух государств. Хотя в конце года ФРГ примет известную «доктрину Хальштейна», согласно которой Боннская республика имела дипотношения только с теми странами, которые не имели таковых с ГДР, для СССР делалось исключение.

Другим важнейшим результатом поездки стало подписание соглашения о возвращении в Западную Германию почти 10 тыс. немецких военнопленных, оставшихся на территории Советского Союза². Эта договоренность, как признавал на заседании кабинета глава Форин оффис, вызвало беспокойство в Соединённых Штатах и Франции. Г. Макмиллан рассматривал эту договоренность как значительную победу советской дипломатии, которая усилит позиции советской стороны, и, наоборот, ослабит британские позиции на встрече министров иностранных дел в Женеве в октябре³.

¹ Филитов А. М. Московский визит Аденауэра 1955 г. // Россия и современный мир. 2006. №2 (51). С. 177.

² По вопросу о численности немецких военнопленных, оставшихся в советском плену, в ходе переговоров между участниками возникли существенные разночтения. К. Аденауэр заявлял о 130 тыс. чел., оставшихся на территории СССР, однако советская сторона привела точную цифру – 9,626 чел. Именно с такой численностью К. Аденауэр в конце концов согласился. См. подробнее: Визит канцлера Аденауэра в Москву 8-14 сентября 1955: документы и материалы. Отв. ред. А. В. Загорский. М., 2005. С. 137-139.

³ CAB 128-29. 15 September 1955. P. 9.

27 октября 1955 г. открылось совещание в Женеве, проходившее с перерывами до 16 ноября. Ключевым вопросом встречи министров иностранных дел стали вопросы европейской безопасности. Советская дипломатия вновь предложила к обсуждению проект Общеввропейского договора безопасности. Британия выдвинула план создания в центре Европы зоны ограничения и инспекции вооружений. Оба плана развивали идеи, выдвинутые на предыдущей встрече в Женеве, однако найти по ним точек соприкосновения сторонам так и не удалось¹.

17 ноября, на следующий день после окончания Женевского совещания, Г. Макмиллан информировал членов правительства об итогах встречи. Он отметил, что позиция СССР была конструктивной – но только до отъезда В.М. Молотова в Москву в ходе конференции².

Действительно, эта поездка изменила линию СССР, разделив ее на до и после отъезда советского министра иностранных дел и его возвращения в Женеву. Точных причин произошедших перемен в поведении советской делегации в Британии не знали. Г. Макмиллан подчеркивал, что сложилось общее впечатление у всех западных министров иностранных дел, что были две причины произошедшей перемены в позиции СССР. Во-первых, это то обстоятельство, что «население стран-сателлитов было разбужено более либеральной политикой» нового советского руководства, во-вторых, внутри советского правящего блока все еще не установился баланс сил между сторонниками и противниками сталинской политики.

В реальности перемена настроений в советской делегации, которую чутко уловили западные визави, была связана с обсуждением в Москве инициативы министра иностранных дел. В ходе совещания Молотов улетел в Москву под предлогом присутствия на праздновании очередной годовщины Октябрьской революции. В работе конференции был объявлен перерыв, во время которого 6-7

¹ История дипломатии. В 5 т. Т. 5. Кн. 1. М., 1974. С. 439-440, 469-471.

² САР 128-29. 17 November 1955. P. 8.

ноября Президиум ЦК КПСС в ходе двух заседаний изучал проект министра иностранных дел. В.М. Молотов считал, что нужно попробовать еще раз предложить своим западным коллегам компромисс: выход ГДР и ФРГ из военно-политических блоков, вывод оккупационных войск четырех держав с территории обоих германских государств и проведение общегерманских выборов.

В ходе дискуссий эти идеи были отвергнуты, и линия Москвы после возвращения министра иностранных дел в Женеву ужесточилась¹. Советская делегация расценила британский проект как план «присоединения» ГДР к ФРГ под видом создания демилитаризованной зоны на границе ГДР и Польши и отвергла его².

В реальности все стороны, по инерции, продолжали исходить из прежних оценок друг друга и придерживались подходов, сформированных в рамках «холодной войны». Г. Макмиллан считал, что «главная задача – теснее привязать Западную Германию к Западу. Тактическая ошибка русских, по его мнению, состояла в том, что они не соглашались на единство Германии, кроме как на основе сохранения позиций коммунистов в Восточной Германии». Такая линия СССР, был убежден Макмиллан, лишь укрепляла связи ФРГ с западными странами³.

В результате, Женевское совещание, как и предшествовавшая ему конференция на высшем уровне, не дало практических результатов по решению германского вопроса и установлению новой системы безопасности. Более того, в Британии стало складываться впечатление, что «дух Женевы» стал растворяться в плотных слоях международной атмосферы.

Причиной такого ощущения стали «недружественные» заявления, сделанные Н.А. Булганиным и Н.С. Хрущевым в Индии, Бирме и Афганистане и

¹ Филитов А. М. Каким путем пойдет Германия? Советские планы по германскому вопросу в 1953 году. // Россия XXI век. 2008. №2. С. 164-165.

² История дипломатии. В 5 т. Т. 5. Кн. 1. М., 1974. С. 471.

³ САВ 128-29. 17 November 1955. P. 8.

вызвавшую негативную реакцию в Лондоне в связи с предстоящим визитом советских лидеров в Соединенное Королевство.

Поездка Н.А. Булганина и Н.С. Хрущева в указанные страны состоялась в ноябре – начале декабря 1955 г. На митинге в Дели Н.С. Хрущев (речи Н.А. Булганина носили сдержанный формальный характер) заявил, что «у советского и индийского народов общим является то, что они – миролюбивые и трудолюбивые народы; обоим народам чужды расизм и колониализм»¹. В ходе другого выступления Хрущев заявил о том, что «Мы радуемся тому, что добились великой исторической победы народы великого Китая, навсегда сбросившие гнет империалистов... Мы радуемся тому, что добились независимости народы великой Индии, на борьбу колониального рабства теперь поднимаются все народы Африки и Азии»².

В Бирме Хрущев сделал аналогичные заявления: «В мире произошли огромные изменения... Колониальная система рушится, несмотря на отчаянные усилия колонизаторов сохранить свое господство в угнетаемых ими странах. Колонизаторы никак не могут примириться с потерей своих позиций в Юго-Восточной Азии и в бассейне Тихого океана». Не ограничившись обращением к теме колониализма, Н.С. Хрущев дал исторический экскурс взаимоотношений СССР со странами Запада в межвоенный период, начиная с Гражданской войны: «Французские интервенты высадились в Одессе, английские – в Архангельске, американские – во Владивостоке... Но этого показалось мало некоторым господам. Они захотели повторения и организовали Вторую мировую войну...»³.

Такого рода заявления не могли не вызвать болезненную реакцию в Лондоне. Остроту негативных впечатлений усиливало оформление Движения неприсоединения. Начало этой организации положила конференция, проходившая в индонезийском городе Бандунге в апреле 1955 г.

¹ Правда. 20 ноября 1955.

² Правда. 24 ноября 1955.

³ Правда. 8 декабря 1955.

Еще в 1954 г. в индийско-китайском соглашении о торговле с Тибетом были изложены принципы мирного сосуществования, известные как «панча шила»: взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета; ненападение; невмешательство во внутренние дела друг друга; равенство и мирное сосуществование. Советское правительство выразило свою поддержку этих принципов в ходе визита Дж. Неру в июне 1955 г. в Советский Союз.

Эти взаимные визиты, в ходе которых лидеры государств обсудили широкий круг вопросов от экономического партнерства до ослабления международной напряженности и разоружения, стороны рассматривали как весьма плодотворные¹.

Сын Н.С. Хрущева в мемуарах оценивал поездку в Индию, Бирму и Афганистан как «триумфальную», венчавшую богатый на официальные визиты европейских и азиатских лидеров в Советский Союз 1955 год². Поведение советских лидеров в ходе поездок в Индию и Бирму подтверждает другое мнение С.Н. Хрущева о том, что первую скрипку в сложившемся правящем дуэте играл именно его отец: «Именно от него исходили все международные инициативы, он диктовал послания руководителям зарубежных стран, но подписывал их, по занимаемой должности Председателя Правительства, Булганин»³.

Однако внутри этого дуэта отношения были непростыми: будучи реально на вторых ролях «Булганин постоянно ощущал некую ущербность, и это непреходящее чувство раздражало его. Он не всегда мог сдержаться, его раздражение подчас прорывалось в реплике, жесте, взгляде»⁴. При этом на официальных мероприятиях стороны уравнивали друг друга – сдержанный

¹ Постановление ВС СССР от 29.12.1955 об итогах поездки Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева в Индию, Бирму и Афганистан. // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938-июль 1956 гг. Под ред. М. Ю. Мандельштам. М., 1956. С. 150-152; В ходе визита в Индию было достигнуто соглашение о строительстве крупного металлургического завода на индийской территории, соглашение о расширении взаимных поставок и об организации регулярного паромного сообщения на паритетных началах между портами СССР и Индией. История дипломатии. В 5 т. Т. 1. Кн. 1. М., 1974. С. 371.

² Хрущев С. Никита Хрущев. Реформатор. М., 2010. С. 256.

³ Он же.

⁴ Он же. Никита Хрущев. Рождение сверхдержавы. М., 2010. С. 100-101.

Булганин не любил выступлений и часто сам просил Хрущева сделать публичные заявления.

Недоумение и недовольство у британских министров вызывало не только обращение советских лидеров к колониальной тематике, но и сама тональность выступлений, резко контрастировавших с заявлениями советского руководства в ходе Женевской конференции, широко освещавшейся прессой и породившей обнадеживающий тезис о «духе Женевы».

При этом А. Иден рассматривал сделанные в азиатских странах заявления не только как стремление советского руководства укрепить свои позиции в освободившихся странах, но и как борьбу за власть в Кремле¹. Невзирая на обеспокоенность текущей внешнеполитической линией Москвы, члены кабинета все же пришли к выводу о том, что приглашение о визите отклонять не нужно.

Между тем в конце 1955 г. произошли важные кадровые изменения в составе британского правительства. Министр иностранных дел Г. Макмиллан покинул свой пост в пользу С. Ллойда и возглавил Казначейство. Такие перемены можно объяснить тем, что Макмиллан еще после отставки У. Черчилля стал основным конкурентом Идена в борьбе за премьерское кресло. Однако удача улыбнулась любимцу Черчилля, лишь на время ослабив соперничество двух политиков. Как свидетельствует А.А. Громыко, Иден рассчитывал, что неопытность нового канцлера казначейства в финансовых вопросах, особенно в условиях сложного экономического положения Великобритании, подорвет политический авторитет Макмиллана². Такие расчеты, однако, не оправдались.

11 января 1956 г. члены кабинета вновь вернулись к обсуждению заявлений, сделанных Булганиным и Хрущевым в Индии и Бирме в конце прошлого года. Реакция на заявления Хрущева и укрепление позиций Советского Союза в азиатских странах в Лондоне была настолько эмоциональной, что для обсуждения сделанных советским руководством «выпадов» были заготовлены подборки

¹ САР 128-29. 6 December 1955. P. 3.

² Громыко А. А. Памятное. Кн. 1. М., 1990. С. 333-334.

выступлений первых лиц СССР аж с 1945 г.¹! Министры выразили сомнение, что на фоне этих «враждебных» заявлений уместно принимать лидеров СССР в Британии. Более того, этот визит, по мнению лорда Солсбери, мог нанести «ущерб по международному престижу Соединенного Королевства и отношениям с колониями» и привести к новому всплеску антибританских заявлений советских лидеров по их возвращению в Москву.

В ходе развернувшейся дискуссии по этому вопросу члены кабинета признали, что за прошедший с 1945 г. период обе стороны позволяли себе «обидные» заявления, и в этом уравнивали друг друга. Британские лидеры в выступлениях внутри страны и за границей неоднократно «свободно комментировали тиранический характер советской системы» и другие ее пороки. Однако при этом министры отмечали, что в условиях наметившейся тенденции к ослаблению международной напряженности императивом выступлений обеих сторон все-таки должно стать смягчение критики в адрес друг друга. В реальности же, делали вывод члены кабинета, советские лидеры перешли к более жестким, чем прежде, заявлениям.

Премьер-министр А. Иден признался, что «много размышлял» над сложившимися обстоятельствами. Приглашение посетить Великобританию, указывал он, было дано в более дружественной атмосфере, и в настоящее время сложилась «деликатная ситуация», когда отмена визита или его подтверждение создавали определённые сложности. В любом случае, считал А. Иден, если визит состоится, то он должен ограничиться обменом мнений по европейским делам.

В связи с предстоящей поездкой в Вашингтон премьер-министр считал необходимым обсудить сложившуюся ситуацию с президентом Д. Эйзенхауэром и дать инструкции британскому послу в Москве выразить неудовлетворение заявлениями, сделанными советскими лидерами в азиатских странах.

В результате дискуссий в кабинете было принято решение не отзываться приглашение и подготовить визит советских лидеров – известных на Западе как

¹ CAB 128-30. 11 January 1956. P. 5.

“В & К” от первых букв фамилий – в Соединенное Королевство, даже рискуя быть неправильно понятыми «в азиатских или других странах». Тем более что отмена приглашения, как отмечал министр иностранных дел С. Ллойд, могла быть использована советскими лидерами против Британии. В то же время было решено, что если недружественные выступления советских лидеров продолжатся, то следует еще раз вернуться к рассмотрению этой ситуации¹.

16 февраля кабинет вновь вернулся к этому вопросу. Посол Британии в Москве, согласно полученным инструкциям, получил объяснения по поводу заявлений, сделанных советскими лидерами в Индии и других странах. Посол должен был выяснить, являются ли «эти атаки на Соединенное Королевство свидетельством произошедшей перемены в советской политике». Н.А. Булганин ответил, что вызвавшие неудовольствие Лондона моменты в заявлениях были «отсылкой к прошлому и не преследовали цели нарушить нынешние англо-советские отношения» и что «советское правительство заинтересовано в улучшении отношений с Великобританией»².

«Дал добро» на визит советских лидеров в Великобританию в ходе встречи с премьер-министром Иденом в Вашингтоне президент США Д. Эйзенхауэр. Хотя в реальности в Белом доме и Госдепартаменте без восторга воспринимали визит советского руководства в Британию. Против визита были настроены и такие британские политики как У. Черчилль, лорд Солсбери и другие.

Доступные на Ютьюбе видеоролики и фотографии приема советской делегации лишней раз доказывают, что пригласившая сторона постаралась придать визиту как можно более закрытый характер. Такое стремление, тем не менее, не создало существенных препятствий для обсуждения сторонами широкого круга вопросов, хотя и являлось симптоматичным моментом.

Накануне визита советская дипломатия ставила задачи обсудить проблемы коллективной безопасности и германский вопрос, достичь двусторонних

¹ Ibid. P. 5-6.

² CAB 128-30. 16 February 1956. P. 6.

договоренностей в области мирного использования атомной энергии, расширения торговли и британо-советских культурных отношений¹.

Для государственного визита после долгих обсуждений было решено плыть на новейшем в то время крейсере «Орджоникидзе», недавно вступившим в строй и развивавшим большую скорость.

14 апреля 1956 г. Н.А. Булганин и Н.С. Хрущев выехали из Москвы в Калининград, откуда они отбыли в Англию. 18 апреля крейсер прибыл в г. Портсмут, где на пристани играл военный оркестр, находились британские моряки и фотокорреспонденты. В столицу советские лидеры прибыли на поезде, где на станции Виктория их встречали премьер-министр А. Иден, министр иностранных дел С. Ллойд и другие представители дипломатического корпуса Британии.

Н.А. Булганин в приветственном слове призвал к мирному сосуществованию двух стран. «Социальные и политические системы, - заявил он, - в наших странах различны, но при условии разумного понимания того факта, что мы вынуждены жить вместе на одной планете, различия в политической структуре не должны помешать нам жить как добрые соседи, активно сотрудничая и укрепляя наши отношения»².

19 апреля, на следующий день после прибытия советской делегации, премьер-министр коротко проинформировал членов правительства о встрече советских лидеров. Неформальный разговор с прибывшими лидерами, сообщил Иден, проходил в «весьма сердечной» атмосфере, и в основном касался Ближнего Востока³. Формальная встреча ждала участников позднее.

Десятидневный визит – первый в истории советско-британских отношений – был преимущественно наполнен официальными встречами, включая прием у Королевы Елизаветы II в Виндзоре, беседы в официальной и загородной

¹ Подробнее: Капитонова Н. К. Визит Н. С. Хрущева и Н. А. Булганина в Великобританию в 1956 г. (по архивам Президента РФ и МИД РФ). // Новая и новейшая история. 2010. №6. С. 114.

² The Times. 19 April 1956.

³ САВ 128-30. 19 April 1956. P. 3.

резиденциях премьер-министра, посещение обеих палат парламента, Королевского морского колледжа в Гринвиче, оперного театра Ковент-Гарден, центра по изучению атомной энергии, поездки в Оксфорд, Бирмингем и Эдинбург.

Визит не обошелся без трагического инцидента, все обстоятельства которого доподлинно неизвестны до сих пор, несмотря на многочисленные публикации и телепередачи на эту тему. Инцидент был связан с гибелью подводника, пытавшегося произвести обследование днища и винтов корабля. У советского руководства возникло опасение, что это действия британских разведчиков, пытавшихся выяснить технические параметры корабля, но рассматривалась также версия о возможном минировании крейсера.

Представители советской делегации поставили в известность принимающую сторону, но премьер-министр А. Иден заверил, что власти не имеют отношения к действиям неизвестного подводника по обследованию корабля. Однако вскоре недалеко от Портсмута был обнаружен обезглавленный труп капитан-лейтенанта Крэбба, прославленного в годы Второй мировой войны британского подводного пловца. В правительственных кругах этот инцидент вызвал широкий резонанс. А. Иден вынужден был выступить в Палате общин и заявить, что правительство не было информировано об операции Крэбба и соответственно не могло ее санкционировать.

Этот трагический эпизод не оказал заметного влияния на ход переговоров, так же как скандальный эпизод, связанный с приемом советской делегации лейбористами. На этом приеме лидеры лейбористов обрушились с критикой на советские власти и попытались передать списки оставшихся в тюрьмах в восточноевропейских странах социал-демократов с тем, чтобы советское руководство рассмотрело вопрос об их дальнейшей судьбе. Хрущев в эмоционально резкой форме осудил эту просьбу, и завязалась острая полемика. Прием был сорван, но заметного влияния на дискуссии с официальным правительством этот эпизод, разумеется, не имел. Сторонам удалось обсудить все

запланированные вопросы – проблемы двусторонних отношений, вопросы безопасности, отношения на Ближнем и Среднем Востоке, в Азии, вопросы разоружения и колониализма.

27 апреля советская делегация отбыла из Англии. Накануне 26 апреля премьер-министр на заседании дал обстоятельный анализ подходившего к концу визита советских лидеров.

В советских и британских оценках прошедшего визита почти не было разночтений, обе стороны в целом выражали удовлетворение итогами визита.

А. Иден в целом оценил переговоры как «полезные» и прошедшие «в духе искренности и реализма»¹. По таким вопросам как Германия или Дальний Восток, считал он, пока очевидно нет основы для заключения соглашения. По другим вопросам – таким как Ближний Восток, разоружение, торговые и культурные контакты – были достигнуты конкретные результаты, которые стороны намеревались озвучить в официальном заявлении. Никаких уступок, подчеркивал Иден, советскому правительству не было сделано. Такая формулировка символична. Премьер-министр по-прежнему не доверял Советскому Союзу, считая, что риторика Хрущева о мирном существовании не более чем тактический ход, не имеющий отношения к долгосрочной стратегии.

По Ближнему Востоку было сделано официальное заявление от имени двух правительств о том, чтобы не допустить усиления напряженности в районе Газы, стремиться к прекращению гонки вооружений во всех районах мира и поддерживать ООН в поиске мирного урегулирования отношения между Израилем и арабскими государствами. Декларация не содержала конкретных ограничений по поставкам оружия на Ближний Восток, что было важно для британской стороны, осуществлявшей поставки вооружений в Ирак. Советская сторона выразила в ходе переговоров беспокойство существованием Багдадского пакта. Британские политики заверили советских лидеров, что по мере ослабления международной напряженности в регионе можно ожидать усиления

¹ САР 128-30. 26 April 1956. P. 6.

экономической составляющей организации в противовес оборонительной, что звучало малоубедительно.

В свою очередь, беспокойство британской стороны вызывали переговоры Йемена с Советским Союзом о поставках оружия. А. Иден вспоминал, что в ходе переговоров прямо заявил советским лидерам, что «если потребуется, мы будем воевать за нефть», имея в виду позиции Британии в нефтеносных районах Ближнего Востока. Однако большого впечатления эти «угрозы» на советских лидеров не произвели¹.

По вопросу о вооружениях оба правительства заявили в декларации, что они будут стремиться к сокращению конвенциональных сил и вооружений в рамках международного контроля. По ядерным вооружениям обе стороны разделяли мнение, что «менее ответственные» страны под видом развития атомной энергетики в мирных целях могут разрабатывать свои ядерные программы. Предотвратить такие события могло только запрещение атомного оружия, однако представители советской делегации, как указывал Иден, не проявили большой заинтересованности в этом вопросе. При этом советская сторона выразила сомнение в эффективной деятельности подкомитета ООН по разоружению.

В области торговых отношений советская сторона предложила расширение двусторонней торговли, настаивая на отмене контроля в торговле стратегическими товарами. Советская делегация выразила желание увеличить закупки в Великобритании промышленных и сырьевых товаров, оборудования, судов на сумму в 10-11 млрд. руб. в 1956-1960 гг. Британская сторона напомнила, что часть товаров, включенных в представленный список, подпадает под действие ограничений на торговлю с СССР, обязательных для всех членов НАТО². А. Иден при этом убеждал, что даже при таких ограничениях возможно увеличение

¹ Цит. по: Aster S. Anthony Eden. N.Y., 1976. P. 137.

² Архивы Кремля. Президиум ЦК КПСС 1954–1964. Т.1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Гл. ред. А. А. Фурсенко. М., 2003. С. 938.

объемов товарооборота. Такой ответ вызвал разочарование у советской делегации¹.

В области культурных контактов была подготовлена отдельная декларация. В ходе переговоров британская сторона дала понять, что значительного улучшения двусторонних отношений в этой сфере не следует ожидать, пока в Британии существуют «дружественные коммунистам организации», наподобие соответствующих профсоюзных и других ассоциаций².

7 июня 1956 г. премьер-министр сообщал членам кабинета, что советские лидеры сделали ему ответное приглашение посетить Советский Союз без указания конкретной даты. А. Иден сомневался, выбирая между осенью 1956 г. и весной 1957 г. Наиболее предпочтительным временем для ответного визита он считал апрель или май следующего года³.

Советские оценки прошедшей встречи в целом носили благожелательный характер, но имелись и замечания. 3 мая 1956 г. на заседании Президиума ЦК КПСС отмечалось, что программа, составленная принимающей стороной, лишь в малой степени учитывала пожелания советской стороны о посещении промышленных предприятий и встречах с рабочими⁴.

Замечание было справедливым: после разбора речей Хрущева в Индии и Бирме британское правительство приняло решение о сокращении программы визита. В окончательной программе от 22 марта предусматривалось посещение фактически лишь одного предприятия – завода компании «Бритиш мотор корпорейшн» в Бирмингеме – одном из крупных в стране центров автомобилестроения и металлообработки.

Н.С. Хрущев произнес в Бирмингеме речь, стилистика которой не отличалась от его уже ставших типичными воинственных выступлений: призвав к мирному сосуществованию и расширению торговых связей, он в то же время

¹ Там же. С. 938-939.

² САВ 128-30. 26 April 1956. P. 7.

³ САВ 128-30. 7 June 1956. P. 3.

⁴ Архивы Кремля. Президиум ЦК КПСС 1954–1964. Т. 1. Черновые протокольные записи ... С. 126-127; 937.

напомнил, что «Советский Союз первым взорвал водородную бомбу, сбросив ее с самолета»¹. Подобная риторика уже не была сюрпризом для британской стороны.

В целом достигнутые в ходе визита договоренности имели ограниченный характер, многие вопросы не удалось разрешить (расширить торговые связи, заключить новый англо-советский договор взамен аннулированного Москвой договора 1942 г.), но были обозначены позиции сторон по таким важным вопросам как дела в ближневосточном регионе, разоружение и разрядка и другие.

Визит продемонстрировал важность мировоззренческого фактора в двусторонних отношениях Лондона и Москвы и в целом в отношениях СССР и западных стран. К сожалению, на этот фактор исследователи обращают незаслуженно мало внимания. Сын Н.С. Хрущева С. Хрущев, входивший в состав делегации, в мемуарах отмечает, что недопонимание между Москвой и Лондоном, возникавшее как на этапе подготовки к визиту, так и в ходе переговоров, объяснялось тем, что «слишком мало мы знали о внешнем мире, мерили все на свой аршин»².

То же самое можно было сказать и о Британии. Сказывались ментальные и исторические различия Европы и России, по-разному представлявших и воспринимавших действия друг друга. Эти различные ценностные установки, на которые указывал еще У. Черчилль, ссылаясь на свое письмо И. Сталину в речи 1953 г., имели большое значение для установления диалога и движения к разрядке. Визит советской делегации способствовал лучшему узнаванию сторонами друг друга, и сложно согласиться с той точкой зрения, что англо-советская встреча «ничего нового не добавила к уже достигнутому в Женеве»³. Хотя разрядка в 1950-е гг. так и не состоялась, первые шаги к ней были сделаны.

¹ Smith M.B. Peaceful Coexistence at all costs: Cold War exchanges between Britain and the Soviet Union in 1956. // Cold War History. Vol. 12. No 3. August 2012. P. 537.

² Хрущев С. Никита Хрущев. Рождение сверхдержавы. М., 2010. С. 94.

³ См. например: Aster S. Anthony Eden. N.Y., 1976.

Британское руководство приняло приглашение посетить Советский Союз в мае 1957 г., однако события, вызванные Суэцким кризисом, воспрепятствовали ответному визиту.

2.3 Суэцкий кризис 1956 г. и его влияние на внешнюю политику Великобритании

Ближневосточные дела, несмотря на первоначальное желание А. Идена ограничиться обсуждением только ситуации в Европе, имели большое значение в переговорах с советскими лидерами. Такое положение дел отражало возросшую заинтересованность двух стран в делах региона.

Для Великобритании регион Ближнего и Среднего Востока имел приоритетное значение. Британская империя достигла своих наибольших размеров в период между двумя Мировыми войнами. Получив от созданной в 1919 г. Лиги наций мандаты на управление Палестиной, Трансиорданией и Ираком, Британия стала владеть важными не только в экономическом, но, прежде всего, в стратегическом отношении территориями.

Особое место в британской Ближневосточной политике занимал Египет. После оккупации страны в 1882 г. британскими войсками Египет фактически превратился в сферу влияния Великобритании. В начале 1920-х гг. британское руководство под напором национально-освободительного движения было вынуждено отказаться от установленного в начале Первой мировой войны протектората над Египтом. Формально эта страна получила независимость, но фактически Британия сохранила в стране свое политическое влияние и военные позиции.

Значимость страны для Великобритании определялась не только ее географическим положением. По территории Египта проходила коммуникация мирового значения - Суэцкого канала. Однако судоходство по каналу регулировали Великобритания и Франция в рамках Всеобщей Кампании морского

Суэцкого канала, в то время как Египет за пользование каналом, находящимся на его территории, платил такие же пошлины, как и другие государства за прохождение своих судов. Кроме того, в зоне канала на 20 лет согласно договору от 1936 г. оставались британская военная база и британские войска. В экономическом отношении канал позволял значительно сократить расстояние между европейскими портами и портами стран бассейна Индийского и Тихого океанов (путь вокруг Африки мимо мыса Доброй Надежды потерял былое значение). Также по Суэцкому каналу осуществлялись значительно возросшие после Второй мировой войны поставки ближневосточной нефти в Европу и объемы пассажирских перевозок, в том числе войск, переправляемых из европейских метрополий во Вьетнам, Индонезию, Бирму и другие страны Юго-Восточной Азии.

В 1952 г. к власти в Египте пришла оппозиция во главе с полковником Г.А. Насером. Монархия, лояльная британским властям, пала, и была провозглашена республика.

В июне 1956 г. Великобритания вывела войска из Египта, но база в зоне канала продолжала действовать до истечения срока соглашения, заключенного в 1954 г. на 7 лет. Примечательно, что в меморандуме министра иностранных дел, А. Идена, подготовленном еще в конце октября 1952 г., эта база рассматривалась как «хотя и желательная», но «не абсолютно необходимая». Однако, исходя из вопросов снижения расходов по быстрой ликвидации базы, было решено оставить в соглашении 1954 г. пункт о сохранении базы до 1961 г.¹

Тем временем молодая египетская республика в лице президента Г.А. Насера поставила задачу по созданию сильной боеспособной армии (военные расходы увеличилась с 18 до 25 % бюджета страны²), необходимой для отражения возможной израильской агрессии. Летом 1954 г. было достигнуто соглашение с Соединенными Штатами о поставках оружия Египту, но в начале февраля 1955 г.

¹ BDEE. Series A. Vol. 3. The Conservative Government and the End of Empire. 1951-1957. Part I. L., 1994. P. 118.

² Churchill R. The Rise and Fall of Sir Anthony Eden. L., 1959. P. 231.

произошло первое крупное нападение Израиля на Египет в районе Сектора Газа. Нападению подверглись казармы египетских частей, расквартированных в этом палестинском районе, попавшем после перемирия 1949 г. под административное управление Египта. В результате рейда было убито несколько десятков египетских солдат и офицеров, много мирных жителей. Тель-Авив продемонстрировал, что Каир ничего не может противопоставить нападающей стороне из-за отсутствия современного оружия¹. Насеру срочно потребовалось вооружение в большем объеме на случай войны с Израилем. Однако правительство США выдвинуло условия, неприемлемые для египетского руководства².

В начале марта 1955 г. А. Иден на заседании кабинета министров изложил свои впечатления от посещения столиц ближневосточных стран по пути на конференцию участников Манильского договора в Бангкоке. По итогам визита в Каир он пришел к мнению, что недавний инцидент в Газе делает сближение Египта и Израиля пока невозможным³. В течение весны-осени 1955 г. вооруженные конфликты на границе в районе Газы следовали непрерывно одно за другим⁴.

В этих условиях Г.А. Насер обратился с просьбой о продаже оружия к Советскому Союзу, которого привлекала возможность усилить свое влияние на Ближнем Востоке. Перед тем как предпринять этот шаг, президент Египта несколько раз безуспешно обращался к правительствам США и Великобритании за помощью в решении этого вопроса⁵.

Советско-египетское сближение началось в 1953 г. В конце 1953 – начале 1954 гг. Каир направил в СССР и некоторые страны народной демократии экономическую делегацию во главе с заместителем военного министра генералом

¹ Беляев И. П., Примаков Е. М. Указ. соч. С. 263.

² Churchill R. Op. cit. P. 229.

³ САВ 128-28. 7 March 1955. P. 3.

⁴ Внешняя политика стран Ближнего и Среднего Востока. М., 1984. С.86.

⁵ Nottle R., Polk W. Toward the Policy for the Middle East. // Foreign Affairs. 1958. Vol. 36. No 4. P. 654-655.

Рагабом¹. Летом 1954 г. Москва и Каир обсудили вопрос об оказании Советским Союзом финансовой и технической помощи Египту в строительстве крупной ирригационной системы в районе Асуана на сумму свыше 1 млрд. инвалютных рублей. Однако когда советская сторона заявила о необходимости предварительного ознакомления советских специалистов с объектом работ на месте, египетское правительство уклонилось от предоставления разрешения на эти мероприятия².

С осуществлением масштабного Асуанского проекта Г.А. Насер связывал развитие промышленности и сельского хозяйства в стране. Строительство на реке Нил выше г. Асуан высотной плотины с мощной гидроэлектростанцией и создание разветвленной оросительной системы могло позволить Египту увеличить площадь культивируемых земель до 800 тыс. га и наладить производство электроэнергии для промышленных предприятий. Значение проекта для Египта было очень велико, но финансировать его самостоятельно Каир не имел экономических возможностей.

Не проявив твердой заинтересованности на том этапе в советской помощи в строительстве Асуанской плотины, Г.А. Насер прозондировал почву в СССР на предмет продажи оружия. Москва и Каир с целью сохранения секретности военной сделки, провели ее через покупку оружия у одной из стран народной демократии. В сентябре 1955 г. было заключено соглашение с Чехословакией о поставках оружия Египту в обмен на хлопок, который являлся основной экспортной статьей страны.

Хотя Н.С. Хрущев и Н.А. Булганин в Лондоне не взяли прямого обязательства отказаться от военной помощи Египту, заинтересованность советского руководства в улучшении отношений с западными странами заставляла Насера искать обходные пути. В советско-египетских отношениях

¹ Ближневосточный конфликт: Из документов архива внешней политики РФ, 1947-1967 гг. в 2 тт. / Отв. ред. В. В. Наумкин. Т. 1. М., 2003. С. 304-305.

² Там же. С. 305.

после поездки советской делегации в Британию наступило охлаждение. Насер сделал шаг к сближению с Китаем, признав КНР 16 мая 1956 г..

Двусторонние советско-египетские отношения были улучшены в ходе поездки нового министра иностранных дел СССР Д.Т. Шепилова в Каир в июне 1956 г. Турне по странам Ближнего Востока – кроме Египта новый глава советского МИДа посетил Сирию и Ливан - стало первой крупной зарубежной поездкой недавно назначенного министра¹. В ходе визита в Каир год спустя уже в качестве министра иностранных дел Д.Т. Шепилов дал понять Г.А. Насеру, что СССР мог бы оказать содействие Египту в строительстве Асуанской плотины, металлургического комбината и развитии машиностроительной отрасли. Эти предложения были составной частью советской линии на укрепление партнерских связей, хотя в этот период арабские государства еще опасались «чрезмерного сближения с Москвой»².

В конце 1955 г. свою помощь в осуществлении Асуанского проекта предложили США и Великобритания. Стоимость строительства плотины оценивалась в 1,4 млрд. долл., включая 400 млн. в твердой валюте, из которых Международный Банк Реконструкции и Развития (МБРР) должен был предоставить 200 млн. долл, США и Великобритания – соответственно 56 и 14 млн. долл. сразу, а остальные 130 млн. долл. позднее³.

Однако по мере сближения Египта с Советским Союзом, особенно на фоне военного сотрудничества, эта помощь стала обуславливаться разными оговорками и условиями. 17 июля на заседании кабинета глава Форин оффис С. Ллойд и вовсе

¹ Известный специалист-ближневосточник, дипломат и политик Е. М. Примаков относил улучшение советско-арабских связей и конкретнее – советско-египетских – к заслуге лично Д. Т. Шепилова, профессиональные и личные качества которого характеризовал исключительно в комплементарных выражениях. В 1955 г. Д. Т. Шепилов, занимавший тогда пост секретаря ЦК КПСС и являвшийся главным редактором газеты «Правда», прибыл в составе советской делегации в Каир на празднование третьей годовщины революции. Он был «очарован» восточным обаянием Насера, внимательно и с неподдельным интересом слушал его выступление. Шепилов уже тогда воспринял египетского президента как возможного партнера СССР, что расходилось с общим скептическим взглядом советского руководства на Египет, еще вчера лояльного империалистической Британии. Подробнее см.: Примаков Е. М. Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами. М., 2016. С. 77-78.

² Абрамов Н. А. К 200-летию МИД России. Шепилов Дмитрий Трофимович. // Дипломатический Вестник. 2002. №8. С. 138.

³ Sked A., Cook C. Post-war Britain. A. Political History. N.Y., 1979. P. 145.

рекомендовал отозвать сделанное предложение о финансовой помощи Египту в строительстве Асуанской плотины¹.

Отказ предлагалось мотивировать тем, что «в свете обязательств Египта по расходам на вооружение и военные сооружения, строительство плотины, даже с учетом иностранной помощи, лежит за пределами возможностей Каира». При этом С. Ллойд прогнозировал, что такое решение неизбежно приведет к ухудшению отношений с Насером и, возможно, к серьезным последствиям для британской торговли².

Причинами отказа Британии финансировать проект стал комплекс факторов. Среди них важную роль действительно играли экономические причины. Правительственные эксперты сомневались в способности Каира вернуть огромный заем, предоставить который стесненная в средствах страна была готова только в обмен на лояльность насеровского режима, рассчитывать на которую в сложившихся условиях не приходилось.

Определённую роль сыграли также слухи о финансировании строительства плотины Москвой³. Немаловажным был и тот факт, что «хлопковое лобби» в Сенате было против расширения Египтом посевных площадей для выращивания хлопка⁴. Решение Насера установить дипломатические отношения с КНР, возможно, также сыграло определенную роль в отказе США финансировать проект. Как следствие, США, а вслед за ними Великобритания и МБРР аннулировали свое согласие на оказание финансовой поддержки Египту.

От Советского Союза каких-либо официальных предложений египетскому правительству по оказанию финансовой помощи, как показывают документы, не поступало. В телеграмме в Министерство иностранных дел СССР советский

¹ CAB 128-30. 17 July 1956. P. 3.

² Ibid. P. 3-4.

³ Aster S. Anthony Eden. Introduction by A. J. P. Taylor. N.Y., 1976. P. 141-142. Глава ЦРУ США А. Даллес озвучил не соответствующую действительности информацию о том, что Д. Т. Шепилов во время своего Ближневосточного турне предложил Египту помощь в виде беспроцентного займа в 400 млн. долл. при аннулировании долга за военные поставки. Запущенная дезинформация «преследовала цель распространить блоковую конфронтацию на ближневосточный регион» и пресечь попытки Насера использовать противостояние двух сверхдержав в собственных интересах. См. подробнее: Филитов А. М. Д. Т. Шепилов: министр – неконформист. // Известные дипломаты России: министры иностранных дел. XX век. Колл. авт. М., 2007. С. 365.

⁴ Lloyd T. Empire to Welfare State. English History. 1906-1976. L., 1979. P. 337.

посол в Египте Е. Д. Киселев в мае 1956 г. сообщал, что «Насер...очень хотел получить помощь СССР в деле индустриализации страны»¹. Советское правительство инструктировало посла, что в случае, если Г. А. Насер затронет этот вопрос, следует высказать мысль о несвоевременности Асуанского проекта «ввиду дороговизны, а также в связи с тем, что экономическое развитие Египта в настоящее время требует разрешения других неотложных задач по индустриализации страны». В случае же, если египетское правительство будет настаивать на «немедленном строительстве Асуанской плотины ...следовало бы обсудить вопрос ... об оказании группой стран социалистического лагеря ...помощи Египту ...на коммерческих, но льготных началах»².

Посол выполнил эти инструкции. 21 июля 1956 г. в ходе беседы с Е. Д. Киселевым Насер действительно затронул вопрос об Асуанском проекте, указав на то, что после достигнутых договоренностей о финансировании проекта США и Великобритания стали настаивать на ряде предварительных условий. Реакция Насера была негативной: «Мы решили, что 5000 лет жили без Асуанской плотины, проживем и 5005 и 5010 лет без нее... Мы хотели приступить к строительству в июне 1956 г., если бы не эти неприемлемые условия»³.

Насер прямо намекал на желательность советской помощи, однако такого предложения от Советского Союза не последовало. Возможно, советское руководство считало более приемлемым обсудить этот вопрос в ходе предстоявшей поездки Г.А. Насера в Москву, накануне которой в советском МИДе рассчитывали на заключение договора о дружбе и невмешательстве во внутренние дела друг друга. Египет сдержанно отнесся к этой идее⁴.

Не получив помощь ни от западных стран, ни от СССР, Г.А. Насер решил опереться на свои силы. 26 июля 1956 г. на митинге в Александрии, посвященном четвертой годовщине революции он объявил о национализации Всеобщей

¹ Ближневосточный конфликт... Т. 1. М., 2003. С. 414-416.

² Там же. С. 452-453.

³ Там же. С. 453-454.

⁴ Там же. С. 454.

компании морского Суэцкого канала. Доходы от Суэцкого канала, равные, по оценкам президента Г. А. Насера, 34 млн. ег.ф. в год (из которых Египет получал не более 1 млн. ф. ст.), составляли почти 10 % оценочной стоимости всей программы строительства плотины на Ниле¹.

В выступлении египетский лидер подчеркнул, что Всеобщая компания, являющаяся своеобразным «государством в государстве» переходит под непосредственное управление египетского правительства, как и ее доходы, на которые Египет собирается осуществлять масштабный проект строительства Асуанской плотины².

Г. А. Насер обосновал свой шаг тем, что Суэцкий канал находится внутри территории страны, и что пришло время «провозгласить египетскую «Декларацию независимости от империализма». Такая позиция свидетельствовала о сложности и неоднозначности происходящих событий. Национализация канала затрагивала не только непосредственно интересы Египта, Британии, Франции и других пользователей канала: она символизировала происходящее изменение соотношения сил в регионе в пользу набиравших силу ближневосточных государств.

С юридической точки зрения национализация канала не была нарушением международных норм. Канал проходил по территории Египта и принадлежал египетскому правительству, о чем говорилось в англо-египетских договорах от 1936 г. и 1954 г., по которым Британия признавала, что Суэцкий канал является «нераздельной» и «неотъемлемой» частью Египта³.

Ситуацию, на первый взгляд, осложняло то обстоятельство, что на Суэцкий канал распространялось два разных документа. Соглашение о концессии, заключенное Ф. де Лессепсом с турецким хедивом в 1854 г., предусматривало передачу управления каналом Франции на 99 лет, считая со дня его открытия.

¹ Примаков Е. М., Арутюнов Р. А. Поучительный урок. М., 1957. С. 4-6.

² Насер Г. А. Проблемы египетской революции. Избранные речи и выступления. 1952-1970. М., 1979. С. 29-32.

³ Суэцкий канал. Сборник документов. М., 1957. С. 62, 91-92, 3-13.

Поскольку открытие канала состоялось в 1869 г., то срок концессии истекал в 1968 г., когда права на пользование каналом вновь переходили к египетскому правительству. Национализация канала, произведенная Насером на 12 лет ранее срока, предусмотренного в соглашении о концессии, учитывая факт обещания Насера выплатить акционерам компании «возмещение по котировочной стоимости акций на парижской бирже ценных бумаг в день, предшествующий вступлению в силу настоящего закона», не вызывала юридических вопросов¹.

Вторым документом, касавшимся непосредственно работы Суэцкого канала, была Константинопольская конвенция 1888 г. Главный смысл конвенции сводился к тому, что стороны обязывались держать канал открытым для прохода всех коммерческих или военных судов как в военное, так и в мирное время и никогда не блокировать его². Насер, не закрыв канал и обеспечив его бесперебойную работу, не нарушал, юридически, и этот документ.

Антибританская риторика выступлений Насера, который оказывал определенное воздействие на мышление отдельных арабских и азиатских государств, осложняла непростые англо-египетские отношения. Вывод британских войск из Египта, как отмечали в Форин оффис, «значительно усилил престиж и амбиции режима Насера и дал Египту физическую способность закрыть Суэцкий канал»³.

Анализируя эти неблагоприятные для военно-стратегических и экономических позиций Великобритании реалии ближневосточного региона, британские чиновники в то же время констатировали усиление экономической зависимости Соединенного Королевства от нефтяных поставок с Ближнего Востока. В Форин оффис также отмечали, возросшее напряжение в отношениях с Вашингтоном «из-за сильного сионистского движения и конкурентных коммерческих интересов относительно нефти»⁴.

¹ Там же. С. 114-115.

² Там же. С. 46-51.

³ BDEE. Series A. Vol. 3. Pt. I. L., 1994. P.157-158.

⁴ Ibid. P. 158.

Реакция Великобритании на решение Насера была очень бурной. Консерваторы осудили акт египетского президента, считая его действия несовместимыми с договором о концессии 1854 г. и Константинопольской конвенцией о свободе мореплавания 1888 г.

Для изучения сложившейся ситуации в рамках кабинета министров был создан Комитет по Суэцкому каналу. Уже на следующий день после объявления национализации Комитет изложил свои оценки возможных действий Британии в отношении Египта. Блокирование египетских стерлинговых счетов, считали авторы меморандума, не нанесет значительного экономического ущерба стране, учитывая, что Каир будет получать доходы от продажи хлопка странам Советского блока. При этом признавалось, что «египтяне не уступят только под экономическим нажимом», следовательно, «на них должно было быть оказано максимальное политическое давление»¹.

С этой целью «для защиты интересов Компании Суэцкого канала и обеспечения свободы судоходства по каналу» предполагалось представить дело «на более широкой международной основе», выдвинув в качестве аргументов положения, что «канал представляет жизненно важную связь между Востоком и Западом и его важность как международного водного пути признана в Конвенции 1888 г.»².

Таким образом, к решению Суэцкого вопроса планировалось привлечь заинтересованные в судоходстве по каналу страны и мировую общественность, которых Британия собиралась убедить в наличии угрозы свободному судоходству по каналу и в необходимости его возвращения под международный контроль. В качестве последнего средства давления на Египет авторы доклада допускали использование силы³. Такое намерение отражали высказывания как самого премьер-министра А. Идена в тот период, так и членов так называемой Суэцкой группы.

¹ Ibid. P. 165-166.

² Ibid. P. 166.

³ Ibidem.

Во главе Суэцкой группы, сложившейся в парламенте в 1952-1953 гг¹. и насчитывающей к 1956 г. около 100 человек из 345 членов фракции консерваторов в Палате общин, стоял видный парламентский деятель консервативной партии капитан Ч. Уотерхауз. Кроме того, членами группы состояли такие заметные политические деятели как Дж. Эмери, Г. Макмиллан, лорд Солсбери, Э. Фелл, Дж. Биггс-Дэвисон, Э. Мод, Р. Черчилль². Наиболее воинственную позицию в правительстве по Суэцкому вопросу, по свидетельству Верховного Комиссара Индии в Великобритании В.Л. Пандит (сестры Дж. Неру), занимали лорд Солсбери и Г. Макмиллан. Солсбери заявил, что поражение Британии в Суэцком вопросе опасно не столько само по себе, сколько его последствия. Если британское руководство не отстоит свои позиции, даже прибегнув к применению силы, то страна будет отброшена на положение второстепенной державы. На карту, убеждал он, поставлено будущее Великобритании как великой державы³.

Суэцкой группе противостояла численно меньшая группировка (около 30 чел.), придерживавшаяся позиции так называемого современного консерватизма или антисуэцкая группа. По мнению ее сторонников, Британия должна считаться с реальной обстановкой и признать, что в англо-американском союзе она может играть только подчиненную роль «младшего партнера». Среди «современных» или «молодых» консерваторов особенно выделялись вторая после премьер-министра фигура в правительстве Р. Батлер, заместитель министра финансов Э. Бойл, заместитель министра иностранных дел А. Наттинг, бывший генеральный прокурор А. Нилд и другие⁴.

А. Иден, выступая в Палате общин на следующий день после национализации, сделал заявление, в котором осудил действия Насера как нарушающие судоходство по каналу и права пользователей каналом, в котором

¹ Gamble A. The Conservative Nation. N.Y., 1974. P. 247.

² Пелипась М. Я. Скованные одной цепью... С. 201, 315.

³ Ближневосточный конфликт... Т. 1. М., 2003. С. 485.

⁴ Scardon Ph. C. A Lesson for Our Times: How America kept Peace in the Hungary-Suez Crisis of 1956. Commemorating an Historic Turning Point in the Cold War. N.Y., 2010. P. 639.

заинтересованы многие государства. При этом премьер-министр отметил, что «ситуация должна быть урегулирована с осторожностью...»¹. Глава правительства, видимо, осознавал всю сложность и важность возникшего вопроса для его политической карьеры в условиях сильного давления членов Суэцкой группы.

Лейбористы и либералы, так же как и консерваторы, осудили национализацию Компании Суэцкого канала. Лидер лейбористской партии Х. Гейтскелл был «глубоко потрясен своевольным и абсолютно не имеющим оправдания шагом египетского правительства», заявив 2 августа, что «Насер стремится создать Арабскую империю от Атлантики до Персидского залива...». К. Дэвис, лидер либеральной партии, описал национализацию канала как «прискорбный акт»².

В течение последовавшего за национализацией компании времени конфликт расширялся. 28 июля 1956 г. Великобритания и Франция объявили о том, что они заморозили египетские стерлинговые счета и активы бывшей компании Суэцкого канала (США сделали то же самое 31 июля) «до выяснения вопроса владения компанией и разрешения возникшей ситуации». Через два дня они провозгласили эмбарго на поставку вооружений Египту³. Премьер-министр Великобритании А. Иден и премьер-министр Франции Ги Молле были воодушевлены тем фактом, что госсекретарь США Дж. Ф. Даллес также, казалось, оскорблен предпринятым шагом Египта.

Британские и французские политики рассматривали Насера как нарушителя международного права и порядка, который угрожал безопасности всего Западного мира, и сравнивали решение Насера с поведением Гитлера и Муссолини в 1930-е гг., заявляя, что Мюнхенское умиротворение 1938 г. нельзя допустить вновь⁴.

¹ Churchill R. Op. cit. P. 236.

² Idem. P. 234-237.

³ Idem. P. 247.

⁴ Цит. по: Stoessinger J. The might of nations: World politics in our time. N.Y., 1973. P. 122.

На заседании кабинета 1 августа министры признали, что в сложившейся ситуации нет оснований апеллировать к тому, что Насер действовал юридически незаконно. Но следует представить дело таким образом, что Суэцкий канал – важный морской путь международного значения, в котором заинтересованы многие страны, поэтому нельзя позволить Насеру использовать канал исключительно для внутренних целей страны¹.

Эти же соображения в тот же день А. Иден изложил в письме президенту США Д. Эйзенхауэру, подчеркнув, что сложившаяся ситуация касается не только влияния Британии, но и Соединенных Штатов на Ближнем Востоке. Иден подчеркнул, что нельзя позволить «втянуть себя в игры относительно выяснения законности решения египетского правительства национализировать то, что технически является египетской компанией, и в финансовые разбирательства по выяснению вопроса возможности Египта выплатить компенсацию, которую Насер пообещал бывшим акционерам компании Суэцкого канала». В том же письме Иден сообщил Эйзенхауэру о готовности Великобритании применить, как последнее средство, силу, указав, что уже «проинструктировал главу Военного штаба подготовить план вооруженных действий»².

Президент США Д. Эйзенхауэр в ответном письме британскому премьер-министру отметил, что использование силы «может быть необходимым» только в том в случае, если мировой общественности будет продемонстрировано, что все другие средства урегулирования конфликта исчерпаны. В данный же момент военные меры в отношении Египта он считал «неразумными» и предлагал сосредоточиться на организации конференции стран, поставивших свои подписи под Константинопольской конвенцией 1888 г. и стран, заинтересованных в пользовании каналом в настоящий момент³.

Осторожность Эйзенхауэра вполне объяснима – в начале ноября 1956 г. в США должны были состояться президентские выборы, и генерал собирался

¹ CAB 128-30. 1 August 1956. P. 2-3.

² FRUS. 1955-1957. Vol. XVI. Suez Crisis. Wash., 1979. P. 69-71.

³ Ibidem.

избираться на второй срок. Немаловажно, что его внешнеполитическая платформа была основана на том, чтобы представить нынешнего президента «миротворцем» в международных делах. Отсюда, с одной стороны, согласие на использование вооруженных сил, с другой – уклончивость и неопределенность, намек Идену на то, что первоочередной задачей должен быть поиск мирного дипломатического решения и где-то в отдаленной перспективе – возможность военной операции¹.

А. Иден, за плечами которого была многолетняя дипломатическая школа, и который по праву считался специалистом по Ближнему Востоку, как представляется, не был авантюристом, склонным решать международные проблемы силовым путем. Скорее всего, он недооценил последствия силового решения проблемы, полагая, что если действовать быстро и решительно, то свержение Г.А. Насера и замена его режимом, менее враждебным Западу, не будет трудной задачей.

16 августа 1956 г. в Лондоне начала свою работу конференция по урегулированию сложившейся вокруг национализации Суэцкого канала ситуации. Египет и Греция от участия в конференции отказались. Египет считал абсурдной идею обсуждения проблемы, которая для него не существовала, поскольку юридически никаких нарушений не было, и функционировал канал бесперебойно. Поддержавшая Насера Греция, у которой были разногласия с Британией по поводу Кипра, предпочла воздержаться от участия в конференции.

Великобритания рассчитывала, что Лондонская конференция примет резолюцию, осуждающую национализацию компании Суэцкого канала и учреждающую международный орган по управлению работой канала. Однако в ходе работы конференции проявились два разных подхода к решению Суэцкого вопроса. Первый подход был представлен западными странами («план Даллеса»), которые во главе с тремя ведущими державами пытались отстоять в той или иной

¹ Sked A., Cook C. Op. cit. P. 147. Как отмечает британский исследователь Т. Ллойд, вывод некоторых историков о том, что в ходе президентской кампании Эйзенхауэр не хотел терять голоса еврейской общины США, неверен. Скорее это обстоятельство могло быть важно для демократа Трумэна в 1948 г., но ни один кандидат-республиканец не ожидал значительной финансовой поддержки или голосов от еврейской общины и не зависел от нее при проведении внешней политики. Lloyd T. Op.cit. P. 339.

форме иностранный контроль над каналом. Вторым подходом на Лондонской конференции был представлен немногочисленной группой стран (Советским Союзом, Индией, Индонезией и Цейлоном – «план Индии»), поддержавших решение Насера о национализации Компании Суэцкого канала¹. Столкновение этих двух подходов затруднило нахождение приемлемого для стран-участниц и для Египта решения.

Единственным практическим решением конференции был сформированный во главе с австралийским премьер-министром Р. Мензисом комитет, который по прибытии в Египет (так называемая «миссия Мензиса» находилась в Каире с 3 по 9 сентября²) изложил «план Даллеса» Насеру, который незамедлительно отверг его.

Арабские страны, не приглашенные на конференцию, но, безусловно, непосредственно заинтересованные в разрешении возникшей ситуации, отнеслись к ее работе весьма осторожно. Как подчеркнул государственный министр Ливана С. Салям, «у арабов нет уверенности в том, что великие державы не договорятся между собой за их счет». В то же время Салям отметил, что «народы всех арабских стран твердо и решительно поддерживают Египет, считают его борьбу за свой суверенитет в Суэцком вопросе общеарабским делом»³.

11 сентября Великобритания и Франция отозвали своих лоцманов с работы на Суэцком канале, но нарушить его работу не удалось (греки и неевропейцы-лоцманы остались в национализированной компании и были дополнительно наняты лоцманы из СССР, Греции, Югославии, ГДР⁴). Насер в этот же день сделал заявление, в котором указал на несколько важных факторов в решении конфликта. Во-первых, с Египтом не велось никаких переговоров, что уже само по себе, указывал он, не способствовало выработке приемлемого для всех

¹ Фурсенко А. А. Россия и международные кризисы: середина XX века. М., 2006. С. 126-127.

² Churchill R. Op. cit. P. 246-247.

³ Ближневосточный конфликт... Т. 1. М., 2003. С. 490.

⁴ Churchill R. Op.cit. P. 254. По свидетельству известного советского кинооператора М. Трояновского, прибывшего в Каир в июне 1956 г., в обслуживании канала уже тогда было занято много опытных советских моряков, после ухода англичан помогавших арабам проводить суда по каналу. См.: Трояновский М. С веком наравне: Дневники. Письма. Записки. Сост. Е. Уварова-Трояновская. М., 2004. С. 245.

заинтересованных сторон решения. Во-вторых, Египет предлагал (с подачи и при поддержке Советского Союза) создать орган для ведения переговоров, где были бы представлены различные точки зрения государств, заинтересованных в судоходстве по каналу¹.

12 сентября А. Иден в Палате общин изложил предложенный госсекретарем США план создания «ассоциации пользователей Суэцким каналом» в составе Великобритании, Франции, США и других стран с правом организации конвоев и взимания пошлин с конвоируемых судов. Предусматривалось сотрудничество Каира с ассоциацией для обеспечения максимального движения через канал. А. Иден обратил особое внимание на то, что альтернатив Суэцкому каналу практически нет (путь вокруг мыса Доброй Надежды был дорогим и непрактичным), и что нарушение работы канала станет «тяжелым ударом» для экономики Британии и всего западноевропейского региона. Общий тон выступления свидетельствовал о том, что А. Иден был настроен в пользу применения силы².

15 сентября 1956 г. на совещании представителей США, Франции и Великобритании были окончательно определены планы создания «ассоциации пользователей Суэцким каналом». А. Иден при этом заявил, что если усилия Великобритании и ее союзников не будут иметь успеха в плане установления контроля над Суэцким каналом, британское правительство будет считать себя свободным в выборе дальнейших средств в урегулировании сложившейся ситуации³. Аналогичным по содержанию было и заявление премьер-министра Франции Г. Молле.

Неоднозначную позицию заняли США. Даллес на пресс-конференции 13 сентября заявил, что если Египет будет препятствовать свободному судоходству через канал странам участницам «ассоциации», то он нарушит

¹ Суэцкий вопрос. Сборник документов... С. 130-132.

² Great Britain. Hansard. Parliament. House of Commons. Parliamentary Debates. Suez Canal. 12 September 1956. Col. 2-5. URL: <http://hansard.millbanksystems.com/commons/1956/sep/12/suez-canal>

³ Суэцкий вопрос. Сборник документов... С. 80.

Константинопольскую конвенцию 1888 г. и тогда страны, пользующиеся каналом, смогут передать конфликт на рассмотрение ООН или принять другие меры, «соответствующие обстоятельствам». На просьбу Каира разъяснить, в чем будут заключаться эти меры, Даллес заявил, что Соединенные Штаты в случае блокирования Египтом канала для прохода судов участников «ассоциации», «не собираются пробивать себе дорогу силой через канал» и пошлют свои суда вокруг Африки, мимо мыса Доброй Надежды¹.

Очевидно, что заявление госсекретаря Даллеса отличалось от того, что говорил британский премьер-министр за день до этого, и не в пользу Великобритании. После конференции состоялся конфиденциальный разговор между госсекретарем США и министром иностранных дел Великобритании, в котором С. Ллойд сообщил о разрабатываемых в Лондоне и Париже планах военной операции против Египта. Дж.Ф. Даллес дал понять, что такого рода планы европейских союзников США считают крайне несвоевременными и рекомендовал продолжать попытки мирного разрешения сложившейся ситуации².

19 сентября в Лондоне открылась вторая конференция по вопросу о создании предложенной госсекретарем Даллесом «ассоциации пользователей Суэцким каналом». Расхождения между союзниками в предыдущие недели сказались и на работе этого совещания, закончившегося фактическим провалом проекта³.

Итоги двух Лондонских конференций оказались для европейских стран неутешительными. Великобритания и Франция приняли решение передать спорный вопрос в ООН. Лондон и Париж, вероятно, рассчитывали, что Совет Безопасности не сможет достичь урегулирования конфликта и тогда появится возможность разрешить Суэцкий вопрос, применить силовые методы для установления контроля над каналом и свержения Насера.

¹ Churchill R. Op.cit. P. 252.

² Румянцев В. П. Ближневосточная политика США и Великобритании в 1956-1960 гг. Томск, 2010. С. 25-26.

³ Суэцкий вопрос и империалистическая агрессия против Египта. М., 1957. С. 83.

В обсуждении возникшего конфликта на платформе ООН проявил заинтересованность и Советский Союз. В конце сентября 1956 г. советское руководство получило разведывательную информацию о подготовке совместной англо-французской военной акции против Египта, и в этой ситуации посчитало оптимальным вариантом действий содействовать мирному разрешению конфликта в рамках ООН¹.

В конце сентября в Париже состоялись переговоры премьер-министров и министров иностранных дел Великобритании и Франции. По окончании переговоров Иден заявил, что Париж и Лондон договорились о совместном курсе действий, которого следует придерживаться в течение предстоящих обсуждений в ООН Суэцкого вопроса.

На заседаниях Совета Безопасности, начавших свою работу 5 октября, была принята резолюция, предполагавшая дипломатическое урегулирование конфликта. Между тем вблизи от канала Великобритания и Франция сосредоточили значительные военно-морские и сухопутные силы². Эти приготовления свидетельствовали о выборе силового варианта разрешения Суэцкого вопроса. Обратившись в Совет Безопасности ООН, Франция и Британия рассчитывали получить повод для вооруженной агрессии против Египта, поскольку на сформулированную ими резолюцию, осуждающую Египет, СССР, как и ожидалось, наложил вето. Но принятая резолюция Совбеза ООН на основе выработанных совместно с Египтом шести принципах означала, что повода для применения силы, одобренного общественным мнением, против Египта нет. Стремление вернуть контроль над Суэцким каналом и заменить Насера лояльным Великобритании политиком преобладало в британских дипломатических действиях. Тенденции акцентировать внимание в осуществлении ближневосточной политики на невоенных методах, оказались, по всей видимости, не соответствующими общему настрою политической элиты Великобритании.

¹ Гайдук И. В. В лабиринтах холодной войны... С. 222-223.

² Трухановский В. Г. Указ. соч. С. 235.

Для вооруженной операции против Египта Лондону требовались союзники и непосредственно повод для ее начала. Франция с самого возникновения Суэцкого вопроса была логичным для Британии союзником, и вместе они считали возможным применение силы против Насера в самое ближайшее время. США, как стало очевидно их европейским партнерам в последовавшие за национализацией Суэцкого канала месяцы, были склонны затягивать переговоры с Насером, не рассматривая применение силы как ближайшую перспективу.

Третьим союзником стал Израиль. Причем, Франция была более склонна, чем Великобритания, рассматривать это государство в качестве возможного участника в нападении на Египет. С 1955 г. Франция поставляла Тель-Авиву новейшую технику и оружие. Отношения же Британии с Израилем складывались после его образования в середине мая 1948 г. весьма непросто, учитывая, что позиции Лондона традиционно были сильны во враждебных израильскому государству арабских странах.

Израиль сначала весьма осторожно воспринял объявленную президентом Египта национализацию Компании Суэцкого канала, считая возникшую проблему вопросом взаимоотношений Каира с собственниками компании. В августе 1956 г. израильское правительство пришло к мнению, что главная цель на данный момент – добиваться для страны свободы судоходства по каналу. Израильский премьер-министр Д. Бен-Гурион считал, что Суэцкий вопрос превращается в конфликт между западными державами, с одной стороны, и восточным блоком и нейтральными странами, с другой стороны. Именно поэтому Д. Бен-Гурион призывал членов правительства к максимальной осторожности и к сохранению нейтральной позиции¹. В то же время отношения Египта и Израиля, характеризующиеся постоянными пограничными инцидентами, создавали почву для возможного использования Тель-Авивом возникшего конфликта в своих собственных интересах.

¹ Ближневосточный конфликт... Т.1. М., 2003. С. 472-473.

Сложные отношения между двумя государствами, характеризующиеся территориальными претензиями, создавали потенциальную возможность для возникновения крупного вооруженного столкновения между ними. Эта возможность была в дальнейшем использована при планировании военной операции нападения на египетскую территорию.

Франция с первых же дней после получения известия о национализации Компании Суэцкого канала установила контакты с Израилем. Французское оружие в больших масштабах поставлялось Израилю, для быстрейшего освоения новейшей техники в страну направлялись французские инструкторы. Париж увеличил поставки Тель-Авиву бомбардировщиков «Мистер» с 15 до 60 в месяц, нарушив Тройственную декларацию 1950 г. о сохранении баланса между арабами и израильтянами в области вооружений¹. С начала октября военные штабы Франции и Израиля приступили к совместной разработке военной операции против Египта².

На встрече в Париже 16 октября французское командование представило Лондону план военных действий, в котором в качестве союзника привлекался Израиль. Великобритания без особого восторга приняла эту идею по причине имеющихся у нее разногласий с Израилем, в частности, относительно Иордании³.

Два дня спустя после переговоров в Париже У. Монктон, известный своими колебаниями в вопросе применения британских вооруженных сил против Египта, был заменен на посту министра обороны А. Хэдом, настроенным в пользу использования силы. Согласно информации, опубликованной позже в США, в тот же период была реорганизована работа в дипломатических службах двух европейских союзников. В Великобритании дипломатические обмены между Лондоном и Парижем были переведены из Форин оффис в личный секретариат

¹ Johnson P. The Suez war. N.Y., 1957. P. 81-82.

² Churchill R. Op.cit. P. 264.

³ В марте 1956 г. из Иордании, традиционно находившейся в орбите влияния Великобритании, был выслан командующий Арабским легионом английский генерал Глабб, что свидетельствовало о непрочности англо-иорданских отношений. История дипломатии. Т. V. Кн. 1. М., 1974. С. 547.

премьер-министра А. Идена. Большая часть дипломатической работы перешла под руководство министра обороны¹.

Не последнюю роль в решении А. Идена согласиться с предложенным французским премьер-министром Г. Молле вариантом действий против Египта сыграла активизировавшая свою деятельность осенью 1956 г. Суэцкая группа. Дж. Эмери и капитан Уотерхауз на партийной конференции консерваторов в октябре 1956 г. расценили действия Идена как нерешительные и призвали правительство использовать, если потребуется, военные меры, невзирая на резолюции ООН. Большинство участников конференции одобрили призыв Суэцкой группы².

24 октября 1956 г. состоялась секретная встреча в Севре под Парижем, на которой был разработан детальный план свержения Насера в ходе военной операции трех стран – Франции, Великобритании и Израиля³. Вслед за этим израильский премьер-министр Д. Бен-Гурион в речи в Кнессете в конце октября подготовил общественное мнение к возможной войне с Каиром, назвав его «реальным врагом» Тель-Авива⁴.

Нападение Израиля оказалось неожиданным для Египта. Накануне израильского вторжения начальник канцелярии президента Египта Али Сабри в беседе с советским послом в Каире Е.Д. Киселевым объяснял мобилизацию израильской армии предостережением Иордании. Он высказал убеждение, что «и сейчас, несмотря на все эти крики и мобилизацию, Израиль не готов к серьезной войне, да к тому же нет и непосредственного повода или зацепки»⁵.

Вопреки этим заверениям, в ночь с 29 на 30 октября израильская армия, «нарушив из района г. Аль-Кунтилла границу Египта, вклинилась на его

¹ Johnson P. Op.cit. P.87.

² Остапенко Г. С. Указ. соч. С. 111.

³ Встреча была настолько секретной, что, согласно ее описанию французами, министр иностранных дел Великобритании С. Ллойд прибыл на нее с накладными усами. Количество людей в Великобритании, которые знали о заговоре, было ограничено горсткой ближайших советников Идена в так называемом Египетском комитете при кабинете министров. См.: Уолтон К. Британская разведка во времена холодной войны. Секретные операции МИ-5 и МИ-6. М., 2016. С. 416-417.

⁴ Johnson P. Op.cit. P. 89-90.

⁵ Ближневосточный конфликт... Т. 1. М., 2003. С. 535-536.

территорию на 90 км и заняла позицию в районе г. Некль (110 км восточнее Суэца). Утром следующего дня израильские войска атаковали населенный пункт в 30 км восточнее Суэцкого канала». Египетские газеты сообщили 30 октября о начале войны Израиля против Египта¹. Одновременно были приведены в боевую готовность военно-морские и сухопутные силы Великобритании и Франции в районе Средиземноморья. Осуществление операции «Мушкетер» военно-морскими силами европейских союзников затруднялось тем, что вблизи Египта отсутствовали подходящие базы, на которых можно было бы сосредоточить войска. Поскольку ближе находился Кипр, но расположенные на нем базы не могли удовлетворить потребности военной операции, многие самолеты и суда пришлось базировать на Мальте. Соответственно, военно-морские силы европейских союзников могли начать военные действия против Египта только 6 ноября².

Разработанная в Севре операция преследовала две основные цели. Во-первых, израильские войска должны были в кратчайший срок достигнуть Суэцкого канала, создав угрозу свободному судоходству по нему и тем самым дать повод для вторжения британских и французских сил. Во-вторых, захватив южную часть Синайского полуострова, острова Тиран и Синнафир, они должны были установить контроль над Акабским и Суэцким заливами. Осуществить эту операцию предполагалось за 7-8 суток. Англо-французские войска, в свою очередь, должны были захватить зону канала и Каир³.

30 октября Великобритания и Франция направили ультиматум одновременно Израилю и жертве нападения – Египту. Требования сводились к тому, чтобы войска обеих сторон прекратили в течение 12 часов военные действия на суше, в море и в воздухе и отошли на 10 миль (16 км) к востоку от Суэцкого канала. В случае отказа две западные державы угрожали военным вторжением в страну с целью защиты свободы судоходства по Суэцкому каналу и

¹ Там же. С. 537-538.

² Lloyd T. O. Op. cit. P. 339.

³ Медведко Л. И. Указ. соч. С. 28-29.

разведения двух воюющих сторон, ссылаясь на условия англо-египетского договора 1954 г.¹.

Текст ультиматума, который был выработан вместе с прибывшим в Лондон министром иностранных дел Франции К. Пино, и ссылка на договор с Египтом вызвали возражения не только у консерваторов, но и лейбористов. Во-первых, определенные колебания вызвало то, что статья англо-египетского договора о возможности Британии ввести войска в Египет не распространялась на арабо-израильский конфликт. Во-вторых, предъявление подобного требования противоречило Тройственной декларации 1950 г. и обязательствам Великобритании в рамках Содружества, так как это решение принималось без консультации с США и другими союзниками. В-третьих, ультиматум противоречил Уставу ООН, поскольку означал объявление войны в условиях, когда Совет Безопасности ООН, собравшийся на чрезвычайное заседание по этому вопросу, еще не принял никакого решения².

Предъявленное египетскому послу ультимативное требование правительство Египта, как и ожидалось, отклонило и объявило всеобщую мобилизацию. Принять ультиматум стороны не могли и по техническим причинам, выглядевшими почти курьезными. Израильские войска до указанных в ультиматуме 10 миль еще не дошли, будучи в 30 милях от канала, египетские же войска находились на западном берегу и не могли отступить на восток, как указывалось в англо-французском ультиматуме³.

На следующий день, 31 октября, когда срок ультиматума истек, британская и французская авиация начала бомбардировку Египта. В тот же день Д. Эйзенхауэр выступил с речью, в которой заявил, что хотя США не считают применение силы своими европейскими союзниками «разумным и правильным»,

¹ Имеется в виду ст. 4 англо-египетского соглашения 1954 г., в соответствии с которой в случае вооруженного нападения со стороны иностранной державы на любое из государств – участника договора о совместной обороне между государствами Арабской лиги от 13 мая 1950 г., или на Турцию, базы в Египте могли быть приведены в военное состояние. Суэцкий канал. Сборник документов. М., 1957. С. 91.

² Медведко Л. И. Указ. соч. С.31.

³ Lenczowski G. The Middle East in World Affairs. Ithaca and L., 1980. P. 532.

действия Великобритании и Франции ни в коей мере «не уменьшают дружбу США с этими странами...»¹.

В Вашингтоне знали о планах союзников в отношении Египта, но точной информацией о деталях операции против Египта не располагали. В США рассчитывали, что союзники не начнут совместных военных действий до президентских выборов. Кроме того, за неделю до начала операции у американского президента случился сердечный приступ, что ослабило его внимание к действиям европейских союзников².

Вечером 29 октября Эйзенхауэр созвал экстренное совещание, на котором было принято решение передать вопрос об израильском нападении на Египет в Совбез ООН. На следующий день США внесли резолюцию, требующую немедленного прекращения огня и отвода вооруженных сил Израиля с египетской территории³. СССР, в свою очередь, пытался внести аналогичную резолюцию, в которой содержалось осуждение Израиля как агрессора⁴.

Резолюция США в результате использования права вето Лондоном и Парижем не была принята. США, видимо, принимали во внимание такой исход заседания Совета Безопасности ООН, но для них было важно в данный момент, во-первых, перехватить инициативу у СССР во внесении резолюции, во-вторых, публично не присоединяться к военной операции своих союзников накануне президентских выборов.

В ответ на нападение двух западных стран и Израиля на Египет Иордания, Сирия и Саудовская Аравия разорвали дипломатические отношения с Великобританией и Францией. 1 ноября египетское правительство приняло аналогичное решение, изучая вопрос о выходе из ООН в связи с тем, что «стало очевидно банкротство этой международной организации»⁵. Иордания запретила Великобритании использовать военные базы на своей территории и вместе с

¹ Туганова О. Э. Указ. соч. С. 85.

² Иванов Р. Ф. Дуайт Эйзенхауэр. М., 1983. С. 195.

³ Нагайчук В. И. Политика США в отношении Египта (1950-1960-е гг.). М., 1982. С. 62-63.

⁴ Ближневосточный конфликт... Т. 1. М., 2003. С. 538.

⁵ Там же. С. 541.

Сирией объявила о своей готовности оказать Египту непосредственную поддержку в соответствии с заключенным в Египте в октябре 1956 г. военным соглашением о создании объединенного командования.

Военная операция англо-французских сил в первые дни ее проведения ограничилась воздушными атаками на египетские города и военные объекты и позволила нападающим сторонам завоевать господство в воздухе. 3 и 4 ноября авиация союзников неоднократно совершала налеты не только на военные объекты, но и на жилые кварталы. Движение по Суэцкому каналу было прервано¹.

2 ноября 1956 г. чрезвычайная сессия Генассамблеи ООН рассмотрела 2 резолюции. Первая была предложена Канадой и предполагала разработку в течение 48 часов плана для оформления военных сил ООН с целью руководства и обеспечения прекращения вооруженных действий в зоне Суэцкого канала. Вторая резолюция была внесена группой афро-азиатских стран во главе с Индией и призывала к немедленному прекращению огня в течение 12 часов. Эта резолюция была принята 64 голосами против 5, три из которых были участники тройственной агрессии и «старые» члены Содружества - Австралия и Новая Зеландия².

В международной обстановке со временем Суэцкого кризиса совпали события в Венгрии, где в сентябре-октябре 1956 г. была предпринята попытка ослабить жесткий контроль со стороны Советского Союза над развитием страны. Предпринятое Москвой 24 октября силовое вмешательство в эти события вызвало жесткое сопротивление Венгрии. По мнению венгерского историка Л. Контлера, обретение Будапештом независимости во внутренней политике при сохранении тесного сотрудничества с СССР представлялось вполне вероятным, но «эта возможность стала исчезать по мере радикализации революции и, кроме того, международное положение оказалось очень благоприятным для демонстрации СССР военной силы»³.

¹ Медведко Л. И. Указ. соч. С. 32-34.

² Суэцкий вопрос. Сборник документов... С. 163-164.

³ Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М., 2002. С. 557.

Этот двойной кризис привел к тому, что впервые в условиях холодной войны Вашингтон и Москва оказались на одной стороне. Советский Союз поддержал резолюции США по осуждению тройственной агрессии против Египта, в свою очередь, США на первоначальном этапе отказались поддержать резолюцию, предложенную новым лидером Венгрии И. Надем и осуждавшую действия СССР в Венгрии¹.

Советское руководство располагало информацией из Лондона и Вашингтона, что Запад не будет предпринимать попыток вмешаться в дела Венгрии². Хотя 3 ноября американская делегация внесла резолюцию, осуждавшую действия Москвы в Венгрии, советская делегация воспользовалась правом вето.

На заседании британского кабинета министров 4 ноября предметом обсуждения стал ответ на решения Генеральной Ассамблеи ООН от 2 ноября о прекращении огня³. Премьер-министр изложил возможные варианты ответа на призыв ООН – от принятия требования прекратить огонь до продолжения операции. После изложения этих вариантов он обратился к коллегам с просьбой высказать свою точку зрения по сложившейся ситуации. Из 23 министров, присутствовавших на заседании, двое осторожно высказались за прекращение огня, четверо колебались, но и те, и другие указали, что поддержат мнение большинства. А. Иден воспринял такие итоги обсуждения как карт-бланш на продолжение операции, пояснив, что в случае согласия израильского и египетского правительства на план, предложенный ООН по урегулированию конфликта, Британия и Франция прекратят все военные действия. Однако в ходе заседания кабинета стало известно, что Израиль отказался прекращать огонь на условиях ООН⁴.

¹ Гайдук И. В. В лабиринтах холодной войны... С. 227.

² Johnson P. Op. cit. P. 122.

³ CAB 128-30. 4 November 1956. P. 2-3.

⁴ Ibid. P. 3.

5 ноября советское правительство направило ноты президенту США, премьер-министрам Великобритании и Франции, в которых содержалось требование прекратить вооруженные действия и – в завуалированной форме – угрозу применения атомного оружия. В частности, в послании Д. Эйзенхауэру говорилось, что «Советский Союз и Соединенные Штаты Америки являются... державами, обладающими всеми современными видами оружия, включая атомное и водородное орудие», а в послании А. Идену шла речь о возможности использования против агрессоров «ракетной техники»¹. Вряд ли угроза возникновения Третьей мировой войны с применением ядерного оружия была потенциально возможной, скорее всего, Советский Союз рассчитывал оказать психологическое давление на участников военной операции².

В Совете безопасности ООН Советский Союз и США заняли схожую позицию в осуждении предпринятой против Египта агрессии. Более того, советская сторона предложила Вашингтону направить в район военного конфликта совместные американо-советские вооруженные силы, которое Эйзенхауэр с негодованием отклонил, назвав его «немыслимым»³. То, что две сверхдержавы – противники в холодной войне – заняли в Суэцком вопросе схожую, хотя и по разным причинам, позицию, свидетельствовало о кризисе как в «англо-саксонском единстве», так и в «атлантической солидарности» западных держав в рамках Североатлантического альянса.

Воздушные атаки продолжались в течение пяти дней, утром 5 ноября десант британо-французских сил, вопреки решениям ООН от 2 и 4 ноября, высадился в районе Порт-Саида, на следующий день туда прибыли британо-французские танковые части. Из портов в Средиземном море к 6 ноября в зону канала прибыли военные корабли европейских союзников⁴.

¹ СССР и арабские страны. 1917-1960-е гг. Документы и материалы. М., 1961. С. 255-259.

² Пелипась М. Я. Суэцкий кризис 1956 г. // Холодная война. 1945-1963 гг. Историческая ретроспектива: Сб. ст. М., 2003. С. 576.

³ Divine R. A. Op.cit. P. 87.

⁴ Lloyd T. O. Op. cit. P. 340.

6 ноября британо-французские части заняли Порт-Саид, где население города оказало неожиданно жесткое сопротивление агрессорам. В тот же день силы союзников были двинуты на юг, в сторону Исмаилии и Суэца, и к вечеру продвинулись на 23 мили. Но в этот момент глава правительства А. Иден был вынужден объявить в Палате общин, что британским вооруженным силам в Египте отдан приказ прекратить огонь, и они через непродолжительное время будут выведены оттуда. В два часа ночи по каирскому времени Англия, Франция и Израиль прекратили военные действия¹.

На решение Великобритании прекратить военные действия оказали влияние многие факторы. Во-первых, враждебная позиция США и их экономическое давление на страну, которая была на грани девальвации фунта стерлингов. Во-вторых, очевидное распределение сил на международной арене не в пользу агрессоров при активной поддержке СССР и других арабских и азиатских стран Египта. В-третьих, внутренние разногласия в кабинете А. Идена, где к 6 ноября расклад сил был таков, что вчерашние сторонники военных действий против Египта стали высказываться в пользу прекращения огня и завершения операции, политический провал которой был очевиден².

Для Лондона и Парижа затяжная военная компания была нежелательна с самого начала планирования операции против Египта. С политической точки зрения имела шансы на успех быстрая операция, которая бы не оставила времени для дипломатических маневров поддерживающих египетскую республику стран.

В экономическом отношении Суэцкая кампания дорого обошлась европейским союзникам. Прямые военные расходы Великобритании на операцию в Египте, по официальным данным, составили не менее 50 млн. ф. ст. Суэцкий канал был поврежден и блокирован на шесть месяцев. Взрыв британских нефтепроводов в Сирии и Ливане поставил под угрозу снабжение европейских стран нефтью из ближневосточного региона³.

¹ Ближневосточный конфликт... Т. 1. М., 2003. С. 555-556.

² BDEE. Series A. 1951-1957. Vol. 3. Pt. I. L., 1994. P. 171-173.

³ Ближневосточный конфликт... Т. 1. М., 2003. С. 557.

Европейские союзники не сумели достичь поставленных целей. Вместо свержения Г.А. Насера и замены его лояльным прозападно настроенным лидером результатом военной акции стало усиление авторитета египетского лидера в арабском мире и развивающихся странах Азии и Африки¹.

Британский премьер-министр рассчитывал, что Суэцкая операция будет быстрой и успешной, а США займут благожелательную, или, в крайнем случае, нейтральную, позицию². А. Иден и другие британские политики после Суэцкого поражения как раз высказывали мысль о том, что одна из причин неудачи операции – отсутствие поддержки со стороны США в Суэцком вопросе. Британское руководство полагало, что у Вашингтона с Лондоном гораздо больше взаимных интересов и обязательств, чем полагала американская администрация. Даже годы спустя, подчеркивает американский исследователь Р. Хэтэвэй, «Иден так и не понял, что для Соединенных Штатов британская война за Суэц не была американской»³. Вашингтона воспринял операцию против Египта как не соответствующую реалиям времени колониальную войну. Для администрации Белого дома Великобритания и Франция оставались «узниками своих традиционных колониальных взглядов, так же как и текущих экономических интересов в регионе»⁴.

Также премьер-министр объяснял поражение предпринятой акции недостаточно ошибочным военно-стратегическим планированием, когда главный упор делался на развитие военно-стратегической системы в Европе, и не велась подготовка к крупным десантным операциям⁵. Таким образом, Суэцкий кризис продемонстрировал и военную неподготовленность Великобритании к проведению таких операций.

¹ Ferrel R. American diplomacy: The Twentieth Century. N.Y., 1988. P. 310.

² Мемуары Антони Идена. // Международная жизнь. 1960. № 5. С. 136.

³ Hathaway R. M. Op. cit. P. 46.

⁴ Brown S. The faces of power. Constancy and change in United States foreign policy from Truman to Johnson. N.Y., 1968. P. 103.

⁵ Мемуары Антони Идена. // Международная жизнь. 1960. № 5. С.137.

В этих обстоятельствах в среде консерваторов произошел всплеск антиамериканских настроений – 127 членов Палаты общин внесли направленный против США проект резолюции. В документе Вашингтон обвинялся в том, что своими действиями «поставил Атлантический союз в крайне опасное положение»¹. 31 октября подал в отставку в знак протеста против «суэцкой политики» заместитель министра иностранных дел А. Наттинг. Однако вотума недоверия правительству Идена удалось избежать².

Сложившаяся в связи с провалом Суэцкой операции ситуация требовала принятия и осмысления в Британии. Престиж страны на мировой арене был подорван, что также свидетельствовало об определенном кризисе подходов Консервативной партии к международным делам и изменении роли Великобритании на глобальном уровне. Все это требовало от руководства страны выработки адекватного новым реалиям дня внешнеполитического курса.

Военная кампания против Египта негативно сказалась на отношениях Великобритании со странами Содружества. Новые участники этой организации, вступившие в ее ряды после войны, осудили тройственную интервенцию. Учитывая, что 11 % всех перевозок по Суэцкому каналу приходилось на торговлю Индии, Пакистана, Цейлона и Бирмы, действия бывшей метрополии могли привести к существенным экономическим последствиям для этих государств³. «Старые» члены Содружества наций, такие как Австралия и Новая Зеландия, поддержали Британию в ООН, но эта поддержка носила откровенно вынужденный характер. Первоначально Австралия даже голосовала за принятие резолюции, осуждающей тройственную агрессию⁴.

После провала тройственной агрессии обострились и британо-французские отношения. Во Франции были крайне недовольны тем, что кабинет Идена принял

¹ Lloyd T. O. Op. cit. P. 342. C. 392.

² Красильников А. Н. Внешняя политика Англии и лейбористская партия (1951-1964). М., 1968. С. 224.

³ Ближневосточный конфликт... Т. 1. М., 2003. С. 542.

⁴ Churchill R. Op. cit. P. 281.

решение о прекращении военных действий самостоятельно, не посоветовавшись со своим европейским союзником.

Суэцкий кризис стал свидетельством эволюции сложившейся после Второй мировой войны системы международных отношений. События 1956 г. на Ближнем Востоке и в Восточной Европе показали, с одной стороны, что раздел сфер влияния, определенный на союзнических конференциях в ходе Второй мировой войны, признавался двумя сторонами, с другой стороны, мир после 1956 г. уже нельзя было характеризовать как биполярный. Тройственная интервенция показала обоснованность претензий стран Третьего мира на осуществление самостоятельной политики на мировой арене. Движение неприсоединения становится фактором, значимость которого в международной жизни не могли игнорировать участники холодной войны.

При этом Суэцкий кризис, его предыстория и последствия до сих пор остаются предметом научных дискуссий. К полувековой годовщине Суэцкого кризиса историки предложили новое прочтение произошедших осенью 1956 г. событий. На основе открытых к этому времени архивов такие историки-ревизионисты как С. Смит, С. Моби, Н. Эштон и другие пришли к мнению о том, что Суэцкий кризис стал не более чем звеном в цепочке неуклонного ослабления британских позиций на Ближнем и Среднем Востоке, и значение событий 1956 г. в контексте ближневосточной политики преувеличено. По мнению исследователей-ревизионистов, более существенное влияние на позиции Великобритании в Ближневосточном регионе имели революция в Ираке 1958 г., революция в Йемене 1962 г. и другие события¹.

Однако с точки зрения психологического воздействия на политический истеблишмент и население страны и широты освещения в мире Суэцкий кризис,

¹ О новом прочтении Суэцкого кризиса см.: Reassessing Suez 1956. New Perspectives on the Crisis and its Aftermath. Ed. by S. C. Smith. Aldershot, 2008; Smith S. America in Britain's place? : Anglo-American Relations and the Middle East in the aftermath of the Suez Crisis. // Journal of Transatlantic Relations. Vol.10. No. 3. 2012. P. 252-270; Ashton N. Harold Macmillan and the "Golden Days" of Anglo-American Relations Revisited, 1957-63. // Diplomatic History, Vol. 29. No. 4. September 2005. P. 691-723; Idem. A special relationship sometimes in spite of ourselves: Britain and Jordan, 1957-73. // The Journal of Imperial and Commonwealth History, Vol. 33, No. 2, May 2005. P. 221-244; Idem. Britain and the Kuwaiti Crisis 1961. // Diplomacy and Statecraft. Vol. 9. No. 1. March 1998. P. 163-181.

безусловно, следует считать рубежным моментом во внешней политике Великобритании.

Спустя пятьдесят лет после кризиса британский журнал «Экономист» опубликовал статью, в которой с высоты прошедших лет был дан анализ последствий Суэцкой операции для Британии. После провала военной акции в стране и за ее пределами заговорили о «суэцком синдроме», суть которого, по словам М. Тэтчер, состояла в том, что руководство страны «потеряло веру, что Британия способна на все, и пришла к почти невротическому убеждению, что страна не может делать ничего». Главным уроком Суэца, по мнению авторов статьи, стало то, что Лондон уже не мог действовать независимо от Вашингтона. В отличие от Франции, которая смогла возглавить интеграционный процесс, большинству британских политиков оставалось довольствоваться ролью второй скрипки США¹.

Премьер-министр А. Иден приходил в себя после Суэцкого кризиса в доме британского писателя Я. Флеминга на Ямайке. Любопытно, что первый роман писателя «Казино Ройяль», изданный в 1953 г., не имел большого читательского интереса. Романы, опубликованные после кризиса, вызвали всплеск интереса и символически отражали британское видение сложившейся ситуации и англо-американских отношений. Партнерство героев Флеминга – агента Ми-6 Дж. Бонда и агента ЦРУ Феликса Лейтера – в книге было выстроено как взаимоотношения учтивого, умного и бесконечно находчивого Бонда и богатого, но легковесного Лейтера².

После возвращения Идена в страну с Ямайки одна из британских газет вышла с саркастическим заголовком: «Премьер-министр навестил Британию»³. В январе 1957 г. А. Иден подаст в отставку.

¹ The Economist. 27 July 2006. URL: <http://www.economist.com/node/7218678>

² Ibidem.

³ Prime Ministers and Politics Timeline. URL: http://www.bbc.co.uk/history/british/pm_and_pol_tl_01.shtml

2.4 Иммиграционные вызовы колониальной политики

Если проблемы безопасности были на поверхности, то масштаб некоторых вызовов колониальной политики стал очевиден правительствам У. Черчилля и А. Идена далеко не сразу.

К таким вызовам относились иммиграционные вопросы. Перефразируя известное крылатое выражение «казнить нельзя помиловать», можно заметить, что британские политики после Второй мировой войны столкнулись с не менее сложной проблемой: «выслать нельзя принять». Расстановка запятых в этой дилемме потребовала от британских политиков времени и осторожности.

Процессы деколонизации, стремительно развернувшиеся в послевоенные годы, поставили руководство страны перед решением комплекса сложных вопросов: каким образом, не нарушая право свободного въезда на территорию Соединенного Королевства и не вызывая обвинений в расовой дискриминации, ограничить въезд выходцев из колоний.

Одним из побудительных мотивов к пересмотру проводимой политики в отношении африканских и азиатских меньшинств внутри страны и в империи в сторону ее либерализации стала деятельность ООН. В ноябре 1945 г. было создано специализированное Учреждение ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), защищавшее права человека и действовавшее на платформе Устава ООН. Руководство Великобритании было также обеспокоено ассоциированием Великобритании с США, в которых произошел взлет деятельности террористической организации Ку-Клукс-Клана и других расистских организаций после Второй мировой войны¹.

В январе 1947 г. министр по делам колоний А. Крич Джонс отправил губернаторам колониальных территорий циркуляр, в котором рекомендовал изучить законодательство колоний на предмет выявления расовой дискриминации в разных сферах, особенно в отношениях европейцев и не европейцев.

¹ Schaffer G. Racial Science and British Society, 1930-1962. L., 2009. P. 149.

Эти действия чиновник объяснял созданием в 1946 г. Комиссии по правам человека согласно 68 статьи Устава ООН. Комиссия должна была приступить к детальному изучению проблем расовой дискриминации и подготовить проект международного «Билля по правам человека», включающего отдельный раздел по расовой дискриминации. В этой связи правительствам колоний рекомендовалось составить перечень таких дискриминационных в своей основе статей и либо модифицировать их, либо удалить из законодательства¹.

Важность осуществления таких мер продемонстрировали произошедшие в том же году два резонансных эпизода. 22 марта 1947 г. в Нигерии произошел инцидент, который до войны не вызвал бы бурной реакции британского правительства и общественного мнения в африканских странах. Дж. Л. Кейт, руководитель колониальной исследовательской группы, и Ай. Дж. Каммингс, сотрудник департамента социального обеспечения Колониал Оффис, должны были остановиться на пять ночей в отеле «Бристоль» в Лагосе, Нигерия. Каммингс, отец которого был африканским доктором, женившимся на женщине из Йоркшира (Англия), стал первым «цветным» мужчиной, назначенным в Министерство по делам колоний.

По прибытии в отель менеджер подверг сомнению разрешение Каммингса селиться на оговоренный срок по причине того, что он «африканец», разрешив остановиться ему только на одну ночь. Дж.Л. Кейт выразил протест, и, видя, что предложен двухместный маленький номер, он и его спутник решили найти другой отель.

Этот инцидент, происходивший на глазах европейцев-постояльцев, вызвал взрыв негодования в нигерийской прессе. Министр по делам колоний А. Крич Джонс после изучения всех обстоятельств дела написал Ай.Дж. Каммингсу письмо, в котором выразил сожаление сложившейся ситуацией и надежду, что

¹ BDEE. Series A. Vol. 2. The Labour Government and the End of Empire. 1945-1951. Part IV. Race Relations and the Commonwealth. Ed. by R. Nyam. L., 1992. P. 7.

подобные инциденты впредь будут исключены, добавив, однако, что не имеет прямого влияния на нигерийское правительство.

По итогам визита в Нигерию Каммингс, в соответствии со своими должностными обязанностями (ирония произошедшего как раз заключалась в том, что Каммингс занимался анализом дел в сфере расовой сегрегации), подготовил отчет о состоянии дел с расовой дискриминацией в африканских территориях. По его мнению, в Сьерра-Леоне и Гамбии «ситуация лучше прежней», но все еще не «благополучная»; относительно спокойной была названа ситуация в колонии Золотой берег. Наибольшую тревогу все же вызывало положение дел в Нигерии. Произошедший инцидент вызвал настолько болезненную реакцию сотрудника Министерства по делам колоний, что он высказал идею о высылке греческого собственника отеля «Бристоль» из Нигерии без всяких предварительных юридических процедур, «если нигерийское правительство действительно желает показать людям, что оно не будет терпимо относиться к расовой дискриминации»¹.

В реальности единственным следствием этого инцидента стало начало массовой кампании лицензирования отелей и баров с целью ликвидации расовой сегрегации в гостиничной системе Нигерии.

Несколько месяцев спустя 7 августа 1947 г. произошел другой инцидент уже в столице Соединенного Королевства в ресторане одного из отелей Лондона. Об этом эпизоде министр по делам колоний А. Крич Джонс сделал запрос министру продовольствия Дж. Стрэчи².

Суть инцидента состояла в следующем. Будущий президент Уганды, а в то время кабака (правитель) Буганды – королевства в Уганде – Эдвард Фредерик Мутеса II после Второй мировой войны обучался в престижном Магдален Колледж, Кембридж. Все время пребывания в Англии он, как «самый важный африканский правитель в Восточной Африке и колониальной империи в целом»,

¹ Ibid. P. 11.

² Ibid. P. 19.

находился под неусыпным контролем департамента социального обеспечения Министерства по делам колоний.

В июле 1947 г. известный британский дизайнер Оливер Мессел отправил в указанное министерство письмо, в котором сообщал, что Мутесу, его самого и его друга, принявшего кабаку у себя в Лондоне, метрдотель не пустил в ресторан. Мессел объяснял ему, что Мутеса – официальный гость в Британии, на что метрдотель (предположительно итальянец), заявил, что этот факт не меняет дела. Министр продовольствия Великобритании направил запрос руководству ресторана, переложившего всю вину за произошедший эпизод на распорядителя. Мутесе было отправлено официальное извинение.

Наибольшее опасение этот инцидент вызывал у британских политиков с точки зрения имиджа страны. Кабака Мутеса имел высокие оценки в период обучения в Кембридже, и британское правительство делало на него ставку в продвижении интересов метрополии после его возвращения в Буганду. Подобного рода случаи, безусловно, могли нанести серьезный ущерб «хорошему впечатлению об Англии и английском образе жизни» у африканского правителя¹.

Другим вызовом в области мультирасовых отношений внутри самой Британии стала иммиграция в страну выходцев из колоний и позднее из стран Содружества после Второй мировой войны. Необходимость восстановления британской экономики после Второй мировой войны и проведения инициированной лейбористским правительством К. Эттли широкомасштабной программы национализации требовали привлечения дополнительной рабочей силы. Потери во Второй мировой войне – около 390 тыс. чел. погибших и умерших от ран – и возобновившаяся после 1945 г. эмиграция за рубеж привели к убыли трудоспособного населения². Нехватка рабочих рук (которую эксперты оценивают в целом как незначительную³) в послевоенное время заставила

¹ Ibid. P. 20.

² Козлов В. И. Иммигранты и этнорасовые проблемы в Британии. М., 1987. С. 17.

³ European Migration in the Late of Twentieth Century. Historical Patterns, Actual Trends, and Social Implications. Aldershot, 1994. P. 39.

Великобританию, как и в прежние времена, прибегнуть к услугам трудовых ресурсов из-за рубежа.

Однако в отличие от межвоенного времени, иммигранты из восточноевропейских государств уже не могли, как прежде, значительно пополнять ряды иностранной рабочей силы из-за опустившегося, по метафоричному выражению У. Черчилля, «железного занавеса».

В конце 1940-х гг. на территории Великобритании насчитывалось около 100 тыс. выходцев из стран Восточной и Центральной Европы – бывшие члены польских вооруженных сил, которые не захотели возвращаться на родину при новом – коммунистическом – режиме, а также «перемещенные лица» из Украины, Югославии, Эстонии, Латвии и Литвы¹. Начавшаяся после окончания Второй мировой войны холодная война, несомненно, сократила поток мигрантов по традиционной линии «Восток-Запад» и, наоборот, способствовала увеличению иммиграции в западноевропейский регион по линии «Север-Юг» из бывших колоний.

Привлечение иммигрантов после Второй мировой войны явилось продолжением прежней политики Великобритании, поощрявшей въезд выходцев из доминионов и колоний.

Притяжение в центр империи и Содружества представителей разных этнических групп являлось целенаправленной политикой Лондона по формированию мультиэтничного общества «британцев великой Британии» (“britons of Greater Britain”). На рубеже XIX-XX вв. общая имперская идентичность мыслилась британскими политиками главным образом как этническое самосознание *белых* [выделено мной – *Е.Х.*] британцев². Наличие переселенческих белых доминионов – Австралии, Канады, Новой Зеландии и, в меньшей степени, Южно-Африканского союза – могло служить такой цели.

¹ Empire, Migration and Identity in the British World. Ed. by K. Fedorowich and A.S. Thompson. N.Y., 2013. P. 249.

² Ливен Д. Империи и власть. Размышляя над современной историографией истории империй. // В поисках истины. Сб. к юбилею академика А. О. Чубарьяна. М., 2012. С. 285.

Однако с середины XIX в. в метрополии начинают активно селиться представители других расовых и конфессиональных групп, что первоначально не вызывало серьезных опасений. Скорее наоборот, доминионы и колонии имели статус «британских субъектов», подразумевающий общее гражданство и свободный доступ на территорию метрополии.

Выходцы из стран Африки и Азии стали селиться в Британии еще с XVI в., к началу XIX в. они проживали в основном в Лондоне и таких морских портах как Бристоль, Ливерпуль, Кардифф¹. В межвоенный период азиатские и африканские поселения в основном были сконцентрированы в многоэтнических районах доков и морских портах, таких как Лондон, Ливерпуль, Кардифф, Южный Шилдс и Глазго. В 1939 г., по официальным оценкам, постоянное азиатское и африканское население в Великобритании составляло 7-10 тыс. чел. Часть моряков, которые обосновались на территории Великобритании до и во время войны, после 1945 г. стали основой для образования индийских и пакистанских диаспор в 1950-е гг.².

Численность этих общин после Второй мировой войны оценивалась в 30 тыс. чел., среди которых были не только жители из Вест-Индии и Западной Африки, но и мусульмане, в основном из Адена или Сомали, сосредоточенные преимущественно в Мерсисайде, Лондоне, Кардиффе и Тайнсайде³.

Также в Соединенном Королевстве были значительные еврейские и польские диаспоры. В 1914 г. в стране проживало около 400 тыс. еврейских иммигрантов, преимущественно сосредоточенных в Лондоне, Манчестере и других крупных городах страны, где они влились в текстильную промышленность, торговлю и другие сферы экономики. Еще около 60 тыс. евреев – из среды интеллигентов – бежали в Британию из Германии в 1930-е гг. в связи с антисемитской политикой нацистского руководства⁴.

¹ Подробнее: Spencer I. *British Immigration Policy from 1939. The Making of Multi-Racial Britain*. L., N.Y. 1997. P. 3; Annamunthodo P. *Racism in Britain: guidance for CVS and other local development agencies*. L., 1987. P. 3-4.

² Spencer I. *Op. cit.* P. 16.

³ Hakim A. *The History of the African and Caribbean Communities in Britain*. East Sussex, 1995. P. 43.

⁴ Козлов В. И. Указ. соч. С. 14.

Лейбористское правительство К. Эттли по итогам конференции стран Содружества 1947 г. приняло Британский Акт о гражданстве или натурализации (British Nationality Act) 1948 г., вступивший в силу с 1 января 1949 г. и вводивший статус «граждан Соединенного Королевства и колоний»¹. Акт гарантировал иммигрантам так называемого «нового» Содружества право селиться, голосовать и пользоваться всеми услугами, предоставляемыми Великобританией своим гражданам, включая получение британского паспорта.

Также по этому закону право на свое гражданство признавалось за Канадой, Австралией, Новой Зеландией, ЮАР, Индией, Пакистаном, Цейлоном и Южной Родезией. Жители этих стран могли свободно въезжать на территорию Соединенного Королевства, однако получение британского подданства было затруднено. В связи с тем, что в стране удостоверяющий личность документ выдавался лишь при выезде за границу, а установление подданства требовалось лишь в особых случаях, численность нелегальных иммигрантов стала расти².

Сначала на территорию Соединенного Королевства, воспользовавшись этим законом, прибывали мужчины, со временем они перевезли в страну свои семьи, что разрешалось по Акту 1948 г. и чему способствовало падение цен на жилье во многих промышленных районах Англии и Шотландии из-за закрытия предприятий старой угледобывающей отрасли.

По оценкам экспертов, после Второй мировой войны только 10 % иммигрантов приезжали в поисках конкретной работы. Большинство иностранцев были не квалифицированы и находили работу главным образом в сфере производства, услуг, на транспорте, устаревших мельницах и литейных мастерских на севере, многие из которых были накануне закрытия³.

¹ Впервые закон о натурализации был принят в Великобритании в 1844 г. До принятия этого закона иммигранты могли приобретать британское подданство лишь по специальному решению парламента или королевскому указу. См.: Павленко А. П. Европейские иммигранты в Великобритании. // Расы и народы. Ежегодник. 1976. № 6. С. 162.

² Подробнее см.: Остапенко Г. С., Прокопов А. Ю. Новейшая история Великобритании: XX – начало XXI в. М., 2012. С. 221-222.

³ European Migration in the Late of Twentieth Century. Historical Patterns, Actual Trends, and Social Implications. Aldershot, 1994. P. 39.

По сути, Акт о гражданстве 1948 г. стал реакцией на распад так называемой азиатской империи Великобритании. С довоенного времени Лондон, в стремлении сохранить политические и экономические позиции в бывших колониях, пытался трансформировать Британскую империю в Содружество. В военный период была подготовлена почва для освобождения самой крупной британской колонии – Индии. В 1947 г. независимость в качестве республик получают Индия и – выделившееся из ее состава как самостоятельное государство – Пакистан, вступившие вслед за этим в Содружество наций. Пополнение этой организации странами с республиканской формой правления обозначило новую черту в развитии Содружества, переставшего с этих пор именоваться Британским.

Содружество занимало важное место в системе внешнеполитических приоритетов Великобритании. После Второй мировой войны эта организация стала благодатной основой для трансформации империи и сохранения широких экономических, политических и культурных связей метрополии с бывшими колониями. Среди других функций Содружества было поддержание престижа страны на международной арене и распространение английского языка как одного из инструментов так называемой «мягкой силы».

Включение в состав Содружества новых стран привело к появлению терминов «Старое» и «Новое» Содружество. В состав первого входят государства, вошедшие в организацию на момент ее создания, в состав второго – колонии, пополнившие Содружество на правах суверенных государств после Второй мировой войны. От членства в Содружестве можно было отказаться, что в 1948 г. сделала обретшая суверенный статус в качестве республики Бирма. Другая республика – Ирландия – годом ранее вышла из состава Содружества. Однако ее граждане сохранили по Ирландскому Акту 1949 г. (Ireland Act 1949) равные с гражданами стран Содружества права, в том числе право свободного въезда на территорию Соединенного Королевства. «Особый» статус ирландских граждан признавался и в Акте о гражданстве 1948 г., в соответствии с которым на выборах они могли голосовать как британские подданные.

Акт 1948 г. рассматривался Лондоном как средство укрепления отношений с Содружеством и остававшимися в составе империи колониями¹. Закон стал продолжением и подтверждением Акта о Британском гражданстве и Статусе иностранца 1914 г. (British Nationality and Status of Aliens Act 1914) и Актов о поселенцах империи и Содружества, принятых в 1922 г. и продлявшихся до 1957 гг. (Empire and Commonwealth Settlement Acts). Льготные условия въезда способствовали росту иммиграции, первая большая волна которой была обозначена прибытием 21 июня 1948 г. в лондонский порт Тилбери корабля «Эмпаир Виндраш» с 492 ямайцами на борту². С каждым годом «цветная» иммиграция возрастала. Благодаря политике «открытых дверей», которая провозглашалась Актом 1948 г., был открыт путь иммигрантам из Южной Азии и островов Западной Индии, в том числе Ямайки, Барбадоса, Тринидада и Тобаго, численность которых в последующем возрастала³.

Увеличение численности британских подданных из стран Содружества, воспользовавшихся Актом 1948 г., привело к тому, что уже в начале 1950-х гг. правительство К. Эттли приступило к разработке предложений по ограничению иммиграции из государств Карибского бассейна. Основная цель таких инициатив была связана со стремлением предотвратить нежелательные социальные последствия.

Однако обсуждение сокращающих иммиграцию мер показало отсутствие единства мнений как внутри правительства, так и в парламенте. Часть парламентариев-заднескамеечников мотивировала принятие ограничительных мер настроениями избирателей, другая часть утверждала, что сокращение приезжающих в страну будет воспринято как проявление расизма и станет «предательством идеала свободного передвижения в мультикультурном Содружестве»⁴.

¹ Empire, Migration and Identity... P. 248, 254.

² Paul K. Whitewashing Britain. Race and Citizenship in the Post-War Era. L., 1997. P. 111.

³ Empire, Migration and Identity... P. 248-249.

⁴ European Migration in the Late of Twentieth Century. Historical Patterns, Actual Trends, and Social Implications. Ed. by H. Fassmann and R. Münz. Aldershot, 1994. P. 59.

Росту численности выходцев из стран Карибского бассейна в Соединенном Королевстве способствовало принятие США в 1952 г. Акта об иммиграции и натурализации, введившего систему квот¹. Согласно этому закону, на выходцев из азиатских стран полагалось всего лишь до 100 виз ежегодно², в то время как приоритет был отдан иммигрантам из стран Западной и Северной Европы – 60 % квот получили граждане Великобритании, ФРГ и Ирландии³.

Консервативное правительство У. Черчилля, как показывают правительственные документы, первоначально не уделяло этим вопросам значительного внимания. Однако по мере возрастания численности присутствовавших на территории страны иностранцев проблема регулирования въезда стала привлекать повышенное внимание руководства страны.

Личный секретарь У. Черчилля П. Оэйтс докладывал премьер-министру в декабре 1952 г. о состоянии дел в миграционной сфере⁴. По его данным, в стране проживали порядка 40-50 тыс. «цветных» жителей, в основном в Лондоне и других портовых городах. Около 3 тыс. иммигрантов с 1945 г. ежегодно приезжало в страну, главным образом из Ямайки. Безработица среди них составляла 1,5 тыс. Еще 6 тыс. «цветных» студентов ежегодно приезжало в страну.

Специально созданный межведомственный кабинет, в который входили министры труда, транспорта, жилищной сферы и Национального совета помощи (National Assistance Board) осуществляли наблюдение за приезжими наряду с общественными организациями и местными правительственными властями. Среди других мер контроля и «разумного» ограничения иммиграции П. Оэйтс называл оказание давления на колониальные правительства с целью сокращения

¹ European Migration in the Late of Twentieth... P. 40.

² The Immigration and Naturalization Act of 1952. (McCarran-Walter Act). // http://www.upa.pdx.edu/IMS/currentprojects/TAHV3/Content/PDFs/Immigration_Act_1952.pdf

³ Овсянников П. Ю. Иммиграционное законодательство и государственное противодействие нелегальной иммиграции в США во второй половине XX-начале XXI вв. Автореферат на соиск. степ. канд. юрид наук. Нижний Новгород, 2012. С. 21.

⁴ BDEE. Series A. Vol. 3. The Conservative Government and the End of Empire, 1951-1957. Part III. L., 2000. P. 389.

эмиграции в Соединенное Королевство. К такому давлению прибегало еще правительство К. Эттли, считавшее необходимым выстраивать иммиграцию на принципах политической целесообразности.

Надо заметить, что указанный в докладе П. Оэйтса разброс данных о численности иностранцев на территории Соединенного Королевства был неслучаен: в стране по-прежнему отсутствовала официальная статистика по количеству иностранцев, пересекающих границу и остающихся на территории Британии. Только по данным транспортных перевозчиков и запросам на социальные пособия в Министерство труда можно было делать выводы о количестве въехавших в страну, однако делать прогнозы только по этим данным было достаточно сложно.

С 1954 г. происходит постепенное увеличение численности «цветных» иммигрантов: если в 1953 г. 2 тыс. выходцев из государств Вест-Индии въехали на территорию Соединенного Королевства, то в 1954 г. – уже 11 тыс¹.

С этого времени – 1954 г. – проблема «иммигрантов из колоний» стала неоднократно фигурировать в повестке дня кабинета. К началу февраля 1954 г. министр внутренних дел Д. Максвелл Файф и канцлер казначейства Р. Батлер подготовили меморандум, в котором ставился вопрос об ограничении «цветной» иммиграции и рассматривались проблемы их занятости в секторе общественных услуг².

Устойчивый спрос на рабочие руки наблюдался в сфере общественного транспорта, главным образом, в британской столице. В 1954-1956 гг. в стране появились известные двухэтажные автобусы – даблдекеры, ставшие символом Лондона и Великобритании в целом наряду с красными телефонными будками и почтовыми ящиками.

Появление даблдекеров или рутмастеров было связано с реконструкцией транспортной системы Лондона в 1950-е гг. Количество автомобилей

¹ Цит. по: Empire, Migration and Identity... P. 249.

² CAB 128-27. 3 February 1954. P. 53.

стремительно росло, и Лондонская транспортная служба приняла решение отказаться от троллейбусов, на место которых пришли необычного вида автобусы. Водителями и кондукторами красных двухэтажных даблдекеров, как правило, были темнокожие выходцы из Вест-Индии.

По данным главы Министерства внутренних дел, ежегодно в страну после Второй мировой войны въезжало в среднем по 3 тыс. чел. В июне 1953 г. численность безработных среди «цветного» населения была зарегистрирована на уровне 3366 чел., 1870 чел. получала социальную помощь от государственных служб.

По сегодняшним меркам такие показатели кажутся незначительными. Однако Д. Максвелл Файф заключал, что для ограничения въезда «цветного» населения в Соединенное Королевство следует ввести соответствующее законодательство, без которого все остальные меры не дадут результата. Министр озвучил две формы законодательного регулирования миграции. Первый вариант предполагал расширение иммиграционного контроля на всех – не только «цветных» – британских подданных из заморских территорий. Альтернативный подход предусматривал возможность депортации британских подданных из заморских территорий, осужденных за серьезные криминальные преступления на территории Великобритании или находящихся на полном попечении государства.

Министр внутренних дел признавал, что следует принять меры, прежде всего, на законодательном уровне, позволяющие высылать из страны маргинальные криминальные элементы британских иммигрантов из колоний и стран Содружества, иначе с участием «цветных» жителей могут произойти «шокирующие» преступления, которые вызовут негодование в обществе. Уже в настоящее время, докладывал Максвелл Файф, были зафиксированы серьезные «расистские настроения» в таких крупных городах как Лондон, Манчестер и Ливерпуль, где сконцентрированы «цветные» жители.

В то же время глава Министерства внутренних дел не считал, что масштаб проблемы не настолько значительный, чтобы «оправдать законодательство,

которое изменит нашу традиционную практику и вызовет противодействие нашего либерального общества». Министры согласились, что любые меры правительства по ограничению иммиграции могут быть легко истолкованы как создание «цветного барьера»¹.

Министр по делам Содружества виконт Ф. Суинтон отмечал, что во всех странах Содружества, кроме Индии и Пакистана, действовали законодательные ограничения - вплоть до депортации – на иммиграцию британских подданных. Соответственно, заключал он, вряд ли введение таких ограничительных мер в Британии вызовет негативную реакцию в Содружестве. Один из сотрудников Министерства по делам колоний Г. Гопкинсон поддержал эту точку зрения. Он сообщал, что во всех колониях существовали такие же механизмы по ограничению иммиграции, как и в странах Содружества, соответственно введение аналогичных мер в Великобритании логично и целесообразно. При этом он признавал, что регулирование «цветной» миграции, несомненно, вызовет волну сопротивления в колониях².

У. Черчилль объяснял увеличение численности иммигрантов «быстрым усовершенствованием коммуникаций» и разделял опасения министра по делам колоний, что проживание в стране лиц с другим цветом кожи рано или поздно вызовет волну возмущения британского общества. При этом он соглашался с министром внутренних дел в том, что в настоящее время проблема не приобрела того размаха, который требует принятия серьезных контрмер по ограничению «цветной» иммиграции.

Эти обсуждения миграционных проблем Великобритании показывают, что позиция руководства страны по вопросам иммиграционного регулирования носила противоречивый характер. Более того, попытки консерваторов рассматривать проблемы иммиграции в порядке «текущих дел» придавали им

¹ Ibid. P. 53-54.

² Ibid. P. 54.

характер «хронических», так как их решение постоянно откладывалось на неопределенный срок.

Британские политики, разумеется, осознавали, что традиционная политика страны по приему иммигрантов несколько устарела и нуждается в обновлении в свете происходящих в мире изменений. Помимо облегчения условий передвижения в мире, улучшение стандартов жизни в колониях способствовало быстрой адаптации их населения к европейским условиям. Британия с ее высоким уровнем социальной защиты на этом фоне предсказуемо являлась оставалась центром притяжения для иммигрантов из бедных колоний и перенаселенных стран Содружества¹.

Следует заметить, что в 1950-е гг. в Великобритании произошли изменения в научных оценках колониальных и бывших колониальных обществ. Британские социальные антропологи и социологи начали отказываться от понимания и восприятия этих обществ как примитивных, призывая к толерантности к присутствию в стране иностранцев с темным цветом кожи. После Второй мировой войны стали появляться также новые научные подходы к анализу мультирасовых обществ, дополненные в 1950-е гг. новым политическим запросом. Ученые все больше стали фокусироваться на изучении иммиграции через призму ее воздействия на занятость, жилье и проблемы социального взаимодействия представителей разных рас и национальностей².

10 марта 1954 г. правительство вернулось к обсуждению вопросов «цветной» иммиграции³. Накануне эта проблема стала предметом дебатов в Палате общин, и один из парламентариев Т. Рейд предложил создать специальный комитет по изучению расовых вопросов и проблем колониальной иммиграции. У членов кабинета эта идея вызвала разные оценки. С одной стороны, учреждение такого комитета могло привлечь внимание общества к этим вопросам (и в будущем облегчить восприятие миграционного законодательства),

¹ Ibid. P. 54.

² Schaffer G. Op. cit. P. 153.

³ CAB 128-27. 10 March 1954. P. 135.

с другой, могли возникнуть подозрения внутри Британии и особенно в странах Содружества в том, что Лондон подумывает о введении «расистского» иммиграционного законодательства.

Обеспокоенность увеличением численности иммигрантов возрастала. Правительственные эксперты затруднялись давать прогноз на 10-15 лет, и опасения в том, что процесс иммиграции примет масштабные и не подлежащие контролю формы усиливались. Однако на данном этапе было одобрено только решение о том, что следует разработать серию законодательных мер, позволяющих депортировать нежелательные – прежде всего, криминальные – элементы обратно на родину¹.

Осенью 1954 г. члены кабинета вновь вернулись к рассмотрению проблемы увеличивающихся масштабов иммиграции из стран Африки и Карибского бассейна². Министр внутренних дел информировал о том, что иммиграция значительно выросла за последние месяцы. По подсчетам правительственных экспертов, численность прибывших из Вест-Индии за 1954 г. должна приблизиться к 10 тыс. чел. по сравнению с 2 тыс. чел. в 1953 г. Сложившиеся условия, по мнению Д. Маквелл Файфа, «настоятельно» требовали принятия мер по контролю над иммиграцией³.

Министр по делам Содружества Ф. Суинтон, поддержав эти доводы, выступил за ускорение разработки и введения законодательного регулирования иммиграции, аргументируя свой призыв существованием аналогичных мер в большинстве стран Содружества. Однако он и другие члены правительства были солидарны в том, что такое решение требовало общественной поддержки, получить которую в настоящее время не представлялось возможным. Градус неприятия иммигрантов с другим цветом кожи в Британии действительно еще не достиг того накала, который позволил бы безболезненно вести механизм регулирования иммиграции.

¹ Ibid. P. 135-136.

² Ibid. 24 November 1954. P. 6.

³ Ibidem.

Истинную цель – ограничить въезд только «цветного» населения – британское правительство старалось скрыть, а, значит, следовало ввести ограничительные меры против всех иммигрантов. В этой связи возникал вопрос о доступе в страну граждан из соседней Республики Ирландия, свободно въезжающих на территорию страны и не подлежащих контролю. Исключение же ирландцев из сферы законодательства, понимали в кабинете, «было бы неправильно понято и вызвало бы волну возмущения» в самой Ирландии и странах Содружества¹. С учетом этих факторов члены кабинета приняли решение о создании специального ведомственного комитета для разработки иммиграционного законодательства. При этом министр внутренних дел и министр по делам Содружества уточнили, что нужно с максимальной степенью ответственности подойти к формированию состава такого комитета и избегать действий и мер, которые можно было бы трактовать как проявление расовой дискриминации².

13 января 1955 г. министр внутренних дел представил членам кабинета проект, в котором были намечены общие контуры будущего Билля по регулированию иммиграции³. По его мнению, социальные последствия увеличившегося потока приезжих из Вест-Индии настолько серьезны, что вынуждали правительство предпринять меры по ограничению въезда. Такой взгляд на проблемы иммиграции был продиктован, вероятно, двумя обстоятельствами. Во-первых, продолжалось увеличение притока в Британию трудовой силы из слабо развитых частей империи и Содружества. Во-вторых, произошли кадровые перестановки в британском правительстве и главой Министерства внутренних дел в октябре 1954 г. стал младший сын Д. Ллойд Джорджа майор Г. Ллойд Джордж, выступавший за ужесточение правил въезда в Британию.

¹ Ibidem.

² Ibid. 6 December 1954. P. 6.

³ CAB 128-28. 13 January 1955. P. 6.

При проведении Билля через парламент новый министр внутренних дел прогнозировал возникновение ряда сложностей, начиная с технической стороны вопроса. Во-первых, включение Билля в повестку дня могло «серьезно нарушить всю работу текущей сессии Палаты общин». Во-вторых, даже если удастся представить такой закон, предрекал глава британского МВД, оппозиционные партии **публично** [выделено *Е.Х.*] его не поддержат, так же как и некоторые тори. На официальную поддержку Конгресса тред-юнионов рассчитывать также не приходилось¹.

В свою очередь, министр по делам Содружества Ф. Ллойд Грим (виконт Суинтон) рекомендовал смягчить саму форму Билля, акцентировав внимание на том, что мобильность британских подданных внутри Содружества не будет нарушена. Все эти приготовления британских политиков, державшиеся в секрете, косвенным образом стали известны в колониях, прежде всего, в странах Вест-Индии. Накануне визита делегации из Барбадоса с целью разработки миграционной схемы из этой территории в Соединенное Королевство, британское руководство вновь вернулось к обсуждению миграционных вопросов.

В конце января 1955 г. члены кабинета обратили внимание на угрозу обострения иммиграционной обстановки в Англии – Городской совет Бирмингема, города с традиционно высокой долей иностранцев, докладывал о серьезных проблемах с жильем «в результате концентрации большого количества «цветных» иммигрантов в трущобах города»². Еще одним обстоятельством, требовавшим немедленного обращения к теме иммигрантов, было намерение одного из депутатов, консерватора К. Осборна, поднять в ближайшее время вопрос о введении Билля по ограничению иммиграции в Палате общин. Члены кабинета согласились, что ситуация «созрела» для введения законодательства.

В конце января консерватор К. Осборн, состоявший членом образовавшейся еще в начале 1950-х гг. парламентской группы давления, выступавшей за

¹ Ibidem.

² САВ 128-28. 20 January 1955. P. 3.

ограничение въезда выходцев из колоний (так называемые рестрикционисты)¹, собирався озвучить в Палате общин инициативу по введению законодательного регулирования иммиграции². Действия К. Осборна должны были иметь характер пробы сил. Однако даже при благоприятной реакции парламентариев на это предложение правительство не собиравлось спешить с принятием Билля. Отрицательная реакция парламентариев на Билль также представлялась министрам нежелательной, так как в этом случае правительству будет уже сложнее представлять законопроект от своего имени³. Однако из предварительных обсуждений в кулуарах парламента стало ясно, что депутаты не готовы к одобрению Билля.

Консервативная партия раскололась по иммиграционному вопросу. К. Осборн, поднявший было вопрос о законодательном регулировании иммиграции в Палате общин, столкнулся с прохладной реакцией на эту идею, и дискуссия на время затихла⁴. Политический момент явно не располагал для введения контроля над въездом в Великобританию. Тем более что сестра королевы Елизаветы принцесса Маргарет в самом ближайшем будущем должна была нанести официальный визит в страны Вест-Индии, в одной из которых – на Ямайке – еще и проходили выборы⁵. Очевидно, что время для представления Билля было неподходящим.

В середине февраля кабинет министров приступил к обсуждению проектов Белой книги, содержащей обзор законодательства в области иммиграционного контроля, практикуемого в странах Содружества. Проекты были подготовлены главой Министерства по делам колоний и главы Министерства по делам Содружества⁶. В ходе обсуждения члены кабинета согласились, что общий проект

¹ Carter B. *Realism and Racism: Concepts of Race in Sociological Research*. L., 2000. P. 130.

² CAB 128-28. 24 January 1955. P. 3.

³ *Ibidem*.

⁴ Шмидт К. К вопросу о генезисе иммиграционной политике Великобритании. // Миграции и мигранты в мире капитала: исторические судьбы и современное положение. Сб. науч. тр. Киев, 1990. С. 97.

⁵ CAB 128-28. 31 January 1955. P. 7.

⁶ CAB 128-28. 17 February 1955. P. 4.

нужно согласовать с правительствами Содружества и колоний и сделать максимально «мягким» по форме.

Накануне досрочных парламентских выборов 1955 г. после отставки У. Черчилля на заседании кабинета было принято решение не привлекать к миграционным вопросам и планам правительства по ограничению въезда «цветного» населения повышенное общественное внимание. Следовало, считали министры, ограничиться только той информацией, что правительство с возрастающей тревогой следит за увеличивающимся потоком иммигрантов¹. Только министр внутренних дел доказывал, что если рано или поздно придется принимать законодательство по ограничению въезда иностранцев из колоний, то в ходе предвыборной борьбы все же имеет смысл объявить о том, что консерваторы в случае возвращения к власти будут выступать за введение регулирования иммиграции².

Члены кабинета отвергли такую возможность «на данном этапе», все же решив публично не объявлять о перспективах принятия таких решительных мер как ограничение иммиграции и сосредоточиться на максимально полном изучении проблемы въезда и нахождения в стране иностранцев с другим цветом кожи. В июне 1955 г. был создан межведомственный Комитет по вопросам иммиграции и определены его задачи и состав. Одной из главных целей Комитета должно было стать информирование британской общественности о природе и масштабах проблемы с тем, чтобы принятие законодательства было воспринято «как само собой разумеющееся»³.

15 сентября члены кабинета обсудили доклад министра внутренних дел Г. Ллойд Джорджа, посвященный иммиграционной ситуации в стране. По мнению министра, «колониальная иммиграция в настоящее время не представляла собой острую проблему, но могла стать таковой, например, в случае торгового спада»⁴.

¹ CAB 128-28. 16 March 1955. P. 3.

² CAB 128-29. 3 May 1955. P. 5.

³ Ibid. 14 June 1955. P. 7.

⁴ Ibid. 15 September 1955. P. 5-6.

Министр жилищной политики Д. Сэндис не согласился с такой оценкой, отметив, что в определенных районах таких городов как Бирмингем и Ламбет, колониальная иммиграция уже привела к серьезному перенаселению и, как следствие, к социальным волнениям. По его мнению, трудовые мигранты должны иметь сертификаты занятости, подтверждающие, что в Британии они нашли работу, и селиться там, где нет высокой концентрации иностранной рабочей силы. В ходе дискуссии участники встречи пришли к выводу, что прежде чем принимать законодательство, правительству следует определиться с его формой и выработать механизмы доступа иммигрантов на территорию страны. Поиски приемлемого формата иммиграционного законодательства продолжались.

В 1955 г. рост иммигрантов в Великобританию продолжился: прибыло 27,5 тыс. чел. из стран Вест-Индии, 5,8 тыс. чел. из Индии, 1850 чел. из Пакистана, 7,5 тыс. чел. – из других государств¹.

В начале ноября 1955 г. Г. Ллойд Джордж представил на рассмотрение проект Билля². В проекте министра внутренних дел основными критериями въезда в страну были названы занятость и жилье: трудовой иммигрант мог получить право приехать в страну, перевезти свою семью и получить жилье только в том случае, если он мог представить доказательства того, что уже нашел работу в Великобритании.

В свою очередь, министр по делам колоний А. Леннокс-Бойд рекомендовал распространить законодательство не только на выходцев из колоний, но и британских подданных из стран Содружества. Г. Ллойд Джордж добавил, что еще одним вопросом оставалось распространение законодательства на граждан из Республики Ирландия. Было очевидно, что сама необходимость регулирования иммиграции «проистекала из увеличения выходцев из стран Вест-Индии», но ограничение только их въезда могло «вызвать сопротивление в территориях

¹ BDEE. Series A. Vol. 3. The Conservative Government and the End of Empire, 1951-1957. Part III. L., 2000. P. 399-400.

² CAB 128-29. 3 November 1955. P. 6.

Карибского бассейна и оказаться неэффективным после предоставления им независимости»¹.

Министр по делам колоний обратил внимание на тот факт, что законодательство, ограниченное только выходцами из колоний, будет рассматриваться как дискриминационное и нарушит отношения со странами Вест-Индии². А. Леннокс-Бойд выступал против введения регулирования миграционных потоков в ближайшее время и выражал сомнение в эффективности таких критериев как жилье и работа. Вполне справедливо он указывал на то, что нет гарантии, что трудовой мигрант не потеряет работу и не лишится жилья, прожив какое-то время в стране. По его мнению, следовало ввести другие меры контроля и разработать механизм для более равномерного распределения иммигрантов по территории страны. Премьер-министр А. Иден, приняв во внимание эти соображения экспертов, посчитал, что следует воздержаться от решительных мер. Введение иммиграционного регулирования откладывалось.

К обсуждению этих вопросов члены кабинета вернулись только в июле 1956 г.³. К этому времени межведомственный Комитет под руководством Д. Максвелл Файфа (лорд Килмур) пришел к убеждению, что регулирование иммиграции – преждевременная мера. Во-первых, оно неизбежно будет воспринято как проявление дискриминации по «расе и цвету кожи», во-вторых, усложнит отношения со странами Карибского бассейна, которые правительство планировало включить в Карибскую (или Вест-Индскую) федерацию. Немаловажным фактором было и то, что общественное мнение в Британии так и не было «подготовлено» соответствующим образом, соответственно, реакция общества на такое законодательство могла стать «шоковой».

Лорд-председатель Совета лорд Солсбери не поддержал выводы комитета. По его мнению, содержание доклада как раз показывало, что проблема приняла угрожающие масштабы: иммиграция «цветного» населения возрастала и не

¹ Ibidem.

² Ibid. P. 7.

³ CAB 128-30. 11 July 1956. P. 9.

подлежала никакому контролю. Если же ждать поддержки общественного мнения, ситуация и вовсе могла принять необратимый характер.

Великобритания, традиционно позиционировавшая себя как центр притяжения выходцев из Содружества и колоний, на практике оказалась не готова к значительному (по сегодняшним меркам умеренного) притоку иммигрантов с другим цветом кожи. 1950-е гг. стали временем распада старого социального порядка и прежней системы ценностей, которые цементировала империя. Интенсификация процессов деколонизации в конце 1950-х гг. обозначила кризис имперской идентичности и начало формирования постимперского самосознания. Поэтому в этот сложный для страны период реакция британского общества на темнокожих иммигрантов носила особо болезненный характер. Несмотря на то, что до середины 1950-х гг. большая страна (преимущественно речь идет об Англии) оставалась почти полностью «белой», и половина населения Великобритании никогда не встречала иностранцев с другим цветом кожи, увеличение присутствия в стране выходцев из колоний вызывало растущее беспокойство¹.

Мониторинг иммиграционной ситуации выявил тревожные факторы: за шесть месяцев 1956 г., сообщил министр внутренних дел на заседании кабинета, в страну прибыли 14 тыс. иммигрантов из колоний, еще по 1 тыс. индийцев прибывало в Британию каждую неделю с намерением остаться на ее территории. Внутри страны за прошедший год безработица среди «цветного» населения выросла в два раза². Впрочем, ситуация с увеличением безработицы объяснялась прежде всего тем, что послевоенный спрос на рабочие руки упал к середине 1950-х гг., совпав с экономическим спадом в стране³.

Руководство страны вновь ограничилось обсуждением этих сообщений. Единственное принятое решение было связано с намерением А. Леннокс-Бойд затронуть вопросы занятости «цветного» населения в ходе ближайшего визита

¹ Spencer I. Op. cit. P. 3; Webster A. The Debate on the Rise of the British Empire. Manchester, 2006. P. 117.

² CAB 128-30. 11 July 1956. P. 10.

³ Подробнее см.: Annamunthodo P. Op. cit. P. 6-7.

глав Ямайки и Барбадоса в Лондон. Он намеревался обратить особое внимание делегаций этих стран на ухудшающиеся условия рынка труда в Британии и необходимость ограничения эмиграции властями Карибских стран.

Подобные меры не могли дать существенного результата. Британское правительство осознавало такое положение дел, приняв решение вернуться к рассмотрению этих вопросов в начале осени, если не произойдет серьезного осложнения иммиграционной обстановки. До этого времени сформированный под руководством лорда Килмура комитет должен был подготовить свое видение законодательного механизма, регулирующего иммиграцию в страну¹.

Однако следующее заседания по проблемам иммиграции состоялось в конце осени – 20 ноября 1956 г.². События Суэцкого кризиса отодвинули эти вопросы на второй план. А. Иден по состоянию здоровья отсутствовал на этом заседании кабинета, функции председателя исполнял в тот день лорд-хранитель печати Р. Батлер.

Лорд Килмур начал представление доклада своего комитета с вопроса об ирландских иммигрантах, озвучив общее мнение экспертов о том, что граждан Ирландии следует исключить из законодательства. Он напомнил, что свободный въезд из соседней республики установлен по Акту 1949 г., и причин для отмены привилегии свободного въезда у Британии нет, учитывая, то консерваторы в свое время поддержали этот акт. По вопросам увеличения иммиграции комитет считал, что рост численности «цветных» иностранцев не достиг пика, и причин для немедленного принятия законодательства нет. Министр по делам колоний А. Леннокс-Бойд отмечал, что сообщения «цветных» иммигрантов на родину об условиях работы и проживания здесь носят менее оптимистичный, чем ранее, характер, и это должно затормозить поток иммиграции. С другой же стороны, в 1956 г. стало больше таких выходцев из колоний, которые приезжали в Британию

¹ CAB 128-30. 11 July 1956. P. 10-11.

² Ibid. 20 November 1956. P. 6.

с семьями. Члены кабинета вновь согласились продолжать отслеживать ситуацию. Принятие законодательства задерживалось¹.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что иммиграционная политика в строгом смысле слова как продуманный целенаправленный курс Великобритании в отношении иностранцев вплоть до начала 1960-х гг. еще не проводилась, хотя иммиграционные вопросы с середины 1950-х гг. стали привлекать повышенное внимание руководства страны.

К настоящему времени на политическом и отчасти научном уровне закрепились точка зрения о том, что крупные европейские метрополии после Второй мировой войны сознательно поощряли въезд выходцев из своих империй. Подобный взгляд верен лишь отчасти. Так, если для Франции привлечение рабочих рук из колоний после Второй мировой войны было частью экономической политики планирования, то для Великобритании массовый наплыв темнокожих мигрантов в 1950-е гг. в какой-то степени стал неожиданностью. Британское правительство К. Эттли, приняв Акт о гражданстве 1948 г. не предполагало, что воспользоваться предоставленными возможностями пожелает такое количество выходцев из бедных стран Карибского бассейна, Индии и Пакистана². В условиях стремления Великобритании сохранить связи с получившими независимость территориями введение иммиграционного законодательства и проведение иммиграционной политики оказалось сложной задачей, решать которую все-таки пришлось консерваторам, но уже под руководством нового премьер-министра.

¹ Ibid. P. 6-7.

² См. например: *Empire, Migration and Identity...* P. 251-253.

Глава 3 Поиск новых идей внешнеполитической стратегии и первый кабинет Г. Макмиллана (1957-1959 гг.)

3.1 Доктрина взаимозависимости и «великий проект» как новые внешнеполитические ориентиры Великобритании

Суэцкий кризис 1956 г. стал наиболее ярким подтверждением того неутешительного для Великобритании факта, что страна, по-прежнему имевшая глобальные интересы и обязательства, впредь обречена на роль державы регионального масштаба. Поражение в тройственной интервенции имело глубокие последствия, со всей очевидностью проявившееся время спустя. Сложившаяся ситуация требовала принятия и осмысления новых реалий в международной жизни, принимая во внимание продолжение интеграции на континенте, ускорение процессов деколонизации и экономическую нестабильность внутри страны.

После отставки А. Идена правительство возглавил претендовавший на эту должность еще в 1955 г. Г. Макмиллан. В начале января 1957 г. новый глава кабинета официально вступил в должность.

Г. Макмиллан был убежден, что в условиях явного снижения внутри- и внешнеполитического авторитета Консервативной партии требовалась корректировка внешнеполитического курса страны. Контуры новой стратегии очерчивал выдвинутый в начале 1957 г. проект создания на широкой межправительственной основе европейской организации с Великобританией в качестве лидера. План получил несколько ироничное название «великий проект» (“grand design”).

Основа плана была разработана осенью 1956 г. Название проекта прямо отсылало к известному плану герцога Сюлли – суперинтенданту финансов французского короля Генриха IV. В 1617 г., уже удалившись от дел, он завершил написание труда, получившего название «великий проект». Чуть позже авторство,

в связи с таким претенциозным заглавием и содержанием, стали приписывать самому Генриху IV в связи с тем, что проект во многом отражал настроения династии Бурбонов, стремившейся к укреплению Франции в Европе посредством создания союза европейских государств¹.

В британском документе, состоявшем из трех частей и полностью рассекреченном только в 1990-е гг.², излагался план по созданию военно-политического и экономического союза Лондона с европейскими странами. Реализация «великого проекта» по-британски была призвана разрешить трудности страны в известных «трех сферах» внешней политики – отношениях с США, Содружеством и европейскими странами.

В первой части проекта речь шла о создании военно-политической ассоциации европейских стран на основе ЗЕС, к этому времени имевшего во многом «виртуальный» характер на фоне существования НАТО. Также предполагалось запустить программу создания мегатонной бомбы, используя материальные, финансовые и технические ресурсы государств-членов ЗЕС. Соответственно, другие потенциальные страны-участницы новой военно-политической группировки, используя сотрудничество с Лондоном в атомной сфере, могли получить доступ к информации технического характера, связанной с созданием ядерного оружия³.

Эти намерения британского руководства отражали процесс изменения военной доктрины Великобритании в сторону первостепенного развития атомной программы страны и постепенной отмены обязательной воинской службы и комплектования вооруженных сил на контрактной основе⁴.

¹ Чубарьян А. О. Российский европеизм. М., 2006. С. 98-99.

² Симптоматично, что советские историки, которым план был доступен отрывочно главным образом из мемуаров самого Г. Макмиллана, оценивали его как исключительно как документ, подтверждающий внешнеполитическую и финансовую слабость страны и ее потребность в новых союзах и союзниках. См.: Лебедев А. А. Очерки британской внешней политики (1960-1980-е годы). М., 1988. С. 15-16.

³ BDEE. Series A. 1957-1964. Vol. 3. Part. I. L., 1994. P. 102-103.

⁴ British Imperial Policy and Decolonization. 1938-1964. Vol. 2. 1951-1964. Ed. by A.N. Porter and A.J. Stockwell. L., 1989. P. 459-461.

Из нового формата военного сотрудничества могла возникнуть крепкая политическая ассоциация европейских стран. В документе отмечалась вполне реальная – в существующих условиях – возможность создать объединение, которое сможет «на равных» иметь дело с двумя сверхдержавами¹. Такая оговорка свидетельствовала как о понимании неминуемого ослабления британской мощи, так и о желании несколько дистанцироваться от США после Суэцкого кризиса и сблизиться с европейскими партнерами.

Второй раздел плана был посвящен более конкретным проблемам, а именно поиску путей «оживления» ОЕЭС, так и не ставшей значимой площадкой осуществления социально-экономических программ в Европе после окончания «Плана Маршалла». Предполагалось «надстроить» эту организацию посредством оформления Парламентской ассамблеи, включив в нее готовящийся к созданию Общий рынок, ЗЕС и Совет Европы. Наверху этой пирамиды, в соответствии с общим замыслом, находилась бы Великобритания.

Третья – заключительная – часть «великого проекта» делала упор на развитии англо-американского сотрудничества. В документе прямо говорилось, что в случае реализации британского замысла, администрация США должна быть информирована обо всех его деталях и этапах². Очевидно, воспоминания о провале тройственной агрессии против Египта и недовольстве Вашингтона тем, что он не был информирован о военной операции, были еще свежи в Лондоне. Новое британское руководство проявляло готовность выстраивать отношения с США на еще более близкой, чем прежде, основе, соответствующей «фундаментальным» интересам Соединенного Королевства.

Однако обсуждение проекта показывало некоторую «оторванность» и «утопичность» представлений британских министров о роли своей страны в мировых делах. Особо симптоматичным были прозвучавшие рекомендации включить в создаваемое объединение страны Содружество (вероятно, наподобие

¹ BDEE. Series A. 1957-1964. Vol. 3. Part. I. L., 1994. P. 103-104.

² Ibid. P. 105.

обсуждаемого в этот период странами Шестерки включения колоний на правах ассоциированных членов в Общий рынок)¹.

Такие идеи, хотя и соответствовали общей послевоенной стратегии Великобритании, ориентированной на глобальную роль страны, все же не могли быть реализованы. Препятствием могли служить как факторы внешнего порядка, например, позиция Франции, инициировавшей и возглавившей интеграционный процесс в западноевропейском регионе, так и факторы, связанные с психологической неготовностью стать полноценной и ответственной частью формирующейся «единой Европы». Великобритания по-прежнему продолжала инстинктивно «хвататься» за Содружество, все еще считая, что таким образом она избежит превращения в маленький остров на периферии Европы.

Неудивительно поэтому, что в ходе обсуждения те части проекта, которые предполагали более тесное, чем прежде, развитие связей с европейскими соседями, были подвергнуты критике. Хотя страна и продолжала мыслить в масштабах всего мира, «потянуть» все вместе – и англо-американские отношения, и связи с Содружеством, и активные отношения с европейским континентом было не по силам.

Взвесив все «за» и «против», члены Кабинета приняли решение сосредоточиться на «экономической» части проекта. Вероятно, во многом интуитивно, Консервативная партия ощущала угрозу экономическим позициям страны от процессов экономической унификации, развернувшихся на континенте. Было принято решение попытаться продвинуть идею создания зоны свободной торговли (ЗСТ) на основе ОЕЭС и перехватить тем самым инициативу у стран Шестерки. В конце января 1957 г. специально созданная рабочая группа ОЕЭС заявила о «технической возможности» ассоциации зоны свободной торговли, лоббируемой британской стороной, с намечаемым к созданию Общим рынком².

¹ Ibid. P. 106.

² Foundation Jean Monnet. АМК (The Action Committee for the United States of Europe). 82/2/11. Note on the Special Supplement to Western World. February 1960. P. 3.

Британская идея базировалась на представлениях, отличных от намерений стран Шестерки, готовивших к созданию Общий рынок. Замысел британских консерваторов состоял в том, чтобы вести торговлю только промышленными товарами, не устанавливая единые тарифы в отношении третьих стран, действовать в рамках ОЕЭС и по принципам либеральной торговли ГАТТ.

Партнеры Британии по ОЕЭС поддержали идею о создании зоны свободной торговли. В середине февраля началась серия официальных переговоров, довольно быстро обнаруживших разное представление участников о сущности ЗСТ и целях экономической интеграции в целом. Ситуацию объективно усложнял факт близившегося завершения переговоров стран Шестерки о создании Общего рынка – более замкнутой торгово-экономической группировки, чем предлагали в Лондоне.

Обсуждение на платформе ОЕЭС британской идеи также продемонстрировало отсутствие единства взглядов на участие страны в европейской интеграции в правительственных кругах самой Великобритании. Несмотря на мнение экономических экспертов о необходимости скорректировать внешнеэкономические связи в пользу большего участия в торговле с континентальными странами, британская сторона оказалась не готова жертвовать связями с Содружеством даже в минимальном объеме. Со своей стороны страны Шестерки опасались, что ЗСТ может поглотить уже созданные и готовящиеся к оформлению наднациональные институты.

Без большого энтузиазма британская идея была воспринята в США. Госсекретарь США Дж. Ф. Даллес справедливо подозревал, что Лондон пытается перехватить инициативу в интеграционном движении с тем, чтобы не допустить создания новых наднациональных структур. Глава американского внешнеполитического ведомства считал, что такой курс идет вразрез с задачами

укрепления трансатлантических связей¹. Такая позиция США дополнительно осложнила переговорные возможности британской дипломатии.

Переговоры о создании ЗСТ продолжались, когда 25 марта 1957 г. в Риме были подписаны два договора – первый о создании ЕЭС, учреждавшим Общий рынок, и второй – о создании Евратома.

Подписание этих договоров формально не вызывало препятствий в продолжении обсуждения британской идеи, хотя раскол в интеграционном движении западноевропейских стран был очевиден. В Великобритании по инерции продолжали надеяться на благоприятный исход переговоров на платформе ОЕЭС, рассчитывая на поддержку ФРГ и других стран, заинтересованных в либерализации торговли.

В мае Г. Макмиллан в ходе своей поездки в Бонн стремился убедить канцлера ФРГ поддержать ЗСТ как наиболее оптимальный инструмент сплочения западноевропейских стран не только в экономическом, но и военно-политическом плане. Хотя и в Бонне, и в Париже, куда после встречи с К. Аденауэром отправился Г. Макмиллан, ему обещали поддержку, у самого британского премьер-министра сложилось стойкое впечатление, что Бонн и Париж всего лишь пытаются «потянуть время» до ратификации Римских договоров².

Сказывался и раскол внутри политических кругов Великобритании по вопросу участия в европейской интеграции. В мае 1957 г., спустя месяц после подписания договоров в Риме, в Палате общин состоялись дебаты, в ходе которых идея ЗСТ подверглась жесткой критике. Дж. Каллаген, депутат от Лейбористской партии, обратил внимание на то, что Великобритания в переговорах излишне переоценивает фактор сохранения системы имперских преференций в рамках ЗСТ. Он справедливо указывал на то, что в послевоенных условиях значимость преференциальной системы неуклонно снижалась, и главная проблема для

¹ FRUS. 1955-1957. Vol. IV. Western Security and Integration. Wash., 1986. P. 535-536.

² Macmillan H. Riding the... L., 1971. P. 435.

Британии в этих условиях состояла в совмещении интересов на континенте с интересами в рамках стерлинговой зоны¹.

16 мая 1957 г. в газете «Таймс» появилась статья известного британского историка и политического деятеля от Либеральной партии М. Белоффа под красноречивым названием «Достаточно ли велик наш проект для Европы?»². Название явно отсылало к известной инициативе. По мнению автора, британский проект привлек внимание отдельных стран европейского континента, прежде всего, ФРГ и Италии, не столько своим экономическим содержанием, сколько постановкой вопроса о том, как «сделать понятнее и яснее, насколько возможно, структуру европейских институтов»³.

М. Белофф отмечал, что в настоящее время «в Европе» действительно сложился ряд институтов военного, экономического и политического характера, дублирование которых, по сути, предлагалось в «великом проекте». Автор считал, что основной недостаток плана как раз и состоял в том, что «в нем предпринята попытка решить многие задачи одновременно». М. Белофф в этой связи сформулировал два принципиальных вопроса: каким образом можно изменить британскую идею и в какие институты из уже существующих она могла бы быть безболезненно встроена. В качестве ответа автор статьи выразил точку зрения о том, что инициатива Лондона должна сплотить европейские страны в такой союз, который будет действовать в полном согласии с США и НАТО⁴.

В начале августа 1957 г. Г. Макмиллан выдвинул предложение сделать главой Министерства финансов Р. Модлинга, известного своими проевропейскими взглядами, руководителем британской делегации в ОЕЭС. В октябре Совет ОЕЭС официально утвердил его в качестве председателя межправительственного комитета, ответственного за переговоры о ЗСТ.

¹ Great Britain. Hansard. Parliament. House of Commons. Parliamentary Debates. Commonwealth and Empire Resources. 3 May 1957. Col. 584-585. URL: [587.http://hansard.millbanksystems.com/commons/1957/may/03/commonwealth-and-empire-resources#S5CV0569P0_19570503_HOC_48](http://hansard.millbanksystems.com/commons/1957/may/03/commonwealth-and-empire-resources#S5CV0569P0_19570503_HOC_48). Col. 584-585, 587.

² The Times. 16 May 1957.

³ Ibidem.

⁴ Ibidem.

Наряду с «великим проектом» Г. Макмиллан в октябре 1957 г. на Бермудской встрече с президентом США Д. Эйзенхауэром озвучил тезис о «взаимозависимости» двух стран, призванной укрепить пошатнувшиеся англо-американские отношения после провала Суэцкой операции 1956 г.

В совместной Декларации об общих целях стороны акцентировали внимание на «взаимосвязанность» стран «свободного мира, прогресс и безопасность которых зависят от объединения ресурсов и совместного разрешения возникающих перед ними задач»¹.

Практическое воплощение концепции взаимозависимости сводилось к тому, что Соединенные Штаты продолжают поддерживать НАТО и обеспечивать Великобританию ракетами, способными нести ядерные боезаряды. В политическом плане Г. Макмиллан рассчитывал на равноправные и равноценные отношения с заокеанским союзником. Эти надежды отражало все реже звучащая из уст британских политиков характеристика партнерства с США как «особых» отношений. Вместо этой явно устаревшей после провала тройственной интервенции против Египта формулировки стала фигурировать «взаимозависимость».

По мнению Г. Макмиллана, отношения с США, по-прежнему остававшиеся среди главных внешнеполитических приоритетов Великобритании, следовало выстраивать на качественно новой основе. Предполагалось «надстроить» двустороннее партнерство посредством создания англо-американских рабочих комиссий и консультативных комитетов для принятия совместных решений, прежде всего, по болезненным для британской стороны вопросам Ближневосточной политики².

В реальности, как покажет время, расчёты британского премьера на равноправное сотрудничество с заокеанским союзником не оправдались ни при Д.

¹ Цит. по: Капитонова Н. К., Романова Е. В. Указ. соч. С. 489.

² Подробнее: Румянцев В. П. «Новый фронт» администрации Дж.Ф. Кеннеди на Ближнем и Среднем Востоке (1961-1963 гг.). Томск, 2015. С. 293-293.

Эйзенхауэре, ни при его преемниках¹. Хотя британский лидер последовательно стремился реализовать тезис о «взаимозависимости» не только в Ближневосточном регионе, но и в других частях мира.

После возвращения в Лондон глава британского кабинета продолжил борьбу за усеченный вариант «великого проекта». В начале ноября 1957 г., выступая в Палате общин, премьер-министр охарактеризовал ЗСТ как проект, который сплотит разделенную на разные торгово-экономические группировки Европу². Вероятно, Г. Макмиллан рассматривал фактор исключения Британии из созданных наднациональных структур как некий инструмент давления как на страны Шестерки, так и другие страны, не заинтересованных с лидерстве Франции в интеграционном движении.

Парламентариев также интересовали вопросы экономической выгоды от участия в ЗСТ и повышения конкурентоспособности страны на европейских рынках. В ходе последовавших продолжительных дебатов лейборист Э. Бартон привела расчеты британских экономистов, согласно которым импорт автомобильной промышленности в страны, составляющие ОЕЭС, к 1970 г. увеличится в 4 раза. Соответственно, оформление Общего рынка с высоким внешним тарифом могло нанести серьезный ущерб отдельным отраслям британской промышленности³.

Эти соображения – экономического порядка – не смогли переломить настрой руководства страны либо «растворить» Общий рынок в более широком объединении под эгидой Британии, либо оформить альтернативную группировку. Вступление же в ЕЭС не рассматривалось в то время как реалистическая идея именно по экономическим причинам, но другого свойства – страна не могла

¹ По мнению британского историка Н. Эштона, в реальности концепция «взаимозависимости» обернулась для Великобритании «зависимостью» от США. Подробнее: Ashton N. Kennedy, *Macmillan and the Cold War: Irony of Interdependence*. Basingstoke, 2002. P. 131-132; Turner J. *Macmillan*. Harlow, Essex. 1994. P. 126-127; Румянцев В. П. «Новый фронт» администрации Дж.Ф. Кеннеди на Ближнем и Среднем Востоке (1961-1963 гг.). Томск, 2015. С. 293-293, 368.

² Great Britain. Hansard. Parliament. House of Commons. Parliamentary Debates. Debate on the Address. 5 November 1957. Col. 32-33. URL: http://hansard.millbanksystems.com/commons/1957/nov/05/debate-on-the-address#column_32

³ Ibid. Debate on the Address. 6 November 1957. Col. 278-279.

позволить нанести удар по своим торгово-экономическим отношениям с Содружеством, приняв установление высокого внешнего тарифа против третьих стран.

1 января 1958 г. Римские договоры после непродолжительной ратификации вступили в силу. Г. Макмиллан вспоминал впоследствии, что это событие не воспринималось первоначально как окончательный провал проекта ЗСТ. Однако время шло, и к весне явно обозначилась отстраненная позиция Франции в обсуждении британской инициативы. Против британской идеи выступали также французские промышленники, опасавшиеся конкуренции как со стороны западногерманского соседа, так и Великобритании¹.

Тем временем во Франции набирала силу политическая нестабильность. В апреле 1958 г. очередное правительство ушло в отставку, в Алжире произошел мятеж ультраколониалистки настроенных генералов, по стране распространились слухи о высадке мятежников на территории Франции и угрозе гражданской войне. Президент страны, вняв призывам мятежников, обратился к генералу Ш. де Голлю с предложением сформировать кабинет. 1 июня 1958 г. Национальное собрание Франции одобрило кандидатуру Ш. де Голля и ушло в бессрочные каникулы. Четвертая республика прекратило свое недолгое существование.

Возвращение Ш. де Голля к власти придало новый импульс интеграционному движению. Британский премьер-министр воспринял эти изменения в политической жизни Франции как шанс использовать сдержанную позицию нового французского лидера в отношении наднационального формата интеграции в британских интересах. В июне 1958 г. Г. Макмиллан отправил де Голлю письмо, в котором напомнил об англо-французском сотрудничестве в годы войны и выразил надежду на продолжение тесного взаимодействия.

Вслед за этим Г. Макмиллан нанес визит новому руководителю французского правительства. Ш. де Голль впоследствии вспоминал, что его британский визави на встрече эмоционально доказывал, что создание «Общего

¹ Macmillan H. Riding the... P. 440-441.

рынка - это континентальная блокада», которая может привести сначала к «экономической войне» но впоследствии грозит «охватить другие сферы отношений»¹.

Сдержанное отношение Франции к британскому проекту было следствием не столько нежелания де Голля обсуждать именно идею зоны свободной торговли, сколько его отвлеченностью на более насущные, с точки зрения французского лидера, задачи. Европейская интеграция первоначально не входила в число внешнеполитических приоритетов де Голля, в отличие от вопросов, связанных с будущим Франции в Североатлантическом альянсе, ее атомной программой и отношениями с ФРГ.

Последнее направление имело особое значение. Согласно воспоминаниям пресс-секретаря Ш. де Голля А. Пейрефита, французский лидер был убежден, что «Европа объединится или не объединится в зависимости от того, сумеют ли примириться Франция и Германия. Это может быть осуществлено на уровне руководителей этих стран. Это еще не сделано фундаментально. Европейская конструкция возможна только в том случае, если ее краеугольным камнем станет согласие этих двух народов. ...»².

Интересно, что этот взгляд практически полностью совпадал с идеями У. Черчилля, озвученными им в Цюрихской речи 1946 г. И тот факт, что те же идеи спустя почти пятнадцать лет зазвучали снова, говорил о том, что на повестке дня европейской политики все ещё стояли вопросы подлинного политического сближения двух вчерашних противников. Также стоит отметить, что де Голль в принципе не отвергал участие Британии в «единой Европе», но только в том случае, если она «сумеет отделиться от Содружества и от Соединенных Штатов»³.

В сентябре 1958 г. глава французского кабинета направил премьер-министру Великобритании и президенту США документ, в котором предлагал

¹ Де Голль Ш. Мемуары надежд. Обновление 1958-1962 гг. Европа. // Новая и новейшая история. 1994. № 4-5. С. 317.

² Пейрефит А. Таким был де Голль. М., 2002. С. 109.

³ Там же. С. 109.

пересмотреть сложившуюся модель военного командования и политической системы НАТО на основе триумvirата. Лидер Франции в своем меморандуме обращал внимание, что европейские союзники Вашингтона по Североатлантическому альянсу, кроме Великобритании, были слабо информированы о проводимых военных операциях, например, в Тайваньском проливе и Ближневосточном регионе. Такая ситуация объективно создавала угрозу втягивания в конфликты в разных регионах мира европейских стран, и, соответственно, система безопасности, обеспечиваемая Североатлантическим альянсом, становилась уязвима¹.

Озвученные де Голлем идеи были прямо увязаны с планами Франции по созданию ядерного оружия. Новый премьер-министр хорошо понимал, что позиции его страны в НАТО слабее обладавших атомным оружием Великобритании и США. Французский лидер был убежден, что такая ситуация ставит остальные страны НАТО в унижительное положение «рядовых»². Опыт руководства Движением Сопротивления, взаимодействия с Лондоном и Парижем в годы Второй мировой войны и алжирская проблема предопределили особое отношение французского лидера к вопросам обороны и безопасности страны.

Британское руководство верно расценило основной посыл меморандума де Голля как стремление французского лидера поколебать установившееся англосаксонское лидерство в системе безопасности Европы. Недвусмысленно в предложениях де Голля улавливалось недоверие к Великобритании, грозившее сказаться на совместном решении других вопросов. Преодолеть эти подозрения оказалось сложно.

В Вашингтоне и Лондоне проигнорировали меморандум Ш. де Голля. Французский лидер, получив такой «ответ», взял курс на дистанцирование от НАТО, развитие собственной атомной программы и лидерство в европейском интеграционном движении. В сентябре 1958 г. на встрече стран Шестерки в

¹ Britain and European integration. 1945-1998. A Documentary History. Ed. by D. Gowland and A. Turner. L., N.Y., 2000. P. 88.

² Ibidem.

Венеции по инициативе Парижа стороны договорились о том, что любое решение по британскому плану зоны свободной торговли должно приниматься на основе принципа единогласия. Соответственно, любая из стран могла заблокировать оформление торговой зоны по британскому образцу¹.

Уже на этом этапе – с возвращением к власти генерала де Голля – отношение Франции к британским планам по созданию широкой межправительственной торгово-экономической группировки стало увязываться с французскими инициативами по реформированию НАТО и вопросами атомного сотрудничества.

В сложившихся условиях Лондон попробовал вновь заручиться поддержкой своего заокеанского партнера. В середине ноября 1958 г. британский посол в США Г. Кассиа отправил на родину дипломатическую депешу, в которой сообщал о том, что США без особой симпатии относятся к идеям Лондона и подозревают, что британский партнёр в реальности стремится к разрушению Общего рынка посредством его поглощения в более широкой аморфной группировке. По мнению Г. Кассиа, в условиях, когда американо-французские отношения переживают нелегкий этап в связи с меморандумом Ш. де Голля, администрация Д. Эйзенхауэра будет стараться избежать любых трудностей в отношениях с Парижем².

Однако эти соображения британского посла оказались запоздалыми. 14 ноября 1958 г. министр информации Франции Ж. Сустель решил судьбу британского проекта, сделав официальное заявление, в котором отметил невозможность создания европейской торговой зоны по-британски «без установления единого внешнего тарифа» и экономической и социальной унификации³. Политический подтекст озвученного решения был очевиден британскому руководству. Франция брала курс на укрепление своих позиций в

¹ Ibid. P. 84.

² Britain and European... P.51-52.

³ Northedge F. S. Op. cit. P. 319.

интеграционных структурах, созданных по ее же инициативе, и конкурент в лице Великобритании был ей не нужен.

Г. Макмиллан не собирался мириться с провалом зоны свободной торговли. Идея казалась ему не только жизнеспособной, но в чем-то даже более привлекательной – в связи со своей аморфностью, чем Общий рынок. Лондон взял курс на оформление, без промедлений, альтернативной торгово-экономической группировки в составе семи государств (получившей название Семерки или Внешней Семерки стран в противовес Шестерке), не входивших в Европейские сообщества.

В июне 1959 г. на встрече в норвежской столице Австрия, Великобритания, Дания, Норвегия, Португалия, Швейцария и Швеция договорились о проведении серии переговоров по созданию зоны свободной торговли.

Британия при этом намеренно держалась «в тени» - с официальной инициативой оформления альтернативного объединения выступила Швеция. В течение двух недель участники переговоров одобрили проект ЗСТ в составе семи государств¹.

В начале июня 1959 г., в преддверии досрочных выборов в Палату общин, назначенных на осень того же года, премьер-министр обратился к ряду министров с предложением изложить свое видение места и роли Великобритании в мировых делах. В самом обращении Г. Макмиллана не содержалось специальных указаний дать прогнозы о будущем британо-еэсовских отношений².

В конце лета сотрудники двух ведомств – Форин оффис и Министерства финансов – представили главе кабинета свои аналитические обзоры³. Общим для этих документов стало акцентирование внимания на важности британо-американского партнерства в системе внешнеполитических приоритетов страны. Один из ведущих экспертов Министерства финансов Р. Кларк обратил внимание на то, что страна в условиях укрепления Движения неприсоединения, роста

¹ Подробнее: Urwin D. W. A Dictionary of European History and Politics. 1945-1995. L., 1996. P. 97.

² BDEE. Series A. 1957-1964. Vol. 4. Part I. P. 56-58.

³ Ibid. P. 69-70.

численности стран «афро-азиатского блока» в ООН и ослабления Багдадского пакта в связи с революцией в Ираке 1958 г. и его выходом из состава блока нуждалась в пересмотр политики в отношении территорий, входивших на разном этапе в состав Британской империи.

По вопросу европейской интеграции эксперт отмечал, что стране неизбежно придется делать выбор между Западной Европой и США, и предпринять шаги, чтобы избежать такого развития событий, при котором Соединенные Штаты предпочтут «работать больше со странами ЕЭС, чем с нами»¹. Другой эксперт, сотрудник Форин оффис С. О'Нейлл выразил сомнение в том, что в ближайшем будущем Великобритании удастся сделать сотрудничество с США «более тесным», но рекомендовал предпринимать шаги в этом направлении².

Также в оценках британских дипломатов присутствовала отсылка к концепции взаимозависимости, выдвинутой Г. Макмилланом в дополнение к «великому проекту» и предполагавшей приоритетное развитие англо-американских связей.

Любопытно, что неубедительность тезиса о «взаимозависимости» США и Британии осознавали и в Лондоне. Председатель рабочей группы внешнеполитического ведомства страны, занимавшейся анализом внешнеполитических позиций страны, П. Дин считал, что в сложившихся условиях «взаимозависимость» с США грозила превратиться в «зависимость» от них, и предотвратить развитие такой ситуации можно было только посредством вступления страны в Общий рынок. Переориентация Лондона на участие страны в европейской интеграции могла способствовать, по его мнению, укреплению трансатлантических отношений³.

В сущности, только в этом комментарии П. Дина к памятной записке Р. Кларка содержались призывы к присоединению Великобритании к континентальной интеграции. В целом, оценки и прогнозы экспертов не

¹ BDEE. Series A. 1957-1964. Vol. 4. Part I. P. 70.

² Ibid. P. 70-71.

³ Ibidem.

отличались оригинальностью предложений и в основном содержали рекомендацию опираться в выстраивании внешнеполитического курса на мнение США.

Британское руководство продолжало оценивать европейскую интеграцию как угрозу своему влиянию в Европе и поддержанию на соответствующем уровне отношений с заокеанским союзником. «Экономическое чудо» в Западной Германии, обогнавшей в 1958 г. Великобританию как экспортера промышленных товаров¹ на фоне низких темпов экономического роста британской экономики, не могли и далее оставаться незамеченными. В Форин оффис начинают делать прогнозы о том, что «проевропейская» ФРГ со временем может занять место Великобритании как «первого союзника» Вашингтона в Европе². Наднациональные группировки, которым оказывали поддержку США, постепенно стали фигурировать в правительственных документах Великобритании как шанс укрепить позиции страны в мире. Хотя и медленно, но отношение страны к перспективе вступить в Общий рынок стало меняться.

Раскол Европы на две конкурирующие группировки вызывал тревогу и среди стран Общего рынка. В конце сентября 1959 г. в столицу США прибыл вице-президент Комиссии ЕЭС, французский эксперт по экономическим вопросам Р. Маржолен для обсуждения с помощником госсекретаря Д. Диллоном вопросов разделения Европы на Шестерку и Семерку стран³.

Представитель ЕЭС справедливо оценил оформление альтернативного Общему рынку объединения как «коммерческое соглашение», которое является «бессодержательным в политическом отношении»⁴. Р. Маржолен пытался убедить своих американских визави в том, что готовящаяся к созданию под эгидой Великобритании группировка в перспективе будут иметь дискриминационный характер и нанесет ущерб торговым интересам США.

¹ Young J. W. Op. cit. P. 58.

² BDEE. Series A. 1957-1964. Vol. 4. Part 1. P. 75.

³ FRUS. 1958-1960. Vol. VII. Part 1. Wash., 1993. P. 152.

⁴ Ibid. P. 153.

Такие доводы не соответствовали реальному положению дел. Проект Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ) не предусматривал введения тарифов против третьих стран. Хотя представитель ЕЭС объективно был прав в том, что оформление двух торгово-экономических объединений в Западной Европе могло привести к «фрагментации мировой торговли»¹. Р. Маржолен обратился к США с призывом сделать первый шаг навстречу Великобритании и убедить ее в необходимости совместного со странами ЕЭС поиска компромиссного решения сложившейся проблемы. Обсуждение этих вопросов демонстрировало наличие серьезной тревоги в странах Шестерки в связи с оформлением ЕАСТ.

США откликнулись на призыв ЕЭС, и осенью 1959 г. выступили с инициативой провести переговоры с Парижем и Лондоном для урегулирования ситуации, потенциально угрожавшей не только экономическими, но и серьезными политическими последствиями.

Ощущая тупиковость сложившейся ситуации, когда США твердо дали понять своим британским партнерам, что они будут поддерживать Общий рынок, а не альтернативную ассоциацию свободной торговли, Г. Макмиллан решил использовать в своих интересах новое обострение ситуации вокруг Западного Берлина и выступить в роли примирителя США и СССР. Накануне парламентских выборов осуществление посреднической миссии могло укрепить англо-американские отношения, способствовать улучшению отношений с европейскими партнерами и повысить престиж Консервативной партии внутри страны и за пределами.

¹ Ibid. P. 154.

3.2 Обострение германского вопроса и визит Г. Макмиллана в СССР 1959 г.

Дело в том, что до сих пор не оставалась неурегулированной проблема статуса Берлина. Составными элементами этой проблемы для советского руководства стали планы США разместить в Западной Германии атомное оружие в рамках НАТО и бегство населения из ГДР на Запад. В декабре 1957 г. Совет НАТО поддержал идею о размещении в ФРГ ядерных ракет средней дальности, а в марте 1958 г. бундестаг ФРГ при одобрении западных оккупационных держав принял закон об оснащении бундесвера ядерными носителями, которые в случае атомного конфликта должны были быть оснащены боеголовками с американских складов¹. Серьезной проблемой оставалась и эмиграция населения в Западную Германию через Западный Берлин, в том числе высококвалифицированных кадров².

Первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев, ставший с конца марта 1958 г. единоличным руководителем страны после отставки Н.А. Булганина с должности председателя Совета министров СССР, считал, что этот «вклинившийся форпост противника» делает территорию ГДР уязвимой для проникновения западного влияния. Хрущев высказывался за предоставление западной части Берлина статуса «вольного города», но глава ГДР В. Ульбрихт с большим сомнением относился к такой идее, ссылаясь на печальный опыт Данцига в межвоенный период³.

Несколько месяцев спустя 27 ноября 1958 г. Н.С. Хрущев в нотах западным державам и обоим германским государствам поставил вопрос о ликвидации оккупационного режима в Западном Берлине. Советский лидер публично обвинил

¹ Веттиг Г. Н. С. Хрущев и Берлинский кризис 1958-1963 гг.: политика угроз и возведение Берлинской стены. М., 2007. С. 13.

² Gibson J. S. The Berlin Wall Crisis of 1961. // The Politics of International Crises. Ed. by W. G. Andrews. N.Y., 1970. P. 126-128.

³ Хрущев С. Н. Рождение сверхдержавы. Книга об отце. М., 2005. С. 271.

западные державы в нарушении Потсдамских договоренностей и использовании Западного Берлина в подрывных целях¹.

Н.С. Хрущев предлагал превратить западную часть города в самостоятельную политическую единицу, в жизнь которого не будет вмешиваться ни одно государство. Статус вольного города предполагал недопущение на его территории никакой враждебной деятельности, направленной против ГДР или других государств. Международный статус Западного Берлина должны были признать четыре оккупационные державы и ГДР и ФРГ. Советская сторона также допускала, что в гарантиях существования вольного города могла принимать участие ООН².

В случае отклонения этих предложений Хрущев намеревался заключить отдельный мирный договор с восточногерманским государством в течение полугода. Приведение этих угроз в действие могло спровоцировать новую блокаду Западного Берлина и военное столкновение СССР и западных стран.

При этом Хрущев поначалу был уверен, несмотря на доводы дипломатов, что его ультимативные требования к серьезным последствиям не приведут. Работавший в то время в МИДе советский дипломат В.М. Фалин вспоминал заверения Хрущева, который утверждал, что «руководители США не такие идиоты, чтобы ставить себя под удар из-за Западного Берлина. Если бы мы даже силой выпроводили их из города, войны американцы не развязали бы»³. Однако необдуманные заявления советского лидера все-таки привели к началу нового Берлинского кризиса.

¹ Фурсенко А. А. Россия и международные кризисы: середина XX в. М., 2006. С. 231.

² Сергеев Р. А. В МИД СССР. На Кузнецком мосту и Смоленской площади. М., 2007. С. 95.

³ Фалин В. М. Без скидок на обстоятельства: Политические воспоминания. М., 1999. С. 79. Любопытен эпизод «представления» этой идеи Хрущевым министру иностранных дел. А.А. Громыко в сопровождении двух сотрудников приехал к Хрущеву в ЦК, чтобы зачитать подготовленный в МИД текст очередного демарша США, Англии и Франции по поводу Западного Берлина. Хрущев не стал слушать, предложил «выбросить бумагу в корзину» и тут же стал диктовать стенографистке свою идею относительно превращения Западного Берлина в вольный демилитаризованный город без всяких оккупационных войск и независимый как от ФРГ, так и от ГДР. Н.С. Хрущев был так доволен этой идеей, что «вдруг хлопнул себя ладонью по колену и весело сказал: «Вот они там на Западе зашевелились, вот скажут, Хрущев, сукин сын, еще «вольный город» выдумал!». Александров-Агентов А. М. От Коллонтай до Горбачева. Под общей ред. И. Ф. Огородниковой. М., 1994. С. 103.

Реакция на ультиматум Хрущева действительно была бурной в западных странах. В ходе обсуждения возникшей ситуации выявились разные точки зрения на урегулирование возникшего кризиса в Великобритании и Франции, с одной стороны, и США, с другой стороны¹. Британское видение ситуации сводилось к тому, что «ультиматум Хрущева это, конечно, балансирование на грани войны», но Запад в этой ситуации «должен стоять твердо. Твердость означает, что все наши союзники по НАТО должны пристально следить за развитием ситуации и не допускать, чтобы советские действия сеяли семена недоверия внутри Западного союза. Мы не должны создавать впечатления в общественном мнении наших стран о том, что это мы, а не русские, спровоцировали проблему: первый выстрел должны сделать русские»².

Лондон, таким образом, отдавал приоритет «наблюдению» за ситуацией и поискам дипломатического урегулирования, в то время как Вашингтон считал важным «продемонстрировать ...готовность бороться до последнего, чтобы поддержать ...беспрепятственный доступ в Берлин по наземным коммуникациям»³. Ощущение нависшей угрозы разнилось в европейских странах и за океаном.

В декабре 1958 г. специальная сессия НАТО, рассмотрев сложившуюся вокруг статуса Берлина ситуацию, сформировала рабочую группу, которая по итогам своей работы в январе 1959 г. предложила созвать совещание глав внешнеполитических ведомств СССР, США, Великобритании и Франции для обсуждения германского и западноберлинского вопросов⁴.

10 января 1959 г. СССР направил ноты правительствам США, Великобритании, Франции, ФРГ и ГДР и странам, принимавшим участие в войне против Германии, в которых конкретизировал свои предложения по урегулированию германского вопроса и прилагал проект мирного договора. План

¹ Smyser W. R. Kennedy and the Berlin Wall: "A Hell of a Lot Better than War". Maryland, 2009. P. 17-18.

² FRUS. 1958-1960. Vol. VIII. Berlin Crisis, 1958-1959. Wash., 1993. P. 225-226.

³ Ibid. P. 228.

⁴ Пилько А. В. НАТО и Берлинский кризис 1958-1961 гг. // Новая и новейшая история. №1. 2012. С. 85.

предусматривал вывод в короткий срок после заключения мирного договора всех оккупационных войск и неучастие объединенной Германии в военно-политических блоках¹.

Дискуссионным вопросом в историографии остается вопрос о том, какие же цели реально преследовал «ультиматум Хрущева». Известный российский германист А.М. Филитов выдвинул версию о том, что «Хрущев с самого начала кризиса планировал именно закрытие границы в Берлине, и ничего более, что и сам кризис был им развязан именно с этой главной целью, малопочтенной с точки зрения морали, но вполне соответствующей менталитету политика, для которого «закрытое общество» было воплощением «нормальности», а свобода перемещения через границу «двух систем» - опасной аномалией»².

Затевая опасную, но плохо продуманную дипломатическую игру, Хрущёв, вероятно, рассчитывал на то, чтобы переложить ответственность за закрытие границы на западные страны. Вряд ли он всерьез допускал, что все его требования будут приняты Западом, следовательно, их отказ от выполнения его «ультиматума» не оставлял бы Москве другого выхода, кроме как прервать контакты между Западным Берлином и ГДР.

Такие замыслы у советского лидера, вероятно, выкристаллизовались не сразу. По воспоминаниям сына Н.С. Хрущева С. Хрущева его отец сам стал искать диалога с Западом, вероятно, осознав, как далеко может зайти развитие сложившейся кризисной ситуации. Еще в январе 1959 г. состоялся визит его заместителя А.И. Микояна в США³. Визит был обставлен как поездка частного лица, но в реальности по своим каналам первый заместитель Хрущева стремился на встречах с президентом, госсекретарем и другими американскими политиками

¹ Долгилевич Р. В. Вопрос о статусе Берлина. 1944-1990 гг. // Новая и новейшая история. 2011. №3. С. 89.

² Филитов А. М. Германия в советском внешнеполитическом планировании (1941-1990 гг.). М., 2009. С. 267.

³ В своих мемуарах А. И. Микоян оставил крайне скудную информацию о поездке. По его воспоминаниям, «Хрущев стал меня уговаривать поехать в США, чтобы рассеять враждебную конфронтацию, возникшую в результате его же речи. Я резко возражал: «Ты затеял, ты и поезжай! ...». – «Нет, мне нельзя. Я первое лицо. Поезжай как личный гость Меншикова. Ведь все же знают, что он долгое время был твоим заместителем во Внешторге. ...». В общем, пришлось ехать в первые же дни нового, 1959 г.». См.: Микоян А. И. Так было. Размышления о минувшем. М., 1999.

уверить их в желании СССР решать германскую проблему и Берлинский вопрос дипломатическими средствами¹. Однако эти попытки не имели успеха².

Согласно материалам Архива внешней политики СССР, 14 января 1959 г. британский посол в Москве П. Райли на встрече со своим советским коллегой в Лондоне Я.А. Маликом заявил ему о том, что «внимательно следит по печати за пребыванием А.И. Микояна в США» и высказал идею о том, что «было бы целесообразно, если бы А.И. Микоян на обратном пути из США в СССР остался хотя бы на 2-3 дня в Лондоне»³. Далее Райли отметил, что «поездка в Лондон А.И. Микояна и его пребывание там были бы положительно восприняты в Англии и могли бы стать хорошим началом того, к чему он, Райли, постоянно стремится, то есть к обмену мнениями между руководящими деятелями наших стран на высшем уровне»⁴. Интересно, что Райли это предложение назвал «своей личной инициативой»⁵, что вряд ли соответствовало действительности. Судя по всему, Г. Макмиллан в этот период уже начал продумывать возможные варианты того, каким образом можно выступить посредником в налаживании диалога между СССР и США. Я.А. Малик ответил послу, что времени крайне мало, и встреча в Лондоне не состоялась.

27 мая 1959 г. истекал срок действия ультиматума Хрущева. До окончания этого периода Г. Макмиллан решил лично встретиться с Н.С. Хрущевым. Если верить британскому исследователю Р. Торпу, именно тогдашний министр иностранных дел Великобритании С. Ллойд подал премьер-министру идею воспользоваться отложенной возможностью ответного визита и постараться «извлечь из него максимальные выгоды»⁶.

В январе 1959 г. британское правительство напомнило Москве о сделанном три года назад приглашении, и несколько дней Г. Макмиллан с тревогой ждал

¹ Хрущев С. Н. Указ. соч. С. 274-275.

² Таубман У. Хрущев. Пер. с англ. М., 2005. С. 446.

³ АВП РФ. Ф. 69. О. 51. П. 18. Д. 158. Л. 8.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Thorpe D.R. Supermac: The life of Harold Macmillan. L., 2010. P. 425.

ответа советского руководства. Ответ Москвы был благоприятным, и стороны начали этап согласования деталей поездки. Британский посол в Москве П. Райли в связи с обсуждением программы визита сообщил, что «Макмиллан видит основную задачу поездки в переговорах. Он, Макмиллан, хотел бы иметь как можно больше встреч, официальных и неофициальных, с руководящими деятелями Советского Союза в Москве»¹. Такое пожелание было положительно встречено в Москве².

Накануне поездки разные политики внутри страны и за рубежом предупреждали Макмиллана о непредсказуемом характере Хрущева. П. Райли предупреждал премьер-министра и об импульсивном нраве советского лидера, заявив ему, что «самая опасная черта Хрущева – мания величия»³. Дж.Ф. Даллес и Д. Эйзенхауэр также без энтузиазма восприняли идею Г. Макмиллана о визите в Москву. Даллес считал, что премьер-министр рассчитывает увеличить шансы своей партии на победу в парламентских выборах, назначенных на октябрь 1959 г.: «Макмиллан хочет выглядеть героем, который нашел выход из Берлинской дилеммы»⁴. Республиканская администрация дала ясно понять премьер-министру, что Британия может вести обсуждение с Хрущёвым только от своего имени.

Предположения о желании Макмиллана увеличить шансы консерваторов на победу в случае достижения договоренностей по германскому вопросу, безусловно, соответствовали действительности. При этом реакция США на британскую инициативу свидетельствовала о том, что они занимали неуступчивую позицию по Берлинской проблеме, сближаясь в этой неуступчивости с СССР. Макмиллан рассчитывал сблизить позиции Москвы и Вашингтона, ослабив напор Хрущева и укрепить тем самым англо-американские отношения, апробировав концепцию взаимозависимости.

¹ АВП РФ. Ф. 69. О. 51. П. 158. Д. 16. Л. 3.

² Там же.

³ Horne A. Harold Macmillan. Vol. II. 1957-1986. L., 1989. P. 117.

⁴ Idem. P. 118.

21 февраля 1959 г. Г. Макмиллан в сопровождении членов делегации, включая министра иностранных дел С. Ллойда, секретаря кабинета Н. Брука, постоянного заместителя главы Форин оффис П. Дина и других дипломатов прибыл в Москву.

Британский лидер уже был в Советском Союзе в 1933 г., только в качестве туриста. В приветственной речи Макмиллан так озвучил цели своей поездки: «Во-первых, мы с министром иностранных дел хотим нанести ответный визит вежливости... Во-вторых, мы хотим увидеть народ Советского Союза, промышленность, сельское хозяйство. ...В-третьих, мы хотели бы, чтобы наш визит внес вклад в дело более широкого ознакомления Советского Союза с сегодняшней жизнью в Англии и с той позицией, которую наша страна занимает в важнейших международных проблемах. ...Я не приехал к вам вести официальные переговоры по определенным вопросам. Однако я надеюсь, что в ходе наших переговоров мы достигнем лучшего понимания наших точек зрения»¹.

Накануне поездки 19 февраля глава правительства на заседании кабинета обозначил основную цель своего посещения СССР как «рекогносцировку», а не «переговоры с целью заключения каких-либо соглашений с советским правительством»². Макмиллан понимал, что самостоятельных решений от имени Британии он предпринять не сможет, и предполагал **обсудить** [выделено *Е.Х.*] германский вопрос и проблемы европейской безопасности, оценить взгляды и намерения советских лидеров, при этом «твердо придерживаясь позиции, которую западные страны уже озвучили»³. Также британский лидер собирался затронуть проблемы разоружения и расширения британо-советской торговли⁴.

Десятидневный визит оказался насыщенным и напряженным для обеих сторон. Риторика премьер-министра в ходе встречи вполне соответствовала его задачам по созданию условий для разрядки международной напряженности. Уже

¹ Правда. 22 февраля 1959.

² CAB 128-33. 19 February 1959.

³ The Economist. February 21. 1959.

⁴ White B. Britain, Détente and Changing East-West Relations. L., N.Y., 1992. P. 61-62.

на следующий день после прибытия премьер-министр заявил, что «несмотря на существующие трудности, стороны могут постараться найти точки взаимодействия во имя сохранения мира»¹.

Подобными настроениями в первые дни визита отличались и выступления Н.С. Хрущева. На обеде в Кремле в честь прибывших гостей 22 февраля он отметил, что прошедшие с 1956 г. три года не были периодом «безоблачных отношений между нашими странами. Облака были, и даже грозовые. Если можно так выразиться, наши отношения были с заморозками. Этому во многом способствовал общий холодный климат в международных отношениях. Сейчас многие говорят об «оттепели», приметы которой видны в оживлении контактов и в стремлении к переговорам. Мы рассматриваем и Ваш приезд как результат этой «оттепели», и сегодня при Вашем приезде в природе действительно была оттепель»².

Г. Макмиллан в ответ произнес речь, в которой не только выразил надежду, как и его советский визави, на «оттепель» в холодной войне, но и обозначил позицию страны в колониальных делах. Эта часть выступления заслуживает особого внимания в связи с тем, что позволяет рассматривать визит британского лидера в Москву не только как попытку содействовать урегулированию Берлинского кризиса, но и «держать ответ» за политику, которая подвергалась острой критике со стороны СССР.

Премьер-министр заявил о том, что «Империализм – это эпизод в истории. Он больше не существующая реальность. Мы унаследовали империю, которую построили наши отцы, и механизм, который они разработали, позволил нам трансформировать империю в Содружество. В начале XIX в. великий британский реформатор Макалэй заложил основы такой системы образования в Индии, которая позволила воспитать людей, которым мы смогли вовремя передать власть. Эта концепция опеки сейчас достигла своего совершенства. Ассоциация

¹ Правда. 23 февраля 1959.

² Там же.

Содружества ...пополняется быстрыми темпами. С окончания войны Индия, Пакистан, Цейлон, Малайя и Гана добровольно присоединились к этой международной семье наций. Дверь остается открытой. Мы надеемся, что в ближайшие годы поприветствуем новых членов. Первой может быть Нигерия, за ней последуют страны Вест-Индской Федерации и другие территории»¹.

Далее Макмиллан попытался провести параллель с Российской империей, отметив, что «поскольку Вы рассматриваете методы, которыми царское правительство увеличило территории до огромной Российской империи, как благоприятные по своим результатам, так и мы не считаем, что наши зависимые территории должны сожалеть о связи с Британией»².

В советских газетах эта часть выступления британского лидера, что симптоматично, не нашла отражения. Однако она важна для понимания этапов формулирования британской политики в колониальной сфере на пути к «году Африки». Вопросы деколонизации в конце 1950-х гг. привлекали значительное внимание общественного мнения по всему миру и вызывали болезненную реакцию у европейских метрополий.

Ключевым пунктом официальной части визита стало обсуждение германского вопроса. Как вспоминал Макмиллан, Хрущев на первой встрече «со всей серьезностью повторил все свои аргументы по германскому вопросу», и британский премьер-министр даже подумал, что вряд ли удастся добиться заметных успехов в переговорах³.

Г. Макмиллан заранее продумал возможные предложения по Германии. Он обрисовал своему советскому коллеге три возможных сценария для разрешения германского вопроса. Первый вариант предполагал объединение Германии со столицей в Берлине. Второй вариант, по сути, был направлен на сохранение существующего статус-кво: обе стороны соглашались с уже существующим разделением Германии и разделом Берлина на западную и восточную части.

¹ The Times. 23 February 1959.

² Ibidem.

³ Macmillan H. Riding the storm. 1956-1959. L., 1971. P. 598-599.

Третий проект был связан с предложением Хрущева – как временное решение, полагал Макмиллан, можно установить свободный город, но в отношении всего Берлина, иначе «что логичного в предложении статуса вольного города только для Западного Берлина?»¹.

Вряд ли Н.С. Хрущев мог дать ответ на этот вопрос. Статус вольного города не мог решить германский вопрос кардинальным образом. Пойти же на заключение мирного договора западные страны явно не могли, исходя из четких идеологических установок: добиться уступок от оппонента, не уступая самим. Обсуждение германской проблемы на этом этапе завершилось безрезультатно.

На следующий день 23 февраля Н.С. Хрущев заявил, что хотел бы добавить «одну вещь» к вчерашним обсуждениям по германскому вопросу. Проект мирного договора, которое советское правительство направило западным странам, подчеркнул он, составлен на основе Потсдамских соглашений. Но отдельные положения проекта можно обсуждать, например, ФРГ и ГДР на какое-то время могут остаться в составе военно-политических блоков. Такие предложения уже свидетельствовали о некотором смягчении советской позиции.

Другой важнейшей международной проблемой оставалась сокращение обычных вооружений и запрещение ядерных испытаний. По воспоминаниям Г. Макмиллана вечером 23 февраля переговоры были полностью посвящены этим вопросам. Хрущев поддержал идею подписать соглашение о запрете ядерных испытаний и выразил готовность обсуждать разные варианты такого документа. С. Ллойд предположил, что сначала следует достичь договоренности о запрещении ядерных испытаний, затем установить контроль над расщепляющимися материалами для производства атомного оружия или определить зоны, в которых каждый сможет контролировать пределы вооружений всех видов². При этом согласие советской стороны идти на уступки в вопросах разоружения мало что значило без участия США, и это понимали обе стороны. Г.

¹ Idem. P. 599.

² Idem... P. 599-600.

Макмиллан, рассматривал эти обсуждения как «пробный шар», ему хотелось понять, насколько Хрущев гибок в других – не связанных напрямую с Берлинской проблемой – вопросах.

Советская программа визита предусматривала не только «официальную» часть, но и большую «культурную» программу. Неслучайно первым впечатлением от поездки у Макмиллана было то, что «все время было занято». График визита оказался довольно плотным и насыщенным. Другое, «более банальное», впечатление касалось огромного потребления еды и напитков: «Еда (кроме икры, копченого лосося и обычных закусок перед ужином) не очень хорошая. Напитки (кроме водки) невысокого качества, за исключением хорошего белого вина с Кавказа. Советский брэнди и вовсе просто яд»¹.

Как вспоминал сын Н.С. Хрущева, в один из дней в начале визита его отец «завез Макмиллана на подмосковный конный завод. Там им приготовили истинно русское, эдакое лубочное катание на тройках, запряженных в сани. Отцу и самому оно было в новинку. ... От развлечения он пришел в восторг, гость лишь сдержанно поблагодарил»².

Интересно, что Макмиллан упоминает эту езду на тройке и другие «забавы» вроде катания на санках с ледяной горы в мемуарах, но не более как составную часть визита, действительно не оставившую у него большого впечатления. Хотя он и отмечал, что «эксперты говорили ему, что знакомство гостей с такими исконно русскими увеселениями свидетельствовало о проявлении близости»³.

В реальности такой близости не случилось. Ментальные и исторические различия двух стран, помноженные на укоренившиеся стереотипы в отношении друг друга, накладывали отпечаток на взаимные отношения. Обе стороны не доверяли друг другу. П. Райли предупредил Макмиллана о том, что «у Советов самые изощренные способы прослушивания», и премьер-министр все время

¹ Idem... P. 633.

² Хрущев С. Н. Указ. соч. С. 275.

³ Macmillan H. Riding the storm... P. 597-598.

своего пребывания в СССР перестал вести дневник, страдая от невозможности «посплетничать по вечерам с Селвином [Ллойдом – *Е.Х.*]»¹.

В телеграммах в Лондон Г. Макмиллан отмечал, что на первоначальном этапе обсуждений советский лидер был настроен на диалог, однако обсуждение германского вопроса 25 и 26 февраля проходило уже «в прохладной атмосфере»². Такая атмосфера объяснялась тем, что накануне 24 февраля 1959 г. Н.С. Хрущев выступил с обстоятельной речью на собрании избирателей Калининского избирательного округа города Москвы. В этом выступлении первый секретарь ЦК КПСС озвучил свое видение решения германского вопроса и других международных проблем.

Советский лидер призвал западные страны к «мирному сосуществованию стран с разными социальными системами» и озвучил практические шаги для «смягчения международной напряжённости». Среди них – предложение о встрече в верхах для решения германского вопроса и ослабления международной напряженности. При этом Хрущев охарактеризовал циркулировавшую в дипломатических кругах Запада идею о созыве совещания министров иностранных дел как неприемлемую. По его мнению, встреча глав внешнеполитических ведомств приведет не к смягчению, а к «усилению напряженности»: «министры начнут ворошить все, что было в прошлом». Наиболее же подходящим вариантом для всех сторон советский лидер считал только встречу в верхах.

В германском вопросе Н.С. Хрущев озвучил свою прежнюю идею: «с подписанием мирного договора все обязательства в отношении оккупации Германии – как наши, так и наших союзников – потеряют силу. Следовательно, не может быть и речи о каком-либо нарушении четырёхсторонних соглашений о Германии, о каком-то отстаивании Западом своих интересов и выполнении функций «по защите» Западного Берлина, вытекающих из этих соглашений»³.

¹ Horne A. *Op. cit.* P. 124.

² САВ 128-33. 27 February 1959. P. 4.

³ Правда. 25 февраля 1959.

Затронув визит британской делегации в СССР, советский лидер предложил Великобритании заключить договор о дружбе и ненападении на 20 или 50 лет взамен договора 1942 г. и расширить торговые и культурные контакты между Лондоном и Москвой. Эта идея привлекла широкое внимание прессы в азиатских и европейских странах, а также США. Британская делегация восприняла предложение о подписании «невоенного пакта» между СССР и Соединенным Королевством как «совершенно неожиданное». Макмиллан расценил эту идею как стремление Хрущева отколоть Британию от своих союзников, «как опасались и предсказывали министры и дипломаты в Вашингтоне и Бонне»¹. Проект договора о дружбе и ненападении британская делегация увезла с собой, положив его под сукно и не вернувшись к этой идее².

Еще 23 февраля Макмиллан отправил письмо Д. Эйзенхауэру: «я здесь всего 48 часов, но многое уже стало очевидно. Несмотря на свою значительную новую мощь и богатство, русские все еще зациклены на чувстве незащищённости. ... В какой бы ситуации Хрущев не упоминал немцев, он, очевидно, ощущает ненависть и недоверие»³.

Эта начальная часть письма, объясняющая «неуступчивую» позицию советского лидера, вызывает некоторое недоумение. Вряд ли подход СССР к решению германского вопроса можно было объяснить личной ненавистью Н.С. Хрущева к Германии. На следующий день 24 февраля Макмиллан получил ответ Эйзенхауэра, уже информированного о содержании выступления Хрущева. Президент США, комментируя эту речь, назвал ее «более воинственной, чем его прежние предложения». Макмиллан в ответ сообщал, что «атмосфера после выступления Н.С. Хрущева действительно стала прохладной, и вести переговоры стало сложнее»⁴. При этом британский лидер относил проявившуюся в выступлении Хрущева «воинственность» к результату их совместного разговора

¹ Horne A. Op. cit. P. 124.

² Красильников А. Н. СССР и Англия. Советско-английские отношения в 1917-1967 гг. М., 1967. С. 33.

³ FRUS. 1958-1960. Vol. VIII. Berlin Crisis, 1958-1959. Wash., 1993. P. 385.

⁴ FRUS. 1958-1960. Vol. VIII. Berlin Crisis, 1958-1959. Wash., 1993. P. 386-387.

накануне: Хрущев, как считал Макмиллан, остался разочарованным твердой позицией, которую гость обозначил в начале визита¹.

Эта переписка двух лидеров свидетельствовала о том, что Г. Макмиллан, несмотря на первоначально негативное отношение президента США к его поездке в СССР, все же пытался заручиться поддержкой Вашингтона. Британский лидер, вероятно, понимал, что смягчение советской позиций автоматически не приведет к разрешению Берлинского кризиса – потребуются дальнейшие дипломатические усилия для того, чтобы убедить западные страны в необходимости диалога.

25 февраля в Вашингтоне состоялась пресс-конференция президента Д. Эйзенхауэра, на которой ему среди прочих был задан вопрос о том, считает ли он приемлемыми для обсуждения предложения Хрущева по германскому вопросу, озвученные им накануне. Президент ответил, что «непримиримость» Хрущева хорошо известна, и она лишь подчеркнута его последней речью. Эйзенхауэр отметил, что «единственно логичная для США позиция заключается в том, чтобы ни на один дюйм не отступить в вопросе сохранения и осуществления их прав и обязанностей в отношении Западного Берлина»².

На этом фоне «непримиримой» выглядела не только советская, но и американская позиция. Как представляется, американскими и британскими политиками выступление советского лидера было воспринято с излишней серьезностью. Речь Хрущева, во-первых, мало отличалась от его обычной риторики в адрес западных стран, во-вторых, в германском вопросе глава советского правительства не озвучил новых предложений или угроз. Скорее наоборот, его выступление, если отбросить идеологические штампы, свидетельствовало о желании договариваться и обсуждать.

Премьер-министр в телеграммах на родину сообщал, что в беседах 25 и 26 февраля он пытался убедить Н.С. Хрущева в том, что односторонние действия СССР не приведут к разрешению германского вопроса. Обсуждения германского

¹ Ibid. P. 387.

² Правда. 26 февраля 1959.

вопроса в эти дни отличались эмоциональностью. Н.С. Хрущев заявил, что Запад очевидно хочет помочь Аденауэру ликвидировать ГДР, но предупредил, что в случае силового развития событий, «последствия будут очень мрачными и это будет вина Запада». Г. Макмиллан, в свою очередь, отреагировал не менее решительно, чем его визави, указав, что западные страны едины в своей решимости поддерживать соблюдение своих прав в Западном Берлине: «если попытаетесь запугать нас, то получите Третью мировую войну»¹.

26 февраля Хрущев, не отступаясь от своей прежней линии и обвинив в отсутствии прогресса в переговорах британскую сторону, все же выждал паузу, во время которой, по замечаниям Макмиллана, он, видимо, размышлял, имеет ли вообще смысл продолжать дискуссии или нет. Премьер-министр уже в более спокойном тоне постарался акцентировать внимание на желании западных стран содействовать мирному урегулированию германского вопроса и других проблем посредством переговоров. Хрущев, в свою очередь, добавил, что если дата 27 мая неприемлема, то можно выбрать другое время и скорректировать некоторые из выдвинутых предложений. Например, «советское правительство готово гарантировать статус Берлина как свободного города и отправить советские войска в символической численности для соединения с западными войсками для гарантии доступа западных стран в Западный Берлин»².

При этом Хрущев вновь заявил, что не позволит западным странам навязывать Советскому Союзу свою волю, и припомнил безуспешный визит в Москву британских представителей для трёхсторонних переговоров в 1939 г. и поражение Лондона в Суэцком кризисе. Разговор вновь принял неприятный оборот. Сославшись на необходимость срочно залечить зуб, Хрущев отказался сопровождать британскую делегацию в Киев, где он собирался познакомиться с дочерью и показать свою «малую родину». Кроме украинской столицы гости должны были посетить Ленинград.

¹ CAB 128-33. 27 February 1959. P. 4.

² Ibid. P. 3-4.

Советский лидер пояснил также, что сопровождать гостей в эти города не смогут по причине внезапных срочных дел и его заместитель А.И. Микоян и министр иностранных дел А.А. Громыко. Поэтому с членами британской делегации в Киев поехали первый заместитель министра иностранных дел СССР В.В. Кузнецов, советский посол в Британии Я.А. Малик и заведующие отделами МИД СССР.

Макмиллан описывал знаменитую историю с зубами Хрущева как «один из самых причудливых дипломатических эпизодов в истории»¹. В сложившихся обстоятельствах, когда визит оказался на грани срыва, послы США, Франции и ФРГ в Москве рекомендовали Макмиллану «собирать чемоданы и возвращаться в Лондон»².

Британский премьер-министр не внял этим советам и остался, решив вести себя так, словно ничего не произошло. Эта стратегия оказалась верной. Макмиллан уже психологически прочувствовал своего визави и понял, что не все еще потеряно. Возможно, именно тогда у премьер-министра сложилось мнение, озвученное им позднее в мемуарах о том, что «Хрущев *абсолютный* [курсив в тексте] правитель России и полностью контролирует ситуацию. Нелегкий период после смерти Сталина завершился»³.

Еще до отъезда в Киев и Ленинград Макмиллан получил от Хрущева сообщение, которое, по его мнению, соответствовало стилистике «Петра I или другого русского деспота более ранних времен»: в нем говорилось о том, что «я видимо буду рад узнать, что он залечил зубы: дантист использовал прекрасную недавно разработанную британскую дрель!»⁴. Этот «зубной» эпизод, попавший во все зарубежные газеты, не только «оживил» визит, но и, как покажут события, содействовал улучшению британо-советского диалога, в каком-то смысле став рубежом в общении Г. Макмиллана и Н.С. Хрущева.

¹ Macmillan H. Riding the storm... P. 616-617.

² Williams Ch. Harold Macmillan. L., 2009. P. 329.

³ Idem. P. 617.

⁴ Horne A. Op. cit. P. 126-127.

Поездки в Киев и Ленинград оказались не менее интенсивными, чем пребывание в Москве. В день прибытия в столицу УССР 26 февраля вечером гости в сопровождении встречавшей делегации посетили постановку Киевского государственного академического театра оперы и балета имени Шевченко «Лесная песня». На следующий день прибывших встречали в колхозе «Коммунист», затем они посетили республиканскую выставку передового опыта в народном хозяйстве УССР. Во второй половине дня гостей познакомили с достопримечательностями города.

28 февраля британская делегация вылетела из Киева в Ленинград. На аэродроме в Ленинграде британских гостей встречали А.И. Микоян, А.А. Громыко, П. Райли и другие официальные лица. В северной столице гости посетили Адмиралтейский завод, побывали в его цехах и проехали на машинах по огромной территории завода, посетили атомный ледокол «Ленин». Вечером в тот же день Г. Макмиллан и другие члены британской делегации были приглашены на очередную постановку – в Академическом театре оперы и балета имени С.В. Кирова они смотрели балет С. Прокофьева «Каменный цветок».

Эти почти ежедневные хореографические постановки показались премьер-министру утомительными и «слишком долгими». Г. Макмиллан, который не был любителем музыки, в дневниках признавался, что гораздо больше предпочел бы посетить знаменитый Русский цирк, но «какой-то идиот в Форин оффис сказал «балет»!»¹. В мемуарах же Макмиллан, описывая свои впечатления от визита, дипломатично отмечал, что «все балетные спектакли были превосходны каждый в своем роде»².

В этот же день А.А. Громыко встретился со своим британским коллегой и передал ему проект договора о ненападении между Советским Союзом и Соединенным Королевством, отметив, что «заключение такого договора не только способствовало бы дальнейшему развитию англо-советских отношений, но

¹ Horne A. Op. cit. P. 123.

² Macmillan H. Riding the storm... P. 632.

и послужило бы делу мира во всем мире». С. Ллойд отреагировал комментарием о том, что «премьер-министр Макмиллан давно допускал возможность заключения такого договора, но в соответственное время и на соответствующих условиях. И в этом все дело»¹. Такая реакция отражала весьма прохладное отношение к советской идее подписания нового пакта о ненападении.

1 марта иностранные гости посетили Ленинградское высшее военно-морское училище имени М.В. Фрунзе. На набережной Невы у входа в училище по случаю прибытия премьера-министра был выстроен почетный караул и исполнены гимны Великобритании и Советского Союза. Вице-адмирал В.Л. Богденко вручил Г. Макмиллану памятный подарок – морской кортик. Во второй половине дня британские гости посетили Эрмитаж².

Во время прогулки на Невском проспекте британский лидер пообщался с обычными прохожими. В мемуарах он отмечал: «Какие милые и доброжелательные люди вокруг – я разговаривал со многими – на улице, фабриках и других общественных местах. Некоторые люди, с которыми я беседовал, весьма встревожены проблемами войны и мира. Пропаганда [в СССР – *Е.Х.*] ужасающая. Каждый в России, кажется, абсолютно серьезно убежден, что американцы, и, возможно, британцы, уже решились на «внезапную атаку»³.

Намеренно маршрут экскурсии был выстроен таким образом, чтобы члены британской делегации имели возможность понаблюдать за процессом голосования на одном из избирательных участков города. Принимающей стороне также было важно продемонстрировать, что в СССР действует система свободных выборов – 1 марта состоялись выборы в Верховные Советы союзных и автономных республик и в местные советы депутатов трудящихся.

Н.С. Хрущев после возвращения гостей и в последний день визита 2 марта заявил им о том, что советское правительство готово скорректировать свои предложения по Берлину. В частности, он подтвердил уже озвученную готовность

¹ АВП РФ. Ф 69. О. 51. П. 185. Д. 15. Л. 2.

² Правда. 2 марта 1959.

³ Macmillan H. Riding the storm... P. 633.

СССР гарантировать статус Западного Берлина как «вольного» города и доступ западным войскам в западную часть города¹. Таким образом, советский лидер после «зубного» инцидента несколько смягчил свою позицию, тем более что визит приближался к концу и в его положительных итогах были заинтересованы обе стороны.

Небезынтересно отметить, что 26 февраля бывший посол США в Москве и идеолог концепции сдерживания Дж. Кеннан высказал идею о том, что «согласованный вывод всех иностранных войск из Германии является наилучшим решением, к которому должны стремиться Соединенные Штаты»². Еще в 1949 г. американский дипломат подготовил для Госдепартамента США документ, в котором выступал за то, чтобы «немцы, внося определенный вклад в дело обороны Западной Европы», оставались «вне НАТО и не имели собственных вооруженных сил». По его прогнозам, иначе германский вопрос путем объединения Германии можно будет решить только в отдаленной перспективе³. Кеннан призывал к переговорам с советским лидером, однако озвученные им идеи шли в разрез с общим настроением администрации республиканцев. Как видно, спустя десятилетие прогнозы Кеннана полностью оправдались.

Налаживанию контактов, как и прежде, мешало недоверие сторон. Мировоззренческие различия, вставшие в полный рост еще в ходе визита советских лидеров в Британию весной 1956 г., вновь сказались на общении сторон. Советский Союз и западные страны ожидали компромиссов друг от друга, но сами не были готовы идти на реальные уступки.

Неслучайно членов британского кабинета, ознакомившихся с донесениями премьер-министра из Москвы, беспокоило складывающееся впечатление, что Г. Макмиллан будто бы вел обсуждение с советской стороной от имени **всех** [выделено *Е.Х.*] западных стран. Поэтому на заседании кабинета было решено

¹ Horne A. Op. cit. P. 127.

² Правда. 27 февраля 1959.

³ Кеннан Дж. Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. Пер. с англ. М., 2002. С. 353-354.

дать указания британской прессе при освещении поездки Макмиллана в СССР особо подчеркнуть, что «целью премьер-министра не было проведение **официальных** [выделено *Е.Х.*] переговоров с советским правительством»¹.

В советской же прессе в основном освещалась «культурная» сторона визита. В отношении переговоров стала употребительной фраза о том, что «стороны обсудили вопросы, представляющие взаимный интерес». Подробности обсуждения политических вопросов, в отличие от визита советских лидеров в Британию 1956 г., в советской прессе практически не нашли отражения.

В итоговом советско-английском коммюнике содержались общие заявления о стремлении Лондона и Москвы содействовать разрешению проблем разоружения и запрещению ядерных испытаний и развивать культурные связи. В отношении германского вопроса в коммюнике констатировалось, что стороны «были не в состоянии прийти к соглашению относительно юридических и политических аспектов затронутых проблем», но было зафиксировано, что «различия во взглядах должны устраняться путём переговоров, а не обращения к войне»².

Еще накануне отъезда британской делегации на приеме в Большом Кремлевском дворце в честь премьер-министра Великобритании Г. Макмиллана Н.С. Хрущев выступил с речью, в которой указал на недостаточность объема торговли между двумя странами³.

Действительно, торговый оборот двух стран в конце 1950-х гг. начал увеличиваться, но не значительно. Любопытный эпизод – в ходе визита британская сторона затронула такой, казалось бы, несущественный вопрос как финансовые претензии между Британией и СССР, возникшие «в результате присоединения Латвии, Литвы и Эстонии к Советскому Союзу», однако

¹ CAB 128-33. 27 February 1959. P. 4.

² Правда. 4 марта 1959.

³ Правда. 3 марта 1959.

подчеркнула, что «в то же время оставляет в состоянии неопределенности претензии, возникшие в результате Октябрьской революции 1917 г.»¹.

К другим, более существенным препятствиям к увеличению взаимного товарооборота относилась британская (и в целом западная) политика торговых ограничений и дискриминации в отношении советских товаров. Я.А. Малик еще в начале января 1959 г. поднял этот вопрос в беседе с британским коллегой. П. Райли «пытался сослаться на якобы значительное сокращение так называемого стратегического списка товаров, то есть списка товаров, запрещенных для вывоза из Англии в Советский Союз»². Малик парировал тем, что «в стратегическом списке оставлено около 400 наименований товаров. Более того, в этот список включено свыше 120 новых наименований товаров»³.

Примечательно, что британский посол в ответ на эти аргументы откровенно «ссылался на то, что Англия де вынуждена считаться с мнением и позицией своих союзников по НАТО и поэтому вынуждена занимать ту позицию, которые занимают ее партнеры по НАТО по ряду политических вопросов»⁴.

Поэтому неудивительно, что доля СССР в британской внешней торговле составляла около 1,5 %, и, наоборот, доля Великобритании в советской внешней торговле – около 2,5 %. Сотрудничество двух стран главным образом осуществлялось путем заключения отдельных сделок между внешнеторговыми организациями СССР и британскими фирмами⁵. По следам визита Г. Макмиллана 24 мая было подписано пятилетнее соглашение о товарообороте между СССР и

¹ АВП РФ. Ф. 69. О. 51. П. 185. Д. 15. Л. 12.

² АВП РФ. Ф. 69. О. 51. П. 185. Д. 18. Л. 3-4.

³ Там же. Л. 4.

⁴ Там же. Л. 6.

⁵ Трухановский В. Г., Капитонова Н. К. Советско-английские отношения, 1945-1978. М., 1979. С. 152-153.

Великобританией и соглашением о кредите¹. Объем торговли увеличился с 230,9 млн. руб. в 1959 г. до 307,5 млн. руб. в 1964 г.².

Британия и СССР договорились также о расширении взаимодействия в культурной сфере, обмене книгами, газетами, фильмами. Такие решения были приняты еще в начале визита Г. Макмиллана 23 февраля. Также в марте в Москву должны были приехать представители Британского Совета для обсуждения программы культурных, образовательных, технических и научных контактов между двумя странами³.

Состоявшееся к концу визита потепление отношений между сторонами внушало премьер-министру Великобритании надежду на продолжение начатого диалог и укрепление роли британской дипломатии в процессах сближения Москвы и Вашингтона. Макмиллану удалось добиться фактического отказа Хрущева от ультимативного требования решить германский вопрос до 27 мая и получить его согласие на проведение совещания министров иностранных дел.

3 марта 1959 г. британская делегация вылетела из Москвы в Лондон.

Г. Макмиллан высоко оценивал в мемуарах результаты поездки. Годы спустя он вспоминал свой визит в Москву в 1959 г. как одну из важнейших инициатив страны в послевоенное время, ставившую Великобританию в один ряд с США и СССР. Макмиллан писал: «несмотря на военное превосходство двух протагонистов России и США в плане их ресурсов, населения и вооружения, позиция Британии и ее влияние в мировых делах имело реальное и иногда вполне решающее значение. Правительства Эттли и Бевина, Черчилля и Идена принимали командующую роль. Я пытался следовать их примеру, и ценность недавних инициатив британского правительства была признана, с различной

¹ Интересно отметить, что 26 февраля на заседании британского кабинета министров отмечалась обеспокоенность «общественного мнения» страны тем, что расширение торговли между Соединенным Королевством и Советским Союзом может привести к увеличению британского импорта советской нефти, в то время как нефтяные компании были не заинтересованы в таком развитии событий. Поэтому следовало подумать, считали министры, над формулировками отказа от значительного увеличения объемов торговли. CAB 128-33. 26 February 1959. P. 3.

² Рыжиков В. А. Советско-английские отношения. Основные этапы истории. М., 1987. С. 144.

³ The Times. 20 February. 1959.

степенью одобрения, как Западным Союзом, так и советским правительством после моего возвращения из Москвы в марте 1959 г. Я ощущал, что кое-что было достигнуто. Непосредственная угроза мирного договора русских с Восточной Германией, создающая прямую угрозу позиции западных стран в Берлине, была отложена»¹.

В этом признании Макмиллан был прав: по большому счету, единственное реальное достижение было связано с отказом Хрущева от его прежней ультимативной линии. На первом после возвращения в Лондон заседании кабинета 4 марта Г. Макмиллан высказал мысль о том, что в сложившихся условиях, когда позиция Москвы заметно смягчилась, Британии нужно убедить теперь уже своих союзников в необходимости пойти на уступки советскому правительству. При этом премьер-министр предупредил, что не готов быть новым Чемберленом, а Британия не должна попасть в положение, в каком была в Мюнхене в 1938 г.: «самая худшая вещь для Запада, которая может случиться, это унижительно падать ниц после большого разговора»².

Премьер-министр совершил поездки в Париж, Бонн и Вашингтон, ставшие логическим продолжением курса на разрядку в формате посреднической роли между Москвой и Вашингтоном. Г. Макмиллан пытался убедить своих коллег в Западной Европе и США в необходимости продолжать поиски дипломатического урегулирования обострившихся отношений с СССР вокруг Берлинского кризиса и других проблем безопасности. Позиция Вашингтона, как выяснилось, оставалась прежней – на уступки Москве не идти. Президент США Д. Эйзенхауэр дал понять Г. Макмиллану, что не согласится с идеей саммита, пока не будет достигнуто заметных сдвигов в германском вопросе на встрече глав внешнеполитических ведомств³.

Согласие Н. С. Хрущева на проведение такой встречи, которую он мыслил как предварительную на пути к саммиту, казалось, даже разочаровало

¹ Macmillan H. *Pointing the Way. 1959-1961*. L., 1972. P. 61-62.

² CAB 128-33. 4 March 1959. P. 3-4.

³ Newman K. *Macmillan, Khrushchev and the Berlin Crisis, 1958-1960*. N.Y., 2007. P. 83.

американского президента. Британский журнал «Экономист» язвительно писал, что «президент Эйзенхауэр, кажется, недоволен тем, что русские согласились договариваться по Германии. Это ирония, что перспектива встречи министров иностранных дел, которую США так долго пытались организовать, обозначилась именно сейчас, когда США остались без главы внешнеполитического ведомства»¹. Госсекретарь Дж. Ф. Даллес, в течение нескольких лет борющийся с онкологическим заболеванием, с начала 1959 г. лишь на краткие периоды возвращался к выполнению своих обязанностей. В конце мая он ушел из жизни.

Визит Г. Макмиллан лишний раз продемонстрировал реальное соотношение сил на международной арене. Отсылки Макмиллана в его оценке визита к фигурам предшественников демонстрировали преемственность во взглядах, однако с точки зрения реальных ресурсов Великобритания уже явно не могла «ударить сильнее своих возможностей»². Страна все еще претендовала, но уже не обладала глобальной ролью. В региональном измерении стране предстояла переоценка курса в отношении европейских дел.

Тем не менее, свои дипломатические усилия Макмиллан постарался максимально использовать в период избирательной кампании в парламент. Внешнеполитическая часть предвыборной программы тори называлась «Политика ради мира» и была выстроена вокруг достигнутых Г. Макмилланом дипломатических договоренностей в сфере безопасности. В программе было зафиксировано, что в результате британской политики «великие державы установили более тесные контакты друг с другом на личном и официальном уровнях», а в отношении России «были предприняты шаги к расширению торговли и улучшению контактов...»³.

В целом же результаты визита главы Великобритании в Москву не разрешали существенных противоречий между странами. Британо-советские

¹ The Economist. March 7, 1959.

² Дилеммы Британии. Поиск путей развития. Под ред. Ал.А. Громыко, Е.В. Ананьевой. М., 2014. С. 451; Капитонова Н.К., Романова Е.В. Указ. соч. С. 13.

³ Conservative Party General Election Manifesto 1959. URL: <http://www.conservativemanifesto.com/1959/1959-conservative-manifesto.shtml>

отношения остались на прежней точке доверия, заявленные декларации о расширении торговли и развитии научных и культурных контактов могли служить лишь дополнением к более весомым результатам, которых не наблюдалось. Встреча действительно позволила снизить накал Берлинской проблемы, но разрешить ее не могла по определению. В этой связи не вполне понятно, на что именно рассчитывал Г. Макмиллан, если администрация США с самого начала выступала против посреднической роли премьер-министра. В германском вопросе британскому лидеру удалось добиться заявлений Хрущева, смягчающих его первоначальный ультимативный настрой, но убедить в уступках Вашингтон не получилось, что лишний раз доказывало провал попыток действовать «на равных» с США, как задумывал Г. Макмиллан в рамках концепции взаимозависимости. Неслучайно, бывший министр иностранных дел Э. Бевин иронически заметил, что визит Макмиллана в Москву стал «одной из самых масштабных и публичных Одиссей со времен греков, но, увы, Макмиллан так и не привез домой золотое руно»¹.

После возвращения в Лондон премьер-министр совершил поездки в Париж, Бонн и Вашингтон, в ходе которых изложил свои впечатления от состоявшегося визита². Однако в полной мере курс осуществить на улучшение отношений двух сверхдержав и урегулирование германского вопроса Британии не удалось. Позиция США оставалась прежней – на уступки Москве не идти.

В конце апреля 1959 г. в Москву прибыл лейборист и один из лидеров Британской конфедерации трудящихся Т. О'Брайен. На встрече с представителями советского МИДа он коснулся недавнего визита Макмиллана в СССР, отметив, что «этот визит рассматривается рядовыми англичанами как шаг, направленный к ослаблению международной напряженности и поискам путей урегулированию назревших международных проблем»³. «В этой части, заметил О'Брайен, мы – лейбористы – поддерживаем инициативу Макмиллана». Однако

¹ Horne A. Op. cit. P. 129.

² Newman K. Macmillan, Khrushchev and the Berlin Crisis, 1958-1960. N.Y., 2007. P. 83.

³ АВП РФ. Ф. 69. О. 51. П. 185. Д. 16. Л. 14.

британский политик осудил внешнеполитический курс консерваторов, «заявив, что в международных вопросах Англия лишена самостоятельности и... оказалась «слишком привязанной к Соединенным Штатам», руководящие деятели которых находятся под влиянием «большого бизнеса», не заинтересованного по вполне понятным причинам в ослаблении международной напряженности»¹.

Такая линия Вашингтона проявилась в работе Женевского совещания министров иностранных дел летом 1959 г., не давшего практических результатов. Новые планы по урегулированию германского вопроса стороны договорились обсудить на встрече в верхах в мае-июне 1960 г. в Париже.

3.3 Колониальная политика Соединенного Королевства и центробежные тенденции в Африке

Суэцкий кризис 1956 г. сыграл значительную роль в пересмотре колониальной политики Великобритании, подтвердив, что в сложившейся системе миропорядка значительную роль приобрели освободившиеся государства, рост численности и влияния которых способствовал размыванию биполярного характера Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений. В этих условиях от метрополии требовалась выработка такой модели колониального и постколониального управления, которая могла смягчить переход зависимых территории в статус суверенных государств с одновременным их вхождением в Содружество.

К 1957 г. имперские владения Британии продолжали оставаться внушительными. Цепная реакция начавшихся в конце 1940-х гг. процессов деколонизации в Азии в 1950-е гг. охватила африканские территории, и свою главную задачу Г. Макмиллан видел в том, чтобы предотвратить ускорение темпов распада колониальной системы в этой части земного шара.

¹ Там же.

В конце января 1957 г. премьер-министр дал распоряжение председателю Комитета кабинета по колониальной политике лорду Солсбери подготовить аналитический обзор, посвященный рассмотрению перспектив конституционного развития африканских колоний и последствия обретения ими суверенного статуса в последующие десять лет¹.

Подготовка экспертного анализа, посвященного будущему британской части африканского континента, вероятно, имело прямое отношение к запланированной на весну встрече премьер-министра Великобритании и президента США на Бермудских островах. Очевидно, Г. Макмиллан собирался затронуть в разговоре с Д. Эйзенхауэром тему колониализма, приобретшую особо болезненный характер для британской стороны после Суэцкого кризиса 1956 г.

Комитет лорда Солсбери, выполняя поручения премьер-министра, сразу столкнулся с проблемами «терминологического» характера. К понятию «независимость» в британском ведомстве по колониальным делам было неоднозначное отношение. Министр по делам колоний А. Леннокс-Бойд считал, что этот термин в отдельных случаях – когда речь идет об экономически и политически слабых территориях – подразумевает **самоуправление** [выделено *Е.Х.*] с перспективой обрести полную независимость лишь в долгосрочной перспективе². Поскольку большинство африканских колоний относились именно к слабо развитым территориям, то применять к ним термин «независимость» в самом прямом смысле этого слова было затруднительно.

В то же время общемировые темпы деколонизации и антиколониальная деятельность ООН заставляли Великобританию уделять особо пристальное внимание колониальным вопросам. В Лондоне понимали, что процесс «ухода» с подконтрольных территорий не является решением самой проблемы колониализма. Следовало подумать о том, как выстраивать отношения с уже

¹ BDEE. Series A. Vol. 4. 1957-1964. Part I. L., 2000. P. 1-2.

² Ibid. P. 3.

независимыми государствами и по возможности оставить их если не в британской, то в западной орбите влияния.

А. Леннокс-Бойд был убежден, что необходимо просчитать все возможные последствия «дарования» суверенного статуса с финансовой точки зрения – в плане влияния на британскую экономику и страны стерлинговой зоны в целом. Немаловажным был также вопрос недопущения «вакуума» в территориях, из которых Великобритания будет вынуждена уйти¹. В этом смысле британское руководство скорее больше заботил не вопрос о том, как можно дольше «остаться» в колониях, а о том, как уйти, но не дать занять свое место антизападным силам, под которыми подразумевался Советский Союз.

Поэтому вопрос о колониализме был не праздным и для США. В Вашингтоне с интересом относились к интеграционным идеям, циркулировавшим в европейских метрополиях после войны о создании «евро-африканского» объединения с целью продолжения использовать ресурсы колоний и их рынки сбыта в некоем постколониальном формате. Поэтому большое внимание в США вызывали идеи стран Шестерки по включению колоний и обретающих независимость территорий в Общий рынок на правах ассоциированных членов. Кроме того, такая модель сохранения колоний под своим частичным влиянием потенциально затрудняла советское проникновение на эти территории. Фактор холодной войны и Движения неприсоединения усиливал стратегическую значимость африканского континента.

Именно эту роднившую США и Великобританию основу – а именно недопущение создания «вакуума» силы в обретающих суверенных статус территориях – в Лондоне планировали использовать для того, что добиться более тесного сотрудничества с США по колониальным вопросам и снизить накал антиколониальной риторики Вашингтона.

Сам термин «вакуум» впервые наиболее отчетливо прозвучал в начале января 1957 г. в выступлении президента США Д. Эйзенхауэра, ставшем

¹ Ibidem.

известным как «Доктрина Эйзенхауэра», при характеристике последствий, возникших после тройственной интервенции против Египта в регионе Ближнего и Среднего Востока. Согласно взгляду главы Белого дома, «вакуум силы» стремился заполнить Советский Союз, последовательно наращивавший свои позиции на Ближневосточном регионе.

Действительно, советское проникновение в Африку в конце 1950-х гг. усилилось. Еще в 1953 г. советский представитель в Экономическом и Социальном Совете ООН (ЭКОСОС) заявил, что СССР «внесет 4 млн. рублей в поддержку программы технического содействия развивающимся странам ООН»¹. К осени 1959 г. Москва предоставила странам «Третьего мира» кредитов на сумму в 6,55 млрд. рублей. Также на безвозмездной основе таким азиатским странам как Афганистан, Непал, Камбоджа и Индия было направлено 440 млн. рублей².

В марте 1958 г. было принято Постановление ЦК КПСС «О мероприятиях по расширению культурных и общественных связей со странами Азии и Африки», в котором МИД СССР поручалось «усилить работу» с молодыми азиатскими и африканскими государствами, «укрепив состав посольств и миссий в этих странах работниками, достаточно владеющими языками ... и являющимися специалистами по этим странам», а также «активнее использовать участие СССР в Совете по опеке ООН для освещения перед общественностью положения на подопечных территориях и защиты интересов населения этих территорий против колониализма»³.

В советских «Рекомендациях по вопросам советской пропаганды на страны Азии и Африки» предлагалось осуществление широкого спектра пропагандистских мероприятий, включавших «последовательную, глубокую и умелую» демонстрацию «преимуществ социалистической системы перед

¹ Гайдук И. В. В лабиринтах холодной войны... С. 262.

² Там же.

³ Россия и Африка. Документы и материалы. Т. II. 1918-1960. Под ред. А. Б. Давидсона и С. В. Мазова. М., 1999. С. 158.

системой капиталистической», акцентирование внимания на том, «какую угрозу несут миролюбивым народам военные блоки западных держав» и «разоблачать попытки империалистов втянуть в эти блоки нейтральные страны»¹. При этом действовать предполагалось максимально гибко и тактично – «чтобы это не выглядело как вмешательство во внутренние дела...»².

Г. Макмиллан на предстоящей встрече на Бермудах собирался обратить внимание Эйзенхауэра на то, что содержание территорий, из которых Британия будет вынуждена «преждевременно» уйти, ляжет грузом на США. Учитывая, что еще в 1954 г. администрация республиканцев провозгласила стратегию «массированного возмездия», предполагавшую значительное сокращение обычных вооруженных сил и сосредоточение на производстве атомного оружия и средств его доставки к цели, в Лондоне полагали, что Вашингтону будет невыгодно в этих условиях принимать на себя новые расходы по содержанию колониальных территорий³.

Британские дипломатические круги также неоднократно пытались привлечь внимание Белого дома к излишне жесткой линии американской делегации в ООН, действующей в русле ускорения сроков деколонизации и «подрывающей» западное единство и господство европейских метрополий. Однако смягчить антиколониальные заявления США, которые таким образом пытались перехватить инициативу у СССР в борьбе за «умы» освободившихся от колониальной зависимости народов на платформе ООН, было по определению проблематично.

Принимая во внимание эти факторы, правительственные эксперты советовали премьер-министру попытаться в ходе встречи донести до США мысль о необходимости и важности для обеих сторон осуществления предварительных

¹ Там же. С. 161-162.

² Там же. С. 164.

³ Ibid. P. 226.

консультаций по всем колониальным вопросам и воздерживаться от антиколониальных заявлений в ООН¹.

Г. Макмиллан понимал, что США используют антиколониальную риторику во многом как инструмент нажима на Великобританию с тем, чтобы корректировать ее внешнеполитический и колониальный курс. Поэтому каких-то существенных уступок со стороны Вашингтона в удовлетворении британских просьб по проблемам колониализма ждать не стоило. Министр по делам колоний поддержал позицию главы кабинета и предложил «упаковать» вопросы, связанные с британской деколонизацией в комплект более широких проблем, связанных с будущим африканских стран в контексте холодной войны².

Накануне Бермудской конференции в начале марта 1957 г. независимость и статус доминиона обрела колония Золотой берег под названием Ганы, став первым независимым государством в регионе южнее Сахары. 31 августа 1957 г. аналогичный статус получит Малайя в рамках Федерации Малайя.

Представление Золотому берегу независимости непосредственно перед встречей на Бермудских островах свидетельствовало о желании Г. Макмиллана продемонстрировать США, что Великобритания идет в ногу со временем и готова расставаться со своими имперскими владениями.

21 марта 1957 г. Г. Макмиллан и Д. Эйзенхауэр прибыли на Бермуды. Запланированное совещание имело большое значение для обеих сторон – для нового британского главы кабинета это была первая официальная встреча с президентом США. Бермудские острова находились во владении Великобритании, но «на достаточно отдаленном от нее расстоянии», что делало место встречи «нейтральной территорией»³.

Общая повестка дня преимущественно предусматривала обсуждение вопросов, связанных с урегулированием ситуации на Ближнем Востоке после

¹ Ibid. P. 227.

² Ibid. P. 228-229.

³ См. подробнее: Румянцев В. П. Ближневосточная политика США ... С. 87.

Суэцкого кризиса и выработку совместной политики в регионе¹. Г. Макмиллан провозгласил тезис о «взаимозависимости», который мыслился им как качественно новая, эффективная и, главное, равноценная основа англо-американского двустороннего сотрудничества. В ходе конференции британской дипломатии удалось добиться признания «негласного раздела сфер влияния на Ближнем и Среднем Востоке» от президента США Д. Эйзенхауэра, что, безусловно, было стало важным достижением Г. Макмиллана.

По результатам встречи на Бермудах глава Форин оффис подготовил согласованный с госсекретарем США Дж.Ф. Даллесом аналитический обзор, в котором освещались проблемы будущего африканского континента². Среди ключевых задач британской колониальной политики в представленном документе фигурировали достижение баланса между слишком быстрыми и слишком медленными темпами деколонизации. С. Ллойда беспокоило, что несоблюдение такого баланса затруднит поддержание британского влияния в обретающих или стремящихся к независимости территориях, особенно на фоне укрепления советского проникновения в Африку и укрепления советско-китайских отношений³.

В мае 1957 г. главное колониальное ведомство страны подготовило экспертный анализ, посвященный ситуации в Африке. Симптоматично, что в этом документе авторы избегали указания даже примерных дат предоставления независимости колониальным территориям. С присущей Великобритании гибкостью авторы документа предпочитали говорить о «готовности в отдельных случаях» некоторых территорий к самоуправлению. Термин «независимость» почти не упоминался в тексте, что создавало стойкое впечатление, что в Министерстве по делам колоний либо не считали африканские территории готовыми к суверенному статусу, либо были не готовы идти по пути деколонизации в ближайшие годы. Скорее всего, в своих выводах колониальное

¹ Townsend H. The Devil and John Foster Dulles. Boston, 1973. P. 409-410.

² BDEE. Series A. Vol. 4. Part II. L., 2000. P. 230.

³ Ibid. P. 231.

ведомство руководствовалось и теми, и другими соображениями, однако симптоматичной была оговорка экспертов о том, что дарование независимости допустимо, когда национально-освободительная борьба уже не оставляет других возможностей¹.

При этом авторы обзора считали вполне вероятным предоставление самоуправления вплоть до суверенитета даже тем территориям, которые имели стратегическое значение для метрополии. Среди таких в документе фигурировали Нигерия, Уганда, Кения, Танганьика и Занзибар, имевшие военные базы и коммуникации мирового значения².

В мае 1957 г. в Париже состоялась посвященная обсуждению темпов деколонизации конференция, на которой присутствовали имевшие колониальные интересы европейские страны и США. На встрече было зафиксировано, что обретающие независимость территории остаются важными для европейских стран и США с точки зрения ресурсов и стратегической составляющей в условиях холодной войны³.

Делегация США на конференции заявила, что страна «не будет оказывать поддержку государствам, стремящимся к независимости, но не готовых даже к режиму самоуправления». Такой итог встречи и признание Вашингтоном определенного «прогресса» со стороны европейских метрополии в темпах освобождения колоний британское правительство расценивало как признаки уменьшения британо-американских разногласий по колониальным вопросам⁴.

В сентябре 1957 г. Г. Макмиллан получил также доклад экспертов, ставший результатом работы Н. Брука, возглавлявшего правительственный Комитет по колониальной политике. Основной посыл документа состоял в том, что нарушение связей внутри империи и ее сокращение сами по себе не представляют большой проблемы для страны. Скорее, речь идет о том, в какой форме и на какой

¹ BDEE. Series A. 1957-1964. Vol. 4. Part I. P. 22-27.

² Ibid. P. 4-17.

³ Ibid. P. 16-17.

⁴ Ibid. P. 6-7.

основе Британия сможет сохранить отношения уже с бывшими колониями после обретения ими независимости. Эксперты предлагали задуматься над вопросом о том, каким странам продолжать, а каким отказать в грантовой и иной финансовой помощи после предоставления независимости. Правительству рекомендовалось при решении этого вопроса исходить из стратегической пользы территории и, при необходимости, вовлечь в политику развития страны Содружества¹.

Финансовое положение страны и кризис платежного баланса наряду с низкими темпами экономического роста объективно вынуждали британское правительство пересматривать свои колониальные обязательства и внимательно отслеживать готовность колоний к самоуправлению и независимости.

В Форин оффис выработали свой взгляд на эти проблемы, согласно которому Великобритания, даже с учетом ее экономических сложностей, оставалась страной с мировыми обязательствами и глобальным влиянием. Однако для того чтобы и дальше поддерживать такой статус действительно требовался пересмотр существующих расходов и сокращение международных обязательств².

Свое видение этого вопроса изложили и другие заинтересованные ведомства – Министерство по делам колоний и Министерство по делам Содружества. Симптоматично при этом, что ни одно из ведомств не оказалось способным назвать источники значительной экономии средств. Существующие обязательства страны практически не подвергались сомнению в трех обозначенных министерствах, что свидетельствовало о нежелании правительственных кругов принять тот факт, что страна уже не была способна – не только по финансовым причинам, но и в общей геополитической ситуации – играть глобальную роль. Хотя в британском МИДе неохотно признавали, что поддержание «нынешнего статуса страны и ведущих позиций в мире»

¹ Ibid. P. 28-31, 34-35

² Ibid. P. 39.

становилось все более затратным, поэтому Великобритания вынуждена «бежать очень быстро, чтобы остаться на прежнем месте»¹.

Финансово-экономическое положение страны оставалась крайне неустойчивым. Лондон, во-первых, продолжал выплачивать послевоенные долги Вашингтону, во-вторых, в 1957 г. занял 1,6 млрд. долл. у Международного Валютного фонда и получил отсрочку от выплаты недавнего американско-канадского кредита². Американские эксперты в области финансовых отношений на встрече с британскими коллегами в конце февраля 1958 г. сделали неутешительный вывод о том, что британский фунт стерлингов уже не мог удовлетворить потребности других стран для краткосрочных и долгосрочных займов и кредитов. Американская сторона настойчиво предлагала Великобритании провести девальвацию курса национальной валюты, однако британское руководство не пошло на этот шаг³.

В сложившихся условиях кабинет Г. Макмиллана задумался о сокращении военных обязательств. В первую очередь, речь шла об уменьшении численности Рейнской армии в связи с отказом западногерманского правительства содержать британские военные силы⁴. В мае 1958 г. ФРГ все же согласилась частично (на треть – в размере 12 млн. ф.ст. ежегодно) оплачивать содержание Рейнской армии⁵. В Форин оффис решили взять на себя остальные расходы, что объяснялось во многом политическими мотивами: сокращение Рейнской армии потенциально могло создать угрозу прочности Североатлантического блока и единству западноевропейских стран⁶.

В целом, в оборонных вопросах военные эксперты Великобритании по-прежнему исходили из приоритетности ядерного оружия как основного элемента системы безопасности страны. Соединенное Королевство все еще оставалось

¹ Ibid. P. 40-41.

² FRUS. 1958-1960. Foreign Economic Policy. Vol. IV. 24 February, 1958. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1958-60v04/d32>

³ Ibidem.

⁴ British imperial policy and... P. 456.

⁵ Bartlett C. J. The Long Retreat. A Short History of British Defence Policy, 1945-1970. L., 1972. P. 137.

⁶ BDEE. Series A. 1957-1964. Vol. 4. Part I. L., 2000. P. 49.

единственным из европейских государств, владевшим секретами производства атомной и водородной бомб. Хотя британское руководство рассматривала свое членство в «клубе атомных держав» как политическое преимущество, использовать его в своих интересах, как покажут итоги британских инициатив в сфере европейской интеграции, не удастся.

Расходы Великобритании на атомную программу составляли около 20 % (290 млн. ф.ст.) оборонного бюджета страны. Возможности сократить такие траты эксперты видели только в статье военных разработок, составлявших 15 % всех расходов (240 млн. ф.ст.)¹. В этих условиях нехватки средств в документе выражалась надежда на помощь США, без которых вся оборонная система Великобритании и европейских стран была невысказана.

В 1958 г. США приняли поправки к существующему законодательству в атомной области, согласно которым англо-американское сотрудничество в этой сфере стало возможным в полной мере². Как отмечал отечественный англовед В. Г. Трухановский, «атомное» партнерство двух стран дополняло «концепцию взаимозависимости» и ставило Великобританию «в отношениях с США в особое положение с точки зрения третьих держав»³. В долгосрочной перспективе, как покажут события, такое привилегированное положение Великобритании обернется для нее серьезными трудностями в отношениях с Францией.

В конце 1950-х гг. британские правительственные круги начинают все больше сосредоточивать свои усилия на укреплении Содружества в системе традиционных внешнеполитических приоритетов. Хотя по определению эта организация, прекратившая именоваться Британским Содружеством, не могла являться адекватной заменой империи, в условиях холодной войны она приобрела особое значение. В Министерстве по делам Содружества – относительно новом ведомстве – рассматривали эту организацию как ключевой элемент в защите

¹ Ibid. P. 49-50.

² Трухановский В. Г. Английское ядерное оружие. Историко-политический аспект. М., 1985. С. 107.

³ Там же. С. 109.

освободившихся от колониальной зависимости стран от «прокоммунистической ориентации»¹.

Вопрос состоял в том, каким образом усилить Содружество и сделать его более привлекательным для обретавших независимость государств. В профильном министерстве считали, что следует укреплять существующую систему имперских преференций и стерлинговую зону. В то же время среди экспертов Министерства по делам Содружества было понимание того, что эти экономические скрепы Великобритании и ее владений – бывших и настоящих – должны и неизбежно будут подвергаться модификации и обновлению в условиях процессов деколонизации².

В отличие от ведомства по колониальным делам, в Министерстве по делам Содружества также считали, что при выстраивании колониального курса следует идти в ногу со временем, не замедляя, но и не ускоряя темпов освобождения колоний и их подключения к Содружеству³. Сближало оба ведомства предостережение о том, что вопрос о независимости колоний был крепко увязан с недопущением прихода к власти в освобождаемых территориях прокоммунистических и ультранационалистических сил.

Эксперты в Форин оффис в своих оценках скорее склонялись к поддержке Министерства по делам колоний, считая, что дарование независимости существенно не облегчит финансовое положение Лондона, но вполне может ослабить престиж страны. Любопытно при этом, что в качестве возможных источников экономии финансовых средств в британском МИДе называли социальную сферу⁴.

Такие соображения были объяснимы. Великобритания требовалось все больше средств на поддержание своих международных обязательств даже в сокращенном объеме. Планы же по укреплению Содружества и прозападной

¹ Ibid. P. 41-42.

² Ibid. P. 42.

³ Ibid. P. 42-43.

⁴ Ibid. P. 43.

ориентации стран, входивших в эту организацию, предусматривали увеличение финансовых расходов на так называемые инструменты «мягкой силы» - поддержку образовательных, социальных, культурных и других программ.

Стоило также учитывать интенсификацию политики США в делах африканского континента. В июле 1958 г. в качестве одного из отделов Госдепартамента было создано специальное Бюро по африканским делам. Это решение Вашингтона во многом символизировало отход американского правительства от рассмотрения Африки как второстепенного региона. Учреждение Бюро явилось выражением линии США на осуществление политики финансовой помощи и технического содействия африканским странам с целью противодействия деятельности СССР. Выражением этой стратегии, разрабатываемой со второй половины 1950-х гг., стал ряд поездок в африканские государства членов Конгресса и вице-президента Р. Никсона в 1957 гг.¹.

Официально США начали оказывать помощь в 1950 г., когда Конгресс принял Акт о международном развитии (Act for International Development). Помощь развивающимся государствам рассматривалась в Белом доме как способ продвижения экономических и национальных интересов США в сфере безопасности. Главный аргумент экономической помощи состоял в том, что она сможет «трансформировать угрозу экономического хаоса в долгосрочные возможности». Рынки развивающихся стран занимали 40 % экспортных рынков США. В свою очередь, в Вашингтоне с большим интересом относились к возможности импорта из африканских стран горных пород и металлов – кобальта, боксита, марганца и других².

В апреле 1958 г. в столице Ганы Аккре прошла первая конференция суверенных африканских государств, в декабре дополненная встречей всех

¹ Подробнее см.: Мазов С. В. Политика СССР в Западной Африке, 1956-1964: неизвестные страницы истории холодной войны. М., 2008. С. 29-30.

² Africa Tomorrow: Issues in Technology, Agriculture and U.S. Foreign Aid – A Technical Memorandum. Wash., 1984. P. 22-24.

народов Африки. Обе конференции, имевшие откровенно антизападный оттенок, были посвящены вопросам борьбы с колониализмом.

За год до этих событий началось сближение Ганы с СССР. Советская делегация была приглашена на празднование первой годовщины независимости этой африканского государства¹. Осенью-зимой 1957 г. – начале 1958 г. в Гане по ее приглашению находился директор Института этнографии И. И. Потехин, имевший ряд встреч с ганскими политиками. По его впечатлениям, Гана настроена антибритански, ее лидера К. Нкруму не устраивала навязанная Англией «плохая конституция» и он мечтал об установлении республики². По сути, речь шла о пересмотре конституции таким образом, чтобы ограничить демократию и установить диктатуру по типу египетской. По мнению И. И. Потехина, лидер Ганы «явно мечтает о единовластии»³.

Однако в целом советско-ганские связи складывались не просто. Внутри страны наблюдалась борьба между сторонниками и противниками сближения с СССР. Так, политический советник К. Нкрумы Дж. Педмор был настроен резко антикоммунистически и исповедовал panaфриканские идеи, направленные на «создание под руководством Ганы африканского блока, противостоящего не столько империалистическому блоку, сколько социалистическим странам»⁴.

В Британии с большим вниманием относились к действиям Москвы в Африке. Атташе посольства СССР в Лондоне Н. А. Макаров в июне 1958 г. докладывал в МИД СССР, что поездка советской делегации на празднование торжеств по случаю независимости Ганы создает благоприятную почву для взаимного сотрудничества, однако в течение 1958 г. советско-ганские отношения развалились медленно. Н. А. Макаров связывал такое положение с тем, что Гана сильно зависит от бывшей метрополии и боится «испортить свои отношения с Англией и США и тем самым уменьшить шансы на получение их

¹ Россия и Африка. Документы и материалы. Т. II. М., 1999. С. 179-181.

² Там же. С. 182.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 183.

экономической помощи в результате установления нормальных дипломатических, торговых и иных отношений с Советским Союзом»¹.

В 1958 г. советское правительство установило дипломатические отношения с Гвинейской республикой, освободившейся от колониальной зависимости от Франции. В 1959 г. СССР начал оказывать этой стране экономическую помощь. Гвинея получила безвозмездную помощь в виде дара советского правительства в размере 7,5 млн руб. в экспортных ценах и кредит на сумму 140 млн. руб. из расчета 2,5 годовых, сроком на 12 лет².

При этом обретающие суверенный статус страны позволяли себе антиколониальные выпады, в основном, только на уровне риторики, на практике воздерживаясь от разрыва отношений с бывшими метрополиями. Так, президент Гвинеи Секу Туре, как и президент Ганы, считал, что следует «обменяться дипломатическими представительствами хотя бы с одной капиталистической страной, так как если Гвинея начнет с обмена дипломатическими представительствами с социалистическими странами, то Франция может обвинить ее в присоединении к социалистическому лагерю, и, объединившись единым фронтом с Англией и США, попытается задушить Гвинейскую Республику»³.

Отражением тревоги британских правящих кругов в отношении судьбы африканских колоний и освободившихся государств стала идея оформления военного пакта африканских государств. В мае 1958 г. премьер-министр Центрально-Африканской Федерации Р. Веленский представил проект такого военного союза, с которым ознакомились в Форин оффис, Министерстве по делам колоний и Министерстве по делам Содружества⁴.

Комментарии к плану Р. Веленского трех указанных ведомств показывали, что идея ассоциации африканских стран на военной основе вызывала глубокий

¹ Там же. С. 184.

² Там же. С. 222-223.

³ Там же. С. 201.

⁴ BDEE. Series A. 1957-1964. Vol. 4. Part I. L., 2000. P. 239.

скепсис у экспертов. Страны региона южнее Сахары преимущественно были слаборазвитыми, и могли сплотиться, например, вокруг ЮАС. Однако существующий в Южно-Африканском союзе режим апартеида вряд ли делал возможным участие этой страны в военной организации.

Идея военного пакта шла вразрез и с курсом Великобритании на поддержании своих обязательств в стратегически значимых странах и регионах мира. В Африке к таковым районам преимущественно относилась только северная часть континента, входившая в регион Ближнего Востока. Территории Тропической Африки скорее имели важность с точки зрения природных ресурсов и поддержания политических связей с ними в условиях холодной войны. При этом британское руководство не отказывалось от поддержания своих вооруженных сил на востоке и центре Африки для охраны нефтяных ресурсов в Персидском заливе и на Аравийском полуострове.

Наибольшее же внимание Великобритании в этот период привлекали усилия Франции, Бельгии и Нидерландов по развитию ассоциированного членства со своими колониями и освободившимися государствами в рамках ЕЭС¹. Общий рынок устанавливал «особые отношения» с этими территориями и предоставлял им преференциальный режим по сбыту своих – главным образом, сельскохозяйственных товаров – на европейских рынках. Такая модель позволяла в новой, и как считали некоторые африканские страны (например, Гана), «неоколониальной» форме поддерживать и развивать торгово-экономические связи с распадающимися осколками европейских империй.

В июне 1959 г. правительственный Комитет по колониальной политике подготовил анализ прогностического характера, посвященный перспективам развития африканского континента до 1969 г.² Документ был выстроен в регионально-географическом разрезе с делением западную часть Африки с преимущественно «черным» населением и Восточную, Центральную и Южную

¹ BDEE. Series A. 1957-1964. Vol. 4. Part II. L., 2000. P. 239.

² BDEE. Series A. 1957-1964. Vol. 4. Part I. P. 113.

Африку с незначительным процентом «белых» жителей. Обе части имели свои различия, как в темпах конституционных изменений, так и области развития экономики¹.

Эксперты считали, что, хотя в странах континента налицо все признаки политического бурления, обретение суверенного статуса африканскими территориями не даст им желаемой свободы и процветания. Авторы документа предрекали, что в регионе южнее Сахары предоставление независимости может спровоцировать волну междоусобных и племенных войн, не говоря уже о повторении политики апартеида наподобие ЮАС.

При этом в анализе содержалось ясное предупреждение о том, что выстраивание отношений с обретшими суверенный статус территориями будет осложнено в связи с тенденцией африканских стран рассматривать любые действия колониальных властей как проявление неокOLONиализма и усилением на этом фоне пропагандистской политики СССР. Чтобы не дать СССР закрепиться в странах Африки, эксперты рекомендовали проводить максимально гибкий курс, в том числе по оказанию финансовой помощи, не задевая «гордость» молодых африканских стран².

В связи с тем, что могли возникнуть сложности с использованием наземных коммуникаций военного характера в восточной части Африки в случае дарования странам этого региона независимости, аналитики высказали идею о создании альтернативных баз и других объектов на территории других, более дружественных, государств, например, Гамбии и Сьерра-Леоне. Однако реализация таких замыслов вовлекала дополнительные финансовые траты, в которых Британия не была заинтересована³.

Сроки предоставления независимости африканским колониям в аналитическом обзоре не оговаривались, за исключением Нигерии и Сьерра-Леоне, которым уже был обещан суверенный статус. В большинстве слабо

¹ Ibid. P. 114.

² Ibid. P. 119-121.

³ Ibid. P. 122.

развитых африканских колоний, по мнению экспертов, существовали проблемы «запоздалого» экономического развития и межрасовых конфликтов. В особо острой форме эти трудности проявлялись в Центральноафриканской федерации (ЦАФ), созданной в 1953 г. путем объединения Северной Родезии, Южной Родезии и Ньясаленда и основанной на власти «белого» меньшинства.

Впоследствии идею федерации британские власти пытались распространить на другие страны африканского континента и регионы мира для ослабления градуса национально-освободительной борьбы, противоречий этническо-религиозного характера и построения стабильной политической системы¹.

Однако довольно скоро стало очевидно, что эта идея не работает. Развал ЦАФ начался уже в 1959 г. с восстановления в Ньясаленде и стремления «белого» меньшинства в Южной Родезии удержать власть под натиском местного населения в своих руках любым путем. Эксперты уточняли, что складывающееся положение дел в Африке грозит ущербом престижу страны, особенно в условиях пристального внимания со стороны мирового общественного мнения к действиям европейских метрополий. Для Британии было важно, чтобы именно ее, а не Францию и Бельгию, рассматривали как наиболее прогрессивную в колониальной сфере державу, способную и готовую идти на уступки².

Следовало также подумать, считали эксперты, над синхронизацией своих действий по освобождению колоний, насколько возможно, с аналогичными действиями других колониальных держав³. В этой связи эксперты вновь выражали тревогу установлением «особых отношений» между ЕЭС и африканскими территориями, в результате которого европейский капитал мог хлынуть на континент в большем, чем прежде, объеме. Среди правительственных экспертов существовало также опасение, что статьи Римского договора о

¹ Maudling R. Memoirs. L., 1978. P. 90.

² BDEE. Series A. Vol. 4. Part 1. P. 124-125.

³ Ibid. P. 124-125.

введении таможенных барьеров против третьих стран может негативно сказаться как на самой Великобритании, так и ее колониальных территориях¹.

В июне 1959 г. лорд Хьюм по поручению главы кабинета подготовил документ, в котором рассматривались вопросы конституционного развития Африки². Целью колониальной политики страны в меморандуме значилась помощь в обретении африканскими колониями сначала самоуправления и только потом независимости. Причем критерием для освобождения колоний называлась способность территории «стоять на своих собственных ногах». По сути, лорд Хьюм предлагал придерживаться своеобразной триады в вопросах конституционного развития колоний: самоуправление – независимость – Содружество. Также министр по делам Содружества указывал, что образцом конституционного развития не обязательно должна была выступать Вестминстерская модель, но считал жизненно важным введение принципов прав и свобод личности³.

Существенно ограничивала возможности некоторой «демократизации» колониальной политики активизация проимперских групп давления – переселенческого лобби, кипрской группы, группы по расширению Содружества. Впрочем, действия самого министра по делам колоний отличались умеренностью и осторожностью. А. Леннокс-Бойд считал, что объективно большинство имперских владений Великобритании не будет готово к независимости в ближайшее десятилетие⁴.

Парламентские выборы осени 1959 г. подтвердили значимость колониальной политики страны. Трудности, с которыми правительство столкнулось при решении кипрской проблемы⁵ и распадом Централь-

¹ Ibid. P. 132.

² Ibid. P. 161.

³ Ibidem.

⁴ Goldsworthy D. Colonial Issues in British Politics. 1945-1961. From “Colonial Development” to “Wind of Change”. Oxford, 1971. P. 365.

⁵ С 1878 г. Кипр перешел под владение Великобритании. После Второй мировой войны британское правительство неоднократно прилагало усилия разрешить существовавший на острове конфликт между греками-киприотами и турками-киприотами. В феврале 1959 г. на конференции в Швейцарии в Цюрихе министры иностранных дел Великобритании, Греции и Турции подписали предварительное греко-турецкое соглашение. На

Африканской Федерации привлекли общественное внимание как внутри страны, так и за ее пределами, активизировав оппозиционные силы. Лейбористская партия в ходе предвыборной кампании декларировала, что «будущее Африки внушает такие же опасения, какие внушала Индия в 1945 г.»¹.

В разделе предвыборной платформы тори «Наш долг в заморских территориях» излагали намерения метрополии двигаться вперед по пути освобождения зависимых территорий и оказании помощи им в построении «государственности» в рамках Содружества². Была обещана независимость Нигерии и странам Вест-Индии. В отношении мультирасовых обществ, особенно, в связи с разработкой конституции для Федерации Родезии и Ньясаленда, консерваторы ставили цель «создания общин, которые защищают права меньшинств и свободны от любой дискриминации по признаку расы или цвета кожи»³.

Общая тональность документа в этой части заметно отличалась от предвыборной программы консерваторов 1955 г. тем, что в ней ни разу прозвучал термин «колонии». Тори явно стремились показать, что они готовы к дарованию независимости и будут строить партнерские отношения с получившими и обретающими суверенный статус странами в рамках Содружества. Консерваторы обещали увеличить финансовую помощь для обучения учителей и облегчить распространение британской литературы в рамках новой схемы по обмену учеными и стажировкам внутри Содружества. Содержалось обещание и далее оказывать поддержку в рамках Плана Коломбо, ООН и сделать более доступными займы и гранты странам Содружества. В целом, программа свидетельствовала о намерении Г. Макмиллана продолжать взятый курс на деколонизацию.

конференции в Лондоне стороны согласились на предоставление Кипру политической независимости при соблюдении самоуправления общин и гарантии со стороны трех заинтересованных государств.

¹ Цит. по кн.: Hargreaves J. D. Decolonization in Africa. L., N.Y., 1988. P. 187.

² 1959 Conservative Party General Election Manifesto. URL: <http://www.conservativemanifesto.com/1959/1959-conservative-manifesto.shtml>

³ Ibidem.

Таким образом, консерваторы под воздействием Суэцкого кризиса и колониального опыта других стран, прежде всего Франции, увязшей в Индокитае и Алжире, начали пересмотр некоторых установок в колониальной сфере, фактически признав неизбежность освобождения колоний. При этом спешка в деколонизации исключалась. Особо внимательное отношение лично Г. Макмиллана к колониальным делам показывало, что премьер-министр взвешивал каждое решение, стараясь чутко реагировать на ход времени и стремительные изменения в роли освободившихся афро-азиатских государств в мировых делах и их значимость в противостоянии двух блоков.

Глава 4 Второй кабинет Г. Макмиллана и правительство А. Дуглас-Хьюма: балансирование между европейской и колониальной политикой (1959-1964 гг.)

4.1 От оформления Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ) к переговорам об условиях членства Великобритании в Общем рынке

Прошедшие в октябре выборы в Палату общин принесли победу партии тори, набравшей 49,4 % голосов и обеспечив себе 366 мест в парламенте против 258 у лейбористов и 6 мест у либералов¹. Такой исход избирательной кампании позволил Г. Макмиллану продолжить начатый курс.

По итогам выборов был сформирован новый кабинет. Произшедшие кадровые перестановки свидетельствовали об изменениях в колониальной курсе и политике в области экономических отношений. Должность министра по делам колоний перешла от А. Леннокс-Бойд к И. Маклеоду, а Р. Модлинг сменил на посту министра торговли сэра Д. Экклза.

В конце ноября 1959 г. семь стран-участниц Внешней Семерки после непродолжительных переговоров одобрили проект создания ЕАСТ.

Г. Макмиллан осознавал, что оформление этой торгово-экономической группировки автоматически не могло разрешить сложившихся противоречий между двумя блоками. Надежды на нежизнеспособность ЕЭС растаяли в Лондоне довольно быстро. Новые наднациональные группировки не повторили судьбу Европейской армии. В письме министру иностранных дел С. Ллойд премьер-министр задавался вопросом: «как жить с Общим рынком экономически и повернуть его ... в русло, безвредное для нас»².

¹ The Economist. October 17, 1959.

² Milward A.S. Op. cit. P. 317.

Вслед за подписанием конвенции Г. Макмиллан в своей официальной резиденции в Чекерс¹ провел встречу, на которой присутствовал узкий состав министров, для обсуждения проблем экономического воздействия Общего рынка на торговые интересы Великобритании. Заодно премьер-министр хотел выяснить реакцию коллег на возможный пересмотр политики Лондона в отношении европейской интеграции, «неизменной с 1951 г.»².

Глава кабинета собирался разыграть «атомную карту», предложив французскому президенту сотрудничество в сфере производства ядерного оружия и, в перспективе, частичное удовлетворение требований де Голля по реформированию систему управления Североатлантического союза. Приглашенные в Чекерс министры скептически отреагировали на идеи Г. Макмиллана, справедливо обратив внимание, что действия британского премьер-министра могут вызвать негативную реакцию США и иметь нежелательные для Британии последствия.

В Вашингтоне действительно весьма сдержанно восприняли предложения Г. Макмиллана о допущении Парижа к информации, связанной с производством атомного оружия. В то же время США, оставившие меморандум де Голля без ответа, не были заинтересованы в углублении раскола НАТО и Европы на два торгово-экономических объединения, поэтому предложили тщательный мониторинг возникшей ситуации³.

К началу 1960 г. страны Внешней Семерки окончательно согласовали детали новой группировки. 4 января 1960 г. в шведской столице Стокгольме, где преимущественно проходили переговоры, была подписана Конвенция о создании ЕАСТ. После короткого периода ратификации в начале мая 1960 г. договор приобрел силу закона⁴.

¹ На встречи в официальной резиденции Чекерз приглашались все министры кабинета и высокопоставленные чиновники по субботам и воскресеньям. На встречах преимущественно обсуждались экономические и социальные проблемы, вопросы правительственной реорганизации. BDEE. Series A. 1957-1964. Vol. 4. Part I. P. 206.

² Milward A.S. Op. cit. P. 317.

³ От миропорядка империй к имперскому миропорядку. М., 2005. С. 111.

⁴ Macmillan H. Pointing the Way... P. 60.

Подписанный документ, согласно изначально намеченным планам, предусматривал торговлю только промышленными товарами и не предполагал установления внешнего тарифа против третьих стран. Конечной целью созданного объединения в конвенции значилось поэтапное «уменьшение и окончательная ликвидация тарифов по большинству промышленных товаров» к 1966 г¹.

Оформленная группировка не ставила целей, в отличие от Европейских сообществ, связанных с созданием политического союза. Однако содержалась отсылка к ОЕЭС, на платформе которой проходило осуждение британской идеи зоны свободной торговли. Участники соглашались, что одной из целей ассоциации «является более тесное экономическое сотрудничество» двух торгово-экономических блоков, сложившихся в Европе на основе ОЕЭС². Как видно, созданная ассоциация не закрывала дверь другим потенциальным участникам.

Слабым местом ЕАСТ объективно была ее экономическая и политическая неоднородность. В торговом плане группировка замыкалась на Великобритании, имевшей давние связи со всеми участниками. Из общего ряда экономически и политически заметно выбивалась Португалия, принадлежавшая к числу индустриально развитых стран второго эшелона и не являвшаяся демократическим государством по причине установившегося авторитарного режима³.

В целом, группировка представляла собой вариант межправительственной модели, выстроенной по принципу конфедерации наподобие Совета Европы и ОЕЭС. Именно такая форма сотрудничества была близка не только Туманному Альбиону, но также северным странам, Австрии и Швейцарии. Кроме того, Норвегию, Данию и Великобританию связывали крепкие экономические,

¹ Convention establishing the European Free Treaty Association. URL: <http://secretariat.efta.int/web/EFTAConvention/EFTAConventionTexts/EFTAConventionText>

² Ibidem.

³ Urwin D. Op. cit. P. 99.

политические и военные отношения, что должно было способствовать лучшей «склейке» этих стран в рамках ЕАСТ.

В странах Общего рынка с тревогой следили за созданием конкурентного объединения. Однако степень беспокойства различалась в странах ЕЭС. Наибольшую заинтересованность в развитии торгово-экономических связей с ЕАСТ проявляла Западная Германия. Экспорт ФРГ в страны новой торговой ассоциации в конце 1950-х годов составлял 27 %, а в страны Общего рынка – 29 %. Франция была обеспокоена меньше: ее экспорт в ЕЭС и ЕАСТ составлял 25 % и 16 % соответственно¹.

Что касается экспорта Великобритании, то ее экспорт в 1959 г. в страны ЕАСТ составлял 9,85 %, в то время как на страны Общего рынка уже 14,0 %². Такое соотношение показывает, что экономические факторы не были для Лондона основными при оформлении ЕАСТ. Политические причины явно довлели над экономическими соображениями.

США негативно восприняли создание зоны свободной торговли. Беспокойство внушали как возможные последствия для сбыта их экспорта, так и политические последствия раскола Европа³. В Великобритании знали о такой реакции США и решили, чтобы не обострять ситуацию еще больше, выразить готовность на поиск компромисса со странами ЕЭС в проведении торгово-экономической политики. В Лондоне допускали возможность договориться со странами Общего рынка на основе режима наибольшего благоприятствования.

Сложно судить, действительно ли Г. Макмиллан верил в то, что ЕАСТ с коммерческой точки зрения окажется более выгодным предприятием, чем Общий рынок и со временем сможет его поглотить и стать политически важным для США. Скорее всего, создание зоны свободной торговли во многом объяснялось силой инерционного движения после провала оформления ЗСТ на базе ОЕЭС и недооценкой американского и французского факторов.

¹ Манфред И.А. Указ. соч. С. 41-42.

² Milward A.S. Op. cit. P. 312.

³ Beloff L. Op. cit. P. 65.

Поскольку о вступлении в ЕЭС речь идти не могла, Г. Макмиллан сосредоточил усилия на том, чтобы сделать созданную ЕАСТ более привлекательной с торговой точки зрения, чем Общий рынок. В феврале 1960 г. страны Семерки приняли решение о сокращении тарифов во взаимной торговле не на 10 %, как страны ЕЭС, а на 20 % с 1 июля 1960 г. ЕАСТ во главе с Лондоном стремилась продемонстрировать, что идет более быстрыми, чем ее главный конкурент, темпами по пути либерализации торговли¹.

Реакция Общего рынка последовала практически незамедлительно. В начале марта глава Комиссии ЕЭС В. Хальштейн озвучил свои идеи по ускоренному выполнению графика сокращения таможенных ограничений, намеченного Римским договором. Председатель Комиссии ЕЭС по сути предложил те же темпы ликвидации внутриторговых тарифов, что и страны ЕАСТ – на 20 % с 1 июля 1960 г.². Также В. Хальштейн предлагал уменьшить торговые квоты в отношении стран, не входивших в Общий рынок, и снизить тарифы во взаимной торговле не на 50 % к 31 декабря 1961 г. Такой «ответ» ЕЭС на действия своего конкурента означал фактическое равенство двух торгово-экономических объединений в графике снижения таможенных тарифов, что объективно снижало политическую значимость решения ЕАСТ по сокращению тарифов.

В западногерманском государстве предложения Хальштейна вызвали разногласия между министром финансов Л. Эрхардом и канцлером ФРГ К. Аденауэром. Л. Эрхард, руководствуясь факторами экономического порядка, считал, что в отношениях с ЕАСТ следует искать компромиссное решение, а не усугублять ситуацию до стадии торгового конфликта. Глава Боннской республики, наоборот, исходил из политических соображений и полностью поддерживал предложения Комиссии Хальштейна³.

¹ BDEE. Series A. 1957-1964. Vol. 4. Part I. P. 253.

² Ibid. P. 256.

³ Молчанов Н. Внешняя политика Франции... М, 1961. С. 85.

Реакция британского правительства на решения Общего рынка носила бурный характер. На встрече с послом США в Лондоне Дж.Х. Витни министр иностранных дел Великобритании С. Ллойд эмоционально заявил ему, что поддержка Вашингтоном проведения Общим рынком подобной политики может «привести к торговой войне между Соединенным Королевством и Германией» и вынудить Лондон вывести войска с территории Западной Германии¹.

В январе 1960 г. правительственные эксперты Великобритании подготовили документ, в котором дали прогноз роли страны в мировых делах в последующее десятилетие². Симптоматичной чертой этого экспертного анализа стало то, что действия Соединенного Королевства рассматривались в категориях глобальной политики. Такое понимание британской роли в международной жизни выдавало упорное нежелание правительственных кругов оценивать объективный потенциал страны. Это, в свою очередь, предопределило некоторое искажение в документе оценки реального положения Великобритании и ее возможностей влиять на развитие международных отношений.

Экспертный анализ вызвал большой интерес политических кругов страны. Посол Великобритании во Франции Г. Джэбб, ознакомившись с документом, в письме своему другу П. Дину справедливо обращал внимание на то, что оценка, данная Общего рынку и США на ближайшие десять лет, выглядит необоснованно оптимистичной и даже противоречивой³. Это касалось утверждения о том, что экономический рост Британии «продолжит расти, хотя очень медленно» на фоне вывода об увеличении производства в странах Общего рынка «к 1970 г. в большем объеме, чем США». Такая оценка, считал британский посол, логично должна была привести экспертов к выводу о необходимости пересмотреть концепцию «неучастия» Британии в ЕЭС. Однако таких умозаключений в документе сделано не было⁴.

¹ FRUS. 1958-1960. Vol. VII. Wash., 1993. P. 263.

² BDEE. Series A. 1957-1964. Vol. 4 Part I. P. 107-108.

³ Ibid. P. 108-109.

⁴ Ibidem.

Г. Джэбб пророчески доказывал, что «окончательный выбор между двумя сторонами Атлантики» Лондон будет вынужден сделать «скорее, чем мы думаем». Следовало учитывать, считал он, что Великобритания на пороге значительного ослабления ее экономической мощи и политического влияния в «связи с ростом стран Общего рынка как супердержавы с населением более 220 млн. чел. и производящей почти половину мирового экспорта»¹.

В ответном письме П. Дин парировал, что «слишком рано думать» о подобном выборе в условиях, когда не существует уверенности в движении Европейских сообществ к федерации². Вероятно, такое замечание одного из видных сотрудников Форин оффис было следствием сохранения в правительственных кругах иллюзий, что существующие наднациональные организации постигнет та же участь, что и ЕОС.

В конце марта 1960 г. в столице США состоялась встреча помощника госсекретаря по экономическим вопросам Д. Диллона с представителями стран Семерки. На совещании обсуждались перспективы преодоления экономического и политического раскола Западной Европы и возможности участия США в разрешении сложившейся ситуации³. Советник британского посольства в Вашингтоне по экономическим вопросам лорд Кромер настойчиво отстаивал выдвинутое Лондоном предложение странам ЕЭС следовать изначально намеченному в Римском договоре графику по снижению таможенных тарифов. Британское правительство полагало, что в этом случае в его распоряжении останется 18 месяцев, которые могут коренным образом изменить международную ситуацию и даже ход европейской интеграции, а именно позволить Лондону реализовать идею ЗСТ в изначально намеченном составе участников. Хотя это предположение было несколько наивным на фоне возрастающего раздражения США действиями Великобритании, усугубляющей раскол Европы.

¹ Spanier J. Games Nations Play. Analyzing International Politics. N.Y., 1972. P. 197.

² Ibidem.

³ FRUS. 1958-1960. Vol. VII. Part 1. Wash., 1993. P. 264.

С целью придать убедительность своим словам и обозначить решительность британских намерений по отстаиванию отсрочки в сокращениях таможенных тарифов Общего рынка во взаимной торговле на полтора года, лорд Кромер передал Д. Диллону ноту, в которой приводились расчеты экономических потерь Великобритании в случае вступления в силу предложений комиссии В. Хальштейна.

Обострение отношений Соединенного Королевства и стран Общего рынка наряду с ослаблением торговых связей между Великобританией и странами Содружества вызывало обеспокоенность у британских политиков в связи с воздействием этих проблем «на единство НАТО». В Лондоне в конце 1950-х гг. была создана неправительственная организация «Друзья Атлантического союза», в которые входили видные британские парламентарии, бизнесмены, экономисты и публицисты. Председателем этой структуры стал дипломат Дж. Бальфур¹.

Целью организации ее участники заявили «дать свежий взгляд на некоторые вызовы, с которыми столкнулось Атлантическое сообщество». К одному из таких вызовов было отнесено «создание ЕЭС, нарушившее прежние представления об экономической самостоятельности государств и содержащее угрозы дискриминации тем участникам мирового рынка, которые производят значительную продукцию на экспорт». В феврале 1960 г. при содействии журнала «Вестерн Уорлд» под эгидой «Друзей Атлантического союза» были опубликованы оценки экспертов из США и европейских стран по проблемам сотрудничества Соединенного Королевства, Содружества и ЕЭС.

Экспертные мнения экономистов из европейских стран и Содружества показывали, что для стран Общего рынка Содружество представляло собой скорее потребителя их товаров, чем поставщика. В 1955-1957 гг. импорт в страны ЕЭС из Содружества, включая Соединенное Королевство, составил 3,8 млрд. долл., а экспорт в страны Содружества 2,8 млрд. долл. В общем импорте Общего

¹ Foundation Jean Monnet. AMK 82/2/11. Note on the Special Supplement to Western World. February 1960. "The European Economic Community and the Commonwealth". Ed. by P.G. Rogge. P. 15.

рынка страны Содружества составляли 17,2 %, причем 5,4 % от этого показателя составлял импорт из Соединенного Королевства, однако поступавшие на рынки стран ЕЭС товары из Британии были в основном произведены не на ее рынках, а на рынках стран Содружества¹.

В конце марта 1960 г. Г. Макмиллан отправился в Вашингтон. На встрече с госсекретарем США К.Э. Гертером он выразил беспокойство складывавшейся экономической ситуацией в Западной Европе. Премьер-министр заявил, что хотя «политические преимущества Шестерки могут перевесить другие недостатки в глазах США», стоит принять во внимание тот факт, что «модернизация колониальной империи» Великобритании неизбежно ведет к экономическому ослаблению страны. Проводимая же странами Общего рынка тарифная политика лишь усиливала финансовую слабость Лондона, которая могла выразиться после сокращения тарифов на 20 % с 1 июля в дискриминации 94 % торговли Соединенного Королевства с Шестеркой².

На встрече Г. Макмиллан вновь обозначил стремление к оформлению ЗСТ как официальную позицию Лондона. Однако было очевидно, что в реальности премьер-министр Великобритании хочет попытаться в очередной раз проверить, до какой степени Вашингтон поддерживает экономический и политический курс, проводимый странами ЕЭС. В этих целях Макмиллан явно стремился преувеличить степень торговой дискриминации Общего рынка не только против Британии, но и против США.

Премьер-министр пытался убедить К.Э. Гертера в том, что отсрочка на полтора года в сокращении таможенных барьеров действительно может серьезно повлиять на международную ситуацию. При этом особые надежды премьер-министр связывал с «возможностью разрядки с Советами» и окончанием войны в Алжире, которое, как он полагал, может оказать значительное воздействие на позицию Франции, в том числе и на ее политику в ЕЭС.

¹ Ibidem.

² FRUS. 1958-1960. Vol. VII. Part 1. Wash., 1993. P. 268-273.

Помощник госсекретаря Д. Диллон заверил Г. Макмиллана, что в Белом доме по-прежнему заинтересованы в участии Соединенного Королевства в европейской интеграции. Но, указывал он, основной мотив США в поддержке Европейских сообществ состоит в «более тесной привязке Германии к западным странам», и эту задачу, на взгляд Вашингтона, созданные структуры успешно решали.

В качестве последнего средства британский лидер прибегнул к тактике нажима. Он заявил, что в случае, если Общий рынок не откажется от своих планов, финансовый ущерб Великобритании от потерь в торговле с Западной Германией составит 200 млн. ф.ст. При таком развитии событий, акцентировал внимание Г. Макмиллан, Лондон будет вынужден вывести свою армию на Рейне и снизить «свой вклад в СЕАТО и объем оборонных расходов»¹.

Британский премьер-министр осознавал, что такое упорное отстаивание проекта зоны свободной торговли только подстегивает развитие Общего рынка. Посол США в Великобритании Дж.Х. Витни отмечал, что на официальном уровне в Лондоне есть понимание того, что создание ЕАСТ «имело эффект укрепления Шестерки и ускорения интеграции». При этом американский посол подвергал сомнению реальность британских угроз вывести свои дивизии из ФРГ².

Комментируя результаты визита Макмиллана в США, Дж.Х. Витни отмечал, что основная сложность в вопросе присоединения Великобритании к континентальной интеграции заключается в том, что Лондон слишком руководствуется эмоциями, чрезмерно драматизируя экономические потери, которые может понести в связи с развитием Общего рынка. Американский посол отмечал, что «старые идеи... продолжают в большей степени определять пределы британской политики в отношении Европы», хотя их устойчивость и идет на убыль³.

¹ Ibid. P. 274-276.

² Ibid. P. 277.

³ Ibid. P. 278-280.

В этой связи США интенсифицировали процесс выработки договора, учреждающего новую – взамен ОЕЭС – международную структуру. В апреле 1960 г. на свет появился доклад, содержащий призыв к 20 участникам ОЕЭС сформировать комитет с участием представителей США и Канады с целью выработки проекта новой организации. Завершить свою работу и представить проект конвенции комитет должен был к ноябрю 1960 г.¹

В конце апреля 1960 г. на заседании кабинета министров Великобритании обсуждались вопросы взаимоотношений со странами Общего рынка. Глава Форин оффис С. Ллойд докладывал, что в ходе своего недавнего визита в Вашингтон у него сложилось твердое мнение, что администрация США не воспринимает всерьез опасения Великобритании о возможном ущербе ее экономическим интересам со стороны Общего рынка, принявшего решение об опережении графика сокращения взаимных таможенных ограничений. С. Ллойд дали ясно понять, что анализ экономической политики Общего рынка не выявил значительной степени угрозы для США, а угроза для Великобритании не интересовала Вашингтон. Британский министр финансов Д. Хиткоат-Эмори заметил, что «в настоящее время сложно дать точный прогноз воздействию этих изменений на торговлю Соединенного Королевства», но выразил уверенность в том, что британской стороне удастся найти общий язык с французскими коллегами для урегулирования этого вопроса².

В середине мая 1960 г. в Париже по предложению Ш. де Голля должен был состояться саммит четырех держав по урегулированию берлинской проблемы, с которым Г. Макмиллан связывал определенные надежды после своего визита в Москву. Хотя встреча состоялась, она фактически оказалась сорвана из-за американского самолета-шпиона У-2, сбитого в небе над Свердловском 1 мая 1960 г. Прибывший на конференцию Н.С. Хрущев потребовал от президента США Д. Эйзенхауэра извинений, которые американская сторона отказалась

¹ Ibid. P. 281-282.

² CAB 128-34. 26 April, 1960. P. 3.

приносить. Впоследствии на встрече с главой французской республики американский президент так вспоминал этот эпизод: «Перед нами троими [речь шла о Г. Макмиллане и Ш. де Голле – *Е.Х.*] Хрущев заводился все больше и больше. Он оскорблял Америку, сравнивая ее со *стыдливой девицей, которая уже прижала дюжину ублюдков* [курсив в тексте - *Е.Х.*]. Вы сохраняли великолепное спокойствие (это он говорит, обращаясь к де Голлю). Хрущев требовал, чтобы я принес ему извинения. И тут Вы окатили его холодным душем. Вы очень спокойно сказали ему, что в таком случае вы, к вашему большому сожалению, вынуждены констатировать неудачу конференции...»¹.

Для Г. Макмиллана провал встречи стал личным дипломатическим фиаско, поскольку он связывал именно с майским саммитом свои главные расчеты по налаживанию диалога между Западом и Востоком.

Провал четырехсторонней встречи заставил Г. Макмиллана искать новые средства по укреплению международной роли Британии. Большой, чем прежде, акцент премьер-министр решил сделать на поиск ведущей роли в европейском интеграционном движении. При этом Г. Макмиллан по-прежнему не отказывался и от идеи предоставить Франции возможность участия в «англо-франко-американской неформальной группе» по управлению НАТО. Д. Эйзенхауэр поддержал это предложение, уточнив, что деятельность такой группы должна носить «неформальный характер» с тем, чтобы «не вызвать раздражения или тревоги» других стран Североатлантического альянса².

Британский исследователь Н. Эштон дал название курсу, который стал формировать премьер-министр в отношении европейских дел, «связывающей» или «ограждающей стратегией». Однако эта стратегическая линия, предусматривавшая поддержание отношений с Вашингтоном в сочетании с

¹ Пейрефит А. Таким был де Голль... С. 308.

² Macmillan H. Pointing the Way... P. 212.

поиском новой силовой основы политики в Европе, в конечном итоге «оказалась сложной в исполнении и неопределенной в результате»¹.

По поручению премьер-министра один из сотрудников Казначейства Ф. Ли подготовил в конце мая 1960 г. доклад, посвященный перспективам участия Лондона в Общем рынке². Основное внимание в документе было уделено рассмотрению долгосрочных перспектив британской политики на европейском континенте. По мнению автора, создание альтернативной странам ЕЭС группировки только осложнило существующие в Европе и имеющие непосредственное значение для Великобритании проблемы. Среди них – негативные экономические последствия развития таможенного союза и возрастание политического влияния ЕЭС в отношениях с США. Исходя из этого, британскому правительству настойчиво рекомендовалось присоединиться к Сообществу, поскольку «объединение ресурсов этой новой силы будет разбавлено нашим влиянием с остальным миром, включая Содружество» и усилит международные позиции страны³.

13 июля 1960 г. на заседании кабинета министров Великобритании вновь обсуждался вопрос о возможности вступления страны в Европейские сообщества. В ходе встречи было озвучено четыре возможных варианта участия страны в ЕЭС. Первый вариант, который министры оценивали как «полностью неприемлемый» подразумевал принятие Лондоном всех статей Римского договора. Второй вариант предполагал вхождение Великобритании в Общий рынок «на особых условиях», которые могли помочь сохранить систему преференций, но только в отношении «некоторых продовольственных товаров Содружества», что в конечном итоге быстро привело бы к «разрушению» всей преференциальной системы. Третья возможность подразумевал ассоциированное членство страны в ЕЭС. Отмечая определенные достоинства этого варианта,

¹ Ashton N. J. Harold Macmillan and the “Golden Days” of Anglo-American Relations Revisited, 1957-1963. // Diplomatic History. Vol. 29. No 4 (September 2005). 2005. P. 705.

² Britain and European integration... P. 90.

³ Ibid. P. 91-92.

например, возможность его принятия другими странами ЕАСТ, члены кабинета министров согласились, что его реализация могла лишить Британию возможности «иметь столько влияния в Сообществе, как бы она могла, будучи его полноправным членом». Согласно четвертому варианту, Лондон «оставался вне ЕЭС» для проведения политики по «укреплению ЕАСТ»¹.

Ход дискуссии показывал, что британские правящие круги всерьез рассматривали возможность реализации второго или третьего вариантов вступления в Европейские сообщества. Министр финансов, в частности, отмечал необходимость проведения консультаций со странами Содружества по поводу изменения британского подхода к европейской интеграции и выяснения «возможного отношения Франции к... предложению [Великобритании – *Е.Х.*] о членстве на особых условиях или ассоциации».

Президент Франции Ш. де Голль в этот период сосредоточился на развитии политического союза стран Общего рынка, пытаясь усилить межправительственную составляющую в функционировании Сообществ. По мнению де Голля, наднациональная основа созданных структур ущемляла национальный суверенитет Франции, что он считал неприемлемым.

В конце июля 1960 г. в Рамбуйе проходила встреча президента Франции и канцлера ФРГ, на которой обсуждались проблемы будущего Европейских сообществ. Де Голль предложил К. Аденауэру план создания совета шести глав государств, входящих в ЕЭС².

Д. Диллон в телеграмме в госдепартамент охарактеризовал эти действия французского президента как предложение канцлеру ФРГ «нового подхода» к европейской интеграции, суть которого состояла в создании «конфедерации национальных государств». Помощник госсекретаря США расценивал попытку де Голля реализовать свой подход к европейской интеграции как органическую часть политики генерала по укреплению роли своей страны на континенте. В

¹ BDEE. Series A. 1957-1964. Vol. 4. Part II. L., 2000. P. 190-191.

² FRUS. 1958-1960. Vol. VII. Wash., 1993. P. 294.

связи с тем, что президент Франции добивался установления тройственного управления НАТО в составе США, Великобритании и Франции, предложение генерала можно было рассматривать как средство давления на Лондон, который был заинтересован в успешном решении проблемы ЗСТ.

В то же время инициатива президента Ш. де Голля по усилению роли национальных правительств в интеграционном строительстве вызвала негативную реакцию пяти других государств Шестерки, которые заявили о «приверженности Римским... договорам», что заставило президента Франции на время отложить свое предложение.

На встрече с госсекретарем США К.Э. Гертером министр иностранных дел Франции М. Кув де Мюрвилль попытался прояснить ему позицию Парижа и сущность инициативы де Голля. Он отметил, что «то, что было достигнуто в экономической области, может быть полностью развито, если бы существовал некоторый вид политического союза Западной Европы». Министр иностранных дел сообщил госсекретарю о том, что, несмотря на первоначально негативную реакцию пяти стран-участниц ЕЭС на выдвинутую французским лидером идею, в ближайшие месяцы пройдут консультации с ними по этому вопросу. Поэтому, отмечал Кув де Мюрвилль, Франция избегала каких-либо официальных заявлений, пока переговоры не будут завершены.

Представление подобной инициативы именно в это время глава французского МИДа объяснял тем, что международная обстановка после провала саммита четырех держав в мае требовала «движения вперед» по пути интеграции. Подтекстом такого заявления было явное стремление Франции перехватить у Великобритании инициативу и использовать провал разрядки с тем, чтобы занять лидирующее положение в Европейских сообществах и западноевропейском регионе. При этом М. Кув де Мюрвилль высказался в пользу британского членства в Общем рынке, определив проблему роли Великобритании в

европейской интеграции как самую важную¹. Такой подход Франции можно квалифицировать как официальную политику Парижа, направленную на включение Великобритании в ЕЭС. Однако этот курс в реальности расходился с конкретной политикой, проводимой с целью недопущения участия Лондона в Европейских сообществах.

13 октября 1960 г. выступая на партийной конференции Консервативной партии лорд-хранитель печати Э. Хит обратил внимание своих коллег на несколько важных моментов, связанных с произошедшим расколом Европы на несколько экономических группировок².

Под таким расколом Хит имел в виду существование Шестерки, появление Семерки и государств, известных как «Пять забытых» (страны ОЕЭС, не вошедшие ни в ЕАСТ, ни в ЕЭС). Для Британии это деление Европы было сопряжено с интересом к этим интеграционным новациям Соединенных Штатов и обеспокоенностью Содружества и колоний.

Довольно обстоятельное заявление Хита не было выдержано исключительно в еврофильском ключе, несмотря на то, что он входил в крыло проевропейски настроенных членов Консервативной партии. Э. Хит обозначил ряд концептуальных вопросов, которые, по его мнению, будут оказывать серьезное воздействие на внешнюю политику Великобритании в течении ближайших нескольких лет. К таким вопросам он отнес вопрос сущности ЕЭС для стран-участниц этого объединения и для Великобритании. Хит обозначил Сообщество как «способ жизни» для населения входящих в него государств – прежде всего молодых мобильных людей: «этот энтузиазм придает новую динамику европейской истории».

Однако «в Европе», заметил Хит, «неправильно оценивают наше отношение» к ЕЭС, рассматривая его либо как стремление «подорвать» созданные институты, либо как стремление установить «новый баланс сил». Оба

¹ Ibid. P. 298-300.

² Foundation Jean Monnet. AMK 82/2/14. Conservative and Unionist Central Office. Conservative Party Conference. P. 51-52.

утверждения были неверны, по мнению британского политика, Британия была искренне заинтересована «в укреплении и развитии» созданных институтов, и тогда они «приведут к процветанию, и, надеюсь, к миру в самой Европе»¹.

Мы знаем трудности, которые могут возникнуть в связи с Берлином с Советским Союзом. Мы знаем степень, с которой Советский Союз всегда пытался отделить страны Европы и отделить нас от Америки и от Европы. Необходимость единства Европы самоочевидна».

В начале ноября 1960 г. в США состоялись президентские выборы. Победу на них одержал лидер Демократической партии, сенатор от штата Массачусетс Дж. Ф. Кеннеди. Со сменой администрации Г. Макмиллан связывал определенные надежды на изменение отношения Вашингтона к проблеме европейской интеграции в благожелательную для Лондона сторону. Однако пока ясность в линии поведения недавно избранного президента США отсутствовала, британский лидер опасался, что в отличие от Д. Эйзенхауэра, с которым у него были хорошие личные отношения, с новым главой Белого дома таковых может не сложиться. Г. Макмиллана и Дж. Ф. Кеннеди разделяло целое поколение – 23 года разницы в возрасте – и сложно было предсказать, какое воздействие на взаимоотношения двух стран окажут ирландские корни американского президента.

В конце ноября 1960 г. главный идеолог европейского федералистского движения Ж. Монне встретился с американскими сенаторами. В ходе совещания он отметил, что проблема существования ЕЭС-ЕАСТ не решаема без урегулирования вопроса об участии Великобритании в европейской интеграции. Председатель Комитета борьбы за Соединенные Штаты Европы заметил, что хотя разговоры о «расколе Европы» сильно преувеличены, особенно британским премьер-министром Г. Макмилланом, позиция Лондона действительно оставалась ключевой в вопросе дальнейшего развития европейской интеграции. Исходя из

¹ Ibid. P. 56.

этого, он считал возможным и целесообразным инициировать переговоры не между ЕЭС и ЕАСТ, а между ЕЭС и Великобританией¹.

К середине декабря 1960 г. завершилась работа над проектом об учреждении Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). В середине декабря в Париже страны бывшей ОЕЭС, США и Канада подписали договор об официальном создании новой международной структуры².

В начале апреля 1961 г. в Вашингтоне состоялась встреча премьер-министра Г. Макмиллана с президентом США Дж. Кеннеди. В ходе обсуждения были затронуты проблемы раскола Западноевропейского региона на два торгово-экономических блока. Президент США поинтересовался у своего британского визави, не ощущает ли он угрозу со стороны Общего рынка. Г. Макмиллан указал на экономические и политические аспекты этой проблемы. «Моя мечта, - заявил премьер-министр, - состоит в том, чтобы Шестерка и Семерка стали частью более широкого Атлантического союза как торговой зоны». Пока же он и некоторые его партнеры по ЕАСТ были готовы рассмотреть «возможность ассоциации» с ЕЭС, но препятствием осталась непримиримая позиция Ш. де Голля, противопоставлявшего Общий рынок «доминированию англосаксов»³.

Президент Кеннеди согласился с тем, что широкая торговая группировка, в состав которой войдут ЕАСТ и ЕЭС, могла бы соответствовать интересам Соединённых Штатов, но выразил сомнение в осуществлении такой идеи. Глава Белого дома рекомендовал британскому лидеру предпринять шаги не к поглощению, а вступлению в Общий рынок. Ситуация, по его мнению, благоприятствовала этому, и позицию Ш. де Голля Дж. Кеннеди не считал непреодолимой⁴.

26 апреля 1961 г. на заседании кабинета министров Великобритании, вдогонку состоявшейся встречи Г. Макмиллана и Дж. Ф. Кеннеди, был

¹ FRUS. 1958-1960. Vol. VII. Wash., 1993. P. 305-306.

² Spectator. January 26, 1962.

³ CAB 129-105. 18 April 1961. P. 3.

⁴ Ibidem.

рассмотрен вопрос о перспективах участия Британии в ЕЭС и Евратоме. Г. Макмиллан выразил мнение о том, что «время еще не пришло, чтобы принять окончательное решение по этому вопросу». Г. Макмиллан напомнил, что вступление в Европейские сообщества означало бы проведение политики, идущей вразрез с традиционным курсом Великобритании, ориентированным на «предотвращение концентрации чрезмерной силы в одной политической единице на континенте Европы». Премьер-министр все еще не отказывался от создания ЗСТ, которая, по его мнению, лучше всего служила бы «политическим интересам» страны. Однако объективно существовали факторы в пользу вступления Британии в Европейские сообщества. Среди них – угроза превращения «Общего рынка при французском лидерстве в самостоятельную политическую силу в Европе» и усиление конкуренции со стороны ЕЭС на мировых рынках на фоне ослабления позиций Великобритании¹.

Следовало также учитывать заинтересованность промышленных и сельскохозяйственных кругов страны в доступе на емкий внутренний рынок ЕЭС. Министр сельского хозяйства Великобритании Дж. Хар отмечал, что «в долгосрочной перспективе британское сельское хозяйство, вероятно, пострадало бы более сильно, оставшись вне Общего рынка, чем присоединившись к нему». Кроме того, министры отметили политические факторы – вхождение в Европейские сообщества Лондона могло обеспечить Великобритании роль своеобразного «моста между Европой и Северной Америкой»².

Премьер-министр полагал, что в случае успешной реализации идеи разрядки, которую он не оставил, Лондон сможет изменить ситуацию, при которой «Франция сохраняла политическое лидерство в Европе». В обмен Лондон был готов предоставить генералу де Голлю «право участвовать в системе трехсторонних консультаций НАТО», которые могли стать частичным

¹ САР 128-35. 26 April 1961. P. 3-4.

² Ibid. P. 5.

выражением такого механизма, установления которого французский лидер добивался с сентября 1958 г.

В связи с этим Г. Макмиллан высказал надежду на то, что президент Кеннеди обсудит с генералом де Голлем этот вопрос в ходе предстоящего визита президента США в Париж. Уже на основе ответа главы французской республики, правительство Великобритании намеревалось выстраивать дальнейший курс в «европейском вопросе»¹.

Администрация США была заинтересована в присоединении Британии к наднациональному формату интеграции. На встрече с генералом де Голлем в Париже в начале июня 1961 г. в ходе большого тура по Европе президент США затронул вопрос о возможности вступления Великобритании в Общий рынок. На встрече с лидерами Конгресса по возвращению в Вашингтон Дж. Ф. Кеннеди, отвечая на вопрос сенатора У. Фулбрайта об отношении Ш. де Голля к перспективе британского участия в Общем рынке, пояснил, что, по его мнению, французский президент в реальности не желает видеть Великобританию в составе ЕЭС². У Дж. Ф. Кеннеди сложилось впечатление, что де Голль не верит в то, что «англичане дадут необходимые политические обязательства» и, в любом случае, «предпочитает нынешнюю ситуацию, при которой он является доминирующей фигурой»³.

В середине июня 1961 г. ключевые министры британского кабинета прибыли в загородную резиденцию премьер-министра в Чекерз⁴. На этой встрече Г. Макмиллан поставил перед министрами задачу тщательного изучения проблем, которые могли возникнуть в случае официального обращения Соединенного Королевства с заявлением на вступление в Европейские сообщества. В первую очередь, глава правительства был обеспокоен реакцией на такое решение со

¹ Ibid. P. 6-7.

² FRUS. 1961-1963. Vol. XIII. Western Europe and Canada. 6 June 1961. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v13/d231>

³ Ibidem.

⁴ BDEE. Series A. 1957-1964. Vol. 4. Part II. L., 2000. P. 199.

стороны Содружества. В связи с этим профильным министрам было поручено посетить страны этой организации с целью выяснения их реакции.

Определенную надежду на успешное разрешение вопроса о сохранении системы преференций британскому правительству внушало возможность воспользоваться потенциальным правом после вступления в Общий рынок применить раздел Римского договора о статусе «заморских ассоциированных территориях». Статьи этой части договора давали возможность странам, имеющим обозначенный статус, развивать «особые отношения» с ЕЭС, подразумевающие льготный доступ товаров из этих стран в Сообщество. Препятствием для применения такой формы торгово-экономических отношений на британские территории могло стать то, что она не предназначалась, согласно тексту договора, независимым государствам с развивающейся экономикой¹.

Выходом из этой ситуации могла стать выработка «переходных» или двусторонних соглашений, в которых могли быть прописаны торговые преференции странам Содружества по определенным видам продукции². Впрочем, исходя из жесткой позиции Франции на переговорах по британской зоне свободной торговле, проблемы условий членства Великобритании в ЕЭС носили скорее политический, чем экономический характер.

13 июня 1961 г. Г. Макмиллан сделал в Палате общин заявление о возможности для Великобритании решить существующие «в отношениях между Соединенным Королевством и ЕЭС проблемы» путем соглашений со странами Общего рынка, которые будут соответствовать интересам как Содружества, так и ЕАСТ. При этом Г. Макмиллан, опасаясь чрезмерно острой реакции членов Палаты общин, прежде всего, лейбористов, подчеркнул, что правительство «еще не приняло» решения о вступлении в Европейские сообщества. Наоборот, премьер-министр попытался представить свою речь как своеобразную консультацию с членами парламента о возможности для правительства принять

¹ Ibid. P. 200-201.

² Ibid. P. 202-203.

такое решение¹. Несмотря на такой «мягкий» вариант, реакция парламентариев носила бурный характер. Они выражали справедливые опасения по поводу возможного ущемления торговых и политических связей Лондона со странами Содружества².

Экономическая значимость рынка ЕЭС для британской промышленности возрастала. Экспорт Соединенного Королевства в страны Общего рынка с 1957 по 1960 гг. вырос с 1,290 до 1,690 млрд. долл., а со странами ЕАСТ за тот же период остался на прежнем уровне. В свою очередь, в импорте Британии возрастала сельскохозяйственная продукция и сырье из стран Западной Европы, и наоборот, объемы аналогичных наименований из стран Содружества падали³.

Реакция стран Содружества на британскую инициативу различалась⁴. Хотя все заинтересованные государства признавали, что единственной приемлемой компенсацией их возможных торговых потерь мог стать статус «ассоциированных заморских территорий», однако этот вопрос требовал согласования, и судя по всему, длительного (в Общем рынке не были заинтересованы в конкуренции со стороны Содружества), со странами ЕЭС. Британское правительство все же рассчитывало на предоставление этого статуса странам Содружества и британским колониям.

В конце июля 1961 г. министр по делам Содружества представил доклад, в котором излагал свои впечатления о поездках в Австралию, Новую Зеландию и Канаду. И. Маклеод охарактеризовал реакцию названных стран на британскую инициативу как близкую к «шоку» в связи с их опасением не только за свою торговую политику, но и перспективы того, что «экономический союз между Соединенным Королевством и другими странами Западной Европы приведет к политическому союзу», который неизбежно ослабит связи внутри Содружества. И. Маклеод доказывал, что «в долгосрочной перспективе» вступление

¹ Documents and speeches on Commonwealth Affairs. 1952-1962. L., 1963. P. 628-629.

² Ibid. P. 629, 631, 633.

³ Moss D. G. A., Wood S. F. The Common Market. Manchester Actuarial Society. 1962. P. 74-75. URL: <http://www.actuaries.org.uk/sites/default/files/documents/pdf/0064-0089.pdf>

⁴ BDEE. Series A. 1957-1964. Vol. 4. Part II. L., 2000. P. 207-208.

Великобритании в ЕЭС «увеличит способность» страны «обеспечивать капитал для развития Содружества и покупать больше его продуктов»¹. Однако убедить в этом ведущие страны Содружества было нелегко.

В этой связи ключевой проблемой был вопрос о том, как представить общественности решение начать переговоры со странами Общего рынка о вступлении Соединенного Королевства в Европейские сообщества. Г. Макмиллан считал, что действовать нужно таким образом, чтобы заявка на вступление в переговоры с ЕЭС выглядела не «капитуляцией в силу обстоятельств», а стремлением к диалогу и поиску компромисса².

Следует отметить, что до сих пор продолжаются дискуссии историков о том, действительно ли Великобритания была настроена на вступление в ЕЭС или же пыталась таким образом привлечь внимание США и решить другие вопросы. Судя по всему, Г. Макмиллан поначалу оценивал заявку о вхождении в Общий рынок скорее как дипломатический маневр, на данном этапе не обязывающий Великобританию к решительным действиям. 21 июля 1961 г. на заседании кабинета министров Г. Макмиллан заявил, что при провозглашении решения следует соблюсти «деликатный баланс», не создавая впечатления в Соединенном Королевстве, Содружестве и ЕАСТ, что «мы уже решили вступить в Сообщество на любых условиях» и, в то же время, «не демонстрируя членам Сообщества, что мы не имеем реального желания присоединиться к ним»³. Такое балансирование, как покажут переговоры, было скользким путем.

К концу июля 1961 г. был выработан проект британского заявления о вступлении в переговоры с Общим рынком.

31 июля премьер-министр, выступая в Палате общин, озвучил намерение правительства вступить в переговоры со странами ЕЭС относительно условий

¹ Ibid. P. 208-211.

² Ibid. P. 212.

³ САВ 128-35. 21 July 1961. P. 5.

британского членства в нем и направить в Совет ЕЭС соответствующее заявление¹.

Г. Макмиллан тщательно подбирал слова, озвучивая намерения правительства решительно развернуть политику правительства в Европейском вопросе в другую сторону. Он заявил, что ст. 237 Договора об учреждении ЕЭС предусматривает, что «условия приема нового участника и изменения в Римском договоре должны быть предметом согласования». Следовательно, заключал глава кабинета, должны быть «проведены переговоры, чтобы установить условия, на которых мы можем присоединиться». Также Г. Макмиллан обратил внимание, что сами переговоры еще не означают, что Великобритания после их завершения изъявит желание вступить в Европейские сообщества².

Заслуживает внимания, что речь, по сути, шла не о **вступлении** в Европейские сообщества, а о «**выяснении условий** [выделено *Е.Х.*]», на которых Британия может присоединиться. Такая формулировка служила страховочным средством для снижения градуса критики со стороны Лейбористской партии, евроскептиков среди консерваторов, населения Британии и стран Содружества. Г. Макмиллан указал, что во внимание в процессе переговоров будут приняты «отношения других стран ЕАСТ с ЕЭС, проблемы сельскохозяйственного экспорта из стран Содружества в Британию и вопросы аграрной политики внутри самого Соединенного Королевства»³.

Эта триада, судя по всему, предназначалась как для внутреннего, так и зарубежного «потребления». Однако в целом, как справедливо отмечают исследователи, выбранная Макмилланом форма презентации правительственного решения в Парламенте была довольно «тусклой»⁴.

¹ Great Britain. Hansard. Parliament. House of Commons. Parliamentary Debates. European Economic Community (Government Policy). 31 July 1961. Col. 928-942. URL: <http://hansard.millbanksystems.com/commons/1961/jul/31/european-economic-community-government>

² Ibid. Col. 930.

³ Ibid. Col. 928-929.

⁴ См. например; Crowson N. J. The Conservative Party and European Integration since 1945. At the heart of Europe? L., N.Y., 2007. P. 28.

США приветствовали британскую заявку, сделав заявление о том, что «уже длительное время полагают, что необходимая степень экономической и политической стабильности в Европе может быть достигнута только если Британия присоединится к Общему рынку»¹.

9 августа 1961 г. Г. Макмиллан отправил председателю Совета ЕЭС Л. Эрхарду официальное обращение с просьбой рассмотреть британскую заявку на вступление в переговоры по условиям членства в Европейских сообществах. Аналогичные обращения направили Республика Ирландия, Дания и Норвегия, а такие участники ЕАСТ как Швеция, Австрия и Швейцария выразили желание стать ассоциированными членами Общего рынка².

Решение правительства Г. Макмиллана подать заявку в ЕЭС, с одной стороны, стало несомненным признанием успехов, достигнутых Шестеркой стран в экономической и политической сферах, с другой – свидетельством неуклонного ослабления международных позиций Великобритании и мучительным поиском «своего места в мире». Попытки Британии, по-прежнему избегавшей долгосрочных обязательств на континенте, создать коммерчески выгодное и политически привлекательное объединение фактически провалились. И британское руководство все-таки было вынуждено в августе 1961 г. сделать шаг навстречу организации, тесных отношений с которой последовательно избегало на протяжении четырех лет.

¹ The Times. 1 August, 1961.

² Маклэйн Д. Внешняя политика Англии после Суэца. М., 1972. С. 132.

4.2 Переговоры Великобритании и стран ЕЭС – от противоречий к поискам компромиссов

Известие о решении правительства подать заявление в Общий рынок прошло почти незамеченным для населения страны. Это объяснялось главным образом слабой информированностью британского общества о наднациональных структурах и их деятельности. Изучение Европейских сообществ в Великобритании, по тонкому замечанию А. Скеда и К. Кука, напоминало изучение эсперанто – и то, и другое требовало ознакомления с новой и довольно неясной терминологией¹.

Тем не менее, избранный правительством курс потенциально грозил развернуть политику страны в сфере европейской интеграции на 180 градусов. На решение Г. Макмиллана вступить в переговоры по условиям членства в ЕЭС оказали влияние многие факторы. Провал четырехстороннего саммита в мае 1960 г., на который премьер-министр возлагал большие надежды, означал невозможность реализовать идею разрядки международной напряженности, во всяком случае, в ближайшее время. Концепция взаимозависимости, которую британский лидер стремился опробовать не только на отношениях с США, но и с СССР, высветила несамостоятельную роль Великобритании на международной арене и лишь дополнительно подчеркнула зависимость Лондона от Вашингтона как в решении германской проблемы, так и колониальных вопросов. В этих условиях Г. Макмиллан нуждался в новой инициативе, которая могла помочь укрепить позиции Консервативной партии и повысить роль страны в европейских и мировых делах. При этом о пересмотре всей внешнеполитической стратегии речь, что симптоматично, не шла².

¹ Sked A., Cook C. Post-war Britain. A Political History. L., 1979. P. 191.

² Как подчеркивает британский автор Дж. Балпитт, и после Второй мировой войны Великобритания опиралась на стратегию 1918 г., предпочитая «Европе» разумную, семейственную национальную стратегию «старого режима». См. подробнее: Vulpitt J. The European Question. // The Ideas That Shaped Post-War Britain. Ed. by D. Marquand and A. Seldon L., 1996. P.232-233.

Вступление страны в Европейские сообщества могло также, считал премьер-министр, способствовать укреплению финансовых позиций Великобритании. Лондон активно искал пути увеличения платежного баланса страны для инвестирования, в частности, в экономику стран Содружества, которое стремительно пополнялось новыми членами.

Представленная ниже таблица иллюстрирует самый низкий среди ведущих стран Западной Европы, Японии и США уровень экономического роста Великобритании.

Таблица 1 – Темпы экономического роста, выраженные в % в 1950-1959 гг.

	1950-1959	1954-1959
Япония	6,1	7,6
Италия	4,7	3,8
Западная Германия	4,5	3,6
Франция	3,6	3,3
Нидерланды	3,4	2,9
Швеция	2,8	3,0
США	2,2	2,2
Соединенное Королевство	1,7	1,6

Источник: The Times. 1 August, 1961.

Как видно, проблемы Британии усугубились во второй половине 1950-х гг. и требовали нового «лекарства», под которым Г. Макмиллан мыслил участие страны в ЕЭС.

Кроме финансово-экономических факторов, большое, если не определяющее, значение имели внешнеполитические мотивы. ЕАСТ, не ставившая задач политической интеграции, по сути всего лишь зафиксировала на бумаге уже существующие между странами ассоциации торгово-экономические связи. Макмиллану не удалось сделать эту организацию привлекательной для

других стран и заполучить поддержку Вашингтона. Впрочем, тот факт, что уже через полтора года после создания торгового объединения стран Семерки Великобритания потеряла интерес к своему проекту, красноречиво говорит о том, что ЕАСТ была не более чем тестом на «привлекательность». Как только стало понятно, что ЕАСТ не оправдывает своих ожиданий на фоне впечатляющих экономических успехов Шестерки (ФРГ и Италия переживали настоящее «экономическое чудо», темпы роста французской экономики также были высокими), британское руководство решило успеть заскочить в уходящий поезд.

В свою очередь, для стран ЕЭС вступление сильного кандидата могло оказать благоприятное воздействие. Великобритания оставалась ведущим государством с сильными финансовыми связями по всему миру. Развитой экономикой и демократической системой правления отличались и другие кандидаты в Общий рынок.

Реакция стран Содружества на решение Великобритании, вопреки надеждам Г. Макмиллана и его дипломатическим усилиям, была бурной. Премьер-министр даже решил отложить ежегодную конференцию стран Содружества. Такая отсрочка вызвала резкую критику Содружества и лейбористов, и в сентябре 1961 г. состоялась встреча министров финансов стран организации в Аккре¹.

Руководители финансовых ведомств государств Содружества испытывали неподдельную тревогу перспективой ослабления системы имперских преференций. Угроза ликвидации Оттавского механизма предпочтительных тарифов, созданной в 1932 г. и функционировавшей не одно десятилетие, казалась вполне реальной. Определенное беспокойство членов Содружества вызывало воздействие переговоров и в перспективе членства Британии в ЕЭС на функционирование стерлинговой зоны². Эти и другие трудности явно требовали

¹ The Economist. September 16, 1961.

² Milward A.S. Op. cit. P. 362-372.

пристального внимания правительственных экспертов Великобритании в ходе проведения переговоров со странами Общего рынка.

10 октября 1961 г. начались официальные переговоры кандидатов на вступление со странами Общего рынка Великобритании и трех других европейских стран с государствами ЕЭС. Главой британской делегации стал лорд-хранитель печати и проевропейски настроенный тори, Эдвард Хит.

В выступлении на открытии переговоров в Париже (затем проходивших в Брюсселе) Э. Хит обратил внимание собравшихся на то важное обстоятельство, что для Лондона вопрос о вступлении в Общий рынок – это вопрос будущего аграрной политики Великобритании и ее связей со странами ЕАСТ и Содружества. В Брюсселе приняли к сведению заявление Э. Хита и согласились начать переговоры на озвученной основе¹.

Для проведения переговоров британская сторона сформировала две команды. В функции первой входило ведение переговоров со странами Шестерки. Вторая выполняла экспертно-аналитические задачи и должна была консультировать в случае необходимости первую команду и информировать Содружество о состоянии переговорного процесса. В целом, британская делегация под руководством Э. Хита, «прозванная «летающими рыцарями», совершила за полтора года 11 визитов в Париж, 27 в Брюссель и столько же в другие страны Общего рынка»².

Поскольку принципиальные разногласия между Великобританией и ЕЭС были известны заранее и прояснились еще в период переговоров по зоне свободной торговли, команда Хита решила сразу приступить к обсуждению спорных моментов. Прежде всего, стояла задача отстоять имперскую систему преференций³. Неразрывно эта проблема была связана с аграрной политикой самой Великобритании, сельскохозяйственный сектор которой был

¹ Spaak P.-H.. Hold Fast. // Foreign Affairs. 1963. Vol. 41. № 4. P. 612.

² Подробнее см.: Капитонова Н. К. Эдвард Хит – премьер-министр «неудачник». // Новая и новейшая история. 2015. №4. С. 145-146.

³ May A. Commonwealth or Europe?: Macmillan's Dilemma, 1961-1963. // Britain, the Commonwealth and Europe... P. 90.

незначительным. Страна ввозила сырье и продовольствие из Содружества и не была заинтересована в установлении таможенных тарифов против своих основных торговых партнеров.

Государства Общего рынка, понимая стремление Британии не только войти самой, но и привести за собой в ЕЭС страны Содружества посредством надления их статусом ассоциированных членов, пытались сопротивляться британским попыткам сохранить систему имперских преференций и усидеть «на двух стульях».

Жесткой, если не сказать бескомпромиссной, оставалась позиция французского президента. Ш. де Голль по-прежнему был убежден, что Великобритания преследует цель развалить Общий рынок «изнутри»¹. В Лондоне все же надеялись преодолеть французскую позицию, играя на разногласиях стран Шестерки.

Однако первая серия переговоров не внушала оптимизма британской делегации. В январе 1962 г. Общий рынок пришел к согласию относительно единой линии в отношении Общей сельскохозяйственной политики (ОСП) ЕЭС. Для Великобритании вхождение в эту систему было нежелательным по причине иной, в отличие от стран ЕЭС, сельскохозяйственной структуры экономики. Не удалось достичь соглашений и по проблемам сохранения британской преференциальной системы².

В этих условиях углубился раскол внутри Консервативной партии по вопросу участия в Общем рынке. 20 февраля 1962 г. в ходе дебатов в Палате общин П. Уолкер, один из членов созданной в 1961 г. Группы тори-реформистов (Tory Reform Group), поднял вопрос о том, в какой степени правительство готово защищать свои торговые интересы на переговорах со странами Общего рынка³.

¹ Де Голль Ш. Мемуары надежд. Обновление. 1958-1962 гг. Европа. // Новая и новейшая история. 1994. № 4-5. С. 318.

² Цит по: Ладлоу П. К вопросу о первых успехах... С. 229-231.

³ Hansard. Great Britain. Parliament. House of Commons. Parliamentary Debates. European Economic Community. 20 February 1962. Col. 189-193. URL. <http://hansard.millbanksystems.com/commons/1962/feb/20/european-economic-community>

Он привел расчеты, которые показывали торгово-экономический приоритет Содружества над ЕЭС. Экспорт Соединенного Королевства в Содружество был на 800 млн. ф.ст. больше, чем в страны Общего рынка, и в целом за период с 1950-го по 1960-й гг. британский экспорт в Содружество вырос на 440 млн. ф.ст., в то время как экспорт в страны ЕЭС возросли менее чем на 280 млн. ф.ст.¹ Министр по делам торговли Ф. Эрролл пытался парировать тем, что в перспективе в десятилетие между 1960-1970 гг. соотношение поменяется, и экспорт Великобритании в Общий рынок превысит вывоз товаров в Содружество².

Эти доводы главы Министерства торговли звучали малоубедительно. Начальная стадия переговоров свидетельствовала о том, что пока Британии не удавалось и сохранить систему имперских преференций, и отстаивать свои национальные интересы в области развития сельского хозяйства.

В конце 1961 г. администрация США озвучила «великий проект», перекликавшийся с одноименной британской идеей 1957 г. В области экономики проект предусматривал оформление таможенного сообщества с широким составом участников вокруг ядра в виде США и ведущих западноевропейских государств. В этом ракурсе вступление Великобритании в Европейские сообщества могло усилить Общий рынок и, в перспективе, подготовить основу для более широкого торгово-экономического объединения под эгидой Вашингтона. В атомной сфере правительство Дж. Ф. Кеннеди предлагало поставить ядерное оружие союзников под единое руководство США³.

«Великий проект» по-американски, как и его британский аналог, имел утопические черты. Экономическая часть плана объективно могла натолкнуться на препятствия, связанные как с продолжавшимися переговорами Британии и других кандидатов на вступление со странами Общего рынка, так разногласия с Францией. Кроме того, вопреки многократным заявлениям США о поддержке идеи британского участия в ЕЭС и самого сообщества, в реальности

¹ Ibidem.

² Ibidem.

³ История США. В 4 т. Т. 4. М., 1987. С. 247-248.

администрация Дж. Кеннеди испытывала беспокойство в связи с возможным ущербом торгово-экономическим позициям Соединенных Штатов со стороны Общего рынка. В период агитации за новый торговый закон, глава Белого дома в одном из выступлений заявил, что «рост Общего рынка ... может привести к тому, что в один прекрасный день сообщество превратится в американского конкурента»¹.

Опережение графика странами ЕЭС по устранению взаимных пошлин и введение защитного тарифа против третьих стран усиливало конкурентоспособность товаров ЕЭС на мировых рынках, а, значит, угрожало торговым позициям США. Администрация США надеялась, что включение Великобритании в Сообщество поможет переломить курс ЕЭС на осуществление протекционистской политики и позволит приступить к выстраиванию атлантической группировки, политика которой будет опираться на принципы либерализма.

Также администрация Дж. Ф. Кеннеди внесла коррективы в доктрину Многосторонних ядерных сил (МЯС), озвученную в конце 1960 г. на сессии Совета министров Североатлантического альянса и предусматривавшую усиление контроля США за использованием атомного оружия союзниками по военному блоку. Такой курс Вашингтона объяснялся акцентом новой военной доктрины «гибкого реагирования» на ограничение работ европейских стран над своими национальными атомными программами. Речь шла преимущественно о Франции и, частично, о ФРГ, планировавшей создание собственной «ударной силы». Что касается Франции, то она в феврале 1960 г. осуществила успешное испытание в Сахаре плутониевой бомбы и фактически вошла в «клуб ядерных держав».

Г. Макмиллан воспринял такие установки США в атомной сфере как возможность использовать разногласия в американско-французских отношениях в своих интересах. При этом британской стороне следовало учитывать, что ее

¹ Лекаренко О. Г. США и процесс объединения стран Западной Европы в 1955-1963 гг. Томск, 2012. С. 234.

помощь Франции в дальнейших атомных разработках и удовлетворение ее требований по реформированию системы управления НАТО не должна была вызвать осложнений в англо-американских отношениях. Британское руководство оказалось между французским «молотом» и американской «наковальней», хотя премьер-министр все еще надеялся сбалансировать между ними.

Надежды Макмиллана на сотрудничество с Ш. де Голлем не оправдались. Успехи Франции в производстве собственного ядерного оружия предопределили отказ ее лидера от взаимодействия с Британией в этой сфере. Кроме того, Ш. де Голль хорошо помнил реакцию на его меморандум о трансформации НАТО на основе триумvirата со стороны США и Великобритании.

Г. Макмиллан решил сделать ставку на личную дипломатию. Он предложил де Голлю встретиться и обсудить перспективы британской заявки. Французский лидер ответил согласием и выразил желание провести беседу «старых друзей» в каком-нибудь тихом английском поместье. Желание де Голля было удовлетворено, и в конце ноября 1961 г. состоялась двусторонняя неформальная встреча в фамильном особняке Г. Макмиллана в Берч Грув в Англии.

Британский лидер попытался сразу прояснить ситуацию и заявил, что «если переговоры потерпят провал, люди будут думать, что истинная причина в том, что Соединенное Королевство не желают видеть в Европе»¹. В таком случае, указал Макмиллан, Великобритания будет вынуждена повернуться к США и Содружеству и, возможно, вывести свои войска из Европы. На де Голля эти доводы не произвели впечатления. Он тонко подметил, что вопрос на деле состоит в том, «какой будет Европа, если Британия войдет в нее». По его мнению, британцы были европейцами, но в своей «манере». В такой же «манере» европейцами были австралийцы, новозеландцы, канадцы. Если все эти страны вступят в Общий рынок вместе с Британией, размышлял де Голль, Европа «утонет в Атлантике»².

¹ Bell P. M. H. France and Britain. 1940-1994: The Long Separation. L., N.Y., 1997. P. 189.

² Ibid. P. 190-191.

В начале июня 1961 г. состоялась вторая личная встреча Г. Макмиллана и Ш. де Голля во Франции в Шато де Чам. На этой встрече британский глава кабинета, изменив тактику, старательно убеждал своего визави, что Содружество для Британии больше не имеет былого значения, и страна готова быть более тесно связана с Европой. Президент Франции, казалось бы, отреагировал благожелательно, хотя вновь повторил тезис о том, что вступление Великобритании «кардинально изменит ЕЭС»¹.

В конце июня 1962 г. на заседании кабинета Э. Хит изложил итоги первого раунда переговоров и наметил задачи на следующий этап обсуждений. За прошедшее время высветились детали наиболее спорных вопросов. К таковым относились установление таможенных тарифов против продовольственных товаров Содружества как против третьих стран, статус ассоциированных членов для слабо развитых и развивающихся стран Содружества и Общего рынка и приспособление аграрного сектора Великобритании к ОСП ЕЭС².

Глава британской делегации без большого оптимизма оценивал шансы добиться уступок от Общего рынка. Э. Хит считал, что достичь соглашений по отдельным видам товаров, например, текстиля и чая, производимых азиатскими странами, будет возможно, но эти договоренности не разрешат существенных противоречий на переговорах. Также страны ЕЭС не проявляли заинтересованности в поиске компромисса по вопросам сельского хозяйства – сферы, чувствительной для британской экономики³.

В начале июня 1962 г. Э. Хит докладывал членам кабинета о том, как проходит второй этап переговоров⁴. Общий тон его оценок носил пессимистический характер. Справедливо основным препятствием к реальному достижению компромисса глава британской делегации называл позицию президента Ш. де Голля. Французская сторона уже заблокировала достижение

¹ Ibid. P. 191.

² CAB 128-36. 26 June, 1962. P. 4.

³ Ibidem.

⁴ CAB 128-36. 5 July, 1962. P. 4.

договоренностей относительно импорта текстиля и чая из Индии, Пакистана и Цейлона, не просматривалось перспектив о достижении прогресса в области сельского хозяйства.

Единственная договоренность, которой удалось добиться, касалась установления переходного периода для сельскохозяйственной продукции и сырья из стран Содружества до 1970 г. Также не возникли существенных затруднений по согласованию условий членства Британии в Евратоме, однако по этому вопросу сложностей и не ожидалось¹.

С сожалением Э. Хит отмечал резкое изменение общественного мнения внутри Великобритании в сторону противников вступления страны в Европейские сообщества. Такой поворот объяснялся активизации фермерского движения во главе с Национальным союзом фермеров, которых категорически не устраивала перспектива присоединения к ОСП Общего рынка. Также активизировались религиозные группы, которые распространяли слухи о том, что вступление в Европейские сообщества приведет к «тесной ассоциации Протестантской церкви Соединенного Королевства и Католической Европы»².

По итогам заседания кабинета было принято решение об усилении работы со СМИ и, особенно, прессой с целью разъяснения истинных целей Великобритании в Европейских сообществах.

В середине июля премьер-министр Г. Макмиллан уволил семь членов кабинета, обновив состав правительства на одну треть. В отставку ушли лорд-канцлер, министры финансов, образования, обороны, министр по делам Шотландии, министр по жилищным вопросам и местного управления и министр без портфеля. Такие масштабные кадровые перестановки, нелестно названные журналистами «ночью длинных ножей» по аналогии с событиями из истории нацистской Германии 1934 г., свидетельствовали о поиске Г. Макмилланом способов укрепить позиции Консервативной партии. Очевидно, премьер-министр

¹ Ibid. P. 4-5.

² Ibid. P. 5.

был недоволен состоянием дел как во внутри-, так и внешнеполитической сфере. Впрочем, тот факт, что основные ключевые министры остались на своих местах, свидетельствовал о том, что кадровые изменения во многом имели тактический характер.

В начале сентября 1962 г. в британской столице проходила очередная конференция стран Содружества, полностью посвященная переговорам в Брюсселе. Уже после ее окончания на заседании кабинета министров подводились ее итоги¹. Заместитель министра по делам Содружества герцог Девонширский сообщал, что отношение стран Содружества к продолжающимся переговорам было даже «более критическим», чем ожидалось. Обеспокоенность в странах Содружества росла как в связи с экономическими, так и политическими последствиями вступления Великобритании в ЕЭС².

Герцог Девонширский отмечал, что правительства стран Содружества упорно отказывались признать, что серьезные последствия последуют не столько в том случае, если Соединенное Королевство не вступит в Общий рынок, сколько в том случае, если, наоборот, останется вне его. Широко распространенным мнением в Содружестве была убежденность в том, что «если мы присоединимся к Сообществу, наши связи будут серьезно ослаблены». В Содружестве доминировали опасения, сообщал заместитель министра по делам Содружества, что ЕЭС с течением времени разовьется в «тесную политическую федерацию». Премьер-министр Австралии привел красноречивые примеры из истории о том, что «все федерации рано или поздно распадаются». Премьер-министр Индии, в свою очередь, предупредил, что «возникновение сильного европейского Сообщества усилит напряжение между Востоком и Западом». В странах Африки страхи были другого порядка. Нигерия, например, опасалась за свои экономические интересы, а именно, что она может потерять статус ассоциированного члена (и это притом, что он ей еще не был предоставлен), как

¹ CAB 128-36. 13 September, 1962. P. 4.

² Ibidem.

только «ее промышленность начнет развиваться». Это опасения были следствием распространенных на континенте мнений о том, что ассоциированное членство имеет целью закрепить отсталость африканских территорий. Гана предсказуемо вообще была против каких-либо ассоциаций с европейскими странами¹.

В этом обсуждении итогов конференции стран Содружество обращает на себя внимание тот факт, что логика размышлений и оценок в британском правительстве выстраивалась таким образом, словно вопрос о вступлении страны в Общий рынок был уже решен. Министры даже наметили линию поведения в отношении Содружества в случае расширения состава ЕЭС, хотя одновременно и отмечали, что по вопросам аграрной политики, например, договориться спустя уже год переговоров так и не удалось.

Участники заседания, рассмотрев итоги ежегодной конференции Содружества, заключили, что в следующей серии переговоров Британии следует уделить особое внимание достижению преференциальных соглашений по отдельным видам товаров из менее развитых стран и государств «Старого» Содружества (прежде всего, Новой Зеландии и Австралии)².

Еще одним фактором, кроме негативно настроенного к перспективе британского членства в Общем рынке Содружества, оставалось общественное мнение внутри страны. Переломить настрой населения британское руководство планировало путем более активной, чем прежде, агитации за вступление страны в ЕЭС с акцентированием внимания на положительные последствия такого шага³.

Представляется, что тот факт, что за целый год переговоров Великобритания так и не смогла заручиться поддержкой как внутри страны, так и Содружества, определенно наводит на мысли о том, что переговоры с Брюсселем все еще воспринимались британскими консерваторами как что-то несерьезное, некий «черновик», который при желании можно будет переписать начисто. Возможно, на отсутствие поддержки со стороны общественного мнения внутри

¹ Ibidem.

² Ibid. P. 5.

³ Ibidem.

страны и за ее пределами сказалось желание правительства не привлекать лишнего внимания к намерению вступить Великобритании в Европейские сообщества, и в итоге незначительный в целом интерес британского общества к переговорам приобрел негативный оттенок. Населению действительно недоставало информации, причем положительной, однако в отсутствие значительных достижений дать такую информацию было проблематично.

Рост критической настроений к переговорам в Брюсселе внушал тревогу главе правительства. В конце сентября на заседании кабинета министров Г. Макмиллан поделился с коллегами своими опасениями¹. В первую очередь, премьер-министр отметил, что его крайне разочаровало «отношение африканских стран к ассоциации» [имеется в виду Сообщество – *Е.Х.*]. По его мнению, статус ассоциированных членов мог принести этим государствам вполне конкретные экономические выгоды, но их неприятие на политическом уровне членства в объединении, в которое входили колониальные державы, создавало вполне определенные препятствия. Азиатские страны были обеспокоены введением против них высоких тарифов как против третьих стран в случае британского вступления в Общий рынок. Однако «самые сложные проблемы», по мнению Г. Макмиллана, были связаны со «старыми» членами Содружества. Канада, Австралия и Новая Зеландия опасались как экономического ущерба своему экспорту, так и ослабления политических связей внутри Содружества².

Кроме встречи стран Содружества в сентябре 1962 г. прошла ежегодная партийная конференция Лейбористской партии под руководством ее лидера Х. Гейтскелла. Участники встречи выразили критическое отношение к продолжавшимся в Брюсселе переговорам Великобритании, рассматривая их как шаг на пути разрушения Содружества³.

¹ CAB 128-36. 20 September, 1962. P. 3.

² Ibid. P. 3-4.

³ Gowland D., Turner A., Wright A. Britain and European Integration since 1945. On the Sidelines. L., N.Y., 2010. P. 63.

Возобновление переговоров с Шестеркой в октябре не принесло впечатляющих дипломатических достижений британской делегации, несмотря на попытки Э. Хита заручиться поддержкой аграриев и промышленников страны. На фоне отсутствия прогресса по вопросам согласования британской сельскохозяйственной модели со стандартами ЕЭС, было не к чему апеллировать в поиске договоренностей с местными промышленными и сельскохозяйственными кругами страны.

В Вашингтоне продолжали выражать заинтересованность в успехе британской заявки, однако считали, что Лондон предпринимает недостаточно усилий для достижения положительного результата переговоров. Для того чтобы смягчить французское отношение к перспективе участия Великобритании в Общем рынке, США старались не артикулировать свою позицию по вопросам продолжающихся переговоров.

Накануне встречи на Багамских островах лидеров Британии и США в конце декабря 1962 г., Г. Макмиллан подготовил аналитический обзор, предназначенный для ознакомления только сотрудниками его личного отдела¹. В этом документе премьер-министр отмечал, что наиболее пристальное внимание у него в настоящее время вызывают переговоры со странами Шестерки. Симптоматично, что премьер-министр, допуская провал переговорного процесса в Брюсселе, дал поручение правительственным экспертам «обдумать» линию британского поведения в случае такой ситуации. Г. Макмиллан обращал внимание, что в случае прекращения обсуждений следует представить Великобританию в качестве пострадавшей стороны и потребовать провести межправительственную встречу с тем, чтобы указать «на виновную сторону»².

Г. Макмиллан, по всей видимости, не только прогнозировал провал обсуждений по условиям членства в Европейских сообществах по вине Франции, но и готовился к определённым действиям, чтобы не выглядеть застигнутым

¹ BDEE. Series A. Vol. 4. Part I. L., 2000. P. 204.

² Ibid. P. 205.

врасплох. Как показало развитие событий, опасения премьер-министра были вполне уместны.

В стремлении не допустить такого развития событий, Г. Макмиллан решил предпринять усилия с целью ускорить достижение британо-французского соглашения в сфере атомного сотрудничества. В некоторой степени активизации усилий Г. Макмиллана в этом вопросе способствовали настроения в Вашингтоне в пользу вступления Британии в ЕЭС.

В начале декабря 1962 г. группа правительственных экспертов, сформированная под руководством премьер-министра, подготовила свои оценки по вопросам заключения ядерной сделки с Парижем¹. Эксперты выражали сомнение в осуществлении задуманного предприятия и негативной реакции Вашингтона на перспективы установления партнерства Британии и США в атомной области и непредсказуемой – но скорее всего также негативной – реакции де Голля².

Премьер-министр прислушался к мнению аналитиков и решил повременить с предложением де Голлю атомного сотрудничества. Тем временем глава Пентагона Р. Макнамара на встрече в Лондоне проинформировал Г. Макмиллана о решении правительства Дж.Ф. Кеннеди прекратить работы по созданию ракет «Скайболт» по соображениям технического плана. Эта новость ошеломила британского премьер-министра.

Причина такой реакции британского премьер-министра объяснялась тем, что еще весной 1960 г. было заключено англо-американское соглашение о поставках в Соединенное Королевство ракет «Скайболт» для оснащения, «усовершенствования и продления жизни» британских бомбардировщиков³. Согласно условиям этой сделки, Вашингтон не имел права отменять выпуск этих

¹ Britain and European Integration... P. 102.

² Ibid. P. 103-104.

³ Statement of Nuclear Defence Systems. URL: <https://www.jfklibrary.org/Asset-Viewer/Archives/JFKPOF-042-013.aspx>

ракет без предварительных обсуждений со своим британским партнером, но в данном случае это условие было нарушено¹.

Для Лондона, намеревавшегося снабдить ракеты «Скайболт» собственными ядерными зарядами, отмена соглашения об их поставках означала, что стратегические бомбардировщики страны теряли свое значение на фоне быстрого развития системы противовоздушной обороны.

В середине декабря 1962 г. состоялась очередная встреча Г. Макмиллана и Ш. де Голля в Рамбуйе, в ходе которой британский премьер-министр попытался заинтересовать французского президента уже не возможностью сотрудничества в атомной сфере, а схожим видением лидеров двух стран будущего европейской интеграции. Г. Макмиллан стремился донести до де Голля, что Великобритания не только испытывает те же опасения относительно принципа наднациональности, ущемляющего суверенитет, что и Франция, но и обеспечит необходимое ЕЭС «равновесие» на основе межгосударственного сотрудничества, предполагаемого «планом Фуше».

Речь шла о том, что Британия могла сыграть роль балансирующего фактора внутри Европейских сообществ, однако Франция в лице Ш. де Голля не собиралась делиться лидерством². Доводы британского визави не убедили французского лидера. Г. Макмиллан явно недооценил чувство неприязни де Голля к Великобритании и ее попыткам «развалить» Общий рынок.

В конце декабря 1962 г. глава британского кабинета прибыл на встречу с Дж. Ф. Кеннеди, которая проходила в Нассау на Багамских островах. В повестке дня встречи значился широкий круг вопросов, начиная с вопросов, связанных с последствиями Кубинского кризиса, и заканчивая обсуждением проблем

¹ Трухановский В. Г. Английское ядерное оружие... М., 1985. С. 111.

² В мае 1962 г. президент Ш. де Голль, неприязненно относившийся к наднациональному формату интеграции, выдвинул концепцию «Европы отечеств» или «Европы государств», известную также как «план Фуше» (Фуше был французским послом в Дании). Этот план предполагал развитие деголлевской идеи межправительственного сотрудничества, но не нашел понимание у коллег по ЕЭС. См.: Обичкина Е.О. Внешняя политика Франции от де Голля до Саркози (1940-2012). М., 2012. С. 116.

безопасности в мире и продолжением англо-американского партнерства в атомной сфере.

Глава Белого дома сообщил британскому визави о том, что США приняли решение осуществлять поставки в Великобританию вместо ранее аннулированных ракет «Скайболт» новых ракет – «Полярис», предназначенных для размещения на подводных лодках с атомными двигателями. Предполагалось, что поставка этих ракет в Соединенное Королевство будет осуществляться при условии, что оснащенные ими британские подразделения будут включены в оборонительную систему НАТО. Такая идея соответствовала планам США по созданию многосторонних ядерных сил.

Г. Макмиллан, разочарованный решением Вашингтона отменить поставки в Соединенное Королевство ракет «Скайболт», не скрывал свои чувства и подчеркнул, что Британия «не желает быть ...сателлитом ... и хочет иметь ядерную силу не только для защиты, но в случае угрозы ее существованию...»¹.

Любопытно, что именно президент США Дж. Кеннеди в ходе продолжительной беседы со своим заокеанским партнером выразил опасения по поводу того, что эта встреча и достигнутые договоренности о поставках ракет «Полярис» может вызвать негативную реакцию де Голля и сказаться на исходе переговоров в Брюсселе. Британский лидер выразил сомнение в этом предупреждении, видимо, не предполагая всерьез, что французского президента могло задеть решение США о поставках в Британию ракет «Полярис»².

Тем не менее, Дж. Ф. Кеннеди и Г. Макмиллан по итогам встречи в Нассау предложили Ш. де Голлю присоединиться к соглашению, но на определенных условиях – Франция, в отличие от Британии, не могла распоряжаться своими силами в многосторонних ядерных силах в «критической ситуации»³. Такое предложение не могло найти положительный отклик у президента Франции.

¹ FRUS. 1961-1963. Vol. XIII. Western Europe and Canada. Wash., 1994. P. 1109-1110.

² Ibidem.

³ Подробнее см.: Золотова Л. Г. Проблема НАТО в американо-французских отношениях в 1961-1962 гг. // Американские исследования в Сибири. Томск, 1995. С. 43.

14 января 1963 г. состоялось вошедшее в историю событие – Ш. де Голль в Елисейском дворце дал пресс-конференцию, на которой он заявил о применении им в соответствии с Уставом ЕЭС права вето в отношении заявок европейских стран на вступление в Европейские сообщества. Французский президент без обиняков заявил о том, что прием новых членов (подразумевалась, разумеется, Великобритания) превратит Общий рынок в «колоссальное атлантическое сообщество под американским управлением, в котором быстро растворится сообщество Европы»¹. Де Голль также обратил внимание на недостаточную «европейскость» Великобритании, «имеющей отличные от континентальных стран привычки и обычаи»².

Как отмечал пресс-секретарь французского президента А. Пейрефит, «восемьсот журналистов, замороженные, расселись в несколько десятков рядов. Их идеи, за редким исключением, враждебны идеям Генерала. Но в данный момент они покорены его артистическим обаянием. На протяжении трех предшествующих недель он не занимался ничем, кроме подготовки к этой пресс-конференции. Его сотрудники отменили или перенесли все встречи и аудиенции. Он сам изолировал себя от всех...»³.

Французский лидер тщательно готовился к тому, чтобы нанести удар и, как он говорил, «закреть тему английской кандидатуры в Общий рынок»⁴. Два дня спустя, 16 января де Голля в разговоре со своим пресс-секретарем затронул прошедшую пресс-конференцию: «С позавчерашнего дня наблюдается некоторое волнение. Как обычно, когда называешь вещи своими именами, преобладают лживые истолкования. Когда называешь вещи своими именами, разражается скандал. Говоришь, что Англия – это остров, и все вне себя от изумления. Говоришь, что НАТО – это американский командующий, и все шокированы. Однако это правда. Вот и вся философия этого дела»⁵.

¹ Britain and European Integration... P. 106-107.

² Ibid. P. 107.

³ Пейрефит А. Таким был де Голль... С. 254.

⁴ Там же. С. 253.

⁵ Там же. С. 255.

Заявление де Голля обескуражило не только Великобританию и других претендентов на вступление в Европейские сообщества, но и коллег Франции по Общему рынку, не проинформированных о намерениях французского лидера. Руководители этих государств были возмущены до такой степени, что свое негодование выразили в серии эмоциональных заявлений для прессы. Так, министр финансов Италии с горечью заметил, что французский лидер отнесся к своим партнерам по Общему рынку как к колониям. Министр иностранных дел Бельгии П.-А. Спаак назвал день 14 января «черным понедельником» для европейской и атлантической политики и вместе с голландским коллегой Р. Лунсом предложил Г. Макмиллану объединиться и начать установление политического союза по «плану Фуше», связывающего Великобританию, ФРГ, Италию и страны Бенилюкс¹.

Однако такие призывы были не более чем эмоциями. Внутри Европейских сообществ действительно сложилось четкое соотношение сил, в соответствии с которым Франция являлась несомненным политическим лидером ЕЭС, и, учитывая своеобразный авторитарный стиль руководства де Голля, могла себе позволить такие действия, как вето, без информирования коллег.

Премьер-министр Г. Макмиллан дал волю эмоциям в телефонном разговоре с президентом США Дж. Ф. Кеннеди несколько дней спустя после пресс-конференции, назвав де Голля «совершенно безумным»². Хотя британский лидер не исключал такого поворота событий, в реальности он оказался не готов к решению французского президента.

Чтобы несколько смягчить нанесенный удар, де Голль озвучил идею об ассоциации Великобритании и стран Общего рынка. Э. Хит отверг эту перспективу, заявив после пресс-конференции французского президента, что

¹ Spaak P.-H. Hold Fast. // Foreign Affairs. 1963. Vol. 41. № 4. P. 614.

² Wall S. The Official History of Britain and the European Community. Vol. II. From Rejection to Referendum, 1963-1975. N.Y., 2013. P. 8.

«Британия желает играть полноценную роль в экономической и политической конструкции Европы»¹.

Независимые эксперты считали, что в сложившихся обстоятельствах у Британии две альтернативы. Первая – продолжать прежнюю политику в надежде, что де Голля со временем удастся переубедить. Вторая – согласиться с франко-германским доминированием в Западной Европе и попытаться найти основу для достижения широкого «западного экономического единства» на ЕАСТ, США и Канады².

Британское руководство, вероятно, пребывая в замешательстве первые дни после пресс-конференции, предпочло отпустить ситуацию. 16 января Э. Хит высказал мнение о том, что «переговоры должны продолжаться»³. Такой настрой британского политика вызвал благожелательный отклик среди пяти стран Общего рынка, и стороны вернулись к обсуждению вопросов британского членства.

Однако такое продолжение переговоров – по инерции – не имело смысла без участия Франции.

28 января М. Кув де Мюрвиль сообщил коллегам по Общему рынку о том, что Франция твердо прерывает переговоры. Ж. Монне, которого связывала дружба с Э. Хитом, с сожалением воспринял решение де Голля. Однако даже он, последовательно настроенный к британскому участию в Общем рынке, заявил, что «В настоящее время в Великобритании происходит психологическая эволюция; она началась еще до того, как переговоры были прерваны... Надо понять, что Общий рынок – это инструмент преобразований не только экономических, но также психологических»⁴.

Иначе говоря, по мнению идеолога «единой Европы», Великобритании не хватило времени, чтобы ментально адаптироваться к Европе, а де Голлю – не хватило терпения дождаться этой адаптации.

¹ The Times. 15 January, 1963.

² The Times. 16 January, 1963.

³ Ibidem.

⁴ Монне Ж. Реальность и политика. ... С. 567.

Великобритания после отказа французской стороны вести дальнейшие обсуждения, не стала организовывать сопротивление Парижу, как рекомендовали участники Общего рынка, ни отозвала свое заявку. В сложившихся обстоятельствах подобные демарши вряд ли могли произвести какое-то впечатление на де Голля или как-то изменить настроения общественного мнения. Г. Макмиллан, который еще в начале переговоров разрабатывал сценарии британского поведения в случае провала переговоров, не учел, что Ш. Де Голль не будет обеспокоен тем фактом, что вина за срыв переговоров будет лежать на нем. Поэтому как-то дополнительно подчеркивать французскую «вину» не было смысла.

Ш. Де Голль сделал выбор в пользу укрепления отношений с западногерманским соседом. В конце января 1963 г. Франция и ФРГ заключили договор (получивший название Елисейского по месту подписания), положивший начало существованию оси «Париж-Бонн». Как видно, Ш. де Голль демонстративно противопоставил британо-американскому партнерству франко-западногерманское сотрудничество.

Как видно, Г. Макмиллан явно недооценил значимость французского фактора на переговорах, и, наоборот, переоценил возможности британской дипломатии. Не удалось, как планировал британский лидер, сыграть на противоречиях внутри Сообщества. Попытки заручиться помощью Франции в обмен на ядерное сотрудничество не принесли желаемого успеха. Великобритания не сумела, несмотря на все попытки Э. Хита, проявить и должной гибкости в согласовании спорных вопросов в ходе переговоров.

К причинам провала можно также отнести «увлеченность» Г. Макмиллана «глобальными идеями», на фоне которых вступление в Европейские сообщества выглядело для Британии событием «регионального» масштаба. Как подчеркивает М. А. Липкин, негативную роль в исходе переговоров сыграла также

«гипертрофированная роль», которую британский лидер играл во внешней политике¹.

Действительно, общий курс, которому следовали британские консерваторы после 1945 г. – и У. Черчилль, и Г. Макмиллан, и А. Иден, предполагал решение ключевых международных вопросов «на уровне саммита»². Однако такая линия не всегда находила понимание у союзников Великобритании, особенно К. Аденауэра, подозревавшего своего островного партнера в стремлении доминировать в Европе и решать вопросы европейской безопасности за спиной ФРГ.

В середине февраля 1963 г. посол Великобритании во Франции П. Диксон, по следам деголлевского вето, представил отчет о проходивших в Брюсселе переговорах и содержал анализ сложившейся ситуации. Посол отмечал, что во Франции «стало модным» утверждать, что единственным препятствием и, как следствие, причиной вето стал отказ Лондона от сотрудничества с Парижем в области производства атомного оружия и систем его доставки. Однако при этом П. Диксон справедливо обращал внимание на тот факт, что англо-французское сотрудничество на практике могло привести к возникновению серьезных разногласий между Лондоном и Вашингтоном, в чем британское правительство не было заинтересовано³.

Великобритания, если судить по ее действиям до и во время переговоров по условиям членства в Европейских сообществах оказалась в состоянии выбора – либо идти курсом на более глубокое вовлечение в европейские дела посредством членства в Общем рынке, либо продолжать делать ставку на «особые» англо-американские отношения. Совместить оба подхода не удалось – как по причине англо-французских и американо-французских разногласий, так и по причине отсутствия внятной стратегии Великобритании на переговорах в Брюсселе.

¹ Подробнее см.: Липкин М. А. Британия в поисках Европы. Долгий путь в ЕС (1957-1974 гг.). СПб., 2009. С. 104-105.

² Barker E. Britain in a Divided Europe. 1945-1970. L., 1972. P. 119.

³ Britain and European Integration... P. 59-60.

«График визитов Г. Макмиллана и А. Дуглас-Хьюма в европейские столицы был составлен таким образом, чтобы это не мешало им предаваться любимому занятию – охоте на куропаток»¹. Эта деталь весьма красноречиво свидетельствует о степени значимости переговоров для британского руководства.

В свою очередь, Париж в лице Ш. де Голля не был заинтересован в укреплении позиций Лондона в интеграционном движении в Европе и стремился воспрепятствовать этому. Французский лидер, много сделавший после Второй мировой войны для восстановления бывшего «национального величия» страны, был обеспокоен перспективой поглощения Общего рынка широким атлантическим объединением в составе Великобритании и других стран. В свою очередь, Лондон не приложил достаточных усилий для того, чтобы убедить Францию в серьезности своих намерений и готовности жертвовать в определенных случаях отношениями с США. Так, премьер-министр Г. Макмиллан не предпринял никаких шагов для преодоления жесткой позиции США в атомной сфере и программе МЯС в пользу Франции.

Само время для подачи заявки, вероятно, было упущено. К 1961 г., когда Великобритания приняла решение о вступлении в переговоры по условиям членства в Европейских сообществах, внутри Общего рынка уже сложилась равновесная система в лице политического лидера – Франции и экономического – ФРГ. Вхождение в ЕЭС Великобритании и других государств могло вызвать нежелательные некоторым участникам изменения в соотношении сил. Такой вариант был не приемлем не только для Франции, но отчасти и для ФРГ, которая в рамках франко-западногерманского сотрудничества стремилась к укреплению своей роли в европейских делах и усилению своего влияния в НАТО и, в перспективе, доступу к ядерному оружию. Политическое развитие Европейских сообществ, как показали события, стало невозможно без решения вопроса безопасности и согласования развития интеграции с курсом Североатлантического альянса. Вопрос вступления Великобритании, вызвавший

¹ Капитонова Н. К. Эдвард Хит – премьер-министр «неудачник»... С. 145.

политический кризис внутри Сообщества, обнаружил свою значимость в контексте как европейской, так и атлантической политики.

В целом, несомненно, политика консервативного кабинета Г. Макмиллана заложила основы внешнеполитического курса страны в области европейской интеграции для последующего поколения британских политических деятелей. Хотя первая попытка вступления Великобритании в Европейские сообщества оказалась неудачной в силу многих факторов, она имела важные последствия в вопросе переосмысления роли и места страны в европейском пространстве и показала реальную степень и глубину разногласий со странами европейского континента. Дивиденды, которые Великобритания долгое время получала от своего дистанцирования от Европы и близости с империей, в условиях распада мировой колониальной системы стали стремительно таять. Однако переориентировать внешнеполитический курс на более крепкие связи с соседними государствами в рамках наднациональной Европы оказалось длительным непростым процессом, осложняемым косностью внешнеполитического мышления и экономическим слабостью страны.

8 октября 1963 г. Консервативная партия собралась в Блэкпуле на свою ежегодную конференцию, на которой планировалось обсудить предстоящие в следующем году парламентские выборы. Накануне у Г. Макмиллана диагностировали онкологическое заболевание, и по состоянию здоровья он был вынужден покинуть кабинет. В качестве нового главы правительства ведущими тори – так называемым волшебным кругом – был предложен лорд Хьюм. Такое решение, принятое узким составом партии, вызвало возмущение в партии «недемократической» манерой «появления» Хьюма¹. Это был последний случай, когда такой «закулисный процесс» был задействован при выборе партийного лидера².

¹ Campbell J. Edward Heath. A Biography. L., N.Y., 1994. P. 139.

² Громыко Ал. А. Политическая модернизация Великобритании... С. 41.

18 октября лорд Хьюм официально стал новым премьер-министром по назначению королевы Елизаветы II и отказался от наследственного титула пэра с тем, чтобы иметь возможность стать депутатом и занять должность главы правительства. После этого он стал именоваться сэром А. Дуглас-Хьюмом.

Новый глава кабинета был проевропейски настроенным политиком. Однако в сложившихся обстоятельствах не располагал необходимым временем и ресурсами для формулирования обновленного курса в сфере европейской интеграции. А. Дуглас-Хьюм, находившийся у власти около года, не предпринял новых заметных инициатив в сфере европейской интеграции. Вето де Голля явно требовало осмысления и уточнения британской позиции в области наднациональной интеграции.

4.3 «Год Африки» и проблемы трансформации Британской империи в Содружество

После победы на парламентских выборах 1959 г. Г. Макмиллан при кадровых перестановках передал должность министра по делам колоний, которую занимал А. Леннокс-Бойд, И. Маклеоду, считавшимся радикально настроенным тори. Он входил в группу «прогрессивных консерваторов», которые интересовались Африкой, и могли предложить новые подходы к решению колониальных проблем. Маклеод идеально, как считал премьер-министр, подходил для выполнения задачи по «смелому» уходу Британии с большей части африканских территорий. Эту задачу Макмиллан иронично характеризовал как «политику большой зачистки» (“grand policy sweep”)¹.

В конце 1950-х гг., когда колониальная ситуация для Великобритании объективно осложнялась активностью «афро-азиатского» блока в ООН и призывами двух сверхдержав – прежде всего – СССР к полной ликвидации

¹ Macmillan and the End of the British Empire in Africa. // Harold Macmillan and Britain's World Role. Ed. by R. Aldous and S. Lee. L., 1996. P. 105.

колониальной системы, от консерваторов требовался комплексный и максимально гибкий подход.

Главный вопрос колониальной политики по-прежнему заключался не в том, чтобы предоставить независимость, а в том, какую форму конституционного устройства «рекомендовать» и на какой основе строить отношения с освобождающимися государствами. В декабре 1959 г. на стол премьер-министру попала аналитическая записка одного из экспертов Министерства по делам колоний С. Уоллиса, который в качестве наиболее оптимальной формы конституционного устройства освобождающихся государств назвал Вестминстерскую модель¹.

«Перенос» Вестминстерской модели на африканскую почву, согласно экспертному взгляду, предполагал не ее слепое копирование, а заимствование некоторых деталей. С. Уоллис допускал возможность ограничения права голоса для сохранения в парламенте «официального большинства» с целью придания стабильности политической системе. Также рекомендовалось в качестве базовых элементов новой конституционной системы ввести обязательное «избирательное право» и основные механизмы парламентской системы².

Следует заметить, что большая часть населения Восточной и Центральной Африки не была наделена избирательным правом. Проблему усугубляли мультирасовые вопросы – «белое» меньшинство в этих странах, в отличие от темнокожего большинства, имело право голоса, и такое неравенство объективно вело к конфликтам на межрасовой почве³. Соответственно, следовало учесть ситуацию в каждой территории и сбалансировать внедрение британской модели демократии. Другой эксперт колониального ведомства Р.С. Хадсон считал, что Вестминстерская модель не годится даже в модернизированном виде из-за

¹ BDEE. Series A. 1957-1964. Vol. 4. Part 1. L., 2000. P. 146.

² Ibidem.

³ Остапенко Г. С. Британские консерваторы... С. 115.

низкого уровня политического сознания африканцев и разногласий этнического и религиозного характера в большей части континента¹.

1960 год был провозглашен ООН как «год Африки».

В январе-феврале 1960 г. Г. Макмиллан совершил турне по африканским странам Содружества и колониям. Это была первая в британской истории поездка действующего премьер-министра по государствам континента. За полтора месяца британский лидер побывал в Нигерии, Гане, Федерации Родезии и Ньясаленда и Южно-Африканском Союзе.

Завершил свое путешествие Г. Макмиллан в Кейптауне. Именно в этой «законодательной» столице ЮАС 3 февраля 1960 г. премьер-министр, выступая перед парламентариями, сделал выступление, вошедшее в историю как «речь о ветре перемен».

Доклад британского лидера был обстоятельным и хорошо подготовленным. Г. Макмиллан выстроил свою речь в логике концепции взаимозависимости, озвученной им в октябре 1957 г. на Бермудской встрече с президентом США Д. Эйзенхауэром. Несмотря на сложности с реализацией концепции на Ближнем и Среднем Востоке, британский лидер последовательно стремился реализовать в других регионах мира.

Премьер-министр начал с общей характеристики отношений с давним доминионом Великобритании. Он указал на исключительно позитивное британское влияние на развитие Южно-Африканского союза, особо подчеркнув «взаимозависимость» двух стран, прежде всего, выражавшуюся в крепких торгово-экономических связях. В «основной части» своего выступления британский лидер обозначив свой взгляд на политические изменения по всему миру. «Со времени распада Римской империи, – заявил Г. Макмиллан, – одним из постоянных фактов политической жизни в Европе стало возникновение независимых государств. Эти государства появились в разных формах, с разным государственным устройством, но все они возникли с чувством глубокого

¹ BDEE. Series A. 1957-1964. Vol. 4. Part 1. P. 148.

искреннего национализма... В двадцатом столетии, особенно после окончания войны, процессы, давшие жизнь национальным государствам в Европе, повторяются по всему миру. Мы видим пробуждение национального самосознания среди народов, которые веками жили в зависимом положении»¹.

Премьер-министр подчеркнул, что «ветер перемен подул на африканском континенте, и нравится нам это или нет, рост национального самосознания является свершившимся политическим фактом». По сути, это признание премьер-министра стало свидетельством стремления Лондона продолжать ранее избранный политический курс. В основе этого курса лежал вывод о неизбежности освобождения колоний и курс на трансформацию Британской империи в Содружество.

Особый смысл этим установкам придавало озвученное Макмилланом деление мира на три части. Первую группу, по его мнению, представляли Западные державы, составлявшие «Свободный мир». Во вторую группу входили «коммунисты – Россия, ее сателлиты в Европе и Китай, население которого к концу десятилетия достигнет 800 млн. чел.». В третью группу входили те страны, которые не принадлежали ни к первому, ни ко второму мирам. В связи с этим Макмиллан наиболее серьезной проблемой второй половины XX в. считал вопрос о том, к какой группе присоединятся освободившиеся страны. «Идет война за умы людей, - заявил он. – Испытанию подвергается большее, чем наша военная мощь или наши дипломатические и административные навыки, – наш способ жизни. Неприсоединившиеся государства хотят увидеть, прежде чем выбрать».

Предложить неопределившимся государствам Африки Британии было что: речь шла о Содружестве. Г. Макмиллан стремился доказать в выступлении, что вхождение обретающих суверенный статус колоний в Содружество в наибольшей степени соответствует их интересам. Он подчеркнул, что «неопределившиеся» государства при выборе своей внешнеполитической ориентации не могут не

¹ BDEE. Series A. Vol. 4. The Conservative Government and the End of Empire, 1957-1964. Part 1. High Policy, Political and Constitutional Change. Ed. by R. Hyam, W.R. Louis. L., 2000. P. 165-166.

признать, что та форма сотрудничества между странами, которую предполагает участие в Содружестве, лишь относительно ограничивает их суверенитет. Явно проводя параллель с блоком стран народной демократии, Макмиллан указал, что основным принципом Содружества является невмешательство во внутренние дела друг друга. Премьер-министр обратил внимание на тот факт, что после Второй мировой войны независимость уже обрели Индия, Пакистан, Цейлон, Малайя и Гана. В ближайшее время, обещал Макмиллан, независимость получит Нигерия и другие государства.

Основной посыл речи, как видно, был направлен на широкую «рекламу» Содружества и западного образа жизни. При этом тревогу Британии продолжала вызывать активизация СССР и США на африканском континенте.

СССР и освободившиеся страны объективно сближала оценка политики европейских метрополий по сохранению экономических связей с бывшими колониями посредством Общего рынка как новой формы колониализма. Такие страны-участники ЕЭС как Франция, Бельгия, Нидерланды включили свои колонии на правах ассоциированных членов в торгово-экономическую систему Общего рынка. Поэтому риторика Москвы была созвучна мнениям некоторых лидеров стран Третьего мира, что только способствовало возрастанию влияния СССР в афро-азиатских государствах.

Наряду с активизацией советской политики в Африке еще одним фактором, заставлявшим Макмиллана широко «популяризировать» Содружество (оставляя в стороне режим апартеида в ЮАС и некоторых других африканских территориях) было набиравшее силу Движение неприсоединения.

В заключении британский лидер вновь вернулся к идее «взаимозависимости», обращаясь в первую очередь к США, завуалировано приглашая их к совместным действиям по решению всего комплекса колониальных вопросов и отражению расширяющегося коммунистического влияния в Африке. Время изоляционизма прошло, утверждал Г. Макмиллан, и, кроме концепции взаимозависимости, судя по его выступлению, других

альтернатив для построения эффективной системы безопасности британский лидер не видел.

Интересно, что тезис о «взаимозависимости» всех народов был обращен не только к США, но и к СССР. Макмиллан связал свое выступление с поездкой в феврале 1959 г. в Москву. По его мнению, сложности встраивания Советского Союза в мировую систему были обусловлены его длительной изоляцией от остального мира. Однако «факт оставался фактом – мы должны жить вместе с Россией в одном мире, и для этого нам стоит найти способы такого сосуществования»¹.

Как видно, Макмиллан не оставлял попыток выступить в роли посредника в налаживании отношений между СССР и США, как уже упоминалось, обострившихся в связи со вторым Берлинским кризисом. Именно такую роль миротворца британский премьер-министр собирался реализовать на саммите в Париже в мае 1960 г., не подозревая тогда о возможном срыве парижской встречи.

В самом конце своего выступления премьер-министр вновь обратился к теме Содружества. Подчеркивая демократичный характер организации, Г. Макмиллан указал на то, что ее участники «не всегда согласны по каждому вопросу», но это не является «условием их объединения», наоборот, организация является «свободной ассоциацией», основная цель которой в «достижении общих задач и целей в мировых делах»².

На пресс-конференции после выступления в Кейптауне южноафриканский журналист задал Г. Макмиллану вопрос о том, что он думает о мультирасовых проблемах в британских территориях в Африке. Британский лидер пояснил, что при наличии «в Родезии и Кении больших сообществ «белого» населения...» сложился «любопытный парадокс, который состоит в том, что вместо гарантии прав африканцев мы вынуждены решать вопрос гарантии прав британцев»³.

¹ BDEE. Series A. Vol. 4. Part I. L., 2000. P. 170-172.

² Ibid. P. 167-169

³ The Times. 6 February, 1960.

Премьер-министр неуверенно выразил надежду, что проблема «белого» населения будет в конечном итоге решена, однако воздержался от дальнейших пояснений.

18 февраля 1960 г. после возвращения в Лондон Г. Макмиллан с целью усилить общественный резонанс своей поездки по странам Африки выступил в Палате общин. Премьер-министр положительно оценил итоги своего турне, которые позволили ему глубже понять ситуацию в странах континента и в очередной раз сделать акцент на важности Содружества для освободившихся государств¹.

Курс, декларированный Г. Макмилланом, соответствовал политике, избранной британскими правящими кругами в колониальной сфере в послевоенное время. Ядром этого курса стало балансирование – Британия с присущей ее дипломатии гибкостью стремилась не форсировать процесс освобождения колоний, но и не затягивать его, предпочитая трансформировать империю в Содружество с сохранением ключевых позиций в уже освободившихся странах.

В этих условиях консерваторы, внимательно отслеживая изменения в колониях, особую роль отводили прогностическому анализу ситуации. После возвращения в Лондон премьер-министр обратился с поручением к экспертам Министерства по делам колоний подготовить доклад о будущем Африки. Через три недели такой аналитический обзор, посвященный перспективам развития африканских территорий и британской политике на континенте, был завершен².

С сожалением авторы обзора замечали, что экономическое ослабление страны существенно ограничивает ее способность влиять не только на процессы в Африке, но и других частях мира. Причем тенденции к разрешению финансово-экономических проблем Великобритании в ближайшие годы не просматривалось. Однако эксперты считали, что стратегические задачи и поддержание престижа страны требовали не спешить с освобождением колоний. Такая рекомендация не

¹ Great Britain. Hansard. Parliament. House of Commons. Parliamentary Debates. 18 February, 1960. Col. 1413-1418. URL: <http://hansard.millbanksystems.com/commons/1960/feb/18/africa-prime-ministers-visit>

² BDEE. Series A. 1957-1964. Vol. 4. Part I. L., 2000. P. 92.

касались Тропической Африки, территории которой, по мнению авторов прогноза, в своем большинстве не представляли для метрополии большой стратегической ценности¹. Однако из геополитических соображений и контекста холодной войны Африку следовало удерживать в орбите западного влияния. Для этого авторы документа рекомендовали привлекать к помощи африканским странам Содружество, США и западноевропейские страны, заинтересованных в получении доступа к рынкам сбыта и ресурсам континента².

Для решения других задач, а именно обеспечения приемлемой для неопытных африканских стран формы конституционно-политического устройства, эксперты рекомендовали избрать такой механизм, который не будет полностью копировать британскую модель, но и не позволит освобождающимся странам скатиться к авторитарной форме правления. Такая тенденция была вполне реальной, учитывая попытки популярного среди стран африканского континента К. Нкрумы установить диктаторский режим в Гане.

Проблемам конституционного развития африканских территорий был посвящен отдельный обзорный доклад, представленный премьер-министру в начале 1960 г. Рекомендации этого документа, разработанного под председательством секретаря кабинета Н. Брука, перекликались с прогнозом сотрудников Министерства по делам колоний.

Основным тезисом было предупреждение, что попытки внедрить какую-то определенную западную модель демократии неизбежно будут восприняты в африканских территориях как навязанные метрополией, что затруднит отношения с ними после их освобождения. В условиях же стремительно разворачивающихся процессов распада мировой колониальной системы эксперты выражали справедливое сомнение в том, что наличие в той или иной колонии хотя бы отдельных элементов демократической политической системы действительно станет действующим критерием для дарования суверенного статуса. Скорее к

¹ Ibidem.

² Ibid. P. 98-101.

представлению независимости Великобританию будут подталкивать факторы другого порядка, не связанные с развитием стабильной политической и экономической систем в африканских территориях. Идея о том, чтобы освободить прежде всего те колонии, которые смогут самостоятельно стоять на ногах, как видно, потерпела провал. В то же время, эксперты предупреждали, что поддержка режимов откровенно авторитарного свойства в африканских странах также не будет соответствовать интересам Великобритании¹.

С этими оценками был солидарен Т.Дж. О'Брайн, один из ведущих сотрудников Министерства по делам Содружества. В письменных комментариях своему коллеге в Форин оффис он подчеркнул, что Великобритания уже не имеет возможности контролировать или сдерживать деколонизацию, единственное разумное решение – попытаться по возможности направлять происходящие процессы в русле британских национальных интересов².

По сути, речь шла о трансформации колониального управления Великобритании в обретавших суверенный статус странах во влияние и ненавязчивую форму контроля. На этом фоне особое значение приобретала задача выстраивания отношений с освободившимися странами в долгосрочной перспективе. Было понятно, что в условиях холодной войны для Великобритании, как и для других заинтересованных держав, основным инструментом «мягкой силы» становилось оказание материальной помощи своим бывшим колониям. Однако для Великобритании этот вариант был не вполне оптимальным по причинам ограниченности финансовых средств.

К апрелю 1960 г. в Министерстве по делам колоний был разработан проект Декларации о британской колониальной политике в Африке³. В основу документа был положен меморандум министра по делам Содружества лорда Хьюма,

¹ Ibid. P. 151.

² BDEE. Series A. 1957-1964. Vol. 4. Part I. L., 2000. P. 154-155.

³ Ibid. P. 175.

подготовившего в июне 1959 г. аналитический обзор «Конституционное развитие в Африке»¹.

В Декларации шла речь о проблемах мультирасового характера – а именно проживания на одной территории представителей «белого» и темнокожего населения. В странах Тропической Африки к территориям, на которых проживало смешанное население со значительным процентом «белых», относились Кения с заметным британским присутствием и в меньшей степени ЦАФ, распад которой обозначился к концу 1950-х гг.

Эксперты справедливо считали, что обязательным условием на пути к независимости в этих восточноафриканских территориях является разрешение вопросов «межрасового взаимодействия» и обеспечения приемлемого уровня конституционного и социально-экономического развития.

Проект декларации, которую, как считал премьер-министр, следовало подготовить на тот случай, если придется объявить официальный курс британской политики в Африке под давлением антиколониальной деятельности ООН, показывал, что Лондон стремился продемонстрировать готовность к изменениям, не предпринимая при этом радикальных поспешных шагов.

Задачу разработки колониального курса страны объективно затрудняло разнообразие африканских колоний в этническом, языковом, экономическом и социально-политическом отношениях. Также среди экспертов Министерства по делам Содружества и Министерства по делам колоний и на уровне руководства Великобритании по-прежнему не было единого мнения о том, что подразумевать под терминами «самоуправление» и «независимость» и как решать сопутствующие вопросы о распространении избирательного права на женское население колоний, защитить британское население и другие. Поэтому, считали правительственные аналитики, текст декларации о британской политике в Африке

¹ Ibid. P. 161.

должен был носить расплывчатый характер с возможностями максимально широких трактовок¹.

Министр по делам Содружества лорд Хьюм сначала одобрил декларацию, но позднее озвучил сомнения в ее необходимости в условиях «подвижной» ситуации в Африке. Аналогичного мнения придерживались эксперты других заинтересованных ведомств. Тем более, как указывал один из сотрудников Министерства по делам колоний, подготовка декларации во многом задумывалась на тот случай, если возникнет необходимость в официальном декларировании британской политики в Африке при обсуждении мультирасовых проблем на конференции премьер-министров Содружества.

В конечном итоге, в правительстве решили оставить декларацию до лучших времен, так и сделав ее официальным выражением колониального курса Соединенного Королевства в Африке. Британский представитель на предстоящей конференции стран Содружества был проинструктирован в Министерстве по делам Содружества, что в случае, если об идее такой декларации «вспомнит К. Нкрума», поднимавший этот вопрос ранее, то следует сослаться на выступление Г. Макмиллана в Кейптауне в феврале 1960 г.².

События в колониальной сфере тем временем развивались стремительно. 17 африканских колоний в «год Африки» получили независимость. Из них только две были британскими – Нигерия и Британское Сомали. Причем обе колонии обрели суверенный статус не под влиянием «года Африки», а в соответствии с ранее намеченными планами. Также в августе 1960 г. независимость получил остров Кипр, входивший в британскую сферу интересов и формально не являвшийся колонией.

Симптоматично, что Москва практически сразу же попыталась установить дружественные отношения с Федерацией Нигерия. Советская делегация, принимавшая участие в торжествах по случаю провозглашения независимости

¹ Ibid. P. 162.

² Ibid. P. 176-178.

Нигерии в конце сентября – начале октября 1960 г., выяснила, что «хотя правительство Нигерии официально провозгласило политику неприсоединения к соперничающим блокам и заявляет о своей готовности к сотрудничеству со всеми странами, которые признают суверенитет Нигерии, оно тем не менее не пошло на решение вопроса о немедленном установлении дипломатических отношений с Советским Союзом и обмене дипломатическими представительствами»¹. Такое нежелание советские дипломаты объясняли влиянием на нигерийское правительство «англичан, американцев и представителей других западных держав», пытающихся внушить руководству страны, что Москва преследует цель навязать «коммунистический режим» Нигерии².

Великобритания, действительно, сохраняла определенные рычаги влияния в бывших колониях, но предсказать политическую линию освободившихся государств в долгосрочной перспективе по вопросам неприсоединения было сложно. Быстрое развитие ситуации на африканском континенте затрудняло поиск оптимальной модели взаимоотношений с колониями и суверенными государствами и требовало «индивидуального» подхода к каждой территории.

Освобождение к осени 1960 г. 17 колоний и их вступление в качестве суверенных государств в ООН резко усилило блок афро-азиатских стран. Советское правительство попыталось использовать это изменение в соотношении сил, чтобы ослабить позиции США в этой организации и уменьшить их влияние на освободившиеся страны³.

23 сентября 1960 г. Советский Союз на XV сессии Генеральной ассамблеи ООН поставил вопрос об окончательной ликвидации колониализма. Проект советского правительства предусматривал немедленное предоставление всем зависимым странам, подопечным и другим самоуправляющимся территориям полную независимость и свободу; ликвидацию всех опорных пунктов колониализма в виде владений и арендованных районов на чужих территориях;

¹ Россия и Африка. Документы и материалы. Т. II. С. 277.

² Там же. С. 279.

³ Ди Нольфо Э. История международных отношений. 1918-2003. Т. 2. М., 2003. С. 390-391.

строгое соблюдение Устава ООН и недопущение никаких проявлений колониализма¹.

В выступлении лично возглавившего советскую делегацию в ООН Н.С. Хрущева в этот день прозвучали обвинения западных стран в проведении «агрессии» в отношении Конго, получившей независимость от Бельгии, но не обретшей свободу и погрузившейся в гражданскую войну². Советский лидер сравнил кризис в Конго с Суэцким кризисом 1956 г. – «как и тогда, независимое африканское государство подверглось неспровоцированной агрессии, были попорчены общепризнанные принципы отношений между государствами, создана ситуация, чреватая серьезной угрозой миру и не только в Африке»³.

Н.С. Хрущев раскритиковал миротворческие силы ООН, расходы на которые Москва отказалась покрывать, и заявил, что «войска ООН ... оккупировали аэродромы, ... дезорганизовали жизнь государства, парализовали деятельность законного правительства»⁴. Советский лидер предложил направить финансы, которые тратятся на осуществление военной операции в Конго и гонку вооружений западными странами, на экономическую и техническую помощь «по линии ООН и на двусторонней основе»⁵.

Однако главным составляющим элементом этой речи, имевшей, по выражению российского историка И.В. Гайдук, «эффект разорвавшейся бомбы»⁶, стала идея Хрущева о реформировании ООН. Советский лидер предложил ликвидировать пост Генерального секретаря ООН, «единолично управляющего аппаратом и единолично толкующего и исполняющего решения Совета Безопасности и сессии Генеральной Ассамблеи ООН». Хрущев предложил

¹ Советский Союз в ООН. Т. 2. М., 1965. С. 448-449.

² Выступления глав делегаций СССР/РФ на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН. Сб. д-тов. М., 2006. С. 278.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 279.

⁵ Там же. С. 285.

⁶ Гайдук И. В. В лабиринтах холодной войны... С. 270.

сформировать исполнительный орган в «составе трех лиц», представляющих западные державы, социалистические государства и нейтралистские страны¹.

США крайне негативно и возмущенно отреагировали на выступление своего советского визави и его предложения по реорганизации ООН. Глава Госдепартамента А. Гертер охарактеризовал выступление Хрущева как «всеобщую атаку, декларацию войны насмерть против структуры, персонала и местонахождения ООН». Этот же взгляд выразил и президент Д. Эйзенхауэр².

В середине октября состоялось известное своей крайней степенью эмоциональности выступление советского лидера в ООН. 12 октября с трибуны ООН Н.С. Хрущев призвал к предоставлению независимости колониальным странам и народам и «освобождению человечества от позорных колониальных порядков». В качестве аргументов была названа ситуация в Конго, «население которого уменьшилось почти вдвое», конфликты в Родезии и Кении. Хрущев обратился к представителям стран Азии и Африки, недавно обретших независимость: «мы хотим, чтобы они прониклись чувством должной ответственности перед нынешним историческим моментом, когда разгорается борьба за свое полное освобождение»³.

Глава СССР связал проблему колониализма с вопросами ослабления международной напряженности, подчеркнув, что «такие вооруженные конфликты и войны послевоенного времени, как войны в Индонезии, Индокитае, Алжире, агрессия против Египта, иностранная интервенция в Ливане и Иордании, заговоры против Сирии и Ирака, возникали именно потому, что колонизаторы-империалисты хотели задушить освободительное движение... Вот почему... проблема полной ликвидации колониальной системы – это в значительной мере проблема сохранения и укрепления мира и безопасности»⁴.

¹ Выступления глав делегаций... С. 299.

² Цит. по: Пядышев Б. Проблемы. Нью-Йорк. Осень 1960 г. Хрущев потрясает ООН. // Международная жизнь. 2003. № 12. С. 128.

³ Правда. 14 октября 1960.

⁴ Там же.

В последующие дни Н.С. Хрущев, обратившись к недавнему инциденту со сбитым в небе над Свердловском американским самолетом-шпионом У-2, обвинил США в срыве Парижской мирной конференции и дестабилизации международной обстановки¹. Именно на этой сессии Генеральной Ассамблеи ООН произошел известный эпизод, когда советский лидер снял ботинок и стучал им по столу. К этим действиям советского лидера были вынуждены присоединиться члены советской делегации в ООН.

В конце ноября 1960 г. страны «афро-азиатского блока» внесли свой проект, предусматривавший прекращение вооруженных действий и репрессивных мер против колониальных народов, незамедлительное принятие в подопечных и других зависимых территориях мер к передаче всей власти народам этих территорий.

14 декабря 1960 г. в Генассамблее состоялось голосование по двум проектам. В результате голосования большинство голосов получил проект стран Африки и Азии, набравший 89 голосов (в том числе СССР), против никто не голосовал, 9 делегаций воздержались – США, Великобритания, Франция, Бельгия, Австралия, Португалия, Испания, ЮАС и Доминиканская Республика².

В своих оценках насыщенному «году Африки» глава Министерства по делам колоний Великобритании был оптимистичен, выразив уверенность, что страна сможет произвести успешную модернизацию Британской империи в «семью» – Содружество наций. При этом И. Маклеод не отрицал возросшее влияние на ход деколонизации со стороны ООН, особенно в условиях, когда Британия оставалась фактически единственной метрополией, у которой еще оставались внушительные колониальные владения³.

Среди других факторов, которые британскому руководству постоянно приходилось принимать во внимание при осуществлении колониальной

¹ Известия. 16 октября 1960 г.

² См. подробнее: СССР и Африка. Документы и материалы. Т. II. М., 1999. С. 178.

³ BDEE. Series A. 1957-1964. Vol. 4. Part 1. L., 2000. P. 181.

политики, оставались действия СССР и США, продолжавших неуклонное проникновение в Африку.

Отражением укрепившихся советско-африканских отношений стал открытый в «год Африки» в Москве Университет дружбы народов, в 1961 г. получивший имя конголезского лидера П. Лумумбы. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. стала формироваться новая советская стратегия в отношении стран Азии и Африки, нашедшая выражение и в научном осмыслении колониализма. Как отмечает африканист И. Филатова, «самыми важными чертами этого периода стало подчеркнутое признание ценности политической независимости освобождающихся стран для СССР и осознание важности союза с ними в условиях «холодной войны». Страны, обретавшие независимость, выделялись теперь советским властям и как неисчерпаемый резерв территориального и популяционного расширения лагеря социализма, и как важнейшее доказательство поступательного развития человечества к социалистическому идеалу»¹.

Повышенной активностью отличались и действия Вашингтона. В начале 1961 г. новый президент США Дж. Ф. Кеннеди озвучил лозунг «Африка для африканцев», в соответствии с которым в Белом доме намеревались поддерживать требования африканских территорий обрести в обмен на их прозападную ориентацию².

В Великобритании продолжали с тревогой наблюдать за действиями заокеанского партнера в Африке. Однако объективно общее стремление двух стран не допустить укрепления советских позиций на африканском континенте снижало градус разногласий Лондона и Вашингтона в колониальной сфере.

Наиболее приоритетной задачей для Великобритании на данном этапе колониальной политики было обеспечить максимально «мирное» отступление из стран африканского континента. Для этого требовалось, как рекомендовали эксперты Министерства по делам колоний в серии аналитических записок,

¹ Филатова И. Антикониальная тематика в советской африканистике. // Становление отечественной африканистики. 1920-е-начало 1960-х гг. Отв. ред. А. Б. Давидсон. М., 2003. С. 323-324.

² Hargreaves J. D. Decolonization in Africa. L., N.Y., 1988. P. 191.

подготовленных летом 1960 – весной 1961 гг., продолжать работать над укреплением парламентского механизма с устойчивыми элементами гражданского общества, введением всеобщего избирательного права и других демократических институтов в территориях, обретающих суверенный статус¹. Также эксперты признавали наличие прямой связи между укоренением парламентской системы и уровнем социально-экономического развития территории².

Премьер-министру Великобритании Г. Макмиллану скорость распада мировой колониальной системы в целом и Британской империи в частности внушала опасения, однако он понимал, что попытка сдержать ситуацию повлечет еще больший риск, чем продолжать удерживать колонии под своим контролем. Правильность выводов Г. Макмиллана подтверждали события в Алжире, сохранять который под своим контролем Франция уже не могла и не видела смысла³. Президент Пятой республики вел в это время переговоры с алжирскими повстанцами, чтобы покинуть Алжир с наименьшими потерями. Как считал Ш. де Голль, «лучше уйти с высоко поднятой головой, чем оставаться и проливать кровь»⁴.

В апреле 1961 г. суверенный статус, как было намечено заранее, обрела британская колония Сьерра-Леоне, пополнив одновременно ряды Содружества. Также британское руководство планировало предоставить суверенный статус в ближайшие годы территориям Вест-Индской Федерации в Карибском море, Танганьике, Кении и Уганде в Восточной Африке⁵.

Страны Африки продолжали оставаться на повестке дня колониальной политики Великобритании. Летом 1961 г. межведомственный комитет из специалистов Форин оффис, Министерства по делам колоний и Министерства по делам Содружества предложил к ознакомлению премьер-министром

¹ BDEE. Series A. 1957-1964. Vol. 4. Part. I. L., 2000. P. 156-157.

² Ibid. P. 158-159.

³ Ibid. P. 187-188.

⁴ Пейрефит А. Таким был де Голль... С. 39.

⁵ BDEE. Series A. 1957-1964. Vol. 4. Part II. L., 2000. P. 638.

аналитический обзор, посвященный оценке роли и места для Великобритании территорий Тропической Африки.

Вполне справедливо эксперты указывали на динамичный характер происходивших на континенте изменений и фактор холодной войны, затруднявший прогнозирование ситуации даже в среднесрочной перспективе. В целом, британские аналитики выступали за освобождение колоний в Африке южнее Сахары при условии их вступления в Содружество.

Симптоматично в этой связи, что авторы обзора несколько преувеличивали значимость Содружества, которое, по их мнению, было вполне способно уравновесить советское влияние на континенте¹. Эксперты упускали из виду, что членство в Содружестве не препятствовало развитию торгово-экономических и иных отношений с СССР или другими странами. При этом авторы документа двояко оценивали инструменты финансовой помощи колониям и получившим независимость странам. С одной стороны, финансовая поддержка, безусловно, могла быть использована как средство политического влияния, с другой стороны, она могла быть воспринята как новая форма колониализма².

Поэтому в документе содержался призыв вкладывать средства в инфраструктуру африканских территорий, привлекая к вложениям в экономику Африки развитые страны Западной Европы, Японию и бывшие британские доминионы. Такая установка правительственных перекликалась с политикой развития ЕЭС, начало которой было положено разделом об «особых отношениях» стран Шестерки с обретающими независимость странами.

Великобритания уже имела за плечами опыт колониальной политики развития, которая в послевоенных условиях приобретала интернациональный характер. Однако в рамках этого курса Великобритания не могла тягаться по своим финансовым возможностям с США. Суммы американской помощи странам континента последовательно возрастали, поэтому эксперты межведомственного

¹ Ibidem.

² Ibid. P. 189-190, 193, 194-195.

комитета рекомендовали также подумать над увеличением расходов по программам развития африканским странам¹.

В целом, общая тональность обстоятельного и объемного документа свидетельствовала о том, что по степени приоритетности Тропическая Африка все же уступала другим регионам и требовала от британского руководства усилий, которые не окупались ее стратегическим значением².

В конце мая 1961 г. в связи с проводимой руководством ЮАС политикой апартеида, вызывавшей острую критику и санкции ООН, эта страна была исключена из Содружества и стала полностью независимым государством под названием Южно-Африканской республики. Вытеснение этого государства из рядов Содружества косвенным образом свидетельствовало о решимости Великобритании сопротивляться попыткам «белого» меньшинства проводить политику дискриминации.

На этом фоне в британских правительственных кругах активизировались группы давления, которые оказывали сопротивление действиям правительства по ускорению процессов деколонизации. Особым напором отличалось родезийское лобби, действовавшее под руководством Р. Веленского, который контролировал власть в Южной Родезии и являлся премьер-министром ЦАФ. Лобби сопротивлялось попыткам руководства страны передать управленческие функции представителям местного населения колоний³.

Представители родезийского лобби, обрушившись с яростными нападками на министра по делам колоний, вынудили премьер-министра принять решение о его отставке. В октябре 1961 г. И. Маклеода на посту главы Министерства по делам колоний заменил Р. Модлинг.

В июне 1961 г. состоялась конференция в Каире, ставшая этапом на пути официального оформления Движения неприсоединения. Осенью 1961 г. на встрече в столице Югославии было заложено понимание «неприсоединения» как

¹ Ibid. P. 195, 198-199.

² Ibid. P. 197-198.

³ Goldsworthy D. Op.cit. P. 366.

неучастие в многосторонних военных союзах и отсутствие тесных отношений оборонительного характера с двумя сверхдержавами¹.

Другой характерной чертой международной жизни в этот период стала интернационализация колониальных вопросов, осложнившая участие британской делегации в дискуссиях ООН по вопросам деколонизации.

Осенью 1961 г. Нигерия предложила к обсуждению в Генеральной Ассамблее ООН проект резолюции, которая предусматривала освобождение оставшихся в колониальной зависимости стран мира к 1970 г. Этот документ, вызвав бурную реакцию в Британии, грозил осложнить колониальный курс страны. Объективно метрополия не могла освободить все африканские владения именно к этому сроку. В то же время, критика и отказ одобрить резолюцию могли ухудшить англо-нигерийские отношения и дать дополнительные козыри в руки Москвы, поставившей целью установить дружественные отношения с этим молодым африканским государством. В результате британское правительство приняло решение поддержать нигерийский проект, если он будет обращен только к территориям Африки и с датой не ранее 1970 г.².

В ноябре 1961 г. на платформе Генеральной Ассамблеи ООН из 17 стран, включая Великобританию, был оформлен Комитет по вопросу о ходе осуществления Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 г. Британское правительство рассчитывало использовать участие в Комитете в своих интересах и, в зависимости от ситуации, либо укреплять отношения с освободившимися государствами, либо попытаться расколоть их ряды.

На заседаниях ООН по вопросам колониализма не обходилось без курьезных ситуаций. Советский дипломат А.Ф. Добрынин приводит такой случай. «Шло заседание по опеке, и главными участниками одной из наиболее горячих дискуссий оказались представители Британии и Нигерии. Неожиданно

¹ Ди Нольфо Э. История международных отношений. Т. II. М., 2003. С. 392-393.

² BDEE. Series A. 1957-1964. Vol. 4. Part II. L., 2000. P. 316-317.

чернокожий нигериец миролюбиво обратился к англичанину-лорду: «Сэр, зачем нам спорить? Ведь мы почти кровные братья». Лорд опешил от такого «нахальства». «Вы мой кровный брат?» – переспросил он изумленно, роняя от неожиданности свой монокль. «Да, – вновь спокойно подтвердил нигериец. – Кто был Ваш дед?» – спросил он далее англичанина. «Мой дед был командующим экспедиционным корпусом, посланным королевой Викторией в Африку, где он и погиб, пропав без вести. Но посмертно награжден высшим британским орденом», – гордо сказал англичанин. «А мой дед, – ответил нигериец, – был вождем племени, которое разбило войско Вашего деда. И так как в то время мы были не совсем цивилизованными, то мой дед скушал Вашего деда. Так что выходит, что мы с Вами кровные братья. В Комитете по опеке поднялся смех. Растерявшийся лорд не знал, что сказать, верить или не верить нигерийцу»¹.

В декабре 1961 г. суверенный статус обрела Танганьика. Позднее в 1964 г. эта страна была переименована в Танзанию после вхождения в ее состав Занзибара. Предоставление независимости этому восточноафриканскому государству, являвшемуся одним из наиболее отсталых государств континента, свидетельствовало о том, что Великобритания фактически отказалась от идеи эволюционного развития колониальных территорий. Основным критерием для дарования суверенного статуса было достаточно наличие местной элиты, способной удерживать власть².

Также британское руководство в этот период начинает активнее, чем прежде, сотрудничать с державами, имеющими колониальные интересы. Такая переориентация колониального курса Великобритании во многом объяснялась Конголезским конфликтом, имевшим широкий международный резонанс. События в Конго объективно подталкивали европейские метрополии к проведению совместной политики.

¹ Добрынин А. Ф. Указ. соч. С. 34-35.

² Goldsworthy D. Colonial Issues in British politics. 1945-1961. From "Colonial Development" to... P. 361.

В целом, деятельность ООН по деколонизации внушала тревогу британскому руководству. В начале декабря 1961 г. кабинет министров обсудил меморандум главы Форин оффис, который поднимал проблему деятельности «афро-азиатского блока» в ООН. По мнению лорда Хьюма, наблюдалась тенденция со стороны умеренных афро-азиатских стран «смягчать экстремистские резолюции в пользу русских и их сторонников»¹. Министры приняли к сведению этот факт, приняв решение лучше информировать общественное мнение внутри Великобритании о «балансе сил» внутри ООН и о действиях британской делегации в этой организации². Как видно, других мер для отражения антиколониального натиска ООН в арсенале Великобритании не было.

В конце декабря 1961 г. во французской столице прошла встреча министров иностранных дел Франции, Великобритании и США, на которой обсуждались события в Конго и связанные с ним проблемы колониализма³. Глава британского МИДа предположил, что гражданская война в Конго может охватить по цепочке другие части Африки, ситуация в которых носила почти взрывоопасный характер в связи с проблемами трайбализма и острых мультирасовых противоречий. Уход британских вооруженных сил с этих территорий, доказывал лорд Хьюм, не улучшит, а только ухудшит ситуацию в связи с вполне реальным возникновением серии племенных войн и угрозой дестабилизацией всего континента.

Глава Форин оффис был убежден, что такая перспектива должна внушать опасения не только Великобритании, но и другим странам, имевшим интересы на африканском континенте. Соответственно, намекал он, следовало уменьшить антиколониальную риторику в ООН и критику британской и других метрополий⁴. Госсекретарь США Д. Раск поддержал призывы европейских коллег, подчеркнув, что Вашингтон уже оказывает помощь остающимся в колониальной зависимости территориям, которая нацелена на сохранение власти в руках европейских держав.

¹ CAB 128-35. 5 December, 1961. P. 3.

² Ibid. P. 4.

³ FRUS. 1961-1963. Vol. XX. Congo Crisis. Paris, December 9, 1961. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v20/d153>

⁴ Ibid. 11 December, 1961. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v20/d154>

Хотя слова главы госдепартамента и вызывали сомнения, общий тон встречи в Париже внушал оптимизм странам по обе стороны Атлантики¹.

Между тем в британском правительстве события в Конго рассматривали с разных точек зрения. С одной стороны, беспокойство вызывало воздействие гражданской войны в бывшей бельгийской колонии на другие страны африканского континента, с другой стороны, руководство Великобритании планировало использовать вспыхнувший конфликт в своих интересах. Страна уже начала оказывать финансовую поддержку вооруженным силам ООН, вовлеченных в разрешение конфликта. В конце января 1962 г. глава Форин оффис на заседании кабинета министров выражал мнение, что Британии следует продолжать финансирование военной операции вместе с Соединенными Штатами.

Стоимость операции с ноября 1961 г. по июнь 1962 г. оценивалась примерно в 2 млн. ф.ст². Лорд Хьюм доказывал, что такие расходы оправданны. Во-первых, Британия не могла отказаться от этих расходов, будучи членом Международного суда ООН с определенными обязательствами, во-вторых, участие в финансировании военной операции в Конго могло способствовать укреплению англо-американских отношений, особенно на фоне отказа Франции и некоторых других европейских стран финансировать миротворческие силы Объединенных наций. Финансировать военные действия ООН в Конго отказался и Советский Союз.

Возможно, подспудно в Лондоне надеялись и на снижение антиколониальной критики в ООН в обмен на помощь в решении конголезского конфликта. В конце декабря 1961 г. один из членов британской делегации в ООН Г. Фут направил на родину обстоятельный анализ, основной посыл которого сводился к тому, что Британии не следует допускать вмешательства ООН в решение колониальных проблем страны³.

¹ Ibidem.

² CAB 128-36. 23 January, 1962. P. 4-5.

³ BDEE. Series A. 1957-1964. Vol. 4. Part II. L., 2000. P. 318-321.

Деятельность Комитета 17-ти, по мнению британского дипломата, должна сводиться главным образом к обсуждению наиболее острых вопросов, связанных с освобождением колоний, разработке программ помощи слаборазвитым странам и выработке соответствующих рекомендаций. Г. Фут обращал внимание на то, что представители «афро-азиатского блока» в ООН пытались использовать свое участие в данном комитете для укрепления своего влияния среди освободившихся государств и использования противоречий двух сверхдержав для решения своих экономических задач¹.

Следовало также учитывать фактор антиколониальной деятельности ООН на переговорах в Брюсселе. Британское правительство не было заинтересовано в обострении колониальных вопросов на фоне сложного переговорного процесса со странами Шестерки и перспектив ухудшения отношений со странами Содружества в случае вступления Великобритании в Общий рынок.

Работа британской делегации в ООН вызывала активные дискуссии в Форин оффис. Соображения экспертов свидетельствовали о том, в Лондоне стремилось выработать такую линию поведения, которая могла ослабить градус критики со стороны соответствующих Комитетов ООН. На практике выбор шел между продолжением участия в Комитете 17-ти, или, по примеру Франции, отказом от обсуждения и выполнения принимаемых Генеральной Ассамблеей ООН резолюций, которые, строго говоря, имели характер рекомендаций в соответствии с Уставом организации.

В конце концов, главное внешнеполитическое ведомство Великобритании и Министерство по делам колоний пришли к общему мнению о том, что в ООН следует держаться прежнего курса, пресекая попытки вмешательства в проведение британской колониальной политики².

Премьер-министр внимательно отслеживал дискуссии о позиции британской делегации в ООН и вопросами укрепления блока афро-азиатских

¹ Ibid. P. 322-323.

² Ibid. P. 324-325.

стран. По его поручению, один из его личных секретарей в кабинете Ф. де Зюльюэта подготовил аналитическую записку, в которой содержались экспертные рекомендации по вопросу о том, как представить ситуацию в странах Африки в наиболее выгодном свете в ООН¹.

По мнению правительственного эксперта, суть Движения неприсоединения и его целей значительно сложнее, чем кажется на первый взгляд. Афро-азиатские страны, численность которых в ООН постоянно росла, преследовали не только цели укрепить свое влияние, но и при любой возможности столкнуть европейские страны и США при обсуждении колониальных вопросов. Тревогу эксперта вызывала угроза применения санкций к Великобритании наподобие санкций к ЮАС и Португалии в случае отказа следовать решениям Генеральной Ассамблеи².

В условиях расширения рядов ООН с ее явным антиколониальным акцентом де Зюльюэта даже озвучил идею о «разрушении ООН», которая во многом уже стала площадкой активной деятельности «афро-азиатского блока» и Движения неприсоединения. Хотя идеи о ликвидации ООН не могли носить серьезный характер, само появление таких размышлений свидетельствовало о том, насколько сложным стало участие британской делегации в этой международной организации. Правительственный эксперт рекомендовал, при отсутствии других сильных мер для снижения критики британских действий, использовать алжирский вопрос. Ф. де Зюльюэта рассчитывал, что скорое разрешение алжирского вопроса и заключение мира отвлечет внимание ООН к вопросам восстановления Алжира. Следовало также использовать в своих интересах продолжающийся конголезский кризис³.

Неослабевающий интерес к проблемам протекания деколонизации в Африке сохраняли США, которые были встревожены действиями СССР на континенте.

¹ Ibid. P. 326.

² Ibid. P. 327.

³ Ibidem.

Советское руководство продолжало оценивать действия европейских метрополий по сохранению экономических связей с бывшими колониями посредством Общего рынка как проведение политики неокOLONИализма, используя этот момент в пропагандистских целях. 31 мая 1962 г. Н.С. Хрущев в ходе приема делегации из Мали в Москве заявил о том, что «одна из целей «общего рынка» состоит в том, чтобы привязать ряд освободившихся стран к экономике империалистических государств... Эта цель, конечно, прикрывается «пышным» фразами о «помощи» народам отсталых стран...»¹. Подобная риторика была созвучна мнениям некоторых лидеров стран Третьего мира, что объективно способствовало возрастанию влияния СССР в афро-азиатских государствах.

Для Лондона, заинтересованного в успехе переговоров по условиям членства в Европейских сообществах, было в этой связи крайне важно не вызывать критику своих действий в ООН со стороны Содружества, учитывая сложный характер переговоров с точки зрения защиты торговых интересов Британии. Правительство Г. Макмиллана стремилось приложить максимальные усилия по недопущению возникновения еще одного фронта дипломатической борьбы с государствами Содружества и колониями.

Весной 1962 г. произошла активизация дискуссии по участию Великобритании в Комитете 17-ти и других комитетах ООН, связанная с обсуждением родезийского вопроса в ООН². Центробежные тенденции в Федерации Родезии и Ньясаленда создавали прямую угрозу целостности территории, обострив проблему «белого» меньшинства в Южной Родезии, претендующей на отделение в качестве государства с преимущественно «белым» населением³.

Ситуация в ЦАФ стала предметом пристального изучения в Генеральной Ассамблее и Совете Безопасности ООН, угрожая выйти из-под британского

¹ Правда. 31 мая 1962 г.

² ООН и современные международные отношения. М., 1986. С. 90.

³ Остапенко Г.С. Британские консерваторы и... С. 133.

контроля и обернуться новым «Конго». Такие опасения вынуждали Британию к взаимодействию с ООН посредством участия в комитетах организации, деятельность которых была посвящена решению колониальных вопросов¹.

В начале июня 1962 г. министр по делам колоний на заседании кабинета озвучил сомнения в целесообразности участия Великобритании в работе Комитета 17-ти, который, по его убеждению, вмешивался в дела британских территорий. Такую ситуацию Р. Модлинг расценивал как неприемлемую и предлагал подумать над отказом от сотрудничества в вышеупомянутом Комитете. Коллеги не поддержали Р. Модлинга, высказав предположение, что покинув эту структуру, Британия потеряет возможность влиять на его работу и столкнется с принятием более жестких мер по колониальным вопросам. По итогам заседания было принято решение о проведении консультаций со специалистами в области международного права с целью выяснения вопроса о том, является ли нарушением Устава ООН работа соответствующего Комитета ООН². Уже основываясь на мнении экспертов члены кабинета собирались делать выводы о дальнейшем участии британской делегации в работе Комитета 17-ти.

Премьер-министр в этих условиях считал возможным реанимировать озвученную им ранее идею о создании специальной группы с консультативными функциями в рамках Содружества для лучшей сцепки новых членов Содружества, особенно восточноафриканских государств, для получения их поддержки при голосовании в ООН³.

В июле 1962 г. в Великобритании состоялось обсуждение колониальных вопросов с представителями США. Руководитель британской делегации в ООН С.И. Карстэрс обращал внимание на то, что ликвидировать полностью свою империю в ближайшие годы страна не имеет возможностей как по

¹ BDEE. Series A. 1957-1964. Vol. 4. Part II. L., 2000. P. 345-347.

² CAB 128-36. 7 June 1962. P. 4.

³ BDEE. Series A. 1957-1964. Vol. 4. Part II. L., 2000. P. 351.

стратегическим причинам, так и по причинам социально-экономического характера¹.

Стратегически для британского руководства свою значимость сохраняли островные владения в Тихом океане. Помощник госсекретаря США по делам международных организаций Дж.Г. Клевелэнд рекомендовал при обсуждении этих вопросов в ООН сделать упор на то, что в случае поспешного освобождения этих территорий они могут попасть в руки ЮАР, уже высказывавшей такие намерения.

Также американский визави обратил внимание британского коллеги на то, что критика политики Великобритании в ООН может быть ослаблена в случае представления графика с указанием хотя бы примерных сроков освобождения колоний. Такое желание Вашингтона помочь Лондону объяснялось просто. В Белом доме в этот период разрабатывались проекты соглашений, которые могли позволить США и, возможно, Великобритании, сохранить под своим контролем стратегически значимые территории².

Внимание двух стран к островным владениям объяснялось началом обсуждения в Совете Безопасности ООН пересмотра существующей системы опеки. В Вашингтоне правомерно опасались за статус своих подопечных территорий в АТР – островов Самоа и Гуам. Эта группа островных владений оставалась под опекой ООН со статусом стратегически значимого региона мира³. США, как и Великобритания, были заинтересованы в продолжении контроля этих территорий после обретения ими независимости посредством разработки таких соответствующих соглашений⁴.

В середине 1962 г. британские колонии в Карибском бассейне – Ямайка и Тринидад и Тобаго – обрели суверенный статус, осенью того же года независимой стала Уганда.

¹ Ibid. P. 356.

² Ibid. P. 356-358.

³ ООН и современные международные отношения. М., 1986. С. 91-92.

⁴ BDEE. Series A. 1957-1964. Vol. 4. Part II. L., 2000. P. 359.

Несмотря на эти изменения, критика колониальной политики Великобритании в ООН продолжалась. Один из экспертов Министерства по делам колоний докладывал в октябре 1962 г., что вмешательство ООН в действия Великобритании в колониальной сфере усилилось¹.

19 декабря 1962 г. заместитель премьер-министра Р. Батлер сделал в Палате общин заявление о том, что правительство заинтересовано в нахождении компромиссного соглашения между Северной и Южной Родезией, тесно связанных между собой экономическими связями, и допускает выход из ЦАФ Ньясаленда². Выпадение из состава федерации этой территории, пояснил Р. Батлер, не нанесет ущерба сближению двух Родезий.

В марте 1963 г. планы британского руководства по «связке» Южной и Северной Родезии фактически потерпели провал, когда ЦАФ покинула Северная Родезия. Решение же вопроса о форме конституционного устройства Южной Родезии в Генеральной Ассамблее ООН затянулось на два десятилетия.

Осенью 1963 г. Комитета 17-ти был превращен в Комитет 24-х вследствие расширения его состава. В ООН в этот период обсуждался вопрос применения Декларации о ликвидации колониализма 1960 г. ко всем оставшимся в зависимом статусе территориям.

19 сентября 1963 г. А.А. Громыко, выступая в Генеральной Ассамблее ООН, подчеркнул, что «в колониальной неволе томится свыше 50 млн. чел. ... Долг Ассамблеи состоит в том, чтобы, опираясь на Декларацию, разработать и утвердить решения в пользу безотлагательной ликвидации колониальных режимов на тех территориях, где они еще сохраняются»³. Глава советского МИДа обратил внимание и на политику оказания финансовой помощи получившим независимость государствам, заявив, что «Колониальные режимы доживают свой век, но продолжает жить система неравноправных политических, экономических,

¹ Ibid. P. 362.

² Great Britain. Hansard. Parliament. House of Commons. Parliament Debates. Central Africa. 19 December 1962. Col. 1267. URL: <http://hansard.millbanksystems.com/commons/1962/dec/19/central-africa>

³ Выступления глав делегаций СССР/РФ на сессиях... С. 404.

военных отношений между бывшими колониальными державами и освободившимися странами. Даже политические деятели западных держав вынуждены делать признания, что так называемая «помощь», направляемая этими державами слаборазвитым странам, не идет ни в какое сравнение с размерами доходов, которые они оттуда извлекают. Лидер лейбористской партии Англии Г. Вильсон констатировал недавно, что все расходы западных держав по оказанию «помощи» слаборазвитым странам в течение последних 10 лет были с лихвой перекрыты сокращением экспортной выручки слаборазвитых стран в результате падения цен на сырье. А надо думать, англичане умеют считать и понимают толк, когда речь идет о выгодах и невыгодах»¹.

Британское руководство отреагировало на новый всплеск внимания ООН к колониальным вопросам сдержанно, по-прежнему не отказываясь от обсуждения колониальных вопросов и стараясь проявлять большую, чем прежде, активность в отстаивании своих интересов и ослаблении радикально настроенных лидеров стран Азии и Африки².

В том же году Генеральная ассамблея ООН приняла после ожесточенных дискуссий Декларацию о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Однако принятие такого документа по определению не могло разрешить имеющихся противоречий между государствами, стремительно пополнявшими страны «Третьего мира», и ведущими странами Запада³.

В целом, колониальная политика Британии после произнесения премьер-министром речи «о ветре перемен» стала все более ориентированной на соблюдение тонкого и деликатного баланса между слишком быстрыми и слишком медленными темпами деколонизации. Выступление Г. Макмиллана 1960 г., рассчитанное на привлечение внимания мировой общественности, было скорее попыткой обозначить активное движение страны по пути деколонизации, чем выражением курса на ускорение ее темпов. Используя богатейший опыт

¹ Там же.

² BDEE. Series A. 1957-1964. Vol. 4. Part II. L., 2000. P. 364-367.

³ Солодовников В. На XV сессии Генассамблеи ООН в 1960 г. // Международная жизнь. 2006. № 6. С. 119.

колониального управления, искусство дипломатии и умение находить компромиссы с элитами колоний, правительство Г. Макмиллана, несмотря на экстремистские явления в некоторых территориях, пропагандистский натиск СССР и антиколониальную риторику США, смогло обеспечить мирную, без эксцессов и конфликтов, независимость своим африканским колониям (за небольшим исключением – Южной Родезии, где утвердился расистский режим), связав их рамками Содружества. И, начиная борьбу за вступление в ЕЭС в 1961 г., Г. Макмиллан имел за собой мирный и стабильный тыл в лице деколонизированной Африки.

4.4 Роль миграционного фактора на переговорах Великобритании со странами ЕЭС и Акт о мигрантах Содружества 1962 г.

Правительство Г. Макмиллана унаследовало те же проблемы в миграционной сфере, которые безуспешно пытались решить прежние кабинеты. На повестке дня по-прежнему стояла задача ограничения въезда выходцев с другим цветом кожи из колоний и Содружества и снижения остроты мультирасовых проблем внутри страны.

В 1957 г. принятие уже подготовленного кабинетом А. Идена законодательства было отложено под предлогом сокращения притока иммигрантов. Прежние британские правительства неоднократно уклонялись от введения миграционного законодательства, опасаясь реакции Содружества (одновременно надеясь на понимание «белого» Содружества, Индии и Пакистана) и общественного мнения внутри страны¹.

В том же году британское руководство приняло решение о создании Вест-Индской Федерации, в которую вошли Тринидад, Тобаго, Ямайка и другие

¹ Paul K. Whitewashing Britain. Race and Citizenship in the Post-War Era. L., 1997. P. 149; Empire, Migration and Identity... P. 249.

территории Карибского бассейна. В 1958 г. был подготовлен проект Билля по ограничению иммиграции, вновь отвергнутый кабинетом как несвоевременный.

В конце лета того же года в лондонском районе Ноттинг-Хилл и Ноттингеме прошли длившиеся более двух недель беспорядки (названные «расовыми бунтами»), инициированные группой «белых» британцев из рабочей среды, известных как «Тедди Бойз». Эта группа под лозунгами сохранения «белой» Британии, спровоцировала ряд нападений расистки настроенной молодежи на темнокожих иммигрантов, нередко были лозунги «покончить с ниггерами», «депортировать всех ниггеров» и другие¹. В течение двух недель столкновения не прекращались. Полиция, застигнутая врасплох этим противостоянием, арестовала 126 «белых» и 51 «цветного» жителя, преимущественно проживающих в Ноттинг-Хилле².

Среди основных причин беспорядков следует назвать высокую конкуренцию за рабочие места в Лондоне и других крупных городах с высоким процентом лиц иностранного происхождения, нежелание владельцев некоторых промышленных предприятий Ноттингема нанимать выходцев из британских колоний и торговля оружием среди иммигрантов. Среди других – неявных – причин и были отношения между темнокожими мужчинами и английскими женщинами, вызывавшие острое недовольство «белых» мужчин³.

Произошедшие беспорядки отражали общую ситуацию в британском обществе. «Цветной барьер» проявлялся в отелях и ресторанах, но и при найме жилья и в существовании специальных зон для выходцев из колоний с другим цветом кожи указанием «не ходить» (“no go”). В ряде объявлений о сдаче квартиры, например, встречались приписки: «цветным квартиры не сдаются»⁴. Особенно заметную расовую дискриминацию испытывали на себе чернокожие студенты и моряки. Лозунгом расовых настроений, направленных не только

¹ Шмидт К. К вопросу о генезисе... С. 96.

² Hansard. Parliamentary Debates. Colour Prejudice and Violence. 19 November 1958. Col. 632. URL: http://hansard.millbanksystems.com/lords/1958/nov/19/colour-prejudice-and-violence#S5LV0212P0_19581119_HOL_12

³ Pressly L. The “Forgotten” Race Riot. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/6675793.stm

⁴ Козлов В. И. Указ. соч. С. 33.

против темнокожих, но в отдельных районах и против выходцев из Ирландии стал «Никаких собак. Никаких темнокожих. Никаких ирландцев»¹.

Волнения в Ноттинг-Хилле вновь сделали иммиграционные вопросы предметом обсуждения на высшем политическом уровне. Лейбористская партия осудила беспорядки и расовую дискриминацию, однако в отличие от консерваторов, по-прежнему выступала против введения иммиграционного контроля².

В преддверии выборов в Палату общин правительство Г. Макмиллана не решилось на принятие ограничивающих иммиграцию мер, продолжая практиковать меры дипломатического воздействия на правительства государств Карибского бассейна с тем, чтобы они как можно жестче ограничивали эмиграцию из своих стран. На всякий случай британское правительство подготовило билль о депортации нарушающих общественный порядок лиц.

В 1958 г. День империи был переименован в день Содружества (празднуется во второй понедельник марта), что в определенном смысле символизировало расставание Великобритании с империей, большая часть территорий которой уже получила независимость. К. Мэйхью, продюсер серии фильмов БиБиСи под названием «Мы Британцы» (“We the British”) выразил общественные настроения после Суэцкого кризиса, когда пожаловался, что «теперь каждый думает, что Британией можно помыкать»³. Всплеск расизма в новых формах стал выражением британского постколониального кризиса и поиском новой внешнеполитической идентичности.

В том же году в Лондоне, как реакция на необходимость научного анализа и поиска адекватного ответа на иммиграционные проблемы, был создан Институт расовых отношений как центр исследовательского характера для публикации аналитических обзоров по расовым отношениям. Эта структура возникла на базе Отдела по расовым отношениям при Королевском институте по международным

¹ Malik S. *Representing Black Britain: Black and Asian Images on Television*. L., 2002. P. 13.

² *The Cambridge Survey of World Migration*. Ed. by R. Cohen. N.Y., 1995. P. 276.

³ Malik S. *Op.cit.* P. 13.

отношениям (Чатам Хауз), существовавшего с 1952 г. под руководством лорда Хейли. В задачи Института входило изучение и обмен информацией по проблемам расовых отношений и выяснения условий жизни разных рас и народов.

Погромы иммигрантов в Ноттинг-Хилле и Ноттингеме в 1958 г. стали предвестником и новых парламентских дебатов по вопросу о законодательном ограничении «цветной» иммиграции, состоявшихся в ноябре 1958 г. Британский политик, видный член Лейбористской партии лорд Пакенхам заявил о том, что в качестве основного аргумента в пользу своих действий британская молодежь, устроившая погромы, озвучила главный вопрос «Что хорошего они [иммигранты – *Е.Х.*] делают для нас?». Лорд Пакенхам, отвечая на этот вопрос, выступил в защиту приезжих иностранцев, многие из которых исправно трудились на своей новой родине. По его мнению, следовало не вводить регулирование иммиграции из стран Содружества, а проводить политику, направленную на борьбу с расовой нетерпимостью внутри страны¹.

В качестве «ответчика» на эти вопросы и со своим видением иммиграционных проблем, распадавшихся в этот период на две составляющие – проблему «цветных рабочих» и расовых предрассудков в Британии – выступил заместитель министра по делам колоний 17-й лорд Пэрт Дж.Д. Драммонд. В обстоятельном выступлении он признал, что проблема возрастания численности прибывающих в страну выходцев из Вест-Индии действительно беспокоит правительство. Однако, по его мнению, ситуация не выглядела катастрофично. «Цветная» иммиграция в страну в течение последних трех лет оставалась неизменной и составляла около 40 тыс. чел. в среднем.

Были и другие «хорошие» новости: во-первых, увеличилась численность уезжающих обратно – около 3 тыс. иммигрантов в 1957 г. вернулись обратно в страны Вест-Индии. Такое положение дел лорд Пэрт объяснял ростом экономики

¹ Great Britain. Hansard. Parliament. House of Commons. Parliamentary Debates. Colour Prejudice and Violence. 19 November 1958. Col. 633-642. URL: http://hansard.millbanksystems.com/lords/1958/nov/19/colour-prejudice-and-violence#S5LV0212P0_19581119_HOL_12

в территориях Карибского бассейна «благодаря усилиям Британии»: «За последние 12 лет в Вест-Индию было направлено 38 млн. ф.ст. в рамках законов колониального развития и благосостояния, еще 17,5 млн. ф.ст. на другие цели, не считая вложений частного капитала». Во-вторых, около 10 тыс. из прибывающих «цветных» иммигрантов – это женщины и дети. Этот факт, по мнению лорда Пэрта, свидетельствовало том, что их мужчины нашли работу и ощущают себя «счастливыми членами британского общества»¹.

Более серьезные опасения внушала проблема расовой дискриминации. Согласно данным лорда Пэрта, две трети населения страны имели расовые предубеждения против выходцев из колоний, подпитываемых из кинофильмов и книг: «Еще несколько лет назад кино изображало негров как примитивных и деградированных кунов (кунами – сооп – пренебрежительно называли африканцев – *Е.Х.*). Нам следует менять устаревшие антропологические концепции». Парламентариев в этой связи интересовал вопрос о том, намерено ли правительство вводить иммиграционный контроль. От прямого ответа лорд Пэрт уклонился, однако указал на то, что в Британии по сравнению с другими странами Содружества самый либеральный иммиграционный режим для въезда, и этот факт в условиях нарастания социальных конфликтов «заставлял задумываться о введении контроля»².

В феврале 1959 г. на заседании кабинета министров в очередной раз обсуждались вопросы «неподдельной общественной тревоги в условиях роста преступности среди цветных иммигрантов»³. В случае, если не удастся депортировать эти криминальные элементы и успокоить общество, члены Комитета по миграционной проблеме рекомендовали готовить законодательство по ограничению въезда иммигрантов. Идеальным вариантом они считали распространение ограничений только на иностранцев с другим цветом кожи, но

¹ Great Britain. Hansard. Parliament. House of Commons. Parliamentary Debates. Colour Prejudice and Violence. 18 November 1958. Col. 675-682. Col. URL: http://hansard.millbanksystems.com/lords/1958/nov/19/colour-prejudice-and-violence#S5LV0212P0_19581119_HOL_63

² Ibid. Col. 683-687.

³ CAB 128-33. 19 February 1959. P. 8.

понимали, что в этом случае неизбежно произойдет ухудшение отношений со всеми афро-азиатскими странами Содружества.

В мае 1959 г. в Ноттинг-хилле вновь произошли столкновения на расовой почве. 17 мая был убит иммигрант из Антигуа, плотник К. Кокрейн. Ответственность за это преступление взяла на себя праворадикальная «Организация профсоюзного движения» (Union Movement Organization). Однако никто из ее членов не был арестован.

Выходцы из стран Карибского бассейна в ответ на бездействие со стороны полиции и властных структур стали создавать свои организации по защите прав этнических меньшинств. В январе 1959 г. возник «Карибский карнавал» в Ноттинг-хилле как ответ на погромы 1958 г. Вплоть до сегодняшнего дня в рамках этой организации проходят яркие карнавальные шествия. В том же году начала работать Ассоциация содействия Цветному населению¹.

Эти учреждения стремились привлечь внимание общественности и политических кругов страны к необходимости принятия законов, ограничивающих расовую дискриминацию в Британии. Одной из таких правозащитных организаций стала группа «Сохраним Британию толерантной». Такой девиз стал ответом на распространённый лозунг расистов «Сохраним Британию белой». Деятельность темнокожих групп населения активизировалась в студенческих сообществах, тред-юнионах, политических партиях и церквях².

После 1958 г. стали возникать и так называемые «внутрирасовые» организации, основной целью которых было интегрировать выходцев из стран Карибского бассейна в британское общество. Спонсорами таких структур выступали как «белые», так и «черные» жители Британии. Однако деятельность таких организаций сложно назвать успешной. Если такие структуры, например музыкальные клубы, создавали темнокожие иммигранты и предусматривали участие коренного населения Британии, «белым» на деле были в них не рады. Не

¹ Maxwell R. D. Tensions and Tradeoffs: Ethnic Minority Migrant Integration in Britain and France. N.Y., 2008. P. 149-150.

² Malik S. Op. cit. P. 13.

все иммигранты стремились включаться в британское общество и отказываться от своих традиций. Так, многие они предпочитали слушать и исполнять свои формы джаза или калипсо музыку – афрокарибского музыкального стиля, популярного в странах Вест-Индии¹. Преодоление «цветного барьера» требовало времени и усилий обеих сторон.

В 1958-1959 гг. произошло сокращение иммигрантов из стран Карибского моря. В 1958 г. – в Соединенное Королевство въехало 15 тыс. чел., в 1959 г. – 16,4 тыс. чел. На встрече кабинета министров в начале июля 1958 г. члены Комитета по иммиграционной политике озвучили вывод о нецелесообразности на данном этапе законодательного регулирования «цветной» миграции из Содружества, но рекомендовал усилить меры административного характера для частичного ограничения иммигрантов из Индии, Пакистана и Вест-Индии². В перспективе же введение такого законодательства Комитет признавал неизбежным.

Большое внимание в это время британское руководство уделяло инструментам так называемой «мягкой силы» для укрепления связей с Содружеством. Так, в 1959 г. на строительство школ в странах Содружества Великобритания внесла 7 млн. ф.ст. на условиях софинансирования с Канадой и Австралией при общей сумме в 10 млн. ф.ст. Такие расходы, учитывая финансовые трудности Великобритании, правительство рассматривало как необходимые и оправданные в долгосрочной перспективе с точки зрения укрепления связей с Содружеством³.

С 1960 г. вновь начинается рост иммиграции. В июле 1960 г. министр внутренних дел Р. Батлер подготовил меморандум, посвященный ситуации с цветной иммиграцией⁴. Помимо указаний на рост численности иммигрантов с островов Вест-Индии, содержалась оценка их адаптации к британскому обществу. В целом, указывал Батлер, популяция приезжих из государств Карибского

¹ Bauer E. The Creolisation of London Kinship: Mixed Afro-Caribbean and White British Extended Families, 1950-2003. Amsterdam, 2010. P. 192.

² CAB 128-32. 1 July 1958. P. 7.

³ CAB 128-33. 30 April 1959. P. 4-5.

⁴ CAB 128-34. 19 July, 1960. P. 178.

бассейна была законопослушной, за исключением лиц, имевших проблемы с жильем и работой. Уровень безработицы среди них был невысоким – около 9 тыс. чел. при общем «цветном» населении в 250 тыс. чел. Однако оставалась опасность новых столкновений в Ноттинг-Хилле и нескольких других районах Лондона.

Министр по делам колоний И. Маклеод, как и его предшественники, пытался воздействовать дипломатическими методами на правительства государств островов Вест-Индии с тем, чтобы они приняли шаги по ограничению эмиграции в Великобританию. Однако эти меры, признавалось в документе, вряд ли могли оказать серьезное влияние на численность приезжающих из этих стран. При этом принятие иммиграционного законодательства автор меморандума не считал оправданным, прежде всего, по идеологическим причинам. «Законодательство подобного рода, - говорилось в меморандуме, - носило бы противоречивый характер и пробило брешь в нашей доктрине, согласно которой Соединенное Королевство – страна-мать, к которой все граждане Содружества имеют доступ»¹.

Симптоматично, что эти соображения британские политики неоднократно брали в расчет с послевоенного времени, и риторика не менялась. В условиях убыстрения мировых темпов деколонизации руководство страны считало наиболее оптимальным курсом осторожную политику в иммиграционном вопросе. С одной стороны, Лондон был явно заинтересован в упрочнении связей внутри Содружества, с другой стороны – стремился держать под контролем иммиграционные волны, не допуская чрезмерного роста иностранцев из колоний. Ни одно из прежних правительств не было готово взять на себя ответственность, ограничиваясь мерами административного характера в регулировании иммиграции. Эти меры позволяли сдерживать поток въезжающих иностранцев, и эмиграция в 1950-е гг. превышала иммиграцию².

¹ Ibid. P. 179.

² Schain M. A. The Politics of Immigration in France, Britain and the United States. A Comparative Study. L., 2008. P. 128.

Опросы общественного мнения конца 1950-х гг. показывали рост настроений в пользу ограничения свободной иммиграции¹. В ноябре 1960 г. на заседании кабинета министр иностранных дел лорд Хьюм доложил об увеличении потока иммигрантов из Вест-Индской Федерации, Индии и Пакистана. В течение первых десяти месяцев 1960 г. в страну прибыло 43,5 тыс. чел., в то время как в 1959 г. – только 16,4 тыс. чел. и 29,8 тыс. чел. в 1956 г. Результатом такого наплыва, по мнению главы Форин оффис, стал рост социальной напряженности с перспективой серьезных инцидентов².

По оценкам правительственных экспертов, отмечаемая тенденция могла привести к увеличению иностранцев из указанных стран до 200 тыс. чел. к началу 1961 г. и до 2 млн. чел в течение 15 лет³. Такие прогнозы все больше убеждали кабинет Г. Макмиллана в необходимости ограничения иммиграции на законодательном уровне.

В феврале 1961 г. лорд канцлер лорд Килмур при обсуждении на заседании кабинета миграционной ситуации привел статистику, согласно которой, несмотря на сокращение количества иммигрантов в 1958 и 1959 гг., в стране уже насчитывалось 300 тыс. «цветных» граждан Великобритании. От общего количества населения страны – 52 807 тыс. чел. их численность составляла всего лишь 0,56 %⁴. Однако в течение 20 лет, согласно прогнозам, цветное население увеличится до 1,3 млн. чел⁵.

Лорд Килмур считал необходимым указать на этот прогноз при обсуждении уже подготовленного законодательства в Палате общин, назначенного на следующий день. Специально созданный для анализа сложившейся ситуации Комитет по мигрантам Содружества пришел к выводу, что нынешний уровень иммигрантов не вызывает серьезной тревоги с точки зрения занятости и

¹ Immigration Legislation in Britain. URL: <http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/+http://www.movinghere.org.uk/galleries/histories/caribbean/journeys/legislation.htm>

² CAB 128-34. 25 November 1960. P. 6-7.

³ CAB 128-35. 30 May 1961. P. 6-7.

⁴ Historical Population of the United Kingdom 43 AD to present. URL: <http://chartsbin.com/view/28k>

⁵ CAB 128-35. 16 February, 1961. P. 3.

соблюдения законов и общественного порядка. Но в районах, где наблюдалась высокая концентрация иностранцев, существовала серьезные проблемы с жильем, угрожающие в будущем привести к нарушению «общественного здоровья». Комитет в то же время предостерег от поспешного введения законодательства: в условиях обсуждения непростых конституционных процессов в Южной Родезии законодательство будет воспринято как проявление дискриминации по цвету кожи.

В 1961 г. общая численность иммигрантов, въехавших на территорию Соединенного Королевства, достигла 136 тыс. чел. Резкое увеличение численности иностранцев в 1960-1961 гг. объяснялось распространявшимися слухами о скором ужесточении правил въезда. В таблице ниже представлена динамика численности иммигрантов.

Таблица 2 – Иммиграция в Великобританию из «Нового» Содружества в 1953-1962 гг.¹.

Год	Вест-Индия	Индия	Пакистан	Другие	Всего
1953	2, 000				2,000
1954	11,000				11,000
1955	27,500	5,800	1,850	7,500	42,650
1956	29,800	5,600	2,050	9,350	46,800
1957	23,000	6,600	5,200	7,600	42,400
1958	15,000	6,200	4,700	3,950	29,850
1959	16,400	2,950	850	1,400	21,600
1960	49,650	5,900	2,500	-350	57,700
1961	66,300	23,750	25,100	21,250	136,000
1962	31,800	19,050	25,080	18,970	94,900
Всего	272,450	75,850	67,330	69,670	484,900

В октябре 1961 г. министр по делам Содружества Д. Сэндис неохотно признал, что следует усилить контроль над иммиграцией в связи с ростом общественного беспокойства². Он предложил распространить квоту на въезд

¹ Empire, Migration and Identity... P. 249.

² CAB 128-35. 10 October 1961. P. 4.

только на лиц, возможности которых найти работу под вопросом. Другие категории – студенты, визитеры и квалифицированные кадры должны были, как прежде, иметь свободный доступ в страну. При этом правительственные эксперты подчеркивали, что в таком формате билль по определению не мог привести сразу к значительному сокращению потока «цветной» иммиграции. В то время как реакция со стороны Содружества должна была последовать незамедлительно. Это не могло не вызвать критику действий правительства, прежде всего, со стороны государств Карибского бассейна. Так, премьер-министр Ямайки выразил свое возмущение намерениями Великобритании¹.

Правительство Г. Макмиллана понимало эти риски, рассчитывая компенсировать их успехом заявки на вступление в Общий рынок, озвученной в августе 1961 г.

В октябре 1961 г. готовый Билль об иммигрантах Содружества был озвучен в Тронной речи Королевы Елизаветы II. Он успешно прошел через необходимые стадии парламентской процедуры и с минимальными поправками получил королевское согласие 18 апреля 1962 г., через три месяца, с 01 июля 1961 г. вступил в силу.

В ноябре 1961 г. министр внутренних дел Р. Батлер на встрече кабинета обратил внимание на возможность негативной общественной реакции на регулирование иммиграции в Соединенное Королевство через порты Северной Ирландии. Правительство Республики Ирландия, в свою очередь, выступало за введение такого законодательства, которое бы давало ему право контролировать пропуск иммигрантов из других стран Содружества в Соединенное Королевство, при условии, что Лондон воздержится от ужесточения положений Билля против ирландских граждан².

¹ В Ямайке в начале 1961 г. прошел референдум, население которого высказалось на независимость страны, что поставило хрупкую Вест-Индскую Федерацию на грань распада. Для предотвращения распада федерации в метрополии стали обсуждаться идеи об ее преобразовании в Восточную Карибскую федерацию с включением в нее Британской Гвианы. Ямайка же официально станет независимым государством и пополнит Содружество в августе 1962 г. CAB 128-35. 28 September 1961. P. 3.

² CAB 128-35. 16 November 1961. P. 3.

Члены кабинета согласились, что в ходе парламентских дебатов по Биллю стоит напомнить, что по Акту о гражданстве 1948 г. за ирландскими гражданами уже был признан особый статус, отменять который британское правительство не собиралось. Для отражения неизбежной критики со стороны стран Содружества за «недостаточные консультации» с ними рекомендовалось делать упор на то, что британское правительство и так в течение ряда лет откладывало принятие миграционного законодательства.

16 ноября 1961 г. иммиграционный Билль был представлен в Палате общин и после обсуждения отправлен на доработку. Консерваторы столкнулись с серьезной оппозицией Биллю внутри страны со стороны лейбористов, а за ее пределами – со стороны политических лидеров стран Содружества, прежде всего, Индии, Пакистана и территорий Карибского бассейна.

Находившийся в Лондоне с визитом в конце ноября 1961 г. министр сельского хозяйства и земель Ямайки К. Манн заявил в интервью газете «Таймс», что причины принятия Билля лежат в заинтересованности Британии облегчить процесс переговоров по вступлению в Общий рынок¹. По его мнению, в Британии и других европейских странах распространены опасения, что «неограниченная иммиграция с территорий, в которых проживает четверть населения земли и существует нехватка жилья» приведет к наплыву иммигрантов через Соединенное Королевство в континентальные страны Европы².

Лейбористы, требуя отменить систему ваучеров, обрушились с жесткой атакой на сам закон, который, по их мнению, носил расистский характер. Лидер партии Х. Гейтскелл в выступлении перед студентами Кардиффского университета охарактеризовал причины для принятия Билля как «несостоятельные». «Они [консерваторы – *Е.Х.*] говорят, что если безработица приобретет большой размах, - заявил Гейтскелл, - то она станет большой проблемой. Но если мы вступим в Общий рынок, то присоединимся к свободному

¹ The Times. 25 November 1961.

² Ibidem.

движению трудовой силы из европейских стран. В действительности они делают все, чтобы предотвратить въезд людей, которые всегда свободно въезжали на территорию нашей страны». Далее лейбористский лидер отметил, что Британия «столкнулась с серьезным вызовом», который состоял в том, «смогут ли расы разных цветов жить в гармонии. Представление этого Билля показывает, что мы проиграли этот вызов»¹.

Британские консерваторы, в условиях острой критики действий правительства было принято решение сократить срок действия законопроекта до 31 декабря 1963 г. После этого периода Билль должен был продляться ежегодно с внесением поправок². В декабре, в соответствии с принятой процедурой, Билль прошел второе и третье чтение в парламенте, в ходе которых были внесены незначительные поправки в текст законопроекта³.

18 апреля 1962 г. Акт о мигрантах Содружества после королевского одобрения приобрел силу закона. Документ состоял из трех частей: «Контроль», «Депортация» и «Разное и Общие положения». Общий смысл закона сводился к ужесточению правил иммиграции: для получения права въезда на территорию Соединенного Королевства было необходимо предъявление так называемого ваучера занятости, выдаваемого Министерством труда Соединенного Королевства. Ваучеры занятости различались по категориям: А, Б и С. Ваучер категории А получали те, кто уже нашел работу в Британии, ваучер категории Б выдавался иммигрантам, имеющим «особые» навыки, ваучер категории С вручали тем иностранцам, которые находились в поиске работы.

Закон фактически аннулировал автоматическое право граждан Содружества и колоний свободно приезжать и селиться в метрополии, за исключением некоторых категорий граждан. К этим категориям относились члены

¹ Ibidem.

² CAB 128-35. 5 December 1961. P. 7.

³ Journals of the House of Commons. Session 1961-1962. Vol. 217. P. 27, 28, 53. URL: http://assets.parliament.uk/Journals/HCJ_volume_217.pdf

вооруженных сил стран Содружества и способные содержать себя и несовершеннолетних иждивенцев люди¹.

До принятия закона паспорта британских граждан из Соединенного Королевства колоний не отличались друг от друга за одним исключением: штампа органа, выдававшего документ. В рамках принятого закона стали различаться паспорта британских граждан, выданных на территории Британии правительством Ее величества и позволявшие свободно въезжать в страну и паспорта граждан, выданные колониальными правительствами на территориях зависимых стран и отныне запрещавшие свободный въезд в Британию. Ирландские граждане, имевшие британский паспорт, под действие ограничений закона не попали².

По сути, акт был призван ужесточить правила приема только иммигрантов из так называемого «небелого» Содружества, главным образом, из государств Карибского бассейна, среди которых преобладали низко квалифицированные рабочие, многие из которых пополняли армию безработных в Британии.

Обретение колониями независимости усложнило действие Акта 1962 г., носившего ограничительный характер, прежде всего, против выходцев из колоний. Так, после независимости Кении в 1963 г. ее жителям было предоставлено право возможность выбрать гражданство Соединенного Королевства, которым воспользовались многие кенийцы. Подобную практику, получившую названия «кенианизация», правительство применило и к другим территориям³.

Билль об иммигрантах Содружества отчасти носил профилактический характер. Великобритания ужесточала контроль над въездом, однако тот факт, что это законодательство дополнялось в последующие годы, показывает, что принятый Акт носил компромиссный характер и радикальных мер не содержал.

¹ Commonwealth Immigrants Act 1962. URL: <http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/+http://www.movinghere.org.uk/galleries/histories/caribbean/journeys/legislation.htm>

² Schain M. Op.cit. P. 130-131.

³ Idem. P. 131-132.

Также принятый закон повлек за собой улучшение миграционной статистики, которая с 1962 г. стала более надежной для подсчета динамики численности основных этнорасовых групп¹.

Реакция на принятие Акта о мигрантах Содружества была бурной по всему Содружеству и внутри страны. Г. Макмиллан даже писал в дневнике, что опасался падения правительства². Принятый закон сначала привел к резкому падению численности иммигрантов из стран Карибского бассейна. Выходцы из Вест-Индии из-за низкой квалификации не могли получить «ваучер занятости», и в последующие после принятия закона несколько лет на территорию страны в основном приезжали родственники уже осевших в Соединенном Королевстве семей. В последующие годы, наоборот, начался рост численности иммигрантов, что приведет к новому ужесточению законодательства и введению Закона 1968 г.

На долю Г. Макмиллана выпало решать (именно решать, а не откладывать «на потом») многие сложные проблемы. Британия совершила разворот в политике в отношении европейской интеграции и колониальной сфере.

Ретроспективно некоторые решения представляются запоздалыми и не вполне эффективными. Неслучайно причинами отставки премьер-министра 18 октября 1963 г. стал комплекс различных факторов. Среди них заметную роль сыграли провал вступить в Европейские сообщества и серия шпионских скандалов (известных как «дело Профьюмо»), в которые оказались вовлеченными заметные деятели Консервативной партии³. Неоднозначную оценку до сих пор вызывает найденный консерваторами рецепт разрешения иммиграционных вопросов, по сути, усугубивший имеющиеся проблемы.

¹ Козлов В. И. Указ. соч. С. 33.

² Цит. по: McKay J. The Passage of the 1962 Commonwealth Immigrants Act, a Case-Study of Backbench Power. // *Observatoire de la société britannique*. № 6. 2008. P. 89.

³ «Дело Профьюмо» представляло собой серию шпионских скандалов, раскрытых благодаря журналистским расследованиям. Джон Профьюмо служил военным министром в правительстве Г. Макмиллана. В марте 1963 г. в прессе появилась информация о его связях с 19-летней моделью К. Киллер, которая оказалась замечена в отношениях с советским военно-морским атташе в Британии и советским разведчиком Е. Ивановым. Дж. Профьюмо в Палате общин отрицал свою связь с К. Киллер, однако несколько недель спустя открыл правду и был вынужден подать в отставку. Разразившийся скандал сказался на престиже Консервативной партии и считается одной из причин отставки Г. Макмиллана.

Правительство А. Дуглас-Хьюма, сформированное после ушедшего в отставку Г. Макмиллана, внимательно отслеживало динамику иммиграционных изменений после вступления в силу Акта о мигрантах Содружества. В апреле 1964 г. министр внутренних дел Г. Брук докладывал, что если до принятия Билля миграционное сальдо колебалось на уровне в среднем 100-150 тыс. чел. ежегодно, то после вступления закона в середине 1962 г. в силу эта цифра сократилась до 44 тыс. в год.

Однако Г. Брук считал такое сокращение недостаточным. По данным его министерства, в стране уже проживало 500 тыс. «цветных» иммигрантов из стран Содружества. Министр считал, что нужно продолжить курс на сокращение численности иностранцев с другим цветом кожи посредством сокращения ваучеров, выдаваемых группе С – иностранцам, которые получали право на въезд, не имея работы в стране¹.

Спустя три месяца глава Министерства внутренних дел представил обновленные оценки. По его данным, если до принятия Билля в страну ежегодно въезжало 40 тыс. «цветных» жителей Содружества в год, то за последние 12 месяцев (с 30 июня 1963 г. по 30 июня 1964 г.) их численность выросла до 68 тыс. Г. Брук вновь призвал к ужесточению иммиграционного законодательства, назвав цифру в 20-25 тыс. чел. наиболее оптимальной численностью ежегодно приезжающих в Соединенное Королевство темнокожих иностранцев². Однако он и члены кабинета признавали, что парламент вряд ли одобрит в ближайшем будущем новые меры по ограничению «цветной» иммиграции.

Тем более что в таких сферах как общественный транспорт в Великобритании по-прежнему наблюдалась нехватка рабочих рук. Г. Брук предложил нашедшую поддержку правительства идею о привлечении трудовых мигрантов из европейских стран. Однако реализация подобной инициативы была

¹ CAB 128-38. 30 April 1964. P. 8-9.

² Ibid. 30 July 1964. P. 4-5.

затруднена аналогичными проблемами в других ведущих западноевропейских государствах.

В сентябре глава Министерства внутренних дел привлек внимание коллег к проблемам, в настоящее время именуемым как «интеграция» (а тогда – как «ассимиляция») иммигрантов в британское общество. По его мнению, «страна не могла продолжать растворять «цветную» иммиграцию на существующем уровне», и предложил уменьшить выпуск ваучеров занятости с 40 тыс. поэтапно до 13 тыс. в год.

В ходе обсуждения министры воздержались от поддержки этой инициативы и согласились, что следует сохранить свободный доступ в страну для прибывающих с визитами, студентов и семей трудовых мигрантов. С одной стороны, в правительстве было понимание того, что сохранение таких льгот могло привести к желанию иммигрантов перевести своих жен и детей и обосноваться в Соединенном Королевстве, с другой стороны, министры признавали, что «будет сложно оправдать разделенные семьи»¹. Таким образом, дилемма, как соблюсти либеральные нормы демократического государства и в то же время ограничить въезд темнокожих иммигрантов, оставалась нерешенной.

15 октября 1964 г. в Британии состоялись очередные выборы в парламент. Победу на этих выборах с небольшим перевесом голосов одержали лейбористы во главе с Г. Вильсоном. Решение иммиграционных вопросов, так и не урегулированных Актом о мигрантах Содружества 1962 г., ляжет на плечи Лейбористской партии.

Тринадцатилетний период правления Консервативной партии завершился. За этот внушительный временной отрезок, несомненно, произошли важные изменения в выстраивании внешнеполитических приоритетов Великобритании внутри известной концепции У. Черчилля. Консерваторам удалось, не нарушая внешнеполитических традиций и обеспечивая преемственность со своими прежними установками в сфере европейской интеграции и колониальной

¹ CAB 128-38. 10 September 1964. P. 5-6.

политики, скорректировать основы внешнеполитического курса страны, все также ориентированного на США, но с прицелом на поиск своего места в Европе.

Заключение

Великобритания после Второй мировой войны оказалась в роли победителя, которому триумф достался ценой большого перенапряжения сил и расставания с ролью глобальной и колониальной державы. Определяющий характер во внешнеполитических изменениях Соединенного Королевства, не получивших должного осмысления в первые послевоенные годы на уровне политического истеблишмента, имели факторы, приобретшие необратимый характер и поддававшиеся корректировке во многом благодаря усилиям опытной британской дипломатии, традиционно избегающей радикальных рывков и поспешных действий.

К таким факторам – привходящего свойства – следует отнести два взаимосвязанных явления – европейскую интеграцию и деколонизацию. Оба процесса приобрели характер серьезных вызовов для Великобритании. Суть этих вызовов состояла в том, что в отношении наднационального интеграционного строительства изначально страна занимала позицию наблюдателя, в слабой степени допуская жизнеспособность и целесообразность создаваемых под эгидой Франции институтов. С течением времени британская позиция в отношении европейской интеграции стала меняться, однако встроиться в существовавшие схемы объединения со своим видением будущего Европы оказалось непростой задачей, сложность которой британская дипломатия явно недооценила, возложив чрезмерно оптимистические надежды на созданную под ее началом ЕАСТ.

Политику Соединенного Королевства в отношении европейской интеграции в представленном в диссертации периоде нельзя рассматривать в отрыве от других актуальных проблем британского внешнеполитического курса, и, в первую очередь – деколонизации Британской империи и ее трансформации в Содружество. Эту политику можно обрисовать в виде системы, которая имела как внешние факторы воздействия (холодная война, американский и советский факторы, национально-освободительное движение в странах Третьего мира и др.),

так и внутренние (экономические сложности Британии, изменения военной политики, внутрипартийная и межпартийная борьба). Но помимо них, существовали и другие компоненты, которые заставляют по-новому взглянуть на феномен британской деколонизации и устойчивость формы организации Содружества, пришедшей на смену имперскому формату. Среди таких компонентов – иммиграционная политика (отсчет которой в строгом смысле можно вести только с Акта о мигрантах Содружества 1962 г.) и политика развития, первоначально нацеленная на имперские территории, и позднее, в условиях деколонизации, охватившая и освободившиеся страны.

Следует заметить, что особая роль империи и, как следствие деколонизации во внешней и внутренней политике Великобритании была обусловлено рядом факторов. Во-первых, Соединенное Королевство, в отличие от Франции, Бельгии и других метрополий, также столкнувшихся с задачами ухода из империй после Второй мировой войны, традиционно была более тесно связано со своими имперскими владениями, чем другие страны. В колониях и доминионах Британия размещала капиталы и реализовывала свои промышленные товары, из империи вывозила продовольствие и сырье. Такая структура внутриимперских отношений привела к началу XX в. к заметному снижению вложений в собственную промышленность.

В межвоенный период страна, достигшая пика своего колониального могущества, могла позволить себе игнорировать нехватку средств для развития национального производства и компенсировать потери от доходов империи и так называемых невидимых статей экспорта (валютные операции, фрахт судов). Однако после Второй мировой войны диспропорции экономического развития и торгово-экономическая зависимость от имперских владений, обретающих независимость, на фоне общего ослабления финансового и международного положения страны, дали о себе знать.

Во-вторых, схожие проблемы в области трансформации империй возникли и перед европейскими метрополиями континентальной части Европы, однако в

случае с ними решение этих проблем было найдено за счет создания Общего рынка и «изобретения» статуса ассоциированных заморских территорий для колоний Франции, Бельгии и Нидерландов. Такой курс ЕЭС в отношении зависимых территорий заложил основы политики развития Европейских сообществ и позднее Европейского союза. Великобритании, не вошедшей на тот момент времени в Общий рынок, оставалось полагаться на проведение собственной политики развития, укрепляя другие способы сохранения отношений с бывшими колониями и доминионами и сохраняя систему имперских преференций.

Феномен деколонизации как многокомпонентное явление не сразу проявил себя как таковое: происходило постепенное напластование задач мирной трансформации империи в Содружество, поиск решения иммиграционной проблемы, согласование действий по освобождению колоний с другими метрополиями и США, формулирование адекватного ответа на антиколониальную деятельность СССР и его проникновение в регионы традиционных сфер влияния Великобритании – Ближний и Средний Восток, Африку и Азию. К концу 1950-х гг. британское руководство столкнулось с тем, что деколонизация, не сводимая только к задачам преобразования империи в Содружество и передаче власти лояльно настроенной элите, стала определяющим фактором в решении других внешнеполитических задач.

Проведенное исследование позволяет сделать выводы о том, что деколонизация оказала значительное влияние на курс Великобритании в отношении европейской интеграции и проявилась в следующем:

1) Тенденция к расширению рамок Содружества и изменению его характера после Второй мировой за счет обретающих суверенный статус колоний войны объективно подталкивала лейбористские и позднее консервативные правительства к более внимательному взгляду на объединительные устремления стран европейского континента. Однако на начальном этапе интеграции Великобритания, на политическом уровне которой обозначились два течения –

проевропейское и евроскептическое – предпочла не принимать участие в западноевропейских структурах с перспективами углубленной интеграции в политической и экономической сферах.

2) Задачи трансформации Британской империи потребовали сосредоточения усилий британского руководства в послевоенный период на проведении политики развития колониальных (в большей степени) и освободившихся (в меньшей степени) территорий для сохранения с ними прежних связей в новом формате – Содружестве. Со временем эта политика стала дополняться другими инструментами «мягкой силы», и к концу 1950-х гг. в рамках этого курса британское руководство стало выступать за привлечение к финансовой помощи своим бывшим колониям США, страны Содружества и государства западноевропейского региона, что объяснялось неспособностью Великобритании наращивать объемы помощи и стремлением снизить накал антиколониальной риторики Вашингтона.

3) В обсуждении вопросов европейской безопасности в условиях нарастания холодной войны в 1950-е гг. стали прослеживаться две тенденции: 1) проблемы безопасности выходят за рамки европейского региона и начинают охватывать традиционные сферы британского влияния на Ближнем и Среднем Востоке и колониальные территории Африки; 2) в Великобритании наметилась линия, особенно после смерти И.В. Сталина в 1953 г., сначала на поиск диалога, затем на ужесточение позиции по самому широкому кругу проблем европейской и международной безопасности, сменившаяся при Г. Макмиллане вновь на поиск компромиссов с СССР в логике предложенной им в 1957 г. концепции взаимозависимости. Вопреки сложившемуся в историографии мнению, эта концепция затрагивала не только англо-американские отношения, но и, как показала поездка Г. Макмиллана в Москву в 1959 г. и его выступление в ЮАС с речью о «ветре перемен», была обращена, кроме британских колоний и освободившихся стран, к СССР.

4) Суэцкий кризис 1956 г., обозначивший кризис колониальной и внешнеполитической идентичности страны, имел «эффект отложенного действия»: несмотря на активизацию политики Великобритании в области европейской интеграции, тори не предложили заметно обновленной стратегии по внешнеполитическим вопросам в рассматриваемый период. Скорее, речь шла о легком «косметическом ремонте» в корректировке внешнеполитической парадигме, и решение подать заявку на вступление в Европейские сообщества в августе 1961 г. во многом стало результатом внешних обстоятельств (провал посреднической миссии при решении Второго Берлинского кризиса, углубление противоречий с США в сфере безопасности и отсутствие впечатляющих результатов в реализации концепции взаимозависимости), чем целенаправленным курсом, соответствующим обстоятельному пересмотру прежней политики.

5) Сокращение колониальных обязательств заставляло британских консерваторов концентрироваться на европейском регионе. Жизнеспособность наднациональных европейских структур, в которую в Великобритании мало верили в первой половине 1950-х гг., объективно подталкивала британское руководство к пересмотру системы имперских преференций. Однако в силу не столько экономических, сколько политических факторов – поддержания своих позиций внутри Содружества и сохранение его прозападной ориентации в условиях холодной войны, Лондон продолжал «цепляться» за преференциальную систему, в то время как промышленные интересы страны требовали все большего сосредоточения на торговле со странами ЕС.

6) Позиция страны в отношении европейской интеграции в конце 1950-х - начале 1960-х гг. была представлена в двух плоскостях. На уровне риторики и официальной позиции Великобритания оставалась до начала 1960-х гг. верна своим внешнеполитическим принципам, в которых империя и Содружество занимали одно из ключевых мест, и держала известную дистанцию от европейских дел. На уровне внутриправительственных и межведомственных

дискуссий преобладало стремление к разработке масштабных проектов, предполагающих активное вовлечение Лондона в дела европейского континента.

7) Отсутствие внятной стратегии в сфере европейской интеграции и степень давления евроскептически настроенных внутрипартийных групп красноречиво подтверждает тонкая дипломатическая игра, которую вел Г. Макмиллан накануне объявления правительственного решения о развороте позиции страны в отношении Европейских сообществ. Поиск приемлемой формы презентации такого решения парламенту и населению привел британское руководство именно к такой формуле – переговоры не о вступлении в Общий рынок, а «переговоры по условиям членства». Такие фразеологические нюансы меняли всю картину и смягчали восприятие этой инициативы внутри страны. Г. Макмиллан считал, что участие Великобритании в европейской интеграции в перспективе могло позволить улучшить экономические позиции страны и усилить политическое влияние в Западной Европе и в подвергшихся испытаниям в период Суэцкого кризиса отношениях с США.

8) «Год Африки» наряду с антиколониальной деятельностью соответствующих Комитетов ООН повлиял на сроки освобождения британских колоний в Африке и выявил потребность в более тесном взаимодействии с США на платформе ООН и преодолении существующих разногласий в колониальной сфере. Способность зависимых территорий «крепко стоять на своих собственных ногах» перестала рассматриваться как главный критерий дарования суверенного статуса. Пристальное внимание и острые дискуссии по этим вопросам в Министерстве по делам колоний, Министерстве по делам Содружества и Форин оффис на рубеже 1950-1960-х гг. отражали отсутствие не только средне- и долгосрочной стратегии в колониальных вопросах, но и четкого плана действий на ближайшую перспективу в области деколонизации. Британскому руководству во главе с Г. Макмилланом приходилось действовать во многом под влиянием внешних обстоятельств, среди которых большую, если не определяющую, роль играли финансовые факторы и деятельность ООН, ставшей пристанищем

мировых антиколониальных сил и полем столкновения двух сверхдержав, по ликвидации мировой колониальной системы.

9) Иммиграционная ситуация в стране, усугубившаяся к концу 1950-х гг. в связи с ростом численности иностранного населения из колоний и Содружества в Великобритании и всплеском расистских настроений, поставила консерваторов перед сложной дилеммой. С одной стороны, на повестке дня уже с середины 1950-х гг. стоял вопрос об ограничении иммиграции, с другой стороны, регулирование въезда выходцев из колоний и Содружества могло вызвать ухудшение отношений с этими территориями. Г. Макмиллан пытался избежать нежелательных осложнений, особенно в связи с переговорами со странами Общего рынка в Брюсселе. В конечном итоге, с целью успокоить общественное мнение и приглушить борьбу так называемых рестрикционистов внутри партии, премьер-министр инициировал принятие Акта о мигрантах Содружества 1962 г. На деле принятие этого закона привело к увеличению численности въезжающих в поиске работы на территорию Соединенного Королевства иностранцев.

Таким образом, к пониманию феномена деколонизации как трансформации империи следует добавить три взаимосвязанных компонента. Первым элементом является эволюция отношения британских правительственных кругов к европейской интеграции в контексте проблем безопасности. В качестве второго компонента выступает колониальная идеология и политика, которую британские консерваторы достаточно эффективно корректировали через появление идей колониального развития, заложивших основы современной политики развития Европейского союза, соотнесения действий Великобритании в колониальной сфере с деятельностью ООН. И, наконец, третьей составляющей является интенсивность миграционных потоков внутри все время сокращающейся в размерах империи и, наоборот, расширяющегося Содружества, масштабы которых обусловили введение ограничений на свободный въезд на территорию Соединенного Королевства и спровоцировали серьезные миграционные проблемы.

Очевидно, что неслучайным было хронологическое совпадение важнейших событий деколонизации (речь «о ветре перемен», предоставление независимости Нигерии, Кувейту, Сомали) и первой заявки Великобритании на вступление в Европейские сообщества. Точно так же совпадает по времени завершение ухода Соединенного Королевства с «востока от Суэца» в начале 1970-х гг. и успешная третья попытка вхождения в наднациональные европейские структуры. Данная синхронизация действий в сферах колониальной и европейской политики свидетельствовала об их тесной увязке британскими правящими кругами. Последовательность этих событий (сначала колонии, потом Европа) говорила скорее о большей сложности европейских дел для Великобритании. В определенном смысле трансформировать империю Лондону оказалось легче.

На парламентских выборах в 1964 г. консерваторы уступили лейбористам. После 13-летнего пребывания у власти тори очевидно требовался перерыв для пересмотра внутри- и внешнеполитического курса. Произошедшая перегруппировка приоритетов внутри знаменитой парадигмы У. Черчилля о трех окружностях британской внешней политики и смещение колониальной сферы на третье место после англо-американских отношений и европейских дел свидетельствовала о переосмыслении политическим истеблишментом страны общего курса и роли Великобритании в мире. Такая рефлексия продолжится и в последующий период, заставляя британские правящие круги искать новые формы сотрудничества с европейскими странами континента и Содружеством.

Продолжение разработки феномена британской деколонизации как многосоставного явления и его влияния на европейскую интеграцию представляется перспективным направлением в научном и прикладном значениях. На фоне неопределенности будущей роли и места Великобритании в европейской политике в связи с Брекситом, противоречий между ЕС и США по вопросам создания Трансатлантической зоны свободной торговли и поиском рецепта решения иммиграционных вопросов могут оказаться востребованными идеи британских политиков 1950-х гг. и опыт деколонизации Британской империи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. ИСТОЧНИКИ

Документы делопроизводства

Неопубликованные документы и документы в электронной форме хранения, находящиеся в режиме открытого доступа

Национальный архив Соединенного Королевства

The Cabinet Papers

Clement Attlee. 1945-1951.

1. CAB 128/1 – CAB 128/21

2. CAB 129/1 – CAB 129/47

Winston Churchill. 1951-1955.

3. CAB 128/23 – CAB 128/28

4. CAB 129/48 – CAB 129/74

Anthony Eden. 1955-1957.

5. CAB 128/29 – CAB 128/30

6. CAB 129/75 – CAB 129/84

Harold Macmillan. 1957-1963.

7. CAB 128/31 – CAB 128/37

8. CAB 129/85 – CAB 129/114

Alec Douglas-Home. 1963-1964.

9. CAB 128/38

10. CAB 129/115 – CAB 128/149

Архив Жана Монне, Лозанна, Швейцария

11. АМК 78/3/14-25

12. АМК 78/4/1-7

13. АМК 79/2/13-61

14. АМК 84/2/35-38

15. АМК 85/1/82-89

16. АМК 85/5/1-9
17. АМК 85/5/17-34
18. АМК 85/6/1-12
19. АМК 86/3/1-9
20. АМК 87/2/1-6
21. АМК 80/2/19-63
22. АМК 81/1/1-23
23. АМК 82/2/2-26
24. АМК 84/1/31-41

Архив внешней политики РФ (АВП РФ)

25. Ф 69. Референтура по Англии. О. 36. П. 122. Д. 1.
26. Ф 69 О. 36. П.116. Д. 2.
27. Ф 69 О. 36. П. 116. Д. 3.
28. Ф 69 О. 36. П. 116. Д. 4.
29. Ф 69 О. 36. П. 116. Д. 5.
30. Ф 69. О. 36. П.116. Д. 5.
31. Ф 69 О. 37. П. 123. Д. 6.
32. Ф 69 О. 37. П. 123. Д. 7.
33. Ф 69 О. 37. П. 123. Д. 8.
34. Ф 69 О. 37. П. 124. Д. 7.
35. Ф 69 О. 37. П. 124. Д. 9.
36. Ф 69 О. 37. П. 124. Д. 10.
37. Ф 69 О. 37. П. 124. Д. 11.
38. Ф 69 О. 38. П. 128. Д. 1.
39. Ф 69 О. 38. П. 128. Д. 2.
40. Ф 69 О. 38. П. 128. Д. 3.
41. Ф 69 О. 38. П. 128. Д. 4.
42. Ф 69 О. 51. П. 185. Д. 15
43. Ф 69 О. 51. П. 185. Д. 16

44. Ф 69 О. 51. П. 185. Д. 17

45. Ф 69 О. 51. П. 185. Д. 18

Archive of European Integration. URL: <http://aei.pitt.edu/> (Архив европейской интеграции)

46. Hansard 1803-2005. Great Britain. Parliament. House of Commons. Parliamentary Debates: Official Report. URL: <http://hansard.millbanksystems.com/> (стенограммы заседаний Палаты общин)

47. Journals of the House of Commons. Vol. 200-222. URL: <http://www.publications.parliament.uk/pa/cm/cmjournal.htm> (стенограммы Палаты общин)

48. Immigration Legislation in Britain. URL: <http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/+/http://www.movinghere.org.uk/galleries/histories/caribbean/journeys/legislation.htm> (документы Иммиграционного законодательства Британии)

49. University of Wisconsin Digital Collections. URL: <http://uwdc.library.wisc.edu/collections/FRUS> (оцифрованные документы серии «Foreign Relations of the United States»)

50. FRUS. 1945. Vol. IV. The Europe. Wash., 1945.

51. FRUS. 1945. Vol. V. The Europe. Wash., 1945.

52. FRUS. 1945. Vol. VI. The British Commonwealth, the Far East. Wash., 1945.

53. FRUS. 1946. Vol. V. British Commonwealth, Western and Central Europe. Wash., 1946.

54. FRUS. 1947. Vol. III. British Commonwealth, Western Europe. Wash., 1947.

55. FRUS. 1948. Vol. III. Western Europe. Wash., 1974.

56. FRUS. 1949. Vol. IV. Western Europe. Wash., 1974.

57. Office of the Historian. // U.S. Department of State. URL: <https://history.state.gov/>

58. FRUS. 1950. Vol. III. Western Europe. Wash., 1977.
59. FRUS. 1951. Vol. IV. Part 1. Europe: Political and Economic Developments. Wash., 1981.
60. FRUS. 1951. Vol. IV. Part 2. Europe: Political and Economic Developments. Wash., 1981.
61. FRUS. 1952-1954. Vol. V. Part. 1-2. Western European Security. Wash., 1986.
62. FRUS. 1952-1954. Vol. VI. Part. 1-2. Western Europe and Canada. Wash., 1986.
63. FRUS. 1955-1957. Western European Security and Integration. Volume IV. Wash., 1986.
64. FRUS. 1955-1957. Suez Crisis. Vol. XVI. Wash., 1990.
65. FRUS. 1955-1957. Vol. XXVII. Western Europe and Canada. Wash., 1992.
66. FRUS. 1958-1960. Vol. VII. Part 1. Western European Integration and Security, Canada. Wash., 1993.
67. FRUS. 1958-1960. Vol. VII. Part 2. Western Europe. Wash., 1993.
68. FRUS. 1961-1963. Vol. XIII. Western European and Canada. Wash., 1994.
69. FRUS. 1961-1963. Vol. XXI. Africa. Wash., 1995.
70. Spartacus Educational. URL: <http://spartacus-educational.com> (сайт Проекта Спартакус – оцифрованной коллекции исторических документов и учебных материалов)
71. The Churchill Centre. URL: <http://www.winstonchurchill.org/> (сайт Центра Уинстона Черчилля)
72. Cold War International History Project. Wilson Centre. URL: <http://www.wilsoncenter.org/program/cold-war-international-history-project> (сайт Международного проекта по изучению Холодной войны и Центра В. Вильсона)

Опубликованные документы

73. Ближневосточный конфликт: Из документов архива внешней политики РФ, 1947-1967 гг. в 2 тт. Т. 1: 1947-1956 / Отв. ред. В. В. Наумкин. – М.: МВД, 2003. – 608 с.

74. Ближневосточный конфликт: Из документов архива внешней политики РФ, 1947-1967 гг. в 2 тт. Т. 2: 1957-1967 / Отв. ред. В. В. Наумкин. – М.: МВД, 2003. – 704 с.

75. Венский вальс холодной войны (вокруг встречи Н. С. Хрущева и Дж. Ф. Кеннеди в 1961 г. в Вене): документы. / Федеральное архивное агентство, Российский гос. архив новейшей истории, Ин-т Людвиг Бальцманна по исслед. последствий войн, Ин-т всеобщей истории РАН; Сост.: М. Ю. Прокуменщиков. Редколл. С. Карнер и др. – М.: РОССПЭН, 2011. – 750 с.

76. Визит канцлера Аденауэра в Москву, 8-14 сентября 1955 г.: документы и материалы. Отв. ред. А. В. Загорский. – М.: Права человека, 2005. – 231 с.

77. Выступления глав делегаций СССР/РФ на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН. Сб. д-тов. – М.: Международные отношения, 2006. – 828 с.

78. Документы внешней политики СССР. – Т. 3. – М.: Политиздат, 1959. – 723 с.

79. Движение неприсоединения в документах и материалах. Изд. 2-е испр. и доп. – М.: Наука, 1979. – 432 с.

80. Европейский Союз. Прошлое. Настоящее. Будущее. Договоры, учреждающие Европейские Сообщества. Отв. ред. Ю. А. Борко. – М.: Международная издательская группа «Право», 1994. – 401 с.

81. Печатнов В. О., Магадеев И. Э. Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Второй мировой войны. Документальное исследование. Т. 1. / В. О. Печатнов, И. Э. Магадеев. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. – 656 с.

82. Печатнов В. О., Магадеев И. Э. Переписка И. В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Второй мировой войны. Документальное исследование. Т. 2. / В. О. Печатнов, И. Э. Магадеев. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. – 758 с.

83. Поздеева Л. В. Виконт Галифакс сообщает. // Новая и новейшая история. – 2012. – №6. – С. 197-203.

84. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945-1956. Редколлегия: О. В. Хлевнюк, Й. Горлицкий и др. Серия «Документы советской истории». М., 2002.

85. Президиум ЦК КПСС 1954–1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. / Рос. акад. наук, Отд. историко-филологических наук, Фед. арх. агентство, Рос. гос. архив новейшей истории; редкол.: А. А. Фурсенко (гл. ред.) и др. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН) 2003. – 1344 с.

86. Президиум ЦК КПСС 1954-1964. Т. 2. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. 1954–1958. / Рос. акад. наук, Отд. историко-филологических наук, Фед. арх. агентство, Рос. гос. архив новейшей истории; редкол.: А. А. Фурсенко (гл. ред.) и др. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – 1118 с.

87. Президиум ЦК КПСС 1959–1964. Т. 3. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. / Рос. акад. наук, Отд. историко-филологических наук, Фед. арх. агентство, Рос. гос. архив новейшей истории; редкол.: А. А. Фурсенко (гл. ред.) и др. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2008. – 1270 с.

88. Россия и Африка: Документы и материалы, XVIII в. – 1960 г. В 2 т. Под ред. А.Б. Давидсона, С.В. Мазова. Т. 2. 1918-1960 гг. – М.: ИВИ РАН, 1999. – 400 с.

89. Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918-2003. / Отв. ред. А. Д. Богатуров. Том 4. Документы.

1945-2003 / Сост. Е. Г. Капустян, А. В. Мальгин, А. А. Соколов. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2004. – 598 с.

90. Советский Союз и Венгерский кризис 1956 г. Документы /Ред.-сост. Е. Д. Орехова и др.; Редкол.: Т. М. Исламов (отв. ред.) и др.; Вступ. ст. и науч. коммент. В. Т. Середы, А. С. Стыкалина; Рос. АН, Ин-т славяноведения; Венгерская АН, Ин-т ист.; Архив Президента Рос. Фед. – М., 1998. – 863 с.

91. Советский Союз в Организации Объединенных Наций. В 2-х т. Т.1. Под ред. А. С. Протопопова. – М.: Наука, 1965. – 456 с.

92. Советский Союз в Организации Объединенных Наций. В 2-х т. Т.2. Под ред. С. И. Вискова. – М.: Наука, 1965. – 671 с.

93. Суэцкий канал. Сб. документов. – М.: Издательство ИМО, 1957. – 179 с.

94. Суэцкий канал: Факты и документы. – М.: Наука, 1959. – 253 с.

95. Черчилль У. Мускулы мира: Избранные речи разных лет. / У. Черчилль. – М.: ЭКСМО, 2002. – 528 с.

96. Шепилов Д. Т. Суэцкий вопрос [Выступления и заявления на Лондонской конференции и пресс-конференции в августе 1956 г.]. / Д. Т. Шепилов. – М.: Госполитиздат, 1956. – 88 с.

97. Britain and European Integration. 1945-1998. A Documentary history. Ed. by D. Gowland and A. Turner. – L. and N. Y.: Routledge, 2000. – 253 p.

98. British Conservatism: Conservative Thought from Burke to Thatcher (Documents in Political Ideas). Ed. by O’Gorman F. – L.: Addison-Wesley Educational Publishers Inc., 1986. – 256 p.

99. British Documents on the End of Empire (BDEE). Series A. Vol. 2. The Labour Government and the End of Empire. 1945-1951. Part I. High Policy and Administration. Ed. by R. Hyam. – L.: Her Majesty’s Stationary Office, 1992. – 456 p.

100. BDEE. Series A. Vol. 2. The Labour Government and the End of Empire. 1945-1951. Part II. Economics and International Relations. Ed. by R. Hyam. – L.: Her Majesty’s Stationary Office, 1992. – 519 p.

101. BDEE. Series A. Vol. 2. The Labour Government and the End of Empire. 1945-1951. Part III. Strategy, Politics and Constitutional Change. Ed. by R. Hyam. – L.: Her Majesty's Stationary Office, 1992. – 450 p.
102. BDEE. Series A. Vol. 2. The Labour Government and the End of Empire. 1945-1951. Part IV. Race Relations and the Commonwealth. Ed. by R. Hyam. – L.: Her Majesty's Stationary Office, 1992. – 406 p.
103. BDEE. Series A. Vol. 3. The Conservative Government and the End of Empire. 1951-1957. Part I. International Relations. Ed. by R. Hyam, W. R. Louis. – L.: Her Majesty's Stationary Office, 1994. – 406 p.
104. BDEE. Series A. Vol. 4. The Conservative Government and the End of Empire, 1957-1964. Part I. High Policy, Political and Constitutional Change. Ed. by R. Hyam, W.R. Louis. – L.: Her Majesty's Stationary Office, 2000. – 827 p.
105. BDEE. Series A. Vol. 4. The Conservative Government and the End of Empire, 1957-1964. Part II. Economics, International Relations, and the Commonwealth. Ed. by R. Hyam, W.R. Louis. – L.: Her Majesty's Stationary Office, 2000. – 811 p.
106. British Defence Policy since 1945 (Documents in Contemporary History). Ed. by R. Ovendale. – Manchester and N.Y.: Manchester University Press, 1994. – 697 p.
107. British Imperial Policy and Decolonization. 1938-1964. Vol. 2. 1951-1964. Ed. by A. N. Porter, A. J. Stockwell. – L.: The Macmillan press LTD, 1989. – 601 p.
108. The Churchill-Eisenhower Correspondence, 1953-1955. Ed. by P. G. Boyle. – Chapel Hill & London: University of North Carolina Press, 1990. – 402 p.
109. Documents and speeches on Commonwealth Affairs. 1952-1962. Ed. by N. Marsersgh. – L.: Oxford University Press, 1963. – 776 p.
110. Documents on the History of European Integration. Vol. II. Plans for European Union in Great Britain and in Exile. 1939-1945. – Berlin & N.Y.: de Gruyter, 1986. – 847 p.

111. The Eden-Eisenhower Correspondence, 1955-1957. Ed. by P.G. Boyle. – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2005. – 230 p.

112. Washington Despatches. 1941-1945. Weekly Political Reports from the British Embassy. Ed. by H.G. Nicholas. Introduction by I. Berlin. – Chicago: The University of Chicago Press, 1981. – 700 p.

113. Winkler A. M. The Cold War. A History in Documents. – N.Y., Oxford: Oxford University Press, 2003. – 158 p.

Пресса

114. Известия. – М., 1945 – 1964.

115. Правда. – М., 1945 – 1964.

116. Chicago Tribune. – Chicago, 1945-1964.

117. Daily Mail. – L., 1945 – 1964.

118. Evening Standard. – L., 1945 – 1964.

119. The Economist. – L., 1945 – 1964.

120. Foreign Affairs. – N. Y., 1945 – 1964.

121. The Guardian. – L., 1945-1964.

122. New York Times. – N. Y., 1945 – 1964.

123. Spectator. – L., 1945 – 1964.

124. The Telegraph. – L., 1945 – 1964.

125. The Times. – L., 1945 – 1964.

Мемуары и выступления

126. Александров-Агентов А. М. От Коллонтай до Горбачева. Под общей ред. И.Ф. Огородниковой. / А. М. Александров-Агентов. – М.: Международные отношения, 1994. – 229 с.

127. Беседы Г. К. Жукова и Дуайта Эйзенхауэра на Женевском совещании 1955 г. // Новая и новейшая история. – 1999. – №5. – С. 98-114.

128. Бовин А. Мирное сосуществование. История. Теория. Политика. / А. Бовин. – М.: Международные отношения, 1988. – 135 с.

129. Бовин А. Записки ненастоящего посла: из дневника. / А. Бовин. – М.: Захаров, 2001. – 815 с.
130. Бовин А. XX век как жизнь: воспоминания. / А. Бовин. – М.: Захаров, 2003. – 773 с.
131. Брандт В. Воспоминания. Пер. с нем. / В. Брандт. – М.: Изд-во «Новости», 1991. – 528 с.
132. Бурлацкий Ф. М. Вожди и советники: о Хрущеве, Андропове и не только о них... / Ф. М. Бурлацкий. – М.: Политиздат, 1990. – 383 с.
133. Де Голль Ш. Мемуары надежд. Обновление, 1958-1962. Усилия, 1962. Общ. ред. В. И. Антюхиной-Московченко. / Ш. де Голль. – М.: Прогресс, 2000. – 337 с.
134. Де Голль Ш. Мемуары надежд. Обновление. 1958-1962. Европа. // Новая и новейшая история. – 1994. – №4-5. – С. 299-324.
135. Громыко А. А. Памятное: В 2 кн. 2-е изд., доп. Кн. 1. / А. А. Громыко. – М.: Политиздат, 1990. – 551 с.
136. Громыко А. А. Памятное: В 2 кн. 2-е изд., доп. Кн. 2. / А. А. Громыко. – М.: Политиздат, 1990. – 557 с.
137. Даллес А. Хрущев. Кремлевский реформатор. / Аллен Даллес, Дэвид Рокфеллер, Энвер Ходжа. – М.: Алгоритм, 2012. – 301 с.
138. Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно. 2-е изд. / А. Ф. Добрынин. – М.: Международные отношения, 2008. – 709 с.
139. Кеннан Дж. Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР. Пер. с англ. / Дж. Кеннан. – М.: Центрполиграф, 2002. – 477 с.
140. Майский И. М. Дневник дипломата. В 2 кн. Кн. 1. Отв. ред. А.О. Чубарьян. / И. М. Майский. – М.: Наука, 2006. – 532 с.
141. Майский И. М. Дневник дипломата. В 2 кн. Кн. 2. Ч. 1. Отв. ред. А.О. Чубарьян. / И. М. Майский. – М.: Наука, 2009. – 489 с.

142. Майский И. М. Дневник дипломата. В 2 кн. Кн. 2. Ч. 2. Отв. ред. А.О. Чубарьян. / И. М. Майский. – М.: Наука, 2009. – 396 с.
143. Мемуары А. Идена. // Международная жизнь. – 1960. – № 2. – С. 131-141.
144. Мемуары А. Идена. // Международная жизнь. – 1960. – № 3. – С. 126-142.
145. Мемуары А. Идена. // Международная жизнь. – 1960. – № 4. – С. 129-137.
146. Мемуары А. Идена. // Международная жизнь. – 1960. – № 5. – С. 134-141.
147. Микоян А. И. Так было: размышления о минувшем. / А. И. Микоян. – М.: Вагриус, 1999. – 636 с.
148. Монне Ж. Реальность и политика: мемуары. Пер. с фр. В. Божовича. / Ж. Монне. – М.: Московская школа политических исследований, 2001. – 662 с.
149. Насер Г. А. Проблемы египетской революции. Избранные речи: 1952-1970 гг. / Г. А. Насер. – М.: Международные отношения, 1979. – 254 с.
150. Новиков Н. В. Воспоминания дипломата: (Записки о 1938-1947 гг.). / Н. В. Новиков. – М.: Политиздат, 1989. – 399 с.
151. Пейрефит А. Таким был де Голль. / А. Пейрефит. – М.: Московская школа политических исследований, 2002. – 696 с.
152. Семенова Е. В., Хавкин Б. Л. От Хрущева до Горбачева. Из дневника Чрезвычайного и Полномочного посла, заместителя министра иностранных дел СССР В. С. Семенова. // Новая и новейшая история. –2004. – №3. – С. 96-136.
153. Семенова Е. В., Хавкин Б. Л. От Хрущева до Горбачева. Из дневника Чрезвычайного и Полномочного посла, заместителя министра иностранных дел СССР В. С. Семенова. // Новая и новейшая история. –2004. – №4. – С. 84-141.
154. Сергеев Р. А. В МИД СССР. На Кузнецком мосту и Смоленской площади. / Р. А. Сергеев. – М.: РОССПЭН, 2007. – 317 с.

155. Тёрнер Ф. Дж. Фронтир в американской истории. – М.: Издательство «Весь мир», 2009. – 304 с.
156. Тойнби А. Дж. Пережитое. Мои встречи. Пер. с англ. – М.: Айрис-пресс, 2003. – 672 с.
157. Трояновский М. А. С веком наравне: Дневники. Письма. Записки. Сост. Е. Уварова-Трояновская. / М. А. Трояновский. – М.: РОССПЭН, 2004. – 303 с.
158. Трояновский О. А. Через годы и расстояния. История одной семьи. / О. А. Трояновский. – М.: Вагриус, 1997. – 380 с.
159. Фалин В. М. Без скидок на обстоятельства: Политические воспоминания. / В. М. Фалин. – М.: Республика: Современник, 1999. – 463 с.
160. Хамруш А. Революция 23 июля 1952 г. в Египте. Очерки истории. / А. Хамруш. Пер. с араб. М.: Прогресс, 1984. – 336 с.
161. Хрущев Н. С. Воспоминания: Избранные фрагменты. / Н. С. Хрущев. – М.: Вагриус, 1997. – 512 с.
162. Хрущев С. Н. Никита Хрущев. Пенсионер союзного значения. / С. Н. Хрущев. – М.: Новости, 2010. – 413 с.
163. Хрущев С. Н. Никита Хрущев. Реформатор. / С. Н. Хрущев. – М.: Время, 2010. – 1077 с.
164. Хрущев С. Н. Никита Хрущев. Рождение сверхдержавы. / С. Н. Хрущев. – М.: Время, 2010. – 638 с.
165. Хьюз Э. Визит Макмиллана в Советский Союз. / Сокр. пер. с англ. А. А. Бессмертных и В. Г. Молчанова; Вступит ст. О. Н. Прудкова; Ред. Б. Н. Антонович. / Э. Хьюз. – М.: Издательство иностранной литературы, 1959. – 186 с.
166. Черчилль У. Мировой кризис, 1918-1925 гг. Пер. с англ. / У. Черчилль. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 327 с.
167. Черчилль У. Мировой кризис: автобиография, речи. Пер. с англ. / У. Черчилль. – М.: ЭКСМО, 2003. – 765 с.

168. Черчилль У. Вторая мировая война. В 6 т. Т. 6. Триумф и трагедия. / У. Черчилль. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. – 741 с.
169. Черчилль У. Защита империи. Автобиография. Пер. с англ. / У. Черчилль. – М.: ЭКСМО, 2012. – 475 с.
170. Черчилль У. Никогда не сдаваться! Лучшие речи Черчилля. Пер. с англ. / У. Черчилль. – М.: АНФ, 2014. – 643 с.
171. Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. / Ф. Чуев. – М.: Изд. Центр «Терра», 1991. – 604 с.
172. Шуман Р. За Европу. Пер. с франц. / Р. Шуман. – М.: Московская школа политический исследований, 2002. – 95 с.
173. Acheson D. Present at the Creation. My Years in the State Department. / D. Acheson. – N.Y.: Norton, 1987. – 798 p.
174. Attlee C. Twilight of Empire: Memoirs of Prime-Minister Clement Attlee. / C. Attlee. – L.: Greenwood, 1978. – 274 p.
175. Bohlen C. Witness to the History, 1929-1969. / C. Bohlen. – N.Y.: Norton, 1973. – 562 p.
176. Bowie R. R. Shaping the future. Foreign policy in the age of transition. / R. R. Bowie. – N.Y., L.: 1967. – 118 p.
177. Bowles C. H. Promises to keep: My years in Public Life, 1941-1965. / C. H. Bowles. – N.Y.: Columbia University press, 1972. – 657 p.
178. Bradley B. C. Conversations with Kennedy. / B. C. Bradley. – N.Y.: W.W. Norton and Company Inc., 1976. – 255 p.
179. Churchill R. The Rise and Fall of Sir Anthony Eden. / R. Churchill. – L.: Macgibbon and Kee, 1959. – 327 p.
180. Copeland M. The Game of Nations. The amorality of Power Politics. – N.Y.: Simon and Schuster, 1969. – 318 p.
181. Douglas-Home A. The Way the Wind Blows: An Autobiography. / A. Douglas-Home. – L.: Harper Collins, 1976. – 320 p.

182. Eden A. *Memoirs. Full Circle.* / A. Eden. – L.: Cassell & Company, 1960. – 667 p.
183. Eden A. *The Reckoning.* / A. Eden. – L.: Houghton Mifflin Co, 1965. – 716 p.
184. Eden A. *Facing the Dictators.* / A. Eden. – L.: Houghton Mifflin, 1962. – 659 p.
185. Eisenhower D. D. *Waging for peace. 1956-1961. The White House Years.* / D. D. Eisenhower. – N.Y.: Doubleday and Company inc., 1965. – 741 p.
186. Evans H. *Downing Street Diary. The Macmillan's years. 1957-1963.* / H. Evans. – L.: Hodder and Stoughton, 1981. – 318 p.
187. Fulbright W. *The Price of Empire.* / W. Fulbright. – N.Y.: Pantheon books, 1989. – 311 p.
188. Macmillan H. *Africa. // African Affairs.* – 1960. – Vol. 59. – No 236. – P. 191 – 200.
189. Macmillan H. *Winds of Change, 1914-1939.* / H. Macmillan. – L.: Harper and Row, 1966. – 584 p.
190. Macmillan H. *The Blast of War, 1939-1945.* / H. Macmillan. – L.: Harper Collins, 1967. – 623 p.
191. Macmillan H. *Tides of Fortune, 1945-1955.* / H. Macmillan. – L.: Macmillan, 1969. – 729 p.
192. Macmillan H. *Riding the storm. 1956-1959.* / H. Macmillan. – L.: Harper and Row Publishers, 1971. – 786 p.
193. Macmillan H. *Pointing the way. 1959-1961.* / H. Macmillan. – L.: Macmillan LTD, 1972. – 504 p.
194. Macmillan H. *At the End of the Day. 1961-1963.* / H. Macmillan. – L.: Macmillan LTD, 1973. – 572 p.
195. Maudling R. *Memoirs.* / R. Maudling. – L.: Sidgwick and Jackson, 1978. – 285 p.

196. Nicolson H. Diaries and letters, 1930-1964. / H. Nicolson. – L.: Collins, 1980. – 436 p.

197. Nutting A. Europe will not wait. A warning and a Way Out. / A. Nutting. – L.: Hollis and Carter, 1960. – 122 p.

198. Shepilov D. The Kremlin's scholar: a memoir of Soviet politics under Stalin and Krushchev / Dmitrii Shepilov; Ed. by Stephen V. Bittner; translated by Anthony Austin. New Haven; London: Yale university press, 2007. – 444 p.

Видеоресурсы Интернета

199. UK Political Info. URL: <http://www.ukpolitical.info/Historical.htm>

200. Bulganin And Khrushchev - Sightseeing In London (1956). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cZnHjNqDo-Y>

201. Bulganin And Khrushchev Complete Tour. Aka B+k Say Goodbye. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=GUY4Y5EpiPQ>

202. Visit Of Bulganin And Khrushchev - Birmingham (1956). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=q2XeH49GIJ4>

203. Bulganin And Khrushchev Depart From Portsmouth (1956). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3fWj1Twitt0>

204. Macmillan Is Prime Minister (1957). URL: https://www.youtube.com/watch?v=NzZ4_YZHk0g

205. Prime Minister Macmillan's Moscow Residence (1959). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VB7pAqzMRsI>

206. The SS Empire Windrush. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9F6lsLRdZ-o>

207. Notting Hill Riots 1958. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1PsNmTB4LEA>

II. ИССЛЕДОВАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ АВТОРОВ

208. Айрапетов А. Г., Горлова О. С. Денацификация Австрии после Второй мировой войны (по материалам советской оккупационной зоны). // Новая и новейшая история. – 2006. – №6. – С. 57-68.

209. Актуальные проблемы Западной Европы: экономика, политика, идеология. Под ред. Ю. А. Борко. Реферат. сб. Вып. 1. М.: ИНИОН, 1989. – 245 с.

210. Актуальные проблемы Западной Европы: экономика, политика, идеология. Под ред. Ю. А. Борко. Реферат. сб. Вып. 2. М.: ИНИОН, 1989. – 238 с.

211. Актуальные проблемы Западной Европы: экономика, политика, идеология. Под ред. Ю. А. Борко. Реферат. сб. Вып. 3. М.: ИНИОН, 1989. – 249 с.

212. Аршинцева О. А. Британская империя: проблема извлечения исторических уроков. // Дневник АШПИ. – 2005. – № 21. – С. 009-012.

213. Барановский В. Г. Европейское сообщество в системе международных отношений. / В. Г. Барановский. – М.: Наука, 1993. – 320 с.

214. Барановский В. Г. Западная Европа: военно-политическая интеграция. – / В. Г. Барановский. – М.: Международные отношения, 1985. – 200 с.

215. Безопасность Европы. / Под ред. В. В. Журкина. – М.: Издательство «Весь мир», 2011. – 748 с.

216. Беляев И. П. Египет: время президента Насера. / И. П. Беляев. – М.: Мысль, 1981. – 368 с.

217. Бёрк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. / Э. Бёрк. – М.: Рудомино, 1993. – 144 с.

218. Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталева М. А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. / А. Д. Богатуров, Н. А. Косолапов, М. А. Хрусталева. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2002. – 384 с.

219. Бойко В. С. Третья англо-афганская война 1919 г. и отношения Великобритании и Афганистана в последующий период. // Современная Россия и мир: альтернативы развития (разрешение межгосударственных конфликтов: актуальный опыт истории и современность). Серия «ДНЕВНИК АЛТАЙСКОЙ ШКОЛЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ». – Барнаул, 2011. – С. 99-103.
220. Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы. Под общ. ред. Ал. А. Громыко и В. П. Фёдорова. – М.: Издательство «Весь мир», 2014. – 704 с.
221. Борко Ю. А. Экономическая интеграция и социальное развитие в условиях капитализма. / Ю. А. Борко. – М.: Наука, 1984. – 256 с.
222. Борхардт К.-Д. Европейская интеграция. Происхождение и развитие Европейского Союза. / К.-Д. Борхардт. – М.: Междунар. изд. группа «Право»: Фонд «Правовая культура», 1996. – 106 с.
223. Браун А. Консерваторы у власти в 1951-1962 гг. Пер. с англ. / А. Браун. – М.: Прогресс, 1964. – 255 с.
224. Брендон П. Упадок и разрушение Британской империи 1781-1997. Пер. с англ. М. Жуковой. / П. Брендон. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 957 с.
225. Быстрова Н. Е. СССР и формирование военно-блокового противостояния в Европе (1945-1955 гг.). / Н. Е. Быстрова. – М.: Институт Российской истории РАН, 2007. – 538 с.
226. Вахрушев В. В. Колониальная политика империализма в послевоенный период. / В. В. Вахрушев. – М.: Соцэкгиз, 1963. – 183 с.
227. Вахрушев В. В. Национально-освободительное движение против неокOLONиализма. / В. В. Вахрушев. – М.: Международные отношения, 1986. – 264 с.
228. Вахрушев В. В. НеокOLONиализм и международные организации. / В. В. Вахрушев – М.: Международные отношения, 1968. – 223 с.
229. Великобритания. Отв. ред. С. П. Мадзоевский, Е. С. Хесин. – М.: Мысль, 1981. – 429 с.

230. Великобритания: эпоха реформ. Под ред. Ал. А. Громыко. – М.: Издательство «Весь мир», 2007. – 536 с.
231. Веттиг Г. Н. С. Хрущев и Берлинский кризис 1958-1963 гг.: политика угроз и возведение Берлинской стены. / Г. Веттиг – М.: РОССПЭН, 2007. – 400 с.
232. Волков М. Н., Лекаренко О. Г. Американская крепость Европа: Политика США по укреплению оборонного потенциала стран Западной Европы (1947-1955 гг.). / М. Н. Волков, О. Г. Лекаренко. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. – 280 с.
233. Выборы во всем мире. Электоральная свобода и общественный прогресс. Энциклопедический справочник. / Сост. А.А. Танин-Львов. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – 1112 с.
234. Гайдук И. В. В лабиринтах холодной войны: СССР и США в ООН, 1945-1965 гг. / И. В. Гайдук. – М.: ИВИ РАН, 2012. – 340 с.
235. Галкин А. А., Рахшмир П. Ю. Консерватизм в прошлом и настоящем: о социальных корнях консервативной волны. / А. А. Галкин, П. Ю. Рахшмир. – М.: Наука, 1987. – 204 с.
236. Гилберт М. Черчилль: биография. Пер. с англ. / Гилберт М. – М.: КоЛибри, 2015. – 1053 с.
237. Гогитидзе И. В. Британская политика «к востоку от Суэца», 1970-е-первая половина 1980-х гг. / И. В. Гогитидзе. – М.: Наука, 1989. – 167 с.
238. Гобсон Дж. Империализм. Пер. с англ. С предисловием к русскому изданию В. Б. Беленко. Изд. третье. / Дж. Гобсон. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 228 с.
239. Горбик В. А. Консервативная и либеральная партии в политической системе послевоенной Англии. / В. А. Горбик. – Киев: Наукова Думка, 1977. – 224 с.
240. Громыко Ал. А. Политическая модернизация Великобритании: от Вестминстерской модели к плюральной модели демократии. ДИЕ РАН № 158. / Ал. А. Громыко. – М.: ИЕ РАН – Издательство «Огни ТД», 2005. – 160 с.

241. Громыко Ал. А. Модернизация партийной системы Великобритании. / Ал. А. Громыко. – М.: Весь мир, 2007. – 330 с.
242. Громыко Ал. А. Великобритания: после захода солнца. // Россия в глобальной политике. – 2005. – Том 3. – №6. – С. 10-23.
243. Громыко А. А. Африка в мировой политике. / А. А. Громыко. – М.: Наука, 1986. – 238 с.
244. Давидсон А. Б., Филатова И. И. Россия и Южная Африка: три века связей. / А. Б. Давидсон, И. И. Филатова. – М.: Издат. дом Гос. ун-та - Высш. школы экономики, 2010. – 330 с.
245. Давидсон А. Б., Филатова И. И. Россия и Южная Африка. Наведение мостов. / А. Б. Давидсон, И. И. Филатова. – М.: Издательский Дом Высшей школы экономики, 2012. – 490 с.
246. Давыдов В. Ф., Оберемко Т. В., Уткин А. И. США и западноевропейские «центры силы». / В. Ф. Давыдов, Т. В. Оберемко, А. И. Уткин. – М.: Наука, 1978. – 288 с.
247. Движение неприсоединения. – М.: Наука, 1985. – 423 с.
248. Дериглазова Л. В. Асимметричные конфликты: уравнение со многими неизвестными. / Л. В. Дериглазова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. – 284 с.
249. Она же. Конфликты в международных отношениях. Уч. пособие. / Л. В. Дериглазова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – 256 с.
250. Дилеммы Британии. Поиск путей развития. Под ред. Ал. А. Громыко, Е. В. Ананьевой. – М.: Издательство «Весь мир», 2014. – 459 с.
251. Дионео. Очерки современной Англии. Издание редакции журнала «Русское богатство». – СПб.: Типография Н. Н. Клобукова, 1903. – 559 с.
252. Долгилевич Р. В. Вопрос о статусе Берлина. 1944-1990 гг. // Новая и новейшая история. – 2011. – №3. – С. 34-53.
253. Егорова Н. И., Чубарьян А. О. Холодная война и политика разрядки: дискуссионные проблемы. / Н. И. Егорова, А. О. Чубарьян. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 486 с.

254. Егорова Н. И. История холодной войны. 1945-1991. / Н. И. Егорова. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2011. 224 с.
255. Ерофеев Н. А. Закат Британской империи. / Н. А. Ерофеев. – М.: Мысль, 1967. – 279 с.
256. Жигалов Б. С. И. М. Майский: портрет советского дипломата по материалам его «Дневника», писем и мемуаров. / Б. С. Жигалов. – Томск: Издательский дом Томского государственного университета, 2014. – 92 с.
257. Жигалов И. И. Современная история Великобритании (1945-1975). / И. И. Жигалов. – М.: Высшая Школа, 1978. – 191 с.
258. Жигалов И. И. Прогрессивные силы Великобритании в борьбе за разоружение и мир (1956-1964). / И. И. Жигалов. – М.: Наука, 1965. – 286 с.
259. Журкин В. В. США и международно-политические кризисы. / В. В. Журкин. – М.: Наука, 1975. – 326 с.
260. Заболотный В. М. «Имперский консенсус» первой половины XX.: последняя попытка Англии предотвратить распад Британской империи. // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. – 2012. – № 1. – С. 41-49.
261. Западная Европа и США. Очерк политических взаимоотношений. Под ред. Д. Е. Мельникова. – М.: Мысль, 1968. – 447 с.
262. Западноевропейская интеграция: политические аспекты. Отв. ред. Н. С. Кишилов. – М.: Наука, 1985. – 336 с.
263. Западная Европа: проблемы рабочих-иммигрантов: научно-аналитический обзор. – М.: ИНИОН, 1990. – 47 с.
264. Зувев В. Н. Англия и Общий рынок. Отв. ред. Е.С. Хесин. / В. Н. Зувев. – М.: Наука, 1988. – 157 с.
265. Известные дипломаты России. Министры иностранных дел – XX век. Сост. А. В. Ревякин. Отв. ред. А. В. Торкунов. – М.: Московские учебники, 2007. – 479 с.

266. История международных отношений и внешней политики СССР (1917-1987). / Отв. ред. Г. В. Фокеев. В 3-х т. – Т. 2. 1945-1970. – М.: Международные отношения, 1987. – 456 с.
267. История дипломатии. Под ред. А. А. Громыко. В 5 т. Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1974. Т. 5. В 2-х кн. Кн. 1. 1974. – 342 с.
268. История европейской интеграции (1945-1994 гг.). – М.: ИВИ РАН, 1995. – 308 с.
269. История США. В 4-х т. Т. 4. 1945-1980. / Отв. ред. В.Л. Мальков. – М.: Наука, 1987. – 744 с.
270. История Франции. В 3-х тт. Т.3. / Отв. ред. А.З. Манфред. – М.: Наука, 1973. – 599 с.
271. Капитонова Н. К., Романова Е. В. История внешней политики Великобритании. / Н. К. Капитонова, Е. В. Романова. – М.: Международные отношения, 2016. – 840 с.
272. Капитонова Н. К., Трухановский В. Г. Советско-английские отношения: 1945-1978 гг. / Н. К. Капитонова, В. Г. Трухановский. – М.: Международные отношения, 1979. – 304 с.
273. Капитонова Н. К. Визит Н. С. Хрущева и Н. А. Булганина в Великобританию в 1956 г. (по архивам Президента РФ и МИД РФ). // Новая и новейшая история. – 2010. – № 6. – С. 112-137.
274. Капитонова Н. К. Эдвард Хит – премьер-министр «неудачник». // Новая и новейшая история. – 2015. – № 4. – С. 139-156.
275. Караганов С. А. США: транснациональные корпорации и внешняя политика. Отв. ред. Г. А. Трофименко. / С. А. Караганов. – М.: Наука, 1984. – 175 с.
276. Квашнин Ю. Д. Иностранцы рабочие в Западной Европе: 1960-е – начало 1970-х гг. / Ю. Д. Квашнин. – М.: Наука, 1976. – 198 с.

277. Кирсанов А. В. США и Западная Европа. Экономические отношения после Второй мировой войны. – / А. В. Кирсанов. – М.: Междунар. отношения, 1967. – 272 с.
278. Киссинджер Г. Ядерное оружие и внешняя политика. Пер с англ. / Г. Киссинджер. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. – 511 с.
279. Киссинджер Г. Дипломатия. Пер. с англ. / Г. Киссинджер. – М.: Ладомир, 1997. – 848 с.
280. Козлов В. И. Иммигранты и этнорасовые проблемы в Британии. / В. И. Козлов. – М.: Наука, 1987. – 204 с.
281. Колосов Г. В. Военно-политический курс Англии в Европе. / Г. В. Колосов. – М.: Наука, 1984. – 240 с.
282. Консерваторы у власти: опыт Великобритании. – М.: Прогресс, 1992. – 251 с.
283. Конэн А. Р. Ввоз капитала в страны стерлинговой зоны. Пер. с англ. / А. Р. Конэн. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. – 155 с.
284. Костусьяк А. В. Великобритания и «общий рынок»: от противостояния к сближению. 1957-1973 гг. // Новая и новейшая история. – 2010. – № 4. – С. 47-62.
285. Красильников А. Н. Внешняя политики Англии и лейбористская партия (1951-1964). / А. Н. Красильников. – М.: Наука, 1968. – 435 с.
286. Он же. СССР и Англия. Советско-английские отношения в 1917-1967 гг. / А. Н. Красильников. – М.: Знание, 1967. – 47 с.
287. Кременюк В. А. Политика США в развивающихся странах. Проблемы конфликтных ситуаций 1945-1976. / В. А. Кременюк. – М.: Международные отношения, 1977. – 223 с.
288. Кузнецов Е. Л. Политика Соединенных Штатов Америки в отношении ФРГ в связи с планами создания Многосторонних ядерных сил НАТО (1960-1966 гг.). Автореферат на соиск. учен. степ...канд. ист. наук. / Е. Л. Кузнецов. – Томск: Позитив, 2005. – 26 с.

289. Крылова Н. С. Английское государство. / Н. С. Крылова. – М.: Наука, 1981. – 304 с.
290. Крылова Н. С. Содружество наций: политико-правовые проблемы. / Н. С. Крылова. – М.: Наука, 1991. – 272 с.
291. Лебедев А. А. Европейская политика Англии. // Международная жизнь. – 1976. – №3. – С. 183-186.
292. Лебедев А. А. Очерки британской внешней политики (1960-1980-е годы). / А. А. Лебедев. – М.: Международные отношения, 1988. – 303 с.
293. Лекаренко О. Г. США и процесс объединения стран Западной Европы в 1955-1963 гг. / О. Г. Лекаренко. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. – 408 с.
294. Лекаренко О. Г. Подготовка США к «раунду Кеннеди» в ГАТТ // Вестник Томского государственного университета. – № 381. – 2014. – С. 128-135.
295. Ленько А. В. Соединенное Королевство Великобритании и Ирландии. Эпоха выбора между империализмом и либерализмом. 1968 – 1918. / А. В. Ленько. – СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2012. – 376 с.
296. Ливен Д. Империи и власть. Размышляя над современной историографией истории империй. // В поисках истины. Сб. к юбилею академика А. О. Чубарьяна. – М.: Наука, 2012. – С. 279-301.
297. Липкин М. А. Британия в поисках Европы: долгий путь в ЕЭС, 1957-1974 гг. / М. А. Липкин. – СПб.: Алетейя, 2009. – 240 с.
298. Липкин М. А. Советский Союз и европейская интеграция: середина 1940-х - середина 1960-х годов. / М. А. Липкин. – М.: ИВИ РАН, 2011. – 304 с.
299. Липкин М. А. Европейская интеграция и советские экономические инициативы (1950-е — первая половина 1970-х годов). По новым материалам российских и зарубежных архивов. // Новая и новейшая история. – 2009. – № 3. – С. 47–64.
300. Лицарева Е. Ю. Экономическая интеграция на Европейском континенте и Азиатско-Тихоокеанском регионе во второй половине XX века. / Е. Ю. Лицарева – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. – 219 с.

301. Лундестада Г. Восток, Запад, Север, Юг. Основные направления международной политики. 1945-1996. Пер. с англ. / Г. Лундестада. – М.: Весь мир, 2002. – 360 с.
302. Мазов С. В. Политика СССР в Западной Африке, 1956-1964: неизвестные страницы истории холодной войны. / С. В. Мазов. – М.: Наука, 2008. – 335 с.
303. Маклэйн Д. Внешняя политика Англии после Суэца. Пер. с англ. М. М. Кобрина. / Д. Маклэйн. – М.: Прогресс, 1972. – 460 с.
304. Малахов В. С. Интеграция мигрантов: концепции и практики. / В. С. Малахов. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2015. – 272 с.
305. Малахов В. С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. / В. С. Малахов. – М.: Новое литературное обозрение, Институт философии РАН, 2014. – 232 с.
306. Малышева Н. С. Политика США в отношении европейской экономической интеграции (1945-1951 гг.). / Н. С. Малышева. – Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2014.- 116 с.
307. Мальков В. Л. «Манхэттенский проект»: разведка и дипломатия. / В. Л. Мальков. – М.: Наука, 1995. – 269 с.
308. Мальков В. Л. Россия и США в XX в.: очерки истории межгосударственных отношений и дипломатии в социокультурном контексте. / В. Л. Мальков. – М.: Наука, 2009. – 494 с.
309. Манфред И. А. Париж-Бонн. Франко-западногерманские отношения во внешней политике пятой республики. 1958-1968. / И. А. Манфред. – М.: Наука, 1970. – 184 с.
310. Манчестер У., Рейд П. Уинстон Спенсер Черчилль. Защитник королевства. Вершина политической карьеры. 1940-1965. Пер. с англ. / У. Манчестер, П. Рейд. – М.: Центрполиграф, 2016. – 1181 с.
311. Матвеев В. М. Британская дипломатическая служба. 2-е изд., перераб. и доп. / В. М. Матвеев. – М.: Международные отношения, 1990. – 222 с.

312. Матвеев В. А. Британия вчера и сегодня. / В. А. Матвеев. – М.: Международные отношения, 1989. – 256 с.
313. Медведко Л. И. К востоку и западу от Суэца: Закат колониализма и маневры неоколониализма на Арабском Востоке. / Л. И. Медведко. – М.: Политиздат, 1980. – 368 с.
314. Международные отношения после Второй мировой войны. В 3-х т. Т. 3. 1956-1964 гг. Под ред. Д. Е. Мельникова и Д. Г. Томашевской. – М.: Политиздат, 1965. – 777 с.
315. Миграции и мигранты в мире капитала: исторические судьбы и современное положение: Сб. науч. тр. Редкол.: Черников И. Ф. (отв. ред.) и др. – Киев: Наукова думка, 1990. – 184 с.
316. Мир в XX веке. Отв. ред. А. О. Чубарьян. – М.: Наука, 2001. – 486 с.
317. Мирошников С. Н. Институты Европейского союза: Европейский парламент, Европейский совет, Совет, Европейская комиссия – структура, функции, процесс принятия решений: Учебное пособие. / С. Н. Мирошников. – Томск: Томский государственный университет, 2011. – 176 с.
318. Мирский Г. И. Армия и политика в странах Азии и Африки. / Г. И. Мирский. – М.: Наука, 1970. – 347 с.
319. Мирский Г. И., Степанов Л. В. О перспективах экономического сотрудничества стран Азии и Африки. / Г. И. Мирский, Л. В. Степанов. – М.: Госполитиздат, 1958. – 78 с.
320. Михеев В. С. США, Франция и европейская безопасность. / В. С. Михеев. – М.: Наука, 1993. – 192 с.
321. Молчанов Н. Н. Четвертая республика. / Н. Н. Молчанов. – М.: Соцэкгиз, 1963. – 606 с.
322. Молчанов Н. Н. Саарский вопрос (1945-1957 гг.). Под. ред. Д. Е. Мельникова. / Н. Н. Молчанов. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 346 с.
323. Молчанов Н. Н. Внешняя политика Франции (пятая республика). / Н. Н. Молчанов. – М.: Изд-во Института международных отношений, 1961. – 120 с.

324. Наринский М. М. Нейтрализм в годы «холодной войны»: альтернатива французских интеллектуалов. // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. – М.: Наука, 1992. – С. 107-118.
325. Наринский М. М. Советский Союз и Суэцкий кризис 1956 г. Новые данные. // Новая и новейшая история. – 2004. – №2. – С. 54-66.
326. Никитин М. Д. Черная Африка и британские колонизаторы: столкновение цивилизаций. – Саратов: Научная книга, 2009. – 392 с.
327. Ди Нольфо Э. История международных отношений (1918-1999 гг.): В 2 т. / Пер. с итал. Г. М. Михайловой, Т. В. Павловой; Под ред. М. М. Наринского. Т.2. / Э. ди Нольфо. – М.: Логос, 2003. – 737 с.
328. Обичкина Е. О. Внешняя политика Франции от де Голля до Саркози (1940-2012): научное издание. / Е. О. Обичкина. – М.: Аспект-Пресс, 2012. – 381 с.
329. Овинников Р. С. Хозяева английской политики. Финансовая олигархия и внешняя политика Англии после Суэца. 1957-1966 гг. / Р. С. Овинников. – М.: Международные отношения, 1966. – 432 с.
330. Овсянников П. Ю. Иммиграционное законодательство и государственное противодействие нелегальной иммиграции в США во второй половине XX-начале XXI вв. Автореферат на соиск. степ. канд. юрид наук. / П. Ю. Овсянников. – Нижний Новгород, 2012. – 31 с.
331. Осипов В. Д. Британия глазами русского. / Осипов В. Д. – М.: АПН, 1977. – 208 с.
332. Остапенко Г. С. Актуальные проблемы общественно-политической жизни Великобритании во второй половине XX в. / Г. С. Остапенко. – М.: ИВИ РАН, 2002. – 178 с.
333. Остапенко Г. С. Британские консерваторы и деколонизация. / Рос. АН, Ин-т всеобщей истории. / Г. С. Остапенко. – М.: ИВИ РАН, 1995. – 174 с.
334. Остапенко Г. С., Прокопов А. Ю. Новейшая история Великобритании: XX – начало XXI в.: Учебное пособие. / Г. С. Остапенко, А. Ю. Прокопов. – М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2012. – 472 с.

335. От миропорядка империй и имперскому миропорядку. / Отв. ред. Ф. Г. Войтоловский, П. А. Гудев, Э. Г. Соловьев. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. – 205 с.
336. Очерки о европейской идентичности и многокультурности: сб. под ред. М. Ю. Мартыновой. – М.: ИЭА РАН 2013. – 480 с.
337. Павленко А. П. Европейские иммигранты в Великобритании. // Расы и народы. – 1976. – № 6. – С. 162-173.
338. Парфенов И. Д. Английские лейбористы и неоколониализм. / И. Д. Парфенов. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1969. – 79 с.
339. Рах Africana: континент и диаспора в поисках себя: сборник научных статей / Гос. ун-т - Высш. шк. экономики; отв. ред. А. Б. Давидсон. – М.: Изд. Дом Гос. Ун-та – Высш. Шк. Экономики, 2009. – 437 с.
340. Пелипась М. Я. Скованные одной цепью: США и Великобритания на Ближнем и Среднем Востоке в 1945-1956 гг. / М. Я. Пелипась. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – 364 с.
341. Перегудов С. П. Антивоенное движение в Англии и лейбористская партия. / С. П. Перегудов. – М.: Наука, 1969. – 247 с.
342. Печатнов В. О. От союза - холодной войне: советско-американские отношения в 1945-1947 гг. / В. О. Печатнов. – М.: МГИМО-Университет, 2008. – 184 с.
343. Печатнов В. О. Франклин Рузвельт глазами британской дипломатии (или этюд в стиле юбиляра). // Многоликость целого: из истории цивилизаций Старого и нового Света. Сб. в честь В.Л. Малькова. – М., 2011. – С. 310-326.
344. Печатнов В. Возвращение в Фултон. // Россия в глобальной политике. – 2006. – №2. – С. 8-19.
345. Пилько А. В. НАТО и Берлинский кризис 1958-1961 гг. // Новая и новейшая история. – 2012. – №1. – С. 82-97.

346. Подвинцев О. Б. Шагающие не в ногу. Из истории политической борьбы в стане британских консерваторов во второй-третьей четверти XX столетия. / О. Б. Подвинцев. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1999. – 142 с.
347. Поздняков Э. А. Молодые государства Азии и Африки в ООН. / Э. А. Поздняков. – М.: Наука, 1971. – 151 с.
348. Политика Англии в Африке. Отв. ред. Т. Л. Бондаревский. – М.: Наука, 1967. – 260 с.
349. Портнягин Д. И. Лейбористская партия Великобритании и проблемы африканского национализма (1945–1951 гг.). // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. – 2012. – № 8. – С. 71–78.
350. Портнягин Д. И. «Левые понимают левых», или о влиянии советского фактора на формирование внешнеполитического курса лейбористского правительства К. Эттли. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология и международные отношения. – 2011. - № 4. С. 70 – 75.
351. Примаков Е. М., Арутюнов Р. А. Поучительный урок (вооруженная агрессия против Египта). / Е. М. Примаков, Р. А. Арутюнов. – М.: Госполитиздат, 1957. – 56 с.
352. Примаков Е. М. Восток после краха колониальной системы. / Е. М. Примаков. – М.: Наука, 1982. – 208 с.
353. Примаков Е. М. Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами. / Е. М. Примаков. – М.: Центрполиграф, 2016. – 530 с.
354. Притт Д. Н. Очерки внешней и внутренней политики лейбористов в 1945-1951 гг. Сокр. пер. с англ. И. Г. Гуровой и В. В. Исаакович. / Д. Н. Притт – М.: Прогресс, 1964. – 422 с.
355. Проблемы британской истории. Сб. / АН СССР, Ин-т всеобщей истории. Отв. ред. И. И. Жигалов. – М.: Наука, 1972. – 335 с.
356. Проблемы британской истории. Сб. / АН СССР, Ин-т всеобщей истории. Отв. ред. И. И. Жигалов. – М.: Наука, 1974. – 264 с.

357. Проблемы британской истории. Сб. / АН СССР, Ин-т всеобщей истории. Отв. ред. И. И. Жигалов. – М.: Наука, 1980. – 309 с.
358. Проблемы британской истории. Сб. / АН СССР, Ин-т всеобщей истории. Отв. ред. И. И. Жигалов. – М.: Наука, 1982. – 267 с.
359. Проблемы британской истории. Сб. / АН СССР, Ин-т всеобщей истории. Отв. ред. И. И. Жигалов. – М.: Наука, 1984. – 288 с.
360. Проблемы британской истории. Сб. / АН СССР, Ин-т всеобщей истории. Отв. ред. И. И. Жигалов. – М.: Наука, 1987. – 291 с.
361. Проден Е. Ю. Провал ратификации Договора о создании Европейского оборонительного сообщества во французском Национальном собрании в 1954 г. // Американские исследования в Сибири. Вып. 7. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – С. 86-100.
362. Проден Е. Ю. Политика Франции в отношении европейской военно-политической интеграции в контексте трансатлантических отношений (1948-1954 гг.). Автореферат на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. / Е. Ю. Проден. – Томск: Позитив, 2007. – 27 с.
363. Пядышев Б. Проблемы. Нью-Йорк. Осень 1960 г. Хрущев потрясает ООН. // Международная жизнь. – 2003. – № 12. – С. 115-131.
364. Он же. Хрущев в ООН. Крепость устояла. // Международная жизнь. – 2004. – № 2. – С. 56-69.
365. Развитие интеграционных процессов в Европе и Россия. Проблемно-тематический сб. – М.: ИНИОН РАН, 1996. – 308 с.
366. Рахшмир П. Ю. Панорама политической науки. Пермская школа. Консерватизм и либерализм: метаморфозы консенсуса. // Полис. Политические исследования. – 2005. – №5. – С. 60-79.
367. Распад Британской империи. – М.: Наука, 1964. – 647 с.
368. Робин К. Реакционный дух. Консерватизм от Эдмунда Бёрка до Сары Пэйлин. Пер с англ. М. Рудакова, И. Кушнаревой, К. Бандуровского. / К. Робин. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. – 312 с.

369. Россия и Британия. Чтения памяти Ерофеева Н.А. / Рос. АН Ин-т всеобщей истории. Ассоциация Британских исследований. Отв. ред. В. Г. Трухановский. Вып. 2. – М.: Наука. 2000. – 187 с.

370. Россия и Британия. В мире английской истории. Памяти академика В. Г. Трухановского. Вып. 3. / Отв. ред. А. Б. Давидсон; Ин-т Всеобщей истории. – М.: Наука. 2002. – 480 с.

371. Россия и Британия. Вып. 4. Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории, Ассоц. брит. исслед.; отв. ред. и сост. А. Б. Давидсон. – М.: Наука, 2006. – 352 с.

372. Россия и Британия Вып. 5. / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории, Ассоц. брит. исслед.; отв. ред. и сост. А. Б. Давидсон. – М.: Наука, 2010. – 510 с.

373. Рубинский Ю. И. Франция. / Ю. И. Рубинский. – М.: Наука, 1973. – 463 с.

374. Рубинский Ю. И. «Общий рынок» и международные отношения. / Ю. И. Рубинский. – М.: Знание, 1963. – 38 с.

375. Рубинский Ю. И. Союз обреченных (о планах политической «интеграции» в Западной Европе). / Ю. И. Рубинский. – М.: Политиздат, 1963. – 63 с.

376. Рубинский Ю. И. Пятая республика (политическая борьба во Франции в 1958-1963 гг.). Ин-т мировой экономики и междунар. отношений АН СССР. / Ю. И. Рубинский. – М.: Международные отношения, 1964. – 385 с.

377. Румянцев В. П. Ближневосточная политика США и Великобритании в 1956-1960 гг. / В. П. Румянцев. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – 356 с.

378. Румянцев В. П. Англо-американские переговоры по вопросам политики на Ближнем и Среднем Востоке (март-апрель 1957 г.) // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – №331. – С. 100-105.

379. Румянцев В. П. «Новый фронт» администрации Дж.Ф. Кеннеди на Ближнем и Среднем Востоке (1961-1963 гг.). / В. П. Румянцев. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2015. – 404 с.

380. Русанова М. И. Британская школа геополитики об «идеальных границах» империи. // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук. Материалы XXI международно-практической конференции. – 2014. – С. 302-305.
381. Рыжиков В. А. Советско – английские отношения: основные этапы истории. / В. А. Рыжиков. – М.: Международные отношения, 1987. – 276 с.
382. Садыкова Л. Р. Мусульмане в Великобритании. // Новая и новейшая история. – 2013. – № 5. – С. 204-209.
383. Сванадзе Л. Н. Великобритания: консерваторы и проблемы послевоенного развития. 1945-1955. / Л. Н. Сванадзе. – М.: Мысль, 1984. – 349 с.
384. Сили Дж. Р. Британская империя: Разделяй и властвуй! / Дж. Р. Сили. – М.: Алгоритм, 2013. – 256 с.
385. Системная история международных отношений в четырех томах. Отв. ред. А. Д. Богатуров. Том третий. События. 1945-2003. / Сост. В.И. Батюк, А. Д. Богатуров, Т. В. Бордачев. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2003. – 718 с.
386. Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как провалились проекты улучшения условий человеческой жизни. Пер. с англ. / Дж. Скотт. – М.: Университетская книга, 2005. – 566 с.
387. Советский Союз, Франция и международные кризисы пятидесятых годов XX в. [сборник научных статей]. / Моск. Гос. Ин-т международных отношений (ун-т) МИД России. / Отв. ред. М. М. Наринский, Вайс М.; пер с франц. А. Л. Семенов. – М.: МГИМО – Университет, 2005. – 134 с.
388. Современная внешняя политика США: В 2-х т. – М.: Наука, 1984. Т.2. 1984. – 479 с.
389. Современный консерватизм. / К. С. Гаджиев, С. П. Перегудов, В. А. Скороходов и др. Отв. ред. С. П. Перегудов, В. А. Скороходов. – М.: Наука, 1992. – 262 с.

390. Соколов В. А. Де Голль и США. // США – Канада. Экономика. Политика. Культура. – 2008. – № 5. – С. 80-88.
391. Соколов В. В. Распад Британской империи как перестройка геэкономической системы (1947-1972 гг.). // Вопросы экономики. – 2009. – №. 8. – С. 96-109.
392. Соколов Г. Е. Линия смерти: Провал операции «Кларет». Тайная хроника апреля 1956 г. / Г. Е. Соколов. – М.: Кучково поле, 2010. – 542 с.
393. Солодовников В. На XV Генассамблеи ООН в 1960 г. // Международная жизнь. – № 6. – С. 112-122.
394. Сорок лет Римским договорам: Европейская интеграция и Россия. / Под ред. И. Е. Лешукова (отв. ред.), Б. В. Кузнецова, А. Е. Кутейникова. – СПб.: Издательский дом «Петрополис», 1998. – 234 с.
395. Становление отечественной африканистики, 1920-е – начало 1960-х гг. Отв. ред. А.Б. Давидсон. – М.: Наука, 2003. – 391 с.
396. Степанова Н. М. Консервативная партия и рабочий класс в послевоенной Англии. Политическое влияние на массового избирателя. / Н. М. Степанова. – М.: Наука, 1972. – 176 с.
397. Степанова О. Л. «Холодная война»: историческая ретроспектива. / О. Л. Степанова. – М.: Международные отношения, 1982. – 192 с.
398. Стрежнева М. В. Великобритания и Западная Европа: политические аспекты. / Отв. ред. Н. С. Кишилов. / М. В. Стрежнева. – М.: Наука, 1988. – 188 с.
399. Субботин В. А. Великобритания и ее колонии. Тропическая Африка в 1918-1960 гг. / В. А. Субботин. – М.: Наука, Издательская фирма «Восточная литература», 1992. – 273 с.
400. Судейкин А. Г. Колониальная политика лейбористской партии Англии между двумя мировыми войнами. / А. Г. Судейкин. – М.: Наука, 1976. – 268 с.

401. Тарабрин Е. А. Новая схватка за Африку. Проблемы межимпериалистической борьбы в освободившихся странах континента. / Е. А. Тарабрин. – М.: Международные отношения, 1972. – 319 с.
402. Тененбаум Б. Черчилль на вершине власти. / Б. Тененбаум. – М.: ЭКСМО, 2014. – 512 с.
403. Толстухина А. Путь Великобритании от империи к Британскому Содружеству наций. // Дипломатическая служба. – 2012. – № 3. – С. 68-72.
404. Трухановский В. Г. Английское ядерное оружие. / В. Г. Трухановский. – М.: Международные отношения, 1985. – 230 с.
405. Трухановский В. Г. История Англии. / В. Г. Трухановский. – М.: Соцэкгиз, 1958. – 592 с.
406. Трухановский В. Г. Очерки внешней политики Англии. / В. Г. Трухановский. – М.: Учпедгиз, 1963. – 268 с.
407. Трухановский В. Г. Уинстон Черчилль. 4-е изд., доп. / В. Г. Трухановский. – М.: Международные отношения, 1989. – 452 с.
408. Трухановский В. Г. Антони Иден. / В. Г. Трухановский. – М.: Международные отношения, 1983. – 412 с.
409. Туганова О. Э. Международные отношения на Ближнем и Среднем Востоке. / О. Э. Туганова. – М.: Международные отношения, 1967. – 295 с.
410. Узнародов И. М. Лорд Рендольф Черчилль и торийская демократия. // Викторианцы: столпы британской политики XIX в. – Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского госуниверситета, 1996. – С. 154-171.
411. У. Черчилль: pro et contra, антология. / Сост., вступ. Статья, коммент. С. Н. Полторака, А. В. Зотовой. – СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2015. – 822 с.
412. Уткин А. И. Черчилль: победитель двух войн. / А. И. Уткин. – Смоленск: Русич, 1999. – 652 с.
413. Уткин А. И. Доктрины атлантизма и европейская интеграция. / А. И. Уткин. – М.: Наука, 1979. – 211 с.

414. Федорова Д. Н. Британская империя и идентичность (на материалах британской историографии). // Вопросы всеобщей истории. – 2011. – Т. 13. – С. 142-152.
415. Фергюсон Н. Империя. Чем современный мир обязан Британии. / Н. Фергюсон. – М.: АСТ: CORPUS, 2013. – 560 с.
416. Фергюсон Н. Цивилизация: чем Запад отличается от остального мира. Пер. с англ. К. Бандуровского. Под ред. И. Григера. / Н. Фергюсон. – М.: АСТ: CORPUS, 2014. – 544 с.
417. Филитов А. М. «Холодная война»: Историографические дискуссии на Западе. / А. М. Филитов. – М.: Наука, 1991. – 198 с.
418. Филитов А. М. Германия в советском внешнеполитическом планировании (1941-1990 гг.). / А. М. Филитов. – М.: Наука, 2009. – 331 с.
419. Филитов А. М. Московский визит Аденауэра 1955 г. // Россия и современный мир. – 2006. – №2 (51). – С. 177-187.
420. Филитов А. М. Каким путем пойдет Германия? Советские планы по германскому вопросу в 1953 г. // Россия XXI век. – 2008. – №2. – С. 158-177.
421. Фокеев Г. В. Внешняя политика стран Африки. / Г. В. Фокеев. – М.: Международные отношения, 1968. – 280 с.
422. Фокеев Г. В. Они не хотят уходить. Английский колониализм в Африке после второй мировой войны. / Г. В. Фокеев. – М.: Международные отношения, 1965. – 291 с.
423. Фоменко С. В. Об одной из дискуссий в британском обществе 1930-х – начала 1940-х гг. // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. – 2015. – № 4. – С. 18-28.
424. Фоменко С. В. Об изменении модели интеграции иммигрантов в современных Великобритании и Франции // *Imagines mundi*. Альманах исследований всеобщей истории XVI – XX вв. № 8. Серия Альбионика. Вып. 4. – Екатеринбург: Изд-во Ур. ун-та. 2013. – С.205-215.
425. Франция. Отв. ред. Ю. И. Рубинский. – М.: Мысль, 1973. – 463 с.

426. Фурсенко А. А. Россия и международные кризисы середины XX в. / А. А. Фурсенко. – М.: Наука, 2006. – 547 с.
427. Халоша Б. М. Военно-политические союзы империализма: Основные особенности и тенденции развития в 1970-х-начале 1980-х годов. / Б. М. Халоша. – М.: Наука, 1982. – 336 с.
428. Халфин Н. А. Создание и распад Британской колониальной империи. / Н. А. Халфин. – М.: Изд-во восточной литературы, 1961. – 104 с.
429. Хахалкина Е. В. Разработка консервативным правительством Г. Макмиллана политики в отношении европейской интеграции в условиях распада колониальной империи. 1957-1963 гг. Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. – Томск, 238 с.
430. Хесин Е. С. Англия в экономике современного капитализма (процесс приспособления к новым условиям мирового развития). / Е. С. Хесин. – М.: Наука, 1979. – 366 с.
431. Холодная война. 1945-1963 гг. Историческая ретроспектива: Сб. ст./Рос. Акад. наук. Ин-т всеобщей истории. Отв. ред. Н. И. Егорова, А. О. Чубарьян. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 640 с.
432. Худолей К. К. Внутриполитическая борьба в Великобритании (1970-74 гг.). / К. К. Худолей. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. – 159 с.
433. Чевтаев А. Г. Сталин, Рузвельт, Черчилль после Ялты: драматический финал «Большой Тройки». // *Imagines Mundi*: Альманах исследований всеобщей истории XVI-XX вв. – 2008. – Т. 6. – №3. – С. 172-198.
434. Черкашов А. С. Консервативная партия и иммиграционный вопрос в Великобритании: изменение партийной программы в рамках трудового вопроса (1959-1964 гг.). // *Вестник гуманитарного научного образования*. – 2011. – № 1. – С. 08-13.
435. Чернышов Ю. Г. Парламент и демократия: история и современность. // *Дневник АШПИ*. – 1999. – № 7. – С. 003-011.

436. Чернышов Ю. Г. Ксенофобия в условиях кризиса идентичности: к проблеме интеграции мигрантов. // Дневник АШПИ. – 2014. – № 30. – С. 36-41.
437. Чубарьян А. О. Европейская идея в истории: Проблемы войны и мира. / А. О. Чубарьян. – М.: Международные отношения, 1987. – 350 с.
438. Чубарьян А. О. XX век: Взгляд историка. / А. О. Чубарьян; Ин-т всеобщей истории РАН. – М.: Наука, 2009. – 563 с.
439. Шамшурин В. И. Консерватизм Э. Бёрка и его современные последователи. // Новое и старое в теориях социологии. Книга 1. Под ред. Ю. Н. Давыдова. – М.: Институт социологии РАН, 1999. С. 284 – 313.
440. Шеин И. Военно-промышленный комплекс Великобритании. / И. Шеин. – М.: Изд-во МГУ, 1985. – 167 с.
441. Шишков В. В. Британская империя как национальноинституциональная имперская и ее стратегии по отношению к перифериям. // Социум и власть. – 2014. – № 3 (47). – С. 52-57.
442. Шишков Ю. В. «Общий рынок»: надежды и действительность. / Ю. В. Шишков. – М.: Мысль, 1972. – 254 с.
443. Экономика и политика Англии после Второй мировой войны. – М.: Изд-во Академии наук СССР. 1958. – 664 с.
444. Эгалитаристские памфлеты в Англии середины XVIII в. Э. Бёрк. Защита естественного общества (1756 г.). Роберт Уоллес. Некоторые размышления о человеке, природе и провидении (1761 г.). – М.: Наука, 1992. – 368 с.
445. Юнгблюд В. Т., Ильин Д. М. Сенаторы Т. Коннэлли и А. Ванденберг: двухпартийный диалог в США в 1943 г. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2010. – Вып. 126. – С. 40-47.
446. Ющенко О. И. Конрад Аденауэр, Шарль де Голль и германо-французское «историческое примирение». // Разрушение и возрождение в истории

Германии и России. Серия «Германские исследования в Сибири». Вып. 7. – Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2010. – С. 192-200.

447. African Independence: The First Twenty-Five Years. / Ed. by G. M. Carter and P. O'Meara. – Bloomington: Indiana University Press and Hutchinson, 1985. – 364 p.

448. African Socialism. / Ed. by W.H. Friedland, C.G. Rosberg. – Stanford: Stanford University Press, 1964. – 313 p.

449. Aldcroft D. H. The European Economy. 1914-1970. / D. H. Aldcroft. – L.: Croom Helm, 1978. – 251 p.

450. Alderman G. Modern Britain, 1700-1983: A Domestic History. / G. Alderman. – L.: Croom Helm, 1986. – 294 p.

451. America and Western Europe: Problems and Prospects. / Ed. by K. Kaiser and H.-P. Schwartz. – Lexington: Lexington Books, 1977. – 477 p.

452. Annamethodo P. Racism in Britain: Guidance for CVS and other local development agencies. / P. Annamethodo. – L.: Councils for Voluntary Service-National Association in association with National Council for Voluntary Organisations, 1987. – 87 p.

453. Anglo-American Defence Relations. 1939-1980. The Special Relationship. Ed. by John Baylis. – N.Y.: St. Martin's Press, 1981. – 259 p.

454. Ashton N. J. Kennedy, Macmillan and the Cold War. The Irony of Interdependence. / N. J. Ashton. – L., N.Y.: Palgrave Macmillan, 2002. – 288 p.

455. Ashton N. J. Harold Macmillan and the "Golden Days" of Anglo-American Relations Revisited, 1957-1963. // Diplomatic History. – 2005. – Vol. 29. – No 4. – P. 691-723.

456. Aspinwall M. Rethinking Britain and Europe: Plurality, Elections, Party Management and British Policy on European integration. / M. Aspinwall. – N.Y.: St Martin's Press, 2004. – 200 p.

457. Aster S. Anthony Eden. Introduction by A.J.P. Taylor. / S. Aster. – N.Y.: Weidenfeld & Nicolson, 1976. – 510 p.

458. Bailkin J. Where Did the Empire Go? Archives and Decolonization in Britain. // *American Historical Review*. – 2015. – Vol. 120. – Number 3. – P. 884-899.
459. Ball S.J. Banquo's Ghost: Lord Salisbury, Harold Macmillan, and the High Politics of Decolonization, 1957-1963. // *Twentieth Century British History*. – 2005. – Vol. 16. – No 1. – P. 74-102.
460. Ball S. Portrait of the Party: The Conservative Party in Britain. 1918-1945. / S. Ball. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – 608 p.
461. Barker E. Britain in a Divided Europe. 1945-1970. / E. Barker. – L.: Weidenfeld and Nicolson, 1972. – 316 p.
462. Barnett C. The Collapse of British Power. / C. Barnett. – Gloucester: Sutton, 1972. – 643 p.
463. Bartlett C. J. The Long Retreat. A Short History of British Defence Policy, 1945-1970. / C. J. Bartlett. – L.: Macmillan, St. Martin's Press, 1972. – 306 p.
464. Bartlett C. J. British Policy in the XX Century. / C. J. Bartlett. – L.: Macmillan Education LTD, 1989. – 144 p.
465. Bauer E. The Creolisation of London Kinship: Mixed Afro-Caribbean and White British Extended Families, 1950-2003. / E. Bauer. – Amsterdam: Amsterdam University Press, 2010. – 282 p.
466. Beckman P. R. World Politics in the Twentieth century. / P. R. Beckman. – Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1984. – 374 p.
467. Begg I., Grimwade N. Paying for Europe. / I. Begg, N. Grimwade. – Sheffield: Sheffield Academic press, 1998. – 200 p.
468. Bell P. M. H. France and Britain. 1940-1994: The Long Separation. / P. M. H. Bell. – L., N.Y.: Longman, 1997. – 320 p.
469. Beloff L. Britain and European Union. Dialogue of the Deaf. / Lord Beloff. – L.: Penguin Books, 1996. – 181 p.
470. Beloff N. The General Says No. Britain's Exclusion from Europe. / N. Beloff. – L.: Collins, 1963. – 287 p.

471. Beloff N. *Transit of Britain. A Report on Britain's Changing Role in the Post-war World.* / N. Beloff. – L.: Collins, 1973. – 288 p.
472. Best G. *Churchill: A study in greatness.* / G. Best. – N.Y.: Pimlico, 2006. – 412 p.
473. Bogdanor V. *Footfalls Echoing in the Memory. Britain and Europe: The Historical Perspective.* // *International Affairs.* – 2005. – Vol. 81. – No 4. – P. 689-701.
474. Bolles B. *The Big Change in Europe.* / B. Bolles. – N.Y.: W.W. Norton and Co. Inc., 1958. – 527 p.
475. *Bowell C., Geddes A. Migration and Mobility in the European Union.* / C. Bowell, A. Geddes. – L.: Palgrave Macmillan, 2011. – 265 p.
476. Bowles Ch. *Ideas, People and Peace.* / Ch. Bowles. – N. Y.: Harper & Brothers, 1958. – 151 p.
477. *Britain and the European Communities. Background to the Negotiations.* – L.: Her Majesty's Stationary office, 1962. – 50 p.
478. *Britain: Aspects of Political and Social Life.* – Liepzig: Verl. Enzyklopedie, 1980. – 154 p.
479. *Britain, the Commonwealth and Europe: The Commonwealth and Britain's Applications to Join the European Communities.* Ed. by Alex May. – Basingstoke, N.Y.: Palgrave, 2001. – 188 p.
480. *Britain For and Against Europe. British politics and the Question of European integration.* Ed. by D. Baker and D. Seawright. – Oxford: Oxford University press, 1998. – 272 p.
481. *Britain's Failure to Enter the European Community. 1961-1963. The Enlargement negotiations and crisis in European, Atlantic and Commonwealth Relations.* Ed. by G. Wilkes. – L.: Portland, OR : Frank Cass, 1997. – 275 p.
482. *The British Empire in the 1950s: Retreat or Revival?* Ed. by M. Lynn. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2006. – 242 p.

483. British Prime-Ministers in the Twentieth century. Ed. by John P. Mackintosh. Vol. II. Churchill to Callaghan. – L.: Weidenfeld and Nicolson. 1978. – 247 p.
484. Bronstein J., Harris A. Empire, State and Society. Britain since 1830. / Bronstein J., Harris A. – L.: Wiley – Blackwell, 2012. – 342 p.
485. Brookshire J. H. Clement Attlee. / J. H. Brookshire. – Manchester: Manchester University Press, 1995. – 257 p.
486. Brown S. The Faces of Power. Constancy and Change in United States Foreign Policy from Truman to Johnson. / S. Brown. – N.Y. & L.: Columbia University Press, 1968. – 397 p.
487. Brown S. New Forces in World Politics. / S. Brown. – Wash.: The Brookings Institution, 1974. – 224 p.
488. Bulmer-Thomas V. The Economic History of Latin America since Independence. / V. Bulmer-Thomas. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 488 p.
489. Cain P. J., Hopkins A. G. British Imperialism, 1688–2000. / P. J. Cain, A. G. Hopkins. – L., N.Y.: Routledge, 2001, 2003. – 784 p.
490. Chamberlain M. E. Decolonization. Second Edition. / M. E. Chamberlain. – Oxford: Blackwell, 1999. – 140 p.
491. Campbell J. Edward Heath. A Biography. / J. Campbell. – L., N.Y.: Pilmico, 1994. – 876 p.
492. Camps M. Britain and the European Community. 1955-1963. / M. Camps. – New Jersey: Princeton University Press, 1964. – 547 p.
493. Carter B. Realism and Racism: Concepts of Race in Sociological Research. / B. Carter. – L.: Routledge, 2000. – 235 p.
494. Cell J. W. Haley: A Study in British Imperialism, 1872-1969. / J. W. Cell. – L.: Cambridge University Press, 2002. – 394 p.
495. Childs D. Britain since 1945: A Political History. / D. Childs. – L.: Penguin Books, 1979. – 308 p.

496. Churchill's "Iron Curtain" Speech Fifty Years Later. Ed. by J.W. Muller. – Columbia and L.: University of Missouri Press, 1999. – 180 p.
497. Clarke P. Hope and Glory. Britain. 1900-2000. 2d ed. / P. Clarke. – L.: Penguin Books, 2000. – 496 p.
498. Clarke P. The Last Thousand Days of the British Empire. / P. Clarke. – L.: Bloomsbury Press, 2008. – 592 p.
499. Cohen A. British Policy in Changing Africa. / A. Cohen. – L.: Routledge and Kegan Paul, 1959. – 118 p.
500. Cohen B. J. The Question of Imperialism: The Political Economy of Dominance and Dependence. / B. J. Cohen. – L.: Macmillan, 1974. – 280 p.
501. Confederation of British Industry. Britain and Europe. Vol. 1.: An Industrial Appraisal. A Study by a CBI Committee of the Implications for British Industry of Membership of the European Economic Community. – L.: Metcalfe and Cooper Ltd, 1966. – 33 p.
502. Conservative Essays. Ed. by Maurice Cowling. L.: CASSEU, 1978. – 198 p.
503. Council of Europe. Ed. by T. E. J. Kleinsorge. – Netherlands, Alphen aan den Rijn, 1970. – 244 p.
504. Cook Ch., Paxton J. European Political Facts. 1918-1973. / Ch. Cook, J. Paxton. – N.Y.: Facts on File, 1975. – 363 p.
505. Cook Ch., Stevenson J. The Longman Handbook of the Modern World: International History and Politics since 1945. / Ch. Cook, J. Stevenson. – L.: Longman, 1998. – 512 p.
506. Crowson N. J. The Conservative Party and European Integration since 1945. At the heart of Europe? / N. J. Crowson. – L., N.Y.: Routledge, 2007. – 306 p.
507. Darwin J. Britain and Decolonization. The Retreat from Empire in the Post-war World. / J. Darwin. – N.Y.: St. Martin's Press, 1988. – 383 p.

508. Darwin J. *The Empire Project. The Rise and Fall of the British-World System. 1830-1970.* / J. Darwin. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 818 p.
509. Darwin J. *Unfinished Empire: The Global Expansion of Britain.* / J. Darwin. – L.: Penguin Books, 2013. – 496 p.
510. *Decolonization and After. The British and French experience.* Ed. by W.H. Morris-Jones and Georges Fischer. – L.: Frank Cass, 1980. – 396 p.
511. Dedman M. J. *The Origins and Development of the European Union. 1945-2008: A History of European integration. Second edition.* / M. J. Dedman. – N.Y.: Routledge, 2009. – 220 p.
512. Dinan D. *Europe Recast. A History of European Union.* / D. Dinan. – L.: Lynne Rienner Publ., 2004. – 370 p.
513. Divine R. A. *Eisenhower and the Cold war.* / R. A. Divine. – Oxford: Oxford University Press, 1981. – 181 p.
514. Dorey P. *British Conservatism: the Politics and Philosophy of Inequality.* / P. Dorey. – L.: I. B. Tauris, 2011. – 320 p.
515. Edler Baumann C. *Britain faces Europe.* // *Political Science Quarterly.* – 1959. – Vol.74. – No. 3. – P. 351-371.
516. *Empire, Migration and Identity in the British World.* Ed. by Fedorowich K., Thompson A.S. – Manchester: Manchester University Press, 2013. – 336 p.
517. *The End of the European Empire. Decolonization after World War II.* Ed. by T. Smith. – Lexington: Lexington Press, 1975. – 262 p.
518. Epstein L. D. *Politics of British Conservatism.* // *The American Political Science Review.* – 1954. – Vol. 48. – No. 1. P. 27–48.
519. *Europe and the World: The External Relations of the Common Market.* Ed. by Kenneth J. Twitchett. – L.: Europa publ., 1976. – 210 p.
520. *European Migration in the Late of Twentieth Century. Historical Patterns, Actual Trends, and Social Implications.* Ed. by H. Fassmann and R. Münz. –Aldershot: Edward Elgar Publ., 1994. – 189 p.

521. The European Union and Britain. Debating the Challenges Ahead. Ed. by V. N. Koutrakou with Lucie A. Emerson. – Basingstoke: Macmillan Press, 2000. – 256 p.
522. The European Union and the Member States. Cooperation, Coordination, and Compromise. Ed. by Eleanor E. Zeff, Ellen B. Pirro. – L.: Lynne Rienner publishers Inc., 2001. – 358 p.
523. Ferrel R. H. American Diplomacy: The Twentieth Century. 4th ed. / R. H. Ferrel. – N. Y.: Norton, 1988. – 427 p.
524. Fisher N. Harold Macmillan. A Biography. / N. Fisher. – L.: Weidenfeld and Nicolson, 1982. – 404 p.
525. Fisher N. The Tory Leaders. Their Struggle for Power. / N. Fisher. – L.: Weidenfeld and Nicolson, 1977. – 209 p.
526. Forster A. Euroscepticism in Contemporary British Politics: Opposition to Europe in the British Conservative and Labor Parties since 1945. / A. Forster. – N.Y. and L.: Routledge, 2002. – 168 p.
527. From Reconstruction to Integration: Britain and Europe since 1945. Ed. by B. Brivati, H. Jones. – Leicester: Leicester University Press, 1993. – 260 p.
528. Gamble A. The Conservative Nation. / A. Gamble. – N.Y.: Routledge, 1974. – 294 p.
529. Garner R., Kelly R. British Political Parties Today. / R. Garner, R. Kelly. – Manchester and N.Y.: Manchester University Press, 1998. – 288 p.
530. Geddes A. Britain in the European Union. Second edition. / A. Geddes. – L.: Baseline Book Company, 1999. – 123 p.
531. Gelber H. G. Nations out of Empires. European Nationalism and the Transformation of Asia. / H. G. Gelber. – N.Y.: Palgrave, 2001. – 263 p.
532. George S. An Awkward Partner: Britain in the European Community. / S. George. – L., N.Y.: Clarendon Press, 1990. – 298 p.

533. Gerald Hughes R. Britain, Germany and the Cold War: the Search for a European Détente. 1949-1967. / R. Gerald Hughes. – L., N.Y.: Routledge, 2007. – 253 p.

534. Giauque J. G. Bilateral Summit Diplomacy in Western European and Transatlantic Relations, 1956-1963. // European History Quarterly. – 2001. – Vol. 31. – No 3. – P. 427-445.

535. Giauque J. G. The United States and the Political Union of Western Europe, 1958-1963. // Contemporary European History. – 2000. – Vol. 9. – No 1. – P. 93-110.

536. Gibson J. S. The Berlin Wall Crisis of 1961. // The Politics of International Crises. Ed. by W. G. Andrews. – N.Y.: Van Nostrand Reinhold, 1970. P. 122-150.

537. Gilmour I., Garnett M. Whatever Happened to the Tories. The Conservatives since 1945. / I. Gilmour, M. Garnett. – L.: Fourth Estate, 1998. – 144 p.

538. Godman J. Centuries of Human Progress Compressed into a Single Decade: Achievements Made Possible by Britain's Colonial Development and Welfare Act. // World Affairs. Vol. 120. No 1. Spring 1957. P. 21-22.

539. Goldsworthy D. Colonial Issues in British politics. 1945-1961. From "Colonial Development" to "Wind of Change". / D. Goldsworthy. – Oxford: Clarendon press, 1971. – 425 p.

540. Gowland D., Turner A., Wright A. Britain and European Integration since 1945. On the Sidelines. / D. Gowland, A. Turner, A. Wright. – L., N.Y.: Routledge, 2010. – 301 p.

541. Grayson R. S. The British Government, the channel Tunnel and European Unity, 1948-1964. // European History Quarterly. – 1996. – Vol 26. – P. 415-436.

542. Green E. H. H. Ideologies of Conservatism: Conservative Political Ideas in the Twentieth Century. / E. H. H. Green. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – 422 p.

543. Green E. H. H. *The Crisis of Conservatism. The Politics, Economics and Ideology of the British Conservative Party, 1890-1914.* / E. H. H. Green. – L., N.Y.: Routledge, 2005. – 394 p.
544. Greenwood S. *Britain and European Integration since the Second World War.* / S. Greenwood. – Manchester: Manchester University Press, 1996. – 378 p.
545. Hakim A. *The History of the African and Caribbean Communities in Britain.* / A. Hakim. – East Sussex: Wayland, 1995. – 112 p.
546. Hameso S. Y. *Development, State and Society: Theories and Practice in Contemporary Africa.* / S. Y. Hameso. – N.Y.: Authors Choice Press, 2001. – 413 p.
547. Hansen R. *Citizenship and Immigration in Postwar Britain: the Institutional Origins of a Multicultural Nation.* / R. Hansen. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 316 p.
548. Hargreaves J. D. *Decolonization in Africa.* / J. D. Hargreaves. – L., N.Y.: Longman, 1988. – 263 p.
549. *Harold Macmillan and Britain's World Role.* Ed. by R. Aldous and S. Lee. – Basingstoke: Macmillan, 1996. – 258 p.
550. *Harold Macmillan. Aspects of a Political Life.* Ed. by R. Aldous and S. Lee. – L.: Macmillan, 1999. – 264 p.
551. Hartmann F. H. *The Relations of the Nations.* / F. H. Hartmann. – N.Y.: Macmillan Press, 1957. – 637 p.
552. Hasan Ahmad S. *The United Nations and the Colonies.* / S. Hasan Ahmad. – Bombay, N.Y.: Asia Publ. House, 1974. – 458 p.
553. Hathaway R. M. *Great Britain and the United States. Special Relations since World War II.* / R. M. Hathaway. – Boston: Twayne publishers, 1990. – 172 p.
554. Havinden M., Meredith D. *Colonialism and Development. Britain and its Tropical Colonies. 1850-1960.* / M. Havinden, D. Meredith. – L., N.Y.: Routledge, 2002. – 420 p.

555. Heinlein F. British government policy and decolonization, 1945-1963: Scrutinizing the Official Mind. With a foreword by Robert Holland. / F. Heinlein. – L.: Frank Cass, 2002. – 337 p.

556. Heiser H. J. British Policy with Regard to the Unification Efforts on the European Continent. / H. J. Heiser. – Netherlands: A. W. Sythoff-Leiden, 1959. – 121 p.

557. Hopkins D. National Debates, Local Responses: the Origins of Local Concern about Immigration in Britain and the United States. // British Journal of Political Science. – 2011. – Vol. 41. – No 3. – P. 499-524.

558. Horne A. Harold Macmillan. Vol. I. 1894-1956. / Horne A. – L.: Viking Adult, 1989. 560 p.

559. Horne A. Harold Macmillan. Vol. II. 1957-1986. / A. Horne. – L.: Viking Adult, 1989. 739 p.

560. Hubbard J. P. The United States and the End of British Colonial Rule in Africa, 1941-1968. / J. P. Hubbard. – North Carolina: McFarland & Company, 2011. – 380 p.

561. Hyam R. Understanding the British Empire. / R. Hyam. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 576 p.

562. The Ideas That Shaped Post-War Britain. Ed. by D. Marquand and A. Seldon – L.: Fontana Press, 1996. – 351 p.

563. Imperial Defence. The Old World Order. 1856-1956. Ed. by G. Kennedy. – L., N. Y.: Routledge, 2008. – 338 p.

564. Jackson B. Equality and the British Left. A Study in Progressive Political Thought, 1900-1964. / B. Jackson. – Manchester: Manchester University Press, 2007. – 259 p.

565. Johnson P. The Suez war. / P. Johnson. – N.Y.: Greenberg, 1957. – 402 p.

566. Joppke C. Immigration and the Nation-State: The United States, Germany and Great Britain. / C. Joppke. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – 372 p.

567. Kahler M. Decolonization in Britain and France. The Domestic Consequences of International Relations. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1984. – 428 p.

568. Kaiser W. Using Europe, Abusing the Europeans: Britain and European Integration, 1945-1963. / W. Kaiser. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1996. – 274 p.

569. Kaplan L. S. NATO and the United States. The Enduring Alliance. / L. S. Kaplan. – Boston: Twayne publishers, 1988. – 237 p.

570. Kennedy P. M. The Rise and Fall of the Great Powers. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. / P. M. Kennedy. – N.Y.: Random House, 1987. – 687 p.

571. Kenneth H. Attlee. / H. Kenneth. – L.: Norton, 1982. – 630 p.

572. Kent J. United States Reactions to Empire, Colonialism, and Cold War in Black Africa, 1949-1957. // The Journal of Imperial and Commonwealth History. – 2005. – Vol. 33. – No 2. – P. 195-220.

573. Kirkman W. P. Unscrambling an Empire. A critique of British colonial policy. 1956-1966. / W. P. Kirkman. – L.: Chatto and Windus, 1966. – 218 p.

574. Kleiman R. Atlantic Crisis. American Diplomacy confronts a Resurgent Europe. / R. Kleiman. – N.Y.: W.W. Norton and Company Inc., 1964. – 158 p.

575. Koenig-Archibugi M. International Government as New Raison d'Etat? The Case of the European Union Common Foreign and Security Policy. // European Journal of International Relations. – 2004. – Vol. 10 (2). – P. 147-188.

576. Krause L. European Economic Integration and the US. / L. Krause. – Wash.: The Brookings Institution, 1968. – 265 p.

577. LaFeber W. America, Russia and the Cold War 1945-1984. Fifth edition. / W. LaFeber – N.Y.: Knopf, 1985. – 351 p.

578. Lawrence J. Churchill and the Empire. Portrait of an Imperialist. / J. Lawrence. – L.: Weidenfield and Nicolson, 2013. – 431 p.

579. Lee Y. S. Nationalism and Irony. Burke, Skott and Carlyle. / Y. S. Lee. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – 355 p.

580. Lenczowski G. *The Middle East in World Affairs*. 4th. ed. / G. Lenczowski. – Ithaca and L.: Cornell University Press, 1980. – 862 p.
581. Levine Ph. *The British Empire. Sunrise to Sunset*. / Ph. Levine. – L: Pearson Longman, 2007. – 252 p.
582. Lieber R. J. *British Politics and European Unity. Parties, Elites and Pressure Groups*. / R. J. Lieber. – Barkley: University of California Press, 1970. – 317 p.
583. Lindsay T. F., Harrington M. *The Conservative Party. 1918-1970*. / T. F. Lindsay, M. Harrington. – N.Y.: St. Martin's press, 1974. – 271 p.
584. Ling L. H. M. *Postcolonial International Relations. Conquest and Desire between Asia and West*. / L. H. M. Ling. – Basingstoke: Palgrave, 2002. – 269 p.
585. Lloyd T. O. *Empire to Welfare State: English History 1906-1976*. Second edition. / T. O. Lloyd. – Oxford: Oxford University Press, 1979. – 511 p.
586. Lloyd T. O. *The British Empire. 1558-1995*. Second edition. / T. O. Lloyd. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 455 p.
587. Louis R. Wm. *Imperialism at Bay: The United States and the Decolonization of the British Empire*. / R. Wm. Louis. – Oxford: Oxford University Press, 1977. – 595 p.
588. Louis R. Wm. *Ends of British Imperialism: The Scramble for Empire, Suez and Decolonization: Collected Essays*. / R. Wm. Louis. – L., N.Y.: I.B. Tauris, 2006. – 1066 p.
589. Lynch F.B. *De Gaulle's First Veto: France, the Rueff Plan and the Free Trade Area*. // *Contemporary European History*. – 2000. – Vol. 9. – No 1. – P. 111-135.
590. Maier Ch. S. *Among Empires. American Ascendancy and Its Predecessors*. / Ch. S. Maier. – Cambridge, Massachusetts, L.: Harvard University Press, 2006. – 373 p.
591. Malik S. *Representing Black Britain: Black and Asian Images on Television*. / S. Malik. – L.: SAGE Publications, 2002. – 216 p.

592. Mander J. Great Britain or Little England? / J. Mander. – Harmonds: Penguin Books, 1963. – 208 p.
593. Marquand D. Britain since 1918. The Strange Career of British Democracy. / D. Marquand. – L.: Phoenix, 2009. – 480 p.
594. Maxwell R. D. Tensions and Tradeoffs: Ethnic Minority Migrant Integration in Britain and France. / R. D. Maxwell. – N.Y.: University of California, Berkeley, 2008. – 426 p.
595. McIntire W. D. A Guide to the Contemporary Commonwealth. / W. D. McIntire. – N.Y.: Palgrave, 2001. – 235 p.
596. Middleton D. The Supreme Choice. Britain and Europe. / D. Middleton. – N.Y.: A. Knopf, 1963. – 303 p.
597. Milles L. A., McLaughlin Ch. H. World Politics in Transition. / L. A. Milles, Ch. H. McLaughlin. – N.Y.: Holt, 1956. – 757 p.
598. Mills D. Difficult Folk? A Political History of Social Anthropology. / D. Mills. – N.Y., Oxford: Berghahn Books, 2010. – 232 p.
599. Milward A. S. The Rise and Fall of a National Strategy. 1945-1963. / A. S. Milward. – L.: Frank Cass, 2002. – 512 p.
600. Mohanram R. Imperial White. Race, Diaspora and the British Empire. / R. Mohanram. – L., Minneapolis: University of Minnesota Press, 2007. – 212 p.
601. Moran M. Politics and Governance in the UK. / M. Moran. 2nd edition. – L.: Palgrave Macmillan, 2011. – 576 p.
602. Mowat R. C., Phil M. A. Creating the European community. / R. C. Mowat, M. A. Phil. – N.Y.: Blandford press, 1973. – 235 p.
603. Murphy P. The African Queen? Republicanism and Defensive Decolonization in British Tropical Africa, 1958-1964. // Twentieth Century British History. – 2003. – Vol. 14. – No 3. – P. 243-263.
604. New Labour in Power. Precedents and prospects. Ed. by B. Brivati and T. Bale. – L., N.Y.: Routledge, 1997. – 212 p.

605. Newman K. *Macmillan, Khrushchev and the Berlin Crisis, 1958-1960.* / Newman K. – L., N.Y.: Routledge, 2007. – 227 p.
606. Nicholas H. G. *The United States and Britain.* / H. G. Nicholas. – Chicago & L.: The University of Chicago press, 1975. – 195 p.
607. Northedge F.S. *British Foreign Policy: The Process of Readjustment 1945-1961.* – L.: Allen & Unwin, 1962. – 344 p.
608. Northedge F.S., Grieve M. J. *A Hundred Years of International Relations.* – N.Y.: Praeger Publishers, 1971. – 397 p.
609. *The Oxford Companion to Black British History.* Ed. by D. Dabydeen, J. Gilmore and C. Jones. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – 592 p.
610. Panton K.J. *Historical Dictionary of the British Empire.* – L., N.Y.: Rowman and Littlefield, 2015. – 727 p.
611. *Parliaments and Pressure Groups in Western Europe.* / Ed. by Philip Norton. – L.: Franc Cass, 1999. – 181 p.
612. Paul K. *Whitewashing Britain: Race and Citizenship in Post-War Era.* / K. Paul. – Cornell: Cornell University Press, 1997. – 288 p.
613. Pearce R. D. *The Turning Point in Africa: British Colonial Policy. 1938-1948.* / R. D. Pearce. – L.: Routledge, 1982. – 122 p.
614. Pelling H. *Churchill's Peacetime Ministry, 1951-1955.* / H. Pelling. – L.: Macmillan, 1997. – 263 p.
615. Piggs R. E., Plano J. C. *The United Nations: International Organization and World Politics.* / R. E. Piggs, J. C. Plano. – Chicago: The Dorsey Press, 1988. – 399 p.
616. Pinder J., Usherwood S. *European Union: A Very Short Introduction.* / J. Pinder, S. Usherwood. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – 224 p.
617. Pollard S. *The Development of the British Economy. 1914-1967. Second edition.* / S. Pollard. – L.: Edward Arnold LTD, 1969. – 518 p.
618. Porter B. *The Lion's Share. A Short History of British Imperialism. 1850-2004. Fourth edition.* / B. Porter. Glasgow: Longman, 2004. – 445 p.

619. Postcolonialism: Cultural Concepts in Literary and Cultural Studies. Ed. by D. Brydon. In 5 Vol. Vol. 5. – L., N.Y.: Routledge, 2001. – 292 p.
620. Powaski R. E. The Cold War. The United States and the Soviet Union. 1917 – 1991. / R. E. Powaski. – N.Y., Oxford: Oxford University Press, 1998. – 356 p.
621. Radice G. Offshore: Britain and the European Idea. / G. Radice. – L., N.Y.: I.B. Tauris and Co LTD Publishers, 1992. – 212 p.
622. Reassessing Suez 1956. New Perspectives on the Crisis and its Aftermath. Ed. by S. C. Smith. – Aldershot: Ashgate Publishing Limited, 2008. – 253 p.
623. Roberts J. M. The Penguin History of Europe. / J. M. Roberts. – L.: Penguin Books, 1997. – 723 p.
624. Robinson E. History, Heritage in Contemporary British politics: Past politics and present histories. / E. Robinson. – Manchester: Manchester University Press, 2014. – 224 p.
625. Rose R. Politics in England: Change and Persistence. 5th ed. / R. Rose. – Glenview: Scott, Foresman and Company, 1989. – 381 p.
626. Rothman S. European Society and Politics. / S. Rothman. – Indianapolis & N.Y.: The Bobbs Merrill, 1970. – 931 p.
627. Rohan S. The Western European Union: International Politics between Alliance and Integration. / S. Rohan. – N.Y.: Routledge, 2014. – 422 p.
628. Rosen A. The Transformation of the British Life. 1950-2000: a social history. / A. Rosen. – Manchester: Manchester University Press, 2004. – 192 p.
629. Rothwell V. Anthony Eden. A Political Biography, 1931-1957. / V. Rothwell. – Manchester: Manchester University Press, 1992. – 334 p.
630. Roy Willis F. France, Germany and the New Europe. 1945-1963. / Willis F. Roy. – Stanford: Stanford University Press, 1965. – 397 p.
631. Ruane K. The Rise and Fall of the European Defence Community. Anglo-American Relations and the Crisis of European Defence, 1950-1955. / K. Ruane. – L.: Palgrave Macmillan, 2000. – 252 p.

632. Sampson A. *The Changing Anatomy of Britain.* / A. Sampson. – L.: Hodder and Stoughton, 1982. – 462 p.
633. Sanders D. *Losing an Empire, Finding a Role: British foreign policy since 1945.* / D. Sanders. – L.: Macmillan, 1990. – 349 p.
634. Scardon Ph. C. *A Lesson for Our Times: How America kept Peace in the Hungary-Suez Crisis of 1956. Commemorating an Historic Turning Point in the Cold War.* / Ph. C. Scardon. – N.Y.: St Martin's Press, 2010. – 346 p.
635. Schain M. A. *The Politics of Immigration in France, Britain and the United States. A Comparative Study.* / M. A. Schain. – L.: Palgrave Macmillan, 2008. – 334 p.
636. Schaefer G. *Racial Science and British Society, 1930-1962.* / G. Schaefer. – L.: Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2008. – 244 p.
637. Schenk C. *Sterling, International Monetary Reform and Britain's Applications to Join the European Economic Community in the 1960s.* // *Contemporary European History.* – 2002. – No 11 (3) – P. 345-369.
638. *Search for Peace: A Reader in International Relations* / Ed. by D. Brook. – N.Y.: Dodd, Mead & company, 1970. – 423 p.
639. Seawright D. *The British Conservative Party and One Nation Politics.* / D. Seawright. – N.Y.: Continuum, 2010. – 206 p.
640. Seldon A., Ball S. *Conservative Century: Conservative Party since 1900.* / A. Seldon, S. Ball. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – 859 p.
641. *Shadow and Substance in British Foreign Policy, 1895-1939. Memorial Essays Honouring C. J. Lowe.* Ed. by B. J. C. McKercher and D. J. Moss. – Alberta: The University of Alberta Press, 1984. – 280 p.
642. Simnett W. E. *The British Colonial Empire.* / W. E. Simnett. – L.: George Allen and Unwin Ltd., 1949. – 172 p.
643. Sked A., Cook Ch. *Post-war Britain: A Political History.* / A. Sked, Ch. Cook. – N.Y.: Penguin Books, 1979. – 395 p.
644. Smith S. *Ending Empire in the Middle East: Britain, the United States and Post-War Decolonization, 1945-1963.* / S. Smith. – L.: Routledge, 2012. – 264 p.

645. Smyser W. R. Kennedy and the Berlin Wall: "A Hell of a Lot Better than War". / W. R. Smyser. – N.Y.: Rowman and Littlefield Publishers, INC., 2009. – 287 p.
646. Soffer R. History, Historians and Conservatism in Britain and America: From the Great War to Thatcher and Reagan. / R. Soffer. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 368 p.
647. Spanier J. Games Nations Play: Analyzing International Politics. / J. Spanier. – N.Y.: Praeger publishers, 1972. – 457 p.
648. Spencer I. R. G. British Immigration Policy since 1939: The Making of Multi-Racial Britain. / I. R. G. Spencer. – L.: Routledge, 1997. – 244 p.
649. Stockwell S. Trade, Empire, and the Fiscal Context of Imperial Business during Decolonization. // *Economic History Review*. – 2004. – No 1. – P. 142-160.
650. Stoessinger J. G. The Might of Nations: World Politics in our Time. 4th ed. / J. G. Stoessinger. – N.Y.: Random House, 1973. – 461 p.
651. Sulzberger C. L. The Last of the Giants. / C. L. Sulzberger. – L.: Weidenfeld and Nicolson, 1970. – 1056 p.
652. Thompson J. L. A Wider Patriotism: Alfred Milner and the British Empire. / J. L. Thompson. – L.: Pickering and Chatto, 2007. – 396 p.
653. Thorpe D. R. Eden, first earl of Avon, 1897-1977. / D. R. Thorpe. – Oxford: Pilmico, 2004. – 784 p.
654. Thorpe D. R. Supermac: The life of Harold Macmillan. / D. R. Thorpe. – L.: Pilmico, 2010. – 912 p.
655. Tomlinson J. The Decline of the Empire and the Economic Decline of Britain. // *Twentieth Century British History*. – 2003. – Vol. 14. – No 3. – P. 201-221.
656. The Tory World: Deep History and the Tory Theme in British Foreign Policy, 1679-2014. Ed. by J. Black. Surrey: Routledge, 2015. – 412 p.
657. Townsend H. The Devil and John Foster Dulles. / H. Townsend. – Boston: Little, Brown. 1973. – 562 p.
658. Tratt J. The Macmillan Government and Europe. A Study in the Process of Policy Development. / J. Tratt. – Basingstoke: Macmillan, 1996. – 238 p.

659. Urwin D. W. A Dictionary of European History and Politics. 1945-1995. / D. W. Urwin. – L.: Longman, 1996. – 493 p.
660. Urwin D. W. The Community of Europe. A History of European Integration since 1945. Second edition. / D. W. Urwin. – L., N.Y.: Longman, 1995. – 292 p.
661. Western Europe and Germany. The Beginnings of European Integration 1945-1960. Ed. by C. Wurm. – Oxford: Bloomsbury Academic, 1995. – 288 p.
662. Webster A. The Debate on the Rise of the British Empire. / A. Webster. – Manchester, Manchester University Press, 2006. – 353 p.
663. White B. Britain, Détente and Changing East-West Relations. / B. White. – L., N.Y.: Routledge, 1992. – 218 p.
664. White N. J. The Business and the Politics of Decolonization: The British Experience in the Twentieth century. // Economic History Review. – 2000. – No 3. – P. 544-564.
665. Williams A. UK Government and Politics. / A. Williams. – Oxford: Heinemann, 1995. – 256 p.
666. Williams Ch. Harold Macmillan. / Ch. Williams. – L.: Phoenix, 2009. – 560 p.
667. Wall S. The Official History of Britain and the European Community. Vol. II. From Rejection to Referendum, 1963-1975. / S. Wall. – N.Y.: Routledge, 2013. – 453 p.
668. Western Europe and Germany. The Beginnings of European Integration 1945-1960. Ed. by C. Wurm. – Oxford, Wash.: Berg, 1995. – 271 p.
669. Willmoore K., George W. C. Towards a Definition of “Conservatism”. // The Journal of Politics. – 1964. – Vol. 26. – No 2. – P. 406-422.
670. Young J. W. Britain and European Unity, 1945-1999. Second ed. / J. W. Young. – Basingstoke: Macmillan Press, 2000. – 272 p.